

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

На правах рукописи

Морозов Николай Александрович

**ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ:
ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ**

Специальность: 12.00.08 – уголовное право; криминология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научные консультанты:

заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор
Квашис Виталий Ефимович

заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор
Коробеев Александр Иванович

Москва – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Основные тенденции и особенности преступности в Японии XX–XXI века.....	24
§1. Общая характеристика преступности в современной Японии.....	24
§2. Сравнительный анализ преступности в Японии, России и других странах.....	54
Глава II. Трансформация преступности и криминологическая политика Японии на рубеже XXI века.....	78
§1. Преступность несовершеннолетних.....	78
§2. Геронтологическая преступность.....	101
§3. Наркопреступность в современной Японии.....	115
§4. Компьютерная преступность.....	131
§5. Организованная преступность в Японии.....	153
Глава III. Причинный комплекс преступности в Японии в XXI веке.....	208
§1. Историко-культурные и социально-психологические факторы противодействия преступности.....	214
§2. Факторы роста преступности в Японии.....	243
Глава IV. Уголовно-правовая политика в современной Японии.....	262
§1. Особенности уголовного законодательства и практики его применения.....	262
§2. Основные направления и особенности реализации уголовно-правовой политики.....	278
Глава V. Проблемы смертной казни в Японии.....	332
§1. Особенности законодательства и практика назначения смертной казни.....	332
§2. Особенности практики исполнения смертной казни.....	348
§3. Смертная казнь и общественное мнение.....	358
§4. Практика применения пожизненного лишения свободы.....	364
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	377
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	385

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Японский опыт противодействия преступности, японское право и правоприменительная практика, благодаря их уникальности, вызывают в мире все больший интерес. Между тем, в отличие от изучения истории, культуры, экономики, политики и других сфер общественной жизни, в отечественном японоведении до сих пор не уделяется достаточного внимания таким ее важным составляющим, как уголовная политика, практика эффективного противодействия преступности, общественная психология и правосознание, меняющиеся под воздействием «вестернизации» образа жизни, а также ряда других процессов, вызванных глобализацией конца XX – начала XXI века. Внимание к отдельным сторонам названной проблематики носило и носит амплитудный характер; эпизодические всплески интереса к ним зависят либо от политической конъюнктуры, либо от экономических потрясений, от еще более сильных природных катаклизмов и иных внешних причин. Наличие отдельных интересных криминологических и правовых исследований (проведенных в основном в 1970-80х гг.) не снимает проблемы, ибо их итоги не систематизированы, они не объединены общей концепцией и комплексным анализом и потому как в научном, так и в практическом плане остаются недостаточно востребованными. В результате уникальный во многих отношениях феномен стабильно низкой японской преступности, успешной уголовной политики и правоприменительной практики в отечественной правовой литературе во многих отношениях еще остается своеобразным «белым пятном»¹.

Между тем в условиях, когда турбулентное и бессистемное «реформирование» российского уголовного законодательства и практики его применения не приносит положительного эффекта, отсутствие интереса к перспективам и необходимой адаптации весьма позитивного опыта соседней страны

---

¹ См.: Коробеев А.И., Михеев Р.И. Предисловие к книге Н. А. Морозова «Преступность и борьба с ней в Японии», СПб., 2003. С. 8.

нельзя признать оправданным². Во-первых, этот опыт интересен уже потому, что Японии, как минимум дважды, в период крайне сложных социально-экономических кризисов довелось пережить бум преступности, подавить его и стабилизировать динамику преступности в долгосрочной перспективе. Во-вторых, в менталитете и психологии россиян и японцев, как это не покажется неожиданным, есть немало сходных моментов. Более глубокие причины, по мнению японоведов, состоят в угрозах взаимопроникновения транснациональной преступности, в защите интересов бизнеса в обеих странах; в Японии понимают важность приобретения в лице России соседней страны, которая отличалась бы социально-экономической стабильностью и предсказуемостью политики. В этом контексте организация эффективного противодействия преступности играет важную роль.

Исследование преступности и уголовной политики того или иного государства, ее криминологических и уголовно-правовых аспектов, связанных с особенностями его исторического, социально-экономического, политического и культурного развития, прежде всего предполагает выбор подхода к систематизации и интерпретации накопленной информации. Поиски такого подхода приводят к теоретическим достижениям в области профилирующих наук – криминологии, уголовного права, уголовной политики, социологии преступности, сравнительного правоведения и других отраслей науки, накопивших богатый материал и разработавших методологию, применимую к исследованию указанной темы.

Опора на столь обширный материал позволяет положить в основу работы в качестве одного из основных методов сравнительного криминологического и сравнительного уголовно-правового исследования, который в разработке названной проблематики в отечественной литературе не использовался.

Комплексного анализа широкого круга криминологических и уголовно-правовых аспектов проблематики преступности и уголовной политики в

---

² Как заметил видный исследователь японского права В. Н. Еремин, «сей феномен равнодушия просто трудно объяснить» (См.: Еремин В.Н. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь – Япония. М., Вып.21, 1998, С. 4).

Японии в качестве самостоятельного диссертационного исследования еще не проводилось, а их еще недостаточная разработка свидетельствует об актуальности темы представленной диссертации.

Степень научной разработанности темы. Применительно к правовым и особенно к криминологическим аспектам темы невозможно переоценить вклад в решение методологических проблем, внесенный трудами Г. А. Аванесова, А. И. Алексеева, М. М. Бабаева, Я. И. Гилинского, Ю. В. Голика, А. И. Долговой, А. Э. Жалинского, И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, В. Е. Квашиса, М.П. Клейменова, А.И. Коробеева, В. В. Лунеева, В. А. Номоконова, Э. Ф. Побегайло, И. М. Рагимова, А.М. Яковлева.

Теоретической базой для уголовно-правового анализа послужили фундаментальные труды С. В. Бородина, А. Э. Жалинского, М. Н.Гернета, Ю. В. Голика, П. С. Дагеля, В.Н. Еремина, В. Н. Кудрявцева, А. И. Коробеева, Н. А. Лопашенко, А. В. Наумова, А. А. Пионтковского, Ю. Е. Пудовочкина, а также труды видных японских правоведов К. Вати, Е. Койдзуми, Х. Ито, Ц. Инако, К. Миядзавы, И. Маэно, М. Моримото, К. Накаямы. Х. Ода, К. Ооцуки, Ё. Сугиямы, Н. Сато, С. Сугивары, К. Токоро, К. Хосино, К.Ямомото, К. Ясухино и других ученых.

Большой вклад в разработку смежных и специальных проблем криминологии, уголовного права и сравнительного уголовного права внесли труды О. Н. Ведерниковой, С. М. Иншакова, В. Е. Квашиса, Н. Е. Крыловой, И. М. Клейменова, М. П. Клейменова, Л. В. Кондратюка, А. Л. Репецкой, В. С. Овчинского, А. В. Серебренниковой, В.И.Селиверстова, А.В. Федорова, Ч. Беккария, И. Бентама, Ф. Листа, Г. Тарда, Э.Ферри, М. Ансея, Т.Селлина, Р. Давида, К. Жеффре –Спинози, Н. Кристи, М. Фуко, Р. Худа.

Разработке отдельных аспектов проблемы преступности и уголовной политики Японии посвящены исследования Ю.Н. Аргуновой, О.А. Белявской, В. Н. Еремина, А. М.Иванова, В. Е. Квашиса, В. В. Лунеева, А. И. Коробеева, А.Г. Корчагина, Р. И. Михеева, В. А. Номоконова, И. Б. Тё, К.Уэды, К. Хамаи, А. Дубро, Д. Каплан, А. Кестлера, В. Рамзеса, А.Ранкина,

П. Шмидт и др. авторов. При этом большая часть трудов российских ученых посвящена главным образом либо исключительно организованной преступности, либо общей характеристике уголовного права Японии. При всей ценности и несомненных достоинствах этих работ большая часть из них базируется на материале 1970-80х гг., и потому во многом носит ретроспективный характер и не отражает масштабных содержательных изменений в динамике и структуре современной преступности, в уголовном законодательстве и правоприменительной практике. А другие исследования - в силу специализации объекта анализа - не могли составить комплексную картину явления. В значительной степени этот пробел восполнили более поздние исследования С.М. Иншакова, В.Е. Квашиса и А.И. Коробеева. Определенную лепту в решение этой проблемы старался внести и автор – своими научными исследованиями в Японии (под руководством профессора университета «Кейо» Ё. Синдзи и профессора Токийского государственного университета А. Коморида), диссертационными исследованиями в докторантуре МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Н.Ф. Кузнецовой, многолетней самостоятельной научной работой в Юридической школе ДВФУ - в Центре сравнительного правоведения и мониторинга законодательства России и стран АТР, Лаборатории по изучению проблем противодействия терроризму и экстремизму в России и странах АТР, Межрегиональном институте общественных наук, а также в Центре стратегических исследований МГУ.

Между тем за рамками научного анализа еще остается значительная часть проблем эволюции современной преступности, качественных трансформаций ее основных составляющих, особенностей её причинного комплекса, развития уголовной политики Японии в условиях глобализации, реализации её основных направлений, предметного анализа различных аспектов правоприменительной практики. До настоящего времени указанные направления анализа не были объединены в рамках специального диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования являются основные тенденции и особенности преступности в современной Японии, ее криминологическая и уголовно-правовая политика и правоприменительная практика в условиях глобализации, организация противодействия преступности и ее эффективность.

Предметом исследования выступают данные уголовной статистики Японии, результаты научных изысканий в области криминологической и уголовно-правовой политики современной Японии, законодательство в сфере борьбы с преступностью и практика его применения.

Цель диссертационного исследования - комплексный анализ японского опыта организации противодействия преступности и контроля над ней для подготовки научно обоснованных предложений и рекомендаций по его использованию в процессе совершенствования общей стратегии борьбы с преступностью в России, реформирования уголовного законодательства и повышения эффективности правоприменительной деятельности.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**, решение которых составило содержание настоящей работы:

- провести анализ национальной и международной статистики и социологической информации и представить общую характеристику преступности в Японии за период 1990 - 2015 гг., показать основные тенденции в ее эволюции;
- выполнить сравнительное исследование основных показателей и тенденций развития преступности в Японии и в других развитых странах (США, Германии, Франции, Великобритании и России) за 1990-2014 гг.;
- определить характер и содержание качественной трансформации основных составляющих преступности, отражающей специфику развития криминальной ситуации в Японии (преступность несовершеннолетних; геронтологическая преступность; наркопреступность, компьютерная преступность; организованные преступные сообщества);

- провести криминологический и социологический анализ особенностей развития феномена организованной преступности в Японии и ее взаимодействия с транснациональной преступностью;
- выявить основные особенности причинного комплекса преступности, специфику факторов, противодействующих и способствующих преступности, особенности их формирования, взаимодействия и влияния на криминальную ситуацию на разных этапах развития японского общества;
- показать психологические особенности формирования и состояния массового сознания и его отношения к преступлению и преступнику;
- представить концептуальную основу уголовно-правовой политики Японии, дать общую характеристику уголовного законодательства и практики его применения;
- показать основные направления и особенности реализации уголовно-правовой политики в современной Японии, организацию, функции и эффективность системы уголовной юстиции, выделив специфику деятельности полиции, судебных органов, пенитенциарных учреждений и других органов социальной защиты;
- проанализировать особенности и основные тенденции в практике назначения различных мер наказания;
- выявить в качестве самостоятельной проблемы специфику основных черт японского законодательства, тенденций в практике применения и исполнения смертной казни;
- дать характеристику состояния общественного правосознания, отношения общественного мнения к смертной казни и перспективам ее применения в Японии и в России.

Методология и методика исследования. Методологической основой исследования явились фундаментальные положения отечественной и зарубежной криминологии, российского и японского уголовного права, требования научного анализа, методологические принципы юридических и социальных наук. В исследовании соблюдались также методологические принципы

и технология комплексного междисциплинарного анализа, что в целом способствовало обеспечению достоверности и надежности результатов научного поиска.

Общеметодологическую основу настоящего исследования составили также базовые положения диалектического метода познания, использование общенаучных и частнонаучных методов познания социально-правовой действительности, позволяющие в системном виде показать основные направления и особенности теории и практики, а также качественные изменения в процессе развития исследуемых явлений. При анализе тенденций развития преступности, её основных составляющих и их качественных трансформаций на разных этапах развития японского общества, причин и факторов преступности, криминологической и уголовно-правовой политики, законодательства и различных аспектов практики его применения, состояния общественного правосознания и т. д. комплексно применялись системно-структурный, исторический, формально-логический сравнительные (правовые и криминологические) методы, математико-статистические (анализ динамических рядов, группировки, ранжирование, выявление корреляционных связей, расчеты вероятности вынесения и исполнения приговора за наиболее опасные преступления), конкретно-социологические методы (анкетирование, опросы), метод «включенного наблюдения» (в ходе четырехлетней научной стажировки и исследований на юридических факультетах университета «Кейо» и Токийского университета), контент-анализ официальных документов, в том числе решений Верховного Суда Японии, апелляционных судов, Верховного Трибунала, материалов японской и зарубежной периодической печати), психологического анализа, криминологической типологии, что позволило исследовать рассматриваемые проблемы во взаимосвязях и взаимозависимостях, а также в их целостности.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные труды и результаты исследований отечественных, японских и других зарубежных ученых в области криминологии, уголовного и

уголовно-процессуального права, социологии, сравнительного правоведения, социальной психологии, политологии, культурологии, философии и истории Японии и других стран.

Нормативно-правовая база исследования представлена Конституцией Российской Федерации, Уголовным кодексом РФ, Уголовно-процессуальным кодексом РФ, Конституцией Японии, Уголовным кодексом Японии, специальным уголовным и иным отраслевым законодательством, международно-правовыми документами, нормативно-правовыми актами (законами), принятыми Парламентом и Кабинетом Министров Японии, а также постановлениями Верховного Суда Японии (Judgment of the Supreme Court//Кэйсю), решениями апелляционных судов (Judgment of Appellate Court// Ко:Кейсю) и Верховного Трибунала Японии (Judgment of the Supreme Tribunal//Кэйроку).

Эмпирическая база исследования сформирована с учетом объекта и предмета исследования, а также почти 20-летней разработки темы. Она включает в себя: публикуемые Министерством юстиции Японии ежегодные статистические данные Верховного Суда, Прокуратуры, Главного управления полиции, Бюро тюрем и других органов о состоянии преступности и различных аспектах правоприменительной практики («Белая книга преступности» (White Paper on Crime – Хандзай хакусё) за 1990–2014 гг.; ежегодные статистические отчеты и обзоры Главного управления полиции Японии о состоянии и практике противодействия преступности за 1987–2014 гг. («Белая книга полиции» – White Paper on Police – Кэйсацу хакусё) и «Полиция Японии» – (Police of Japan); статистические ежегодники юстиции («Сихо токэй нэнкан»); ежегодники уголовной статистики («Кэйдзи токэй нэнкан»); статистические ежегодники Японии («Нихон токэй нэнкан»); результаты опросов общественного мнения, проведенных Канцелярией Кабинета министров, общественными организациями и средствами массовой информации, а также материалы правозащитных и других общественных организаций по вопросам противодействия преступности и применения различных мер ответственности и наказания; статистические данные ФКУ «Главный информационно-

аналитический центр МВД России» о состоянии преступности, лицах, совершивших преступления, и потерпевших от преступлений с 1996 по 2014 г.; Судебного Департамента при Верховном Суде РФ и ФСИН РФ; материалы Всероссийской переписи населения, а также специальной переписи осужденных; отчеты Фонда «Общественное мнение» об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел РФ; статистическая информация о преступности в других зарубежных странах, публикуемая ООН, Евростатом и Интерполом, обзоры и специальные исследования, проведенные ООН и другими международными и научными организациями, посвященные практике борьбы с различными видами преступлений, международные сравнительные исследования виктимизации; результаты криминологических, правовых и социологических исследований отечественных, японских и других зарубежных авторов; разнообразные научные и литературные материалы по истории, психологии, культуре и другим аспектам японской общественной жизни, а также материалы периодической японской и зарубежной печати.

В диссертации представлены также результаты четырех эмпирических исследований, проведенных автором в Японии, предметом которых являлись изучение общественного мнения населения и практических работников правоохранительных органов относительно критериев общественной опасности двадцати видов правонарушений и целесообразных мер наказания, а также их соответствия уголовному закону и судебной практике; сравнительное исследование преступности в Японии и в других зарубежных странах; исследование уровня доверия к правоохранительным органам; трансформации общественного сознания японцев в отношении к преступности и преступникам.

Научная новизна исследования. Диссертация является одним из первых комплексных монографических исследований, посвященных ранее не изученным проблемам криминологической и уголовно-правовой политики противодействия преступности и правоприменительной практике в современной Японии.

Новизной отличается ряд конкретных положений работы: авторская интерпретация основных тенденций развития преступности, её диагностических и перспективных прогностических оценок; развернутая характеристика качественных трансформаций основных составляющих современной преступности, причем некоторые из них – геронтологическая преступность, наркопреступность, компьютерная преступность и др. анализируются впервые; отличительные черты этиологической системы преступности в Японии; особенности формирования и развития массовой психологии и общественного правосознания; характеристика основных направлений реализации уголовно-правовой политики (деятельность полиции, судебных органов и пенитенциарных учреждений); анализ особенностей и тенденций судебной практики по применению мер ответственности и наказания за различные преступления; впервые проведенное сравнительное криминологическое исследование основных показателей преступности и эффективности правоприменительной практики в Японии и России, а также в других развитых странах; специфика осуществления назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы, или смертной казни; состояние общественного мнения относительно практики применения наказания за наиболее опасные преступления.

В диссертации широко используется зарубежная криминологическая и правовая литература – свыше 250 источников на японском и английском языках, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот.

Научную новизну исследования отражают следующие основные положения, выносимые на защиту.

1. Преступность в Японии – исключительный криминологический феномен, кардинально отличающийся в своем формировании и развитии от процесса эволюционирования преступности в других странах мира. Своеобразие этого феномена выражается, прежде всего, в стабильно низком уровне преступности, что связано с особым укладом жизни японского общества – гармоничным сочетанием самобытности с инновациями «западной» культу-

ры, преемственностью законотворчества, согласованностью демократических и социальных форм контроля над преступностью и в большей степени – с доминирующей ролью исторически устоявшихся социально-психологических факторов, скрепляющих социум, при этом не тормозящих развитие. Все это, определяет эффективность системы противодействия преступности, которая совершенствуется в условиях политико-экономической стабильности как основной тенденции развития страны.

Хронология пиковых показателей преступности указывает на определенную цикличность ее неблагоприятных изменений на разных этапах экономического и социального развития японского общества.

2. Преступность в Японии в XXI в. последовательно снижается, что особенно заметно в сфере насильственной преступности. Причины позитивных изменений криминальной ситуации и заметного спада насилия носят многофакторный характер; среди них все более заметное место занимают возросшая эффективность деятельности правоохранительных органов, а также активизация усилий государства и общества по реализации всего комплекса профилактических мер. На снижение насильственной виктимизации и «компенсирующий» её рост имущественных преступлений существенное влияние оказывают и заметные изменения демографической ситуации, которые, на фоне тенденции быстрого старения населения, приводят к снижению криминальной активности в более молодых когортах и росту преступности (главным образом – краж) в наименее защищенных старших возрастных группах.

3. Специфика криминологического феномена Японии состоит также в том, что в его формировании определяющую роль играла редкая по своеобразию совокупность позитивных факторов, противодействующих, а не способствующих, как в других странах, развитию криминальных процессов. Именно позитивные факторы явились детерминантами формирования специфических тенденций, характера и структуры преступности, определили смысл, направленность и эффективность уголовной политики и правоприменительной практики. Что касается негативных факторов, то на разных этапах

модернизации страны под их влиянием заметно слабели критерии и идеалы традиционного для японцев правопослушного поведения, менялась нравственная атмосфера, формировалась субкультура, противоречащая традиционным устоям и общепринятым нормам. Все это наряду с формированием молодежной субкультуры, иной системой ценностных ориентаций, игнорирующей традиционные поведенческие стереотипы и правовые запреты, приводило (и приводит) к новым криминогенным противоречиям, стоящим на пути развития общества.

4. Эффективная реализация комплекса мер по снижению преступности не означает решения всех проблем и отсутствия новых угроз со стороны криминального мира. Исследование показало, что перспективы развития криминальной ситуации в Японии следует связывать не столько с количественными, сколько с её качественными изменениями. Ибо при доминирующей тенденции к снижению преступности её качественные трансформации в ряде отношений еще развиваются в неблагоприятном направлении. К числу таких вызовов следует отнести турбулентные изменения в характере и интенсивности молодежной преступности; негативная динамика геронтологической преступности; изменения в характере и структуре наркопреступности; качественные трансформации преступности в сфере высоких технологий; изменения в тактике и характере криминальной активности организованных преступных сообществ.

5. Исследование процессов развития преступности в Японии позволило сделать выводы о долговременных и более благоприятных в целом изменениях и тенденциях по сравнению с положением дел в других странах. Сравнительный анализ ситуации в Японии и в пяти других наиболее развитых странах показал, что даже в неблагоприятные периоды основные индикаторы и характеристики преступности в Японии всегда выгодно отличались (и отличаются) от соответствующих показателей в других странах (по уровню,

динамике и структуре преступности, по ее раскрываемости, латентности³, масштабам применения лишения свободы, числу заключенных и т.д.). В связи с этим суждения о том, что под воздействием интеграционных процессов происходит бесспорное выравнивание уровня преступности в разных странах, ее количественных и качественных показателей, либо о том, что динамика этих показателей однозначно идет лишь в неблагоприятном направлении, представляются упрощенными. Подобные суждения, как показало исследование, не согласуются с реальным положением дел в Японии и других странах.

6. Несмотря на все более заметные позитивные тенденции в динамике и структуре преступности в массовом сознании по-прежнему сохраняется значительный разрыв между реалиями преступности и ощущениями недостаточной защищенности и безопасности, во многом обусловленный негативным влиянием средств массовой информации на психологию людей и их оценку ситуации. Отсюда рост ригоризма в общественном сознании, требования ужесточения мер наказания, что особенно заметно проявляется в стабильно высоком уровне поддержки смертной казни.

Взаимодействие негативных факторов и явлений отрицательно влияет на массовое правосознание, на его восприятие и оценку противоправного поведения, а также на отношение к преступнику. Проведенное автором специальное исследование меняющегося в последние два десятилетия отношения японцев к преступлению и преступнику позволило сделать выводы о том, что, хотя в массовом сознании преступления и противоправное поведение, как и прежде, порицаются, – японское общество стало более толерантно относиться к негативным поступкам подростков и молодежи, все чаще воспитывающихся не на догматах традиционной семьи, уважении к старшим, послушании и скромности, а на образцах более «свободной», «западной» жиз-

---

³ Исследование подтвердило особую актуальность проблематики латентности для анализа преступности в России, где оценка деятельности полиции, соотносимая лишь с данными о зарегистрированной преступности, не будет отражать реального положения вещей.

ни. В основе бытующих представлений о преступлениях и преступниках лежат не только ценностные ориентиры, но и явно недостаточная осведомленность о преступности, преступниках и практике применения мер наказания. Вместе с тем общество стало более требовательным к таким факторам социализации и цивилизованности, как образование, отношения с окружающими, профессиональные навыки, служебная карьера и т.п.

7. Исследование феномена организованной преступности показало многоплановую специфику его формирования и функционирования, редкое по интенсивности влияние на японское общество, массовую психологию, экономику, власть и бизнес, характерные трансформации на разных этапах развития, место в системе транснациональной организованной преступности, перспективы развития этого явления в современной Японии.

Основными направлениями активизации борьбы с организованной преступностью являются: прямое наступление на деятельность ОПГ и изоляция их членов путем масштабных арестов и наказания; ограничение источников доходов ОПГ путем полицейской защиты бизнеса от рэкета, усиления контроля за оборотом наркотиков, проституцией и т.п.; использование антимафиозного законодательства с целью пресечения криминальной активности организованных формирований, конфискация преступных доходов и огнестрельного оружия; социальная кампания поддержки полиции местными общинами с целью защиты населения и бизнеса от влияния криминальных группировок.

8. Решительное наступление на организованную преступность, активно тормозящую экономическое и политическое развитие страны; ужесточение законодательства, невиданная ранее жесткость предпринятых в 2000-х гг. мер по защите людей и бизнеса – застали врасплох верхушку криминальных кланов. Не сумев своевременно приспособиться к новым экономическим и политическим реалиям, и, впервые встретив столь мощное противодействие, организованная преступность стала все заметнее терять свою былую мощь. Она еще сохраняет доходы от традиционного криминального промысла, но

прежнее господство в обществе утрачивает, становясь лишь одним из многих участников в борьбе за доходы и влияние. Усилиями властей и полиции, все шире вовлекающей в это противостояние население, она последовательно вытесняется на обочину общественной жизни.

По мере роста защищенности людей и бизнеса психологическая атмосфера вокруг нее, основанная на страхе и вынужденном сотрудничестве, постепенно меняется; положение не спасают разные формы мимикрии и легализации бизнеса, ибо социальная почва для развития и былого процветания организованной преступности все больше уходит; она вытесняется из социальных проектов и даже из вековой монополии в строительстве и портовых работах. Эффективное противодействие организованной преступности ведет к тому, что ее роль в жизни японского общества будет и дальше минимизироваться, а привычные представления об этом явлении, еще сохраняющиеся в общественном сознании, постепенно будут уходить в разряд атрибутов прежнего уклада жизни – наряду с другими ритуальными институтами и артефактами.

9. Эффективное воздействие на преступность одновременно является и результатом, и одним из краеугольных камней социального согласия, экономического процветания и политической стабильности японского общества. **Исследование раскрывает универсальный характер принципов уголовной политики Японии: экономии уголовной репрессии (ограничение возможностей ее применения); бессмысленности сверхкриминализации деяний, ужесточения уголовных санкций; эффективности системы профилактики; вовлечение широких слоев населения в воспитательно-принудительную работу.**

В организации противодействия преступности в Японии решающую роль играют не меры репрессивного характера, а профилактика, соответствие системы мер правового и неформального социального контроля уровню социально-экономического развития и правосознания общества, его психологическим установкам, ценностным ориентациям и поведенческим

стереотипам, определяющим, в конечном итоге, качество жизни, что неизменно формирует определенное соответствие между мерами правового и неформального социального контроля, поднимает уровень социально-экономического развития общества, трансформирует общественное сознание.

В итоге, делегируемые обществу правовые полномочия вызывают репрезентативность мышления, поведения, создают особые психологические и поведенческие установки – стереотипы, позволяющие качественно изменить жизнь страны. Исповедуя в правоприменительной практике конфуцианский постулат о снисхождении к преступнику, японская практика применения наказаний ориентирована на стандарт применения нижних пределов санкций и, как следствие, является более либеральной. Японский либерализм, крепко стоящий на конфуцианских постулатах, обеспечивает гуманность уголовно-правовых санкций.

10. Сложившуюся практику применения мер ответственности и наказания в Японии не следует, однако, оценивать как «излишне либеральную»; эта практика, помимо сказанного, основана на рациональном расходовании уголовной репрессии за счет применения всего комплекса профилактических мер, которыми располагает общество и которые все активнее используются за пределами системы уголовной юстиции: **широкий диапазон судейского усмотрения; экономия назначения меры пресечения в виде ареста; превалирование видов уголовного наказания, не связанных с лишением свободы, в первую очередь штрафов; использование отсрочки исполнения приговора (55%) и условно-досрочного освобождения (51%).**

Однако, оценка правоприменительной практики Японии как «излишне либеральной» ошибочна – противоречит тенденциям ее развития. **Отличительной характеристикой уголовной политики Японии является своевременное адекватное реагирование правоприменительной практики на изменения криминогенной ситуации. Так, данные уголовной статистики за последние 15 лет указывают на то, что, несмотря на позитивные изменения**

в общей динамике преступности и снижение общего числа осужденных, в структуре назначенных наказаний удельный вес лишения свободы за эти годы вырос в 2,5 раза (с 5,8% до 14,6%); соответственно, за счет роста лишения свободы заметно снижается доля наказаний в виде штрафов (с 94 до 85%). Это одновременно свидетельствует и о качественных изменениях преступности, и об ужесточении судебной практики (особенно по делам о наиболее опасных преступлениях).

11. По ходу всего исследования ситуация в Японии сравнивалась с соответствующими показателями в России. Отметим, что к 2013 г. доля ареста среди других мер пресечения в Японии составляла – 14%, в России – свыше 30% (причем, выбор этой меры имеет явную тенденцию к росту); в структуре наказаний доля штрафа в Японии – 89 %, в России – 14 %; доля наказаний в виде лишения свободы в Японии – 14%, в России – 32%; число заключенных на 100 тыс. населения в Японии – 51, в России – 615.

Изложенное дает основание сформулировать общий вывод о том, что правоприменительная практика адекватно реагирует на изменения криминальной ситуации, позволяет концентрировать усилия на наиболее серьезных преступлениях, снижает риски излишней стигматизации правонарушителей, способствует укреплению правовой основы общества и, в конечном итоге, повышает доверие людей к органам правосудия.

12. Ощутимого всплеска преступности в Японии, по крайней мере, в ближайшие годы, ожидать не следует. Этот сдержанный, но в целом оптимистический прогноз базируется не столько на многолетних наблюдениях и даже не на экстраполяции продолжительных позитивных тенденций, сколько на стабильности стратегического курса криминологической и уголовно-правовой политики и на его последовательной реализации. Не случайно, только японцы выражают уверенность в том, что в перспективе им удастся создать общество, свободное от преступности, что именно в этой стране избавление от преступности становится идеей, объединяющей нацию. Такова глобальная цель японской стратегии воздействия на преступность. Все ска-

занное об эффективности японской системы противодействия преступности не означает её идеализации, ибо даже в такой благополучной стране процесс противостояния преступности идет непросто; однако это не снижает целесообразности использования Россией зарубежного опыта и, в частности, осмысления опыта, накопленного японской правоприменительной практикой.

13. Проведенное исследование и многолетние наблюдения подтвердили обоснованность ранее сделанных выводов о том, что представления об эффективности смертной казни носят мифологический характер. Что с точки зрения общей превенции институт «высшей меры» не имеет значимости, ибо ни ее применение, ни ее отмена не оказывают какого-либо статистически заметного воздействия на состояние и динамику особо тяжких преступлений. В XXI в. тенденция к снижению числа смертных приговоров и приведения казней в исполнение привела к тому, что применение этой меры наказания в Японии носит единичный и скорее символически архаический характер. Нивелирование высшей меры наказания привело к абсолютному снижению числа смертных приговоров, в действительности являющихся все более символическими, но никак не повлияло на динамику тяжких преступлений.

Исследование подтвердило также и значимость ряда субъективных факторов восприятия, влияющих на общественное мнение по отношению к смертной казни. Так, эмоциональность категоричность установок, искаженность правовых представлений людей – факторы универсальные, независящие от особенностей культурного развития страны, правовой системы и механизмов правосудия. Так и в Японии несмотря на завесу секретности, окружающую все, что связано с приведением смертных приговоров в исполнение, уровень поддержки этой меры общественным мнением на протяжении многих лет остается стабильно высоким. Все это необходимо учитывать при оценке результатов социологических исследований такого динамичного объекта как общественное мнение.

Теоретическая значимость исследования. Содержащиеся в диссертации основные положения и выводы служат определенным вкладом в разра-

ботку общетеоретических основ криминологической и уголовно-правовой науки, в частности разделов, посвященных тенденциям современной преступности, причинам и взаимодействию позитивных и негативных факторов преступности, формированию массовой психологии и правосознания, оптимизации уголовной политики, законодательства и правоприменительной практики, перспективам сравнительных криминологических исследований.

Практическая значимость исследования. Содержащиеся в диссертации положения, выводы и рекомендации могут быть использованы в практической деятельности федеральных и региональных органов государственной власти России по совершенствованию уголовной политики, уголовного законодательства и правоприменительной практики полиции, судебных органов и пенитенциарных учреждений, а также при разработке соответствующих социальных программ по активизации мер борьбы с правонарушениями, преступностью и минимизации их последствий.

Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе российских учреждениях высшего юридического образования, в том числе по курсам криминологии, уголовного права и сравнительного правоведения, а также в учебно-методической литературе для правоохранительных органов.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические выводы и положения диссертационного исследования обсуждались и были одобрены на заседаниях кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, а также на кафедре уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, в научных дискуссиях на международных конференциях в США, Великобритании, Польше, Венгрии, Германии, а также в ходе длительных научных стажировок автора в Японии в 1997–2000, 2005, 2008, 2012 и 2015 гг.

Положения и выводы диссертации докладывались соискателем на научной конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики в условиях становления в России правового государства» (Владивосток, 1997 г.); на международной конференции «Российско-японские сравнительно-правовые иссле-

дования» (Токио, 1997 г.); на международной научно-практической конференции «Социально-экономические и политические процессы в странах АТР» (Владивосток, 1997 г.); на научно-практической конференции «Идеологическая концепция уголовного законодательства» (Хабаровск, 1998 г.); на научной конференции «Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков» (Владивосток, 1998 г.); на межрегиональной научно-практической конференции «Юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина: региональные проблемы» (Хабаровск, 1998 г.); на международной научно-практической конференции «Россияне в АТР. Сотрудничество на рубеже веков» (Владивосток, 1999 г.); на региональной научной конференции «Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики» (Красноярск, 1999 г.); на международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (Хабаровск, 2001 г.); на II-й международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире» (Тамбов, 2005 г.); на конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Молодые юристы – науке и практике» (Владивосток, 2005 г.); на международной научной конференции «Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе» (Владивосток, 2005 г.); на международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: правоотношения и юридическая ответственность» (Тольятти, 2006 г.); на всероссийской научно-практической конференции «Современное состояние и тенденции российского законодательства в условиях преемственности государственно-правового развития России» (Саратов, 2008 г.); на VI-й международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире» (Тамбов, 2009 г.); на международной научно-практической конференции «Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения» (Владивосток, 2009 г.); на международном теоретическом семинаре «Незаконная международная миграция как

угроза всеобщей стабильности и безопасности государств в XXI веке: правовое обеспечение сотрудничества России и приграничных стран» (Владивосток, 2009 г.); на международной научно-практической конференции «Терроризм и экстремизм в России и странах АТР: проблемы правового регулирования и противодействия» (Владивосток, 2010 г.); на VII Российском конгрессе уголовного права «Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели» (Москва, 2012 г.); на международной научно-практической конференции «Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики РФ на основе использования опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона как стратегический приоритет развития российской уголовной политики» (Владивосток, 2013 г.); на XII международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI в.» (Москва, 2015 г.); на XXVIII международной Балтийской криминологической конференции (Санкт-Петербург, 2015 г.).

Материалы исследования внедрены в научно-исследовательскую деятельность, в т.ч. в рамках участия автора в инновационных научно-образовательных проектах «Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики РФ на основе использования опыта стран АТР как стратегический приоритет развития российской уголовной политики» (2012–2014 гг.); «Тенденции развития российского и зарубежного законодательства: формирование нового качества безопасности и сотрудничества России и стран АТР в XXI веке» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013 гг.). Материалы диссертационного исследования использовались автором в учебном процессе при чтении лекций и проведении практических занятий по уголовному праву и криминологии, при разработке и чтении пяти самостоятельных тематических спецкурсов в Юридической школе ДВФУ, а также в работе по переводу и представлению российской юридической общественности уголовного законодательства Японии, в т.ч. в рамках подготовки к изданию в России Уголовного кодекса Японии (2002 г.). Практические рекомендации по применению японского опыта

борьбы с преступностью представлены российским правоохранительным органам, в т.ч. во время работы автора в Научно-консультативном совете при Генеральной прокуратуре РФ, Общественном Совете при УВД ПК, рабочей группе Государственной Думы РФ.

Основные положения диссертации опубликованы в 6 монографиях, курсе лекций и научных статьях, подготовленных автором. Всего по теме диссертации автором опубликовано 66 печатных работ общим объемом около 80 печатных листов.

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Она состоит из введения, пяти глав, включающих пятнадцать параграфов, заключения и библиографического списка.

Глава I. **ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ В ЯПОНИИ XX–XXI ВЕКА**

§1. Общая характеристика преступности в современной Японии

Основным источником получения статистической информации о преступности в Японии являются «Белая книга о преступности», ежегодно публикуемая японским правительством, и «Белая книга полиции», системно отражающая статистические показатели деятельности полиции, прокуратуры, судебных органов, пенитенциарных учреждений. Целью настоящей работы является глубокий, детальный, самостоятельный анализ преступности и правоприменительной практики в Японии, опирающийся на дополнительные сведения ежегодных отчетов государственных органов Японии, обобщения ООН, результаты ранее выполненных специальных исследований ученых.

Применение комплексного подхода в изучении данного вопроса дает возможность наиболее полно и достоверно отобразить статистические наблюдения в период с 1980 по 2015 гг., а также рассмотреть все процессы (социальные, политические, экономические, историко-культурные), оказывающие влияние не только на развитие общественной жизни Японии, но и по-новому конструирующие специфику ее уголовной политики. При этом основное внимание уделяется исследованию криминологического феномена, который сложился в практике борьбы с преступностью за последние четверть века, начиная с 1991 г., ибо именно с 1990-х гг. XX в. в стране начались наиболее ощутимые изменения в динамике, характере и в структуре преступности⁴.

Как уже отмечалось в предшествующих исследованиях, в нарастающей в 1980–1990 гг. преступности происходили существенные изменения: снижение значительными темпами числа наиболее опасных преступлений, убийств,

---

⁴ Предыдущий период развития криминальной ситуации в Японии рассмотрен в работах Ю.Н. Аргуновой, О.А. Белявской, В.Н. Еремина, С. М. Иншакова, В.Е. Квашица, К. Уэда, А. И. Коробеева, В.В. Лунеева, Н.А. Морозова и других авторов.

изнасилований, и одновременно рост числа краж и грабежей⁵. На подобную закономерность развития преступности более 100 лет назад указывал знаменитый французский криминолог Габриэль де Тард: «Уменьшение числа наиболее опасных преступлений открывает дверь главным образом преступлениям против собственности»⁶. В этом плане структурные изменения преступности в Японии не составляли исключения.

Уже к началу 1970-х гг. серьезные экономические и социальные изменения преобразили страну. Высокие темпы экономического развития вывели Японию на третье место в мире по ВВП; резко ускорился процесс оттока населения из сельской местности и его концентрации в городах; в те же годы происходили изменения в образе жизни и сознании людей, которые стали считать западную культуру и потребительские стандарты неперемненными атрибутами достойного образа жизни. Японское общество приблизилось к новому этапу своего развития, на котором изменился не только облик национальной экономики, но и криминальная ситуация. И хотя особо резких количественных изменений преступности в этот период не было, весьма заметные подвижки происходили в территориальном распределении криминальной активности. Преступность проявила очевидную склонность концентрироваться в зоне и вокруг зоны передового промышленного производства с шестью крупнейшими префектурами страны в качестве ядра. В то же время в сельских районах, откуда происходил отток рабочей силы в индустриальную зону, наблюдалось стремительное сокращение преступности. Это давало основание говорить о несомненной связи между демографическими процессами и криминогенными явлениями. В городах, куда перемещалась в поисках работы молодежь, заметно росло число краж (они в большинстве случаев совершаются представителями именно этой возрастной категории), а из-за быстрого роста краж росла и преступность в целом. В то же время в сельских рай-

---

⁵ Shikita, M., Tshiya, S. Crime and Criminal Policy in Japan from 1926 to 1988. Analysis and Evaluation of the Showa Era. – Tokyo, 1992. – P. 355.

⁶ Тард, Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность и толпа. – М., 2004. – С. 250.

онах, поставлявших трудовые ресурсы, отмечался заметный спад преступности.

В середине 1970-х гг. социальные противоречия вызванные высокими темпами экономического роста становились все более заметными. Сильным ударом для Японии явился экономический кризис, который вызвал длительную депрессию, темпы развития экономики замедлились, начался постепенный количественный рост преступности, обостренный значительным приростом автотранспортных преступлений и другими негативными изменениями структурного характера, которые более резко заявили о себе к началу 1980-х гг. Как отмечал В.Н. Еремин, это, видимо, и была «социальная плата за непростой переход к умеренным темпам экономического развития и за высокое напряжение (может быть, правильнее сказать – за перенапряжение) всех сил общества, мобилизованных во имя создания экономической основы национального благосостояния и обеспечения самостоятельности государства в решении международных проблем. Ну а низкие скорости роста преступности объяснялись и тем, что лидеры страны добивались, насколько это им удавалось, смягчения ложившегося на массы бремени, и тем, что совершенствовалась уголовная политика, проводимая набиравшимися опыта государственными службами»⁷.

Пока страна шла по пути высоких темпов развития экономики, рост преступности, помимо всего прочего, тормозился за счет специфики японской культуры, менталитета и других особенностей японского общества в целом. Когда же темпы экономического роста упали, традиционные меры борьбы с правонарушениями уже не срабатывали: начался заметный рост преступности, причем не только краж и присвоений чужой собственности, но и поджогов, ограблений финансовых учреждений, мошенничества, похищений людей, преступлений, связанных с наркотиками и организованной преступностью. Среди причин этих явлений в «Белой книге о преступности» за 1980 г.

---

⁷ Еремин В. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь – Япония. – М., 1998. – Вып. 21. – С. 71.

указывались «снижение моральных установок, гедонистские ориентации, резкий крен в сторону денежного выражения ценностей». К тому же, к середине 1980-х гг. Япония оказалась мировым лидером по количеству потребляемого алкоголя на душу населения, причем половину пьющих составляли женщины; соответственно, среди них возросла и преступность. Такого рода тревожные симптомы свидетельствовали о негативных процессах, происходящих в недрах японской культуры и грозили стать импульсами для ухудшения криминальной ситуации в стране.

Тем не менее, с 1980 г. и до начала 1990-х гг. статистика фиксировала относительно небольшой прирост преступности, который в значительной степени объяснялся ростом автотранспортных преступлений (они составляли 25% всей преступности) и был связан с быстрым ростом автомобильного парка. Не случайно среди нарушений «специальных» законов 92,5% составляли нарушения Закона о дорожно-транспортном движении. Во всяком случае, коэффициент преступности в стране за 11 лет (1981–1991 гг.) вырос не столь значительно – с 1 241 до 1 376. Отсутствие резких скачков в динамике преступности в эти годы (в отличие от негативных изменений во многих развитых странах) свидетельствует об определенной эффективности контроля за происходившими в ней изменениями и достаточно успешном противодействии мерами проводимой в стране уголовной политики. Такого рода продолжительная стабильность динамики преступности еще в начале исследования позволила автору сделать долговременный прогноз на 1998–2003 гг., который в целом подтвердился, несмотря на предположения ряда экспертов о «вале преступности, который вот-вот захлестнет Японию»⁸.

Очередной заметный всплеск преступности в стране произошел на другом этапе её развития – в 1991–1992 гг. (только за 1 год коэффициент преступности в расчете на 100 тыс. населения «перевалил» за отметку в 1 440 преступлений). Этот всплеск преступности явился одним из тяжелых последствий длительной экономической рецессии предыдущих лет, которые в Японии

---

⁸ Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., 2003. – С. 24.

называют «lost decade» – потерянным десятилетием. Речь идет о периоде, когда очевидными стали губительные итоги экономической и социальной политики, с которыми бывший премьер-министр Ясухиро Накасонэ связывает «крах трех мыльных пузырей».

Один из них лопнул в политической сфере, когда на смену политической стабильности пришел хаос; второй – существовал в экономической и финансовой сферах и был вязан с затянувшимся спадом в экономике; третьим – было само общество. Символом краха стала захлестнувшая страну коррупция; изменился подход людей к смыслу жизни, универсальным ценностям. «Нация лишилась характерной для себя системы ценностей, которая до войны определяла моральный климат в обществе. Имеются в виду основанные на конфуцианстве такие устои, как верность долгу, вежливость, мудрость, вера, чувство стыда за неблагоприятные поступки, а также принципы, вытекающие из кодекса самурайской чести. После войны эти понятия практически утратили свое значение и трансформировались в принцип «всемогущества индивида»⁹. Традиционные институты японского общества, ценностные ориентации, психологические установки размывались и модернизировались, способствуя все большему росту правонарушений.

Следует напомнить, что рост преступности в 1980–1990 гг. был характерным для большинства развитых стран Азии, Европы и Северной Америки. В эти годы среди западных криминологов довольно популярной стала теория, согласно которой преступность есть «плата за развитие». Такой подход был подвергнут обоснованной критике в работах И.И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева и других ученых. «Если употребить термин «плата» применительно к преступности, – отмечал И. И. Карпец, – то можно говорить, что преступность – плата за негодную экономическую и социальную политику, за пренебрежение к повышению уровня культуры, образованности, воспитанности людей, за пренебрежение к человеческой личности, её правам и интересам, за политику попустительства нравственному разложению людей, за

---

⁹ Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в XXI веке. – М., 2001. – С. 92.

принижение проблемы преступности в глазах общества и легкомысленный, поверхностный подход к ней. Да, за это преступность «мстит» – своим размахом, характером, цифрой»¹⁰. Тезис практически универсальный, по крайней мере, в том смысле, что «...преступность – есть плата за несовершенство человеческой природы, как и плата за все противоречия, в которых живет и действует человек и в которых его натура формируется и проявляется»¹¹.

Иначе смотрит на ситуацию проф. В.В. Лунеев. Говоря о росте преступности в развитых странах, он пишет: «Есть основания, считать это реальной платой народов развитых демократических стран за свою свободу, которая используется для совершения не только добра, но и зла»¹². Данное замечание абсолютно упрощено и идеологизированно.

Более объективной и точной является приведенная выше оценка криминальной ситуации в Японии проф. Н.В. Ереминым, считающим её «социальной платой за непростой переход к умеренным темпам экономического развития и напряжение всех сил общества». Это мнение основано на совершенно иной криминологической интерпретации и аргументации – не «плата за свободу», а социальная плата за переход на другой этап экономического развития. И с этим трудно не согласиться.

Но не стоит забывать и о том, что Япония представляет уникальный криминологический феномен, основывающийся на интеграции экономического и демократического опыта Запада и на сохранении национальных форм социального контроля с традиционными общинными и моральными ценностями.

Возвращаясь к количественным изменениям преступности, отметим, что если в 1980–1990 гг. общее число всех зарегистрированных преступлений (включая автотранспортные и наказуемые по «специальным» законам) в среднем составляло около 2 млн, то с 1991 г. этот показатель стал последова-

---

¹⁰ Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М., 1992. – С. 98–99.

¹¹ Там же. С. 101.

¹² Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М., 1997. – С. 21.

тельно расти. Это сказалось и на восприятии ситуации в массовой психологии тех лет, когда виктимологические исследования зафиксировали рост страха в обществе. Такие исследования, в частности, показали, что 54,2% японцев боялись оказаться жертвами квартирных краж; 34,7% – ограблений; 17,3% – мошенничества или грабежей. И хотя в реальности (согласно статистике тех лет) вероятность стать жертвой таких преступлений, по расчетам исследователей, составляла соответственно 0,9%, 0,01% и 0,7%, страх перед преступностью в обществе продолжал нарастать¹³. Таковы известные «парадоксы виктимизации»¹⁴, к которым еще предстоит обратиться в дальнейшем изложении.

Прирост преступности стал особенно ощутимым с 1997 г., когда в стране разразился острый финансовый кризис. Вместе с тем негативные изменения в динамике преступности 1990-х гг. не повлекли за собой серьезных изменений структурного плана. К 1999 г., например, 88% всех преступлений, наказуемых УК, приходятся на имущественные преступления, основу которых составляют кражи и присвоения, а доля «злостных» правонарушений с применением насилия составляет всего 2%. К концу 1990-х гг. в стране было 60 млн велосипедов, которые, оставаясь без присмотра, становились основным объектом угона и присвоений. Росту краж, присвоений и других имущественных преступлений, помимо всего прочего, способствовал, как это ни парадоксально на первый взгляд, и рост благосостояния населения. Но все же более ощутимыми были изменения в массовой психологии и поведении людей, в которых по мере все большей «вестернизации» страны прочно входили потребительские установки. К тому же, рост имущественных преступлений происходил преимущественно за счет мелких краж, учиненных несовершеннолетними. Что же касается насильственной преступности, то в этот период она все больше проявляла тенденцию к снижению и без того не столь значи-

---

¹³ Ito K. *Research of the Fear of Crime: Perceptions and Realities of Crime in Japan // Crime and Delinquency*. – 1993, vol. 39. N.3. – P. 387.

¹⁴ Kellens G., Lemaitre A. *Victimization and Fear of Crime // Global Perspectives in Victimology*. Ed. by S.Makkar, P. Friday. – 1995. – P. 49–60.

тельных показателей. К 2000 г. (за 20 лет) сократилось число: убийств – в 1,6 раза; причинения телесных повреждений – в 1,9 раза; изнасилований – в 2,3 раза.

Объяснение такому снижению уровня насильственной преступности в тот период японские криминологи (Д. Коси, Ф. Кумагаэ и др.) находили, прежде всего, в высокой раскрываемости этих преступлений, обусловленной эффективными действиями полиции, а также в той роли, которую играли в уголовной политике Японии общепреventивные профилактические меры¹⁵.

Видный японский криминолог Коичи Хамаи, ранее около 20 лет работавший в полиции, считает, что одной из основных причин спада насильственной преступности является демографическая ситуация – старение японского общества; число людей в возрастной группе 20–30 лет резко падает, а с ним постоянно снижается и число убийств. Но это касается не только убийств. Вопреки общественному мнению, снижается и молодежная преступность, а одной из областей, где криминальная ситуация становится хуже, как раз обнаруживается преступность людей из старших возрастных групп и особенно преступность пожилых людей.

Показатели насильственной виктимизации в стране важны сами по себе. Однако важно отметить на первый взгляд парадоксальную картину, когда, судя по опросам населения, уровень виктимизации от насилия снижается, а число регистрируемых полицией сообщений о насильственных посягательствах, наоборот, растет. Такую ситуацию уже приходилось объяснять сочетанием, по крайней мере, трех факторов: 1) нагнетанием истерии в средствах массовой информации, когда пресса и телевидение проецируют какое-либо действительно жестокое преступление как конкретный, единичный факт на общую ситуацию обеспечения общественной безопасности; 2) активизацией работы местных организаций защиты жертв преступлений и поведением самих потерпевших, предпочитающих получить компенсацию ущерба без лишней огласки; 3) практикой регистрации сообщений о преступлениях в

---

¹⁵ Kumagai F. Final Violence in Japan // *Victimology*. – №8. – 1983. – P. 178.

полицейской, которая фиксированием роста подтвержденных и неподтвержденных фактов старается оправдать снижение раскрываемости преступлений¹⁶. Вот почему комментируя «ножницы» между снижающимся уровнем виктимизации от насилия и количеством преступлений, регистрируемых полицией, исследователи не без оснований утверждают, что фиксируемый статистикой рост преступности в Японии – не что иное, как «миф о коллапсе безопасного общества», который раздувается средствами массовой информации и по ряду практических соображений выгоден самой полиции, тем более, что опросы населения не подтверждают заметного роста уровня страха в обществе перед преступностью¹⁷.

Важным фактором поддержания правопорядка в стране всегда считалась информированность населения о наиболее серьезных преступлениях, хотя её явно излишне эксплуатируют СМИ, поскольку особо тяжкие преступления в принципе довольно редки, и о каждом из них подробно сообщают пресса и телевидение. Именно СМИ, как показывают многочисленные опросы, доверяет абсолютное большинство японцев. Сообщения об особо дерзких ограблениях, похищениях людей или о наиболее жестоких убийствах, как правило, носят сенсационный характер, они получают широкий общественный резонанс и вызывают негодование населения, требующего ужесточения мер наказания виновных¹⁸.

В качестве примера можно привести убийство в 1997 г. в Токио ученика младших классов, которому убийца отсек голову, а затем затеял «игру» с

---

¹⁶ Квашис В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. США и Япония. Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь. – Владивосток, 2008. – С. 131–132; Finch, A. *The Japanese Police's Claim to Efficiency. A Critical View // Modern Asian Studies*, 1999, Vol.33, N2. – P. 483–489.

¹⁷ Kawai M. *Paradox of the Myth of collapsing safe society*. – Tokyo, 2004.

¹⁸ В последние годы в России статистика также фиксирует благоприятные изменения в динамике насильственной преступности, однако параллельно идет рост общественных опасений и связанной с ними социально-психологической напряженности в обществе. При этом, как показывают исследования, самый большой вклад в формирование таких настроений и страха перед преступностью вносят средства массовой информации. Так, более 60% граждан отмечают определяющую роль телевидения, которое по степени своего влияния занимает первое место среди источников информации о криминальной ситуации (Изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. – М., 2011. – С. 77).

полицией путем анонимных писем. Другая, редкая по накалу драма, случилась в 2001 г. в окрестностях Осаки, где неизвестный ворвался с ножом в школу и нанес ранения 26 ученикам младших классов и трем преподавателям, пытавшимся остановить преступника¹⁹.

Отсюда и стабильно высокий процент населения, поддерживающего сохранение смертной казни. В 2009 г., например, такой опрос показал, что смертную казнь поддерживают 86% японцев. Между тем, в том же году, несмотря на самую тяжелую с послевоенных лет экономическую рецессию, число убийств за год снизилось почти на 20%. Почему же от 50% до 85% населения (по разным опросам) все еще считают, что страна становится более опасной?

В поисках ответа на этот вопрос, проф. Коичи Хамаи исследовал противоречие между ростом панических настроений в обществе и реальностью, состоящей в последовательном снижении преступности. Он изучил все публикации по этой проблеме в либеральной газете «Асахи» за 20 лет – с 1985 по 2004 гг., когда число убийств постоянно снижалось. Несмотря на статистические факты, число публикаций, содержащих слова «ужасное убийство», росло экспоненциально, неизбежно приводя многих людей к ложному ощущению, что нацию захлестнула волна насилия. Как отмечает К. Хамаи, освещение в прессе фактов убийств стало носить более сенсационный характер (чем реже убийства, тем больше сенсации), оно сосредоточилось на деталях страдания жертв, наиболее жестоких элементах трагедии, а в Японии, в отличие от других развитых стран, уровень доверия к СМИ самый высокий: 80% верят телевидению, 90% – газетам. Исследования К. Хамаи показывают: более 50% опрошенных полагают, что уровень преступности в стране сильно вырос, хотя лишь 4% из них ощущали, этот рост в районе их

---

¹⁹ Являясь свидетелем бурной общественной дискуссии по поводу таких «чудовищных» преступлений, автор не раз отмечал реакцию населения, лейтмотивом которой был «стыд» – за себя, за страну, за преступника и его «плохое воспитание». Такова специфическая реакция японского конформизма (Морозов Н.А. Борьба с преступностью в Японии. – С. 33).

проживания. Как видно, между ощущениями людей и реалиями преступности – огромный разрыв, в первую очередь, обусловленный влиянием средств массовой информации. Того же мнения придерживается и видный эксперт Дж. Эдельштейн, работавший 12 лет в отделе криминальной хроники газеты «Yomiuri Shimbun».

Дальнейший анализ развития криминальной ситуации в стране требует объяснения своеобразия системы учета преступлений в уголовной статистике Японии, которого нет в других странах, т.к. уголовная статистика Японии ведет единый и отдельный учет правонарушений Уголовным кодексом (Penal Code offenses) и «статутными» законами (Special Law) с довольно широким (более 40) спектром применения. Строго говоря, к первой подсистеме учета, кроме преступлений, предусмотренных УК, относятся и некоторые преступления, наказуемые специальными законами (хотя их не так много); во второй подсистеме учитываются преступления, прямо предусмотренные специальными уголовными законами и нормами, входящими в административно-правовые законы, а также в акты местных органов власти, но здесь учет ведется по числу лиц, дела которых рассматриваются прокуратурой²⁰. В Уголовном кодексе Японии 1907 г. и в уголовной статистике принята своеобразная классификация преступлений, которую образуют шесть категорий: фелония – тяжкие умышленные преступления (убийство, грабеж с тяжкими последствиями, нападение при отягчающих обстоятельствах, поджог, изнасилование); другие насильственные преступления (причинение телесных повреждений, вымогательство, угроза насилием и др.); кражи и угоны транспортных средств; «интеллектуальные» преступления (мошенничество, растраты и присвоение, хищение, коррупция, компьютерные преступления); «моральные» преступления (азартные игры, различные формы «непристойного» поведения); прочие деяния (ограничение свободы, вторжение в жилище, уклонение от выполнения общественных обязанностей и др.).

---

²⁰ **Белявская О.А. Статистика преступности в Японии // Соц. Законность. – 1989. – № 1; Белявская О.А. Преступность в Японии. Статистический анализ. – М., 1992.**

Отдельно в статистике учитываются и автотранспортные преступления, наказания за которые производится по другим, специальным законам. Доля таких преступлений весьма значительна, и она лишь увеличивается по мере развития темпов автомобилизации страны. Именно последовательный рост этих преступлений привел к двуединому учету, в котором все показатели рассчитываются как с учетом этих преступлений, так и без него.

Что же касается сферы применения «специальных» законов, то к их числу относятся, например, нарушения правил контроля за взрывчатыми и отравляющими веществами, огнестрельным и холодным оружием (Firearms and Swords Control Act); нарушения иммиграционных правил (Immigration Control Act); непроизводительные расходы и растрата (Waste Management Act) и т.д. Однако абсолютное большинство такого рода деяний все последние 30 лет составляют автотранспортные правонарушения и нарушения правил контроля за наркотическими веществами. В 2009 г., например, из 2 399 702 млн преступлений на долю тех, что предусмотрены специальными законами, приходилось в общей сложности лишь четвертая часть – 604 098 преступлений, из которых 80,6% составляли деяния, предусмотренные Road Traffic Act – автотранспортные преступления; 3,9% – преступления, связанные с наркотиками, предусмотренные Stimulants Control Act; 2,7% – преступления несовершеннолетних, предусмотренные Minor Offence Act. В 2010 году, например, зарегистрировано более 600 тыс. преступлений, ответственность за которые предусмотренных в десяти специальных законах²¹.

И все же повышенный интерес представляет основной пласт японской преступности – традиционная, или общеуголовная.

Последний и самый крупный всплеск преступности в Японии в 2002 г. связан не только с количественными изменениями, но и с нараставшими неблагоприятными изменениями качественного плана. Прежде всего следует отметить изменение характера структуры преступности. Увеличение числа

---

²¹ White Paper on Crime, 2010. – P. 29–30; White Paper on Crime, 2011. – Tokyo, 2012. – P. 14.

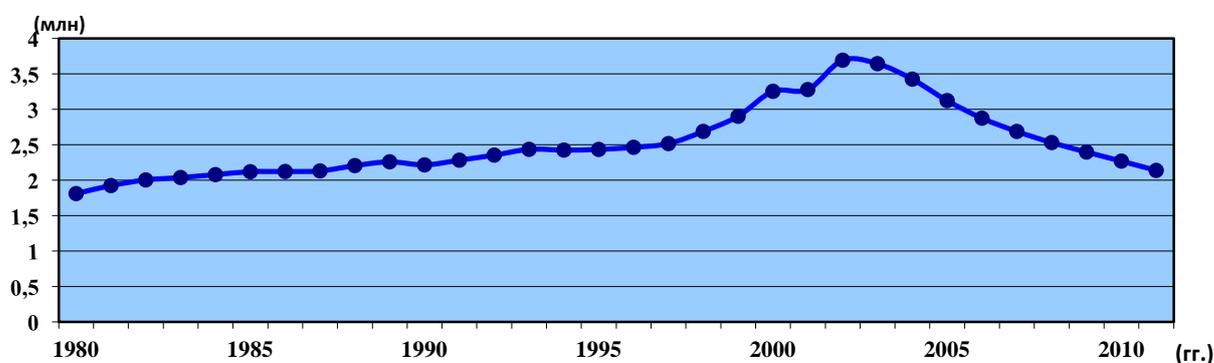
имущественных преступлений, насильственных, особенно грабежей, преступлений несовершеннолетних, правонарушений, связанных с использованием новых технологий, незаконным оборотом наркотиков и, наконец, увеличение масштабов организованной преступности заметно повлияло на снижение раскрываемости преступлений.

В 2002 г. общее число зарегистрированных преступлений достигло максимального значения за последние 30 лет – 3,69 млн преступлений (показатель 1996 года, например, был превышен на 160%), в том числе, преступлений, наказуемых УК, – 2,85 млн. Только за 1998–2002 гг. уровень преступности вырос на 40,3%. О темпах роста говорит тот факт, что за такой же отрезок – с 1993 по 1997 гг. – преступность выросла лишь на 5,5%.

Динамика преступности за последние три десятилетия (в целом) представлена на графике 1.

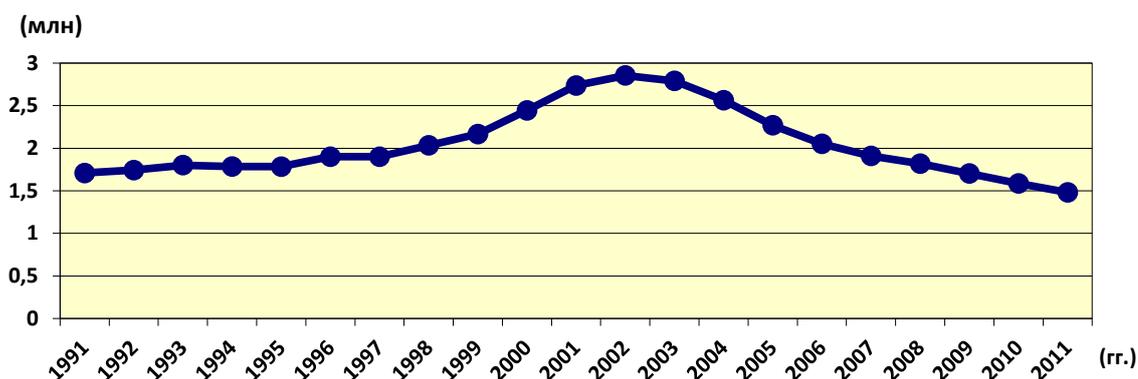
График 1

Динамика преступности в Японии в 1980–2011 гг.

Если же оперировать данными о преступлениях, предусмотренных УК Японии, без учета автотранспортных преступлений, то их число только за первые десять лет (с 1991 по 2001 гг.) выросло с 1 707 тыс. до 2 735 тыс. Их динамика в течение 1991–2011 гг. показана на графике 2.

Динамика преступлений, наказуемых УК, в 1991–2011 гг.

Как видно, пик зарегистрированных преступлений, предусмотренных УК, также приходится именно на 2002 г. – 2 854 тыс. преступлений.

Определяющими этот кульминационный момент являются изменения в динамике и характере преступности – особенно за 1998–2002 гг., а также изменения «внутри» её отдельных структурных элементов. Для большей наглядности ограничимся сначала статистической картиной до 2006 г. В приводимой ниже таблице показаны динамика зарегистрированных в 1989–2005 гг. преступлений (с учетом автотранспортных), коэффициенты преступности, а также данные о численности населения. Учитывая же определенные задачи данной работы, в таблице представлена динамика зарегистрированных убийств.

Таблица 1

Динамика преступности в Японии в 1989–2011 гг.

Годы	Общее число преступлений	Без автотранспорт.	Население (в млн.)	Число убийств	Коэффициент преступности (без автотр.)
1	2	3	4	5	6
1989	2 261 076	1 673 268	123 205	1 308	1 358
1990	2 217 559	1 636 628	123 611	1 238	1 324
1991	2 284 401	1 707 877	124 101	1 215	1 376
1992	2 355 504	1 742 366	124 567	1 227	1 399
1993	2 437 252	1 801 150	124 938	1 233	1 442
1994	2 426 694	1 784 432	125 265	1 279	1 425
1995	2 435 983	1 782 944	125 570	1 281	1 420
1996	2 465 503	1 812 119	125 864	1 218	1 447

1	2	3	4	5	6
1997	2 518 074	1 899 564	126 157	1 282	1 506
1998	2 690 267	1 832 040	126 472	1 388	1 571
1999	2 904 051	2 165 626	126 667	1 265	1 709
2000	3 256 109	2 443 470	126 926	1 289	1 925
2001	3 581 000	2 736 000	127 291	1 330	2 149
2002	3 694 928	2 854 061	127 435	1 396	2 240
2003	3 646 253	2 790 444	127 619	1 452	2 187
2004	3 427 606	2 563 037	127 687	1 419	2 007
2005	3 125 216	2 269 572	127 756	1 392	1 776
2006	2 877 027	2 051 229	127 451	1 361	1 604
2007	2 690 883	1 909 270	127 229	1 243	1 491
2008	2 533 351	1 818 374		1 341	1 420
2009	2 399 702	1 703 369	127 076	1 149	1 330
2010	2 271 309	1 586 189		1 103	1 239
2011	2 139 725	1 481 098		1 051	1 159

Опираясь на данные таблицы, можно сделать следующие выводы: 1989–1999 гг. – рост общего числа зарегистрированных преступлений составляет 29%; 1989–1995 (1996) гг. – динамика преступности практически ровная, с чуть заметными волнообразными скачками; 1998–2002 гг. – негативная динамика показателей, характерная для обоих динамических рядов, – с учетом автотранспортных преступлений и без него (только в период с 2003–2004 гг. наметилось изменение тенденции – снижение обоих показателей).

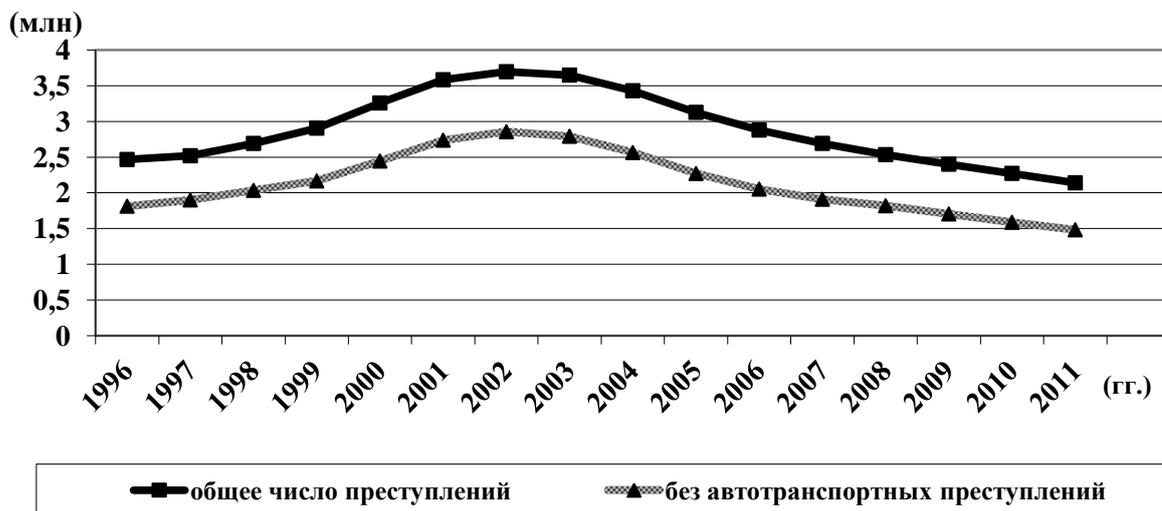
Эти изменения отразились и в относительных показателях, так или иначе зависящих от изменений в численности населения страны: 1996 г. – коэффициент преступности составляет 1 440; 1997 г. – 1 506; 1999 г. – 1 709; 2000 г. – рост коэффициента до 1 925; 2001 г. – впервые за последние 50 лет превышение двухтысячного рубежа; 2003 г. – 2 240, коэффициент преступлений военного времени.

При расчете коэффициентов с учетом всей совокупности зарегистрированных преступлений (включая автотранспортные), складывается идентичная картина, что подтверждает отчет Министерства юстиции Японии о состоянии преступности в 2002 г.: «Состояние общественной безопасности в стране

ухудшилось... К 2003 г. общее число преступлений, наказуемых УК, за 20 лет выросло в 2 раза и составило 3 694 928 преступлений»²².

График 3

Динамика преступности в Японии за 1996–2011 гг.

Хронология «пиков» преступности указывает на их определенную цикличность, которую исследователи связывают с конкретными этапами экономического и социального развития Японии. Подтверждением тому является закономерность синхронных всплесков преступности, четко повторяющих взлеты и падения социально-экономического пути развития японского общества²³.

Отметим далее, что даже такой, на редкость стабильный показатель, как динамика убийств, в 2002 г. вырос на 4,2%; правда, уже в 2003 г. число убийств вновь снизилось, а затем эта тенденция получила последовательное продолжение. В целом же, за последние 20 лет динамика убийств в Японии отличается очевидной стабильностью, что можно представить на графике в виде почти прямой линии. Так, в период с начала 1990-х гг. и до настоящего времени уровень убийств не превышал 1,1–1,0 (из расчета на 100 тыс. населения). Но в 2004 г. в Уголовный кодекс Японии были внесены существен-

²² White Paper on Crime 2002, (Summary). – Токио, 2003. – Р. 3.

²³ Манива М. Хандзай-но сякайгаку (Социология преступности). – Токио, 1982. – С. 152 (на яп. яз.); Еремин В.Н. Указ. работа. – С. 73.

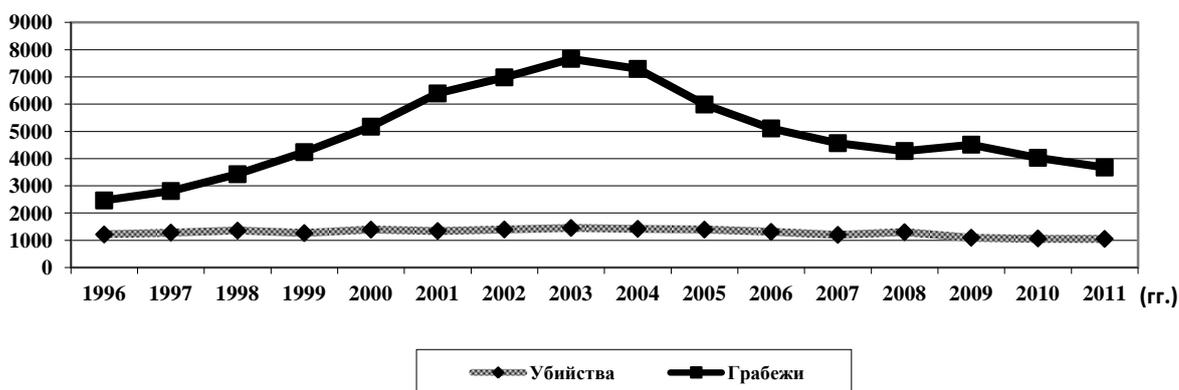
ные изменения (Закон от 1 декабря 2004 г.), направленные на ужесточение ответственности за совершение убийств с отягчающими обстоятельствами, «чудовищных убийств» (heinous murder) – повышение нижних и верхних пределов санкций и сроки фактического отбывания наказания, необходимого для досрочного освобождения²⁴.

Как показывают исследования мотивации убийств, проведенные в Национальном агентстве полиции, итогом ослабления межличностных отношений стало заметное снижение числа убийств, где преступники и потерпевшие были знакомы; с 1985 по 2008 гг. число таких убийств снизилось в 2,5 раза, но возросли «семейные убийства», причем больше чем в 3 раза возросли убийства детьми своих родителей. В конце 2009 г. министр финансов Шидзука Камаи выступил с резкой критикой корпораций, увольняющих своих работников в погоне за прибылью, что неизбежно приводит к росту «семейных убийств».

На графике 4 показана динамика наиболее опасных преступлений – убийств и грабежей, повлекших тяжкие последствия с середины 1990-х гг.

График 4

Динамика убийств и грабежей в Японии в 1996–2011 гг.

²⁴ К сожалению, эпидемия таких убийств продолжается и поныне. Вот лишь два эпизода за январь 2013 года. 15 января 66-летний дед задушил 9-летнюю внучку. 17 января в полицию Хиросимы пришел 17-летний школьник, который кухонным ножом зарезал бабушку и деда, ругавших его за пропущенные занятия в школе.

В 2002 г. число зарегистрированных грабежей всего за два года выросло на 23,6% (6 984) – это был самый большой прирост среди всех преступлений. Особую тревогу рост грабежей и проникновений в жилища вызывал как компонент уличной преступности; в целом насильственные преступления на улицах выросли за 5 лет в 4 раза. Число уличных грабежей с 1 119 в 1998 г. к концу 2002 г. выросло в 2,5 раза (2 888); резко увеличилось и число грабительских проникновений в жилища – с 13 308 в 1998 г. до 33 872 к концу 2002 г.

Следует иметь в виду, что в уголовном законодательстве Японии криминализация грабежа (robbery) имеет особенности, отличающие её от понятия грабежа в других правовых системах. Согласно УК Японии, состав грабежа включает в себя: попытку совершения этого преступления, его подготовку, подстрекательство, помощь в совершении грабежа, и, наконец, грабеж, завершившийся гибелью или тяжкими увечьями потерпевшего. Эта (последняя) разновидность выделяется в статистике грабежей как самостоятельная категория, поскольку за совершение таких преступлений уголовный закон, как и при совершении убийств, предусматривает самые суровые меры наказания вплоть до смертной казни. Более того, в абсолютном большинстве случаев смертные приговоры в Японии выносятся именно за совершение этих двух видов преступлений, причем, смертные приговоры за убийства количественно вовсе не превалируют, хотя такие грабежи совершаются в среднем в 15–20 раз реже, чем убийства. Особо жесткое отношение к указанным видам грабежей, сложившееся в судебной практике, является наглядным свидетельством растущей нетерпимости посягательств, где преобладают корыстные мотивы. И хотя статистические показатели таких деяний незначительны, в контексте настоящей работы динамика этих преступлений приобретает особую криминологическую значимость, поскольку именно с ними связана практика назначения длительных сроков лишения свободы, пожизненного заключения и смертной казни, а также практика исполнения указанных видов наказания.

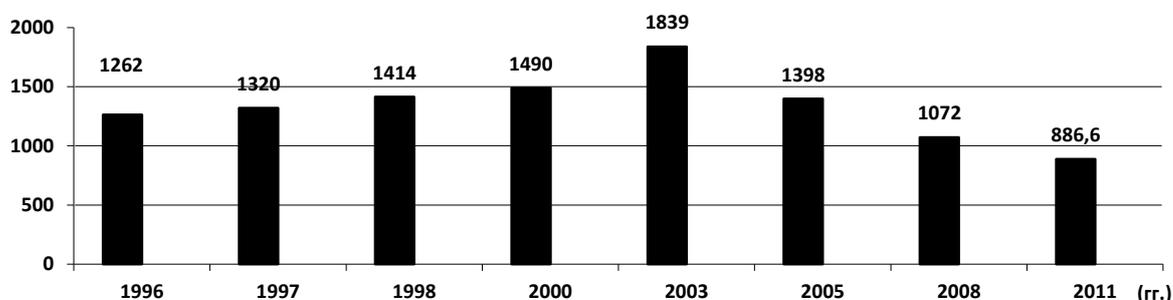
Несмотря на незначительную долю грабежей, повлекших гибель или увечья потерпевших, в общем числе всех грабежей (около 1,5%), их динамику все же никак нельзя признать благоприятной. Наоборот, со второй половины 1990-х гг. становился все более очевидным рост этих опасных преступлений. В 1996 г. было зарегистрировано 39 таких грабежей; в 1998–2000 гг. – 75; в 2001 г. – 96; в 2002 г. – 93.

Другим тревожным фактором роста уличной преступности явилось резкое увеличение числа нападений сексуального характера: с 2 399 случаев в 1998 г. до 5 915 к концу 2002 г. (рост на 105%).

Однако самыми распространенными преступлениями в Японии всегда были кражи, составлявшие не менее двух третей в структуре преступности; при этом с конца 1980-х гг. и вплоть до 2005 г. уровень краж из года в год продолжал расти. Особенно интенсивный прирост числа краж пришелся на 2002 г.; если в 2000 г., например, было зарегистрировано 2 131 млн краж, то в 2002 г. из 2 854 млн преступлений, предусмотренных УК, кражи составили 2 337 млн, или 66% всей зарегистрированной преступности. Понятно, что всплеск краж сказался на росте их относительных показателей, а также на снижении уровня их раскрываемости.

Диаграмма 1

**Уровень краж в Японии в 1996–2006 гг.
(в расчете на 100 тыс. населения)**

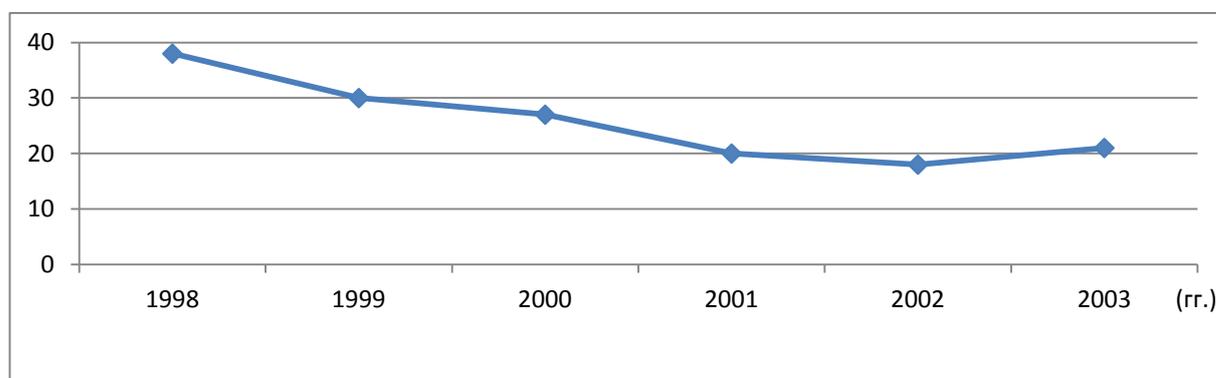

На обострение ситуации в сфере уличной преступности в 1998–2002 гг. заметное влияние оказал и всплеск преступности несовершеннолетних, доля которых в структуре населения по мере его старения последовательно нарастала, причем быстрыми темпами шел рост в возрастной группе 14–19 лет (их доля среди населения составляла 13,3%). Показательно, что в 2002 г. среди **1,5 млн** арестованных каждый седьмой был несовершеннолетним; иначе говоря, на 1000 подростков приходилось 15 арестов – это в 1,5 раза больше, чем среди взрослых. Чаще всего ими совершались насильственные преступления, грабежи и кражи. Почти 70 % всех арестованных за такие уличные преступления, как вырывание сумок (purse-snatching) и грабежи, приходится на долю несовершеннолетних. В преступности несовершеннолетних проявляется наибольшая интенсивность влияния ряда негативных факторов, создающих новые, чуждые и традиционной морали, и устоям модели поведения и новую субкультуру.

Столь неблагоприятное развитие ситуации в сфере уличной преступности не могло не сказаться на росте чувства утраченной безопасности и тревоги в японском обществе²⁵.

График 5

**Оценка массовым сознанием уровня общественной безопасности
в 1998–2003 гг.**

²⁵ Kanayama T., Eguchi A. Japan's Challenge on the Increase in Crime in the New Century // National Police Agency of Japan. – Tokyo, 2010. – P. 3–4.

В этих условиях Национальное Агентство полиции (NPA), опираясь на анализ криминальной ситуации, в ноябре 2002 г. разработало план реализации комплексных мер по снижению уровня уличной преступности (Comprehensive measures against street crime and break-in crime). Такие же планы, ориентированные на специфику местной ситуации (вплоть до каждой общины) были в январе 2003 г. составлены в полицейских центрах всех 47 префектур, а их выполнение в тесной кооперации с муниципальными властями и общественными организациями постоянно контролировалось и координировалось НПА. При этом, главным был перенос центра тяжести всех усилий именно на работу с населением непосредственно в общинах. Одной из основных позиций в планах снижения уличной преступности была борьба с группировками несовершеннолетних правонарушителей; постоянно обращалось внимание на то, что главной целью является не столько арест преступников, сколько принятие различных мер по предупреждению правонарушений на основе таких «специальных» законов, как, например, Закон о запрете огнестрельного и холодного оружия (Minor Offences Law и The Firearms and Swords Control Law). Такого рода превентивные меры помимо изъятия оружия, включали ужесточение борьбы с граффити, борьбу с незаконной парковкой вело- и мото-транспорта и т.п.

Неотложность решения проблемы преступности осознавалась также на уровне парламента; по инициативе оппозиционной Демократической партии была создана комиссия, возглавившая движение за повышение безопасности и опубликован «Манифест 2003», призывающий Кабинет министров к принятию срочных мер. В декабре 2003 г. Кабинет одобрил **«APCCS 2003» – план по созданию общества с низкой преступностью (The Action Plan to Create a Crime Resistant Society (APCCS))**. Основное внимание в этом важном документе было сосредоточено на роли общественности в деле борьбы с преступностью и всемерной поддержке общественных инициатив; реализации социальных мер, направленных на снижение преступности, устранении бюрократизма и ведомственной разобщенности. Главной задачей плана стало

снижение к концу 2008 г. преступности в течение 5 лет до 1,8 млн. преступлений.

Из 148 конкретных мер, предусмотренных планом **APCCS 2003**, отметим материально-техническую и финансовую поддержку движения волонтеров; укрепление кадрами и техникой полицейских участков (*koban*), увеличение автопарка и повышение технической оснащенности (компьютеризации) полиции и волонтеров; максимально широкое вовлечение общин и муниципалитетов в предупреждение преступности несовершеннолетних; поддержку системы обучения молодежи в муниципальных центрах и общинах; защиту детей и подростков от преступников; борьбу с нарушением иммиграционного законодательства; защиту экономики и общества от организованной преступности.

Опуская детали организационной работы Кабинета министров по мобилизации всех сил общества на борьбу с преступностью, отметим, что уже через три года напряженная работа всех структур исполнительной и законодательной власти в центре и префектурах по реализации пятилетнего плана дала весьма ощутимые результаты, причем, по каждому из вышеназванных направлений²⁶.

Так, число групп добровольных помощников полиции выросло с 3 056 в 2003 г. до 37 774 в 2007 г., а общее число участвующих в этой работе, выросло с 0,18 млн в 2003 г. до 2,34 млн. человек в 2007 г. Активизация работы по борьбе с незаконной миграцией и усилению пограничного контроля позволила сократить число таких мигрантов с 219 тыс. в 2003 г. до 113 тыс. человек в 2007 г., а число раскрытых преступлений, совершенных мигрантами, увеличилось на 30%. Значительные усилия полиции и следственных органов по борьбе с преступностью в сфере новых технологий помогли в обеспечении безопасности киберпространства и защиты прав и интересов граждан и биз-

---

²⁶ Во всех префектурах, а затем и в муниципалитетах, по примеру властей Осаки были изданы специальные постановления местных органов (*Local Ordinances For Safe Community Building*) с планами и наставлениями по снижению преступности.

неса. Росту общественной безопасности способствовало и укрепление всей системы правоохранительных органов, повышение их численности и технического оснащения (укрепление тюремной системы, введение в действие новых систем пограничного контроля, биологической идентификации личности, повышение уровня компьютеризации, обеспечения транспортом и т.п.); значительные усилия были сосредоточены и на всемерной поддержке муниципальными властями специализированных общественных организаций – их число выросло в 10 раз и к 2008 г. составило 40 538; существенно укрепились их партнерские отношения с полицией, повысился уровень их информационного и материально-технического обеспечения (помещениями, средствами связи, транспорта и т.п.)²⁷; финансовой поддержки, через систему обучения методам профилактической работы, тренинга, семинаров и совместного патрулирования с полицией прошло 15 433 общественных организаций. В итоге, общее число преступлений, предусмотренных УК, удалось снизить более чем на 1 млн.

Заметные результаты дала активизация работы по предупреждению преступности несовершеннолетних; число их арестов снизилось на 30%, резко сократилось и число преступлений, совершенных под влиянием алкоголя или наркотиков. Резко пошла на спад и уличная насильственная преступность. Если в 2003 г. было 7 764 ограблений, то уже к 2008 г. их число снизилось до 4 567²⁸; а изнасилований – с 2 500 до 1 766. На этом фоне раскрываемость грабежей выросла с 63,5 % до 78,9%. Рост раскрываемости коснулся почти всех преступлений, при этом общая раскрываемость к началу 2008 г. выросла с 20,8% в 2002 г. до 31,7%.

---

²⁷ По программе «Super Street Lamp» парк автомашин для общественных патрулей, оснащенных синими «мигалками» (красными пользуются только полиция и пожарные), видео- и связью, вырос в 200 раз (!) – с 120 машин в 2004 г. до 26 622 к 2008 г.

²⁸ К 2008 г. уровень грабежей на 100 тыс. населения составлял: в Великобритании – 140; в во Франции – 177; в США – 147; в ФРГ – 63, а в Японии – 3,5, т.е., в 35–40 раз меньше, чем в Европе и в США (См.: Материалы Европейской Комиссии // www.epp.eurostat.europe.ec.eu).

Активизация профилактической работы среди населения и усилия общественных организаций типа Neighborhoods Watch («соседи следят»), тоже дали результаты: значительно увеличилось число людей, закрывающих дома и квартиры после ухода (чего раньше не было), а это позволило резко снизить число краж.

Важно при этом отметить, что активизация усилий полиции в указанный период и все более очевидное повышение эффективности ее работы не были связаны с ростом численности полицейских (она практически не изменилась); плотность полицейского прикрытия в Японии (в расчете на 100 тыс. населения) по-прежнему была значительно ниже, чем в других развитых странах. К 2009 г., например, в Японии оно составляло 197 полицейских, а в Великобритании – 231, ФРГ – 304, во Франции – 375²⁹. Здесь надо заметить, что еще только приступая к реализации Плана 2003, премьер-министр Японии Койдзуми в своих выступлениях по проблеме преступности постоянно подчеркивал, что речь должна идти не об увеличении численности полиции, а об ужесточении мер ответственности «с тем, чтобы возродить веру людей в то, что Япония является самой безопасной страной на планете»³⁰.

В связи со все более заметным ослаблением криминальной ситуации в стране резко изменилось и ощущение безопасности и настроения в обществе; по опросам населения, уже к началу 2009 г. уровень общественной безопасности вырос в 2 раза³¹; возрос и уровень доверия полиции.

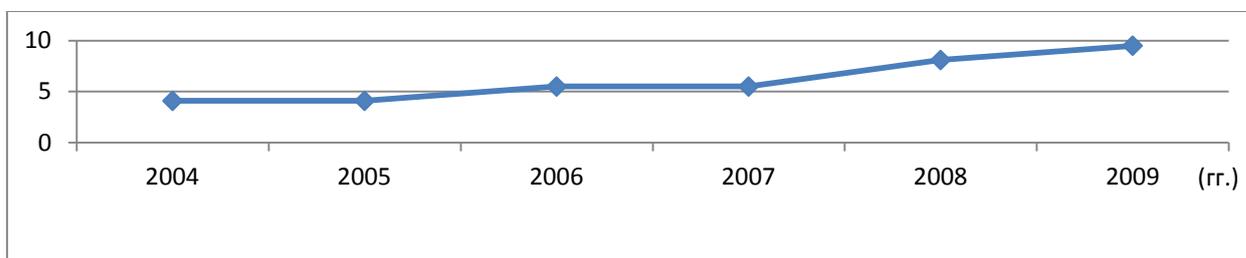
---

²⁹ *Police of Japan, 2009. – Tokyo, 2010. – P. 8.*

³⁰ С такого рода заявлениями Койдзуми выступал, например, на 161 сессии парламента 12 октября 2004 г. и на VI Форуме защиты жертв преступлений.

³¹ *Kanayama T., Eguchi A. Japan's Challenge on the Increase in Crime in the New Century//National Police Agency of Japan. – Tokyo, 2010. P. 9–11; Kawai K. The Implementation of the Action Plan for the Realization of Society Resistant to Crime // Security Science Review. – Vol.11, 2009.*

**Оценка массовым сознанием уровня общественной безопасности
в 2003–2009 гг.**

Сказанное не означает, конечно, решения всех проблем и отсутствия новых угроз со стороны криминального мира. Одной из нерешенных проблем оставался рост фактов мошенничества. С 2002 по 2007 гг. число этих преступлений выросло в 1,5 раза (с 49 482 до 67 772). Одной из его новых и распространенных разновидностей стали *furikome* – мошеннические телефонные операции, связанные с обманом пожилых людей и переводом их денежных средств через АТМ на банковские счета преступных групп. Чтобы представить масштаб таких операций, достаточно отметить, что для каждого из потерпевших денежные потери ежегодно составляли в среднем более миллиона йен (10 тыс. долл.). Поскольку организованные преступные группы мошенников использовали мобильные телефоны, зарегистрированные на чужое имя, вычислить и обезвредить преступников было довольно сложно. Позднее полицией и банковскими структурами были внедрены в АТМ специальные сигнальные устройства, предупреждающие о возможных мошеннических операциях и развернута пропагандистская и профилактическая анти-фуриком кампания.

Так или иначе, очевидным фактом является то, что в новом столетии преступность в Японии падает девятый год подряд. К началу 2011 г. в стране было зарегистрировано 2 271 309 млн преступлений; из них преступления, наказуемые УК, в 2010 году составили 1 586 189 млн (только с 2003 по 2010 гг. число таких преступлений снизилось на 56,8%) – это самый низкий показатель за 23 года современной истории Японии. Соответственно, коэф-

фициент преступности в расчете на 100 тыс. населения составил 1 774, а без автотранспортных преступлений – 1 238 7 преступлений (что соответствует показателям 1981 г.). Эта тенденция продолжилась и в 2011 г.; к началу 2012 г. было зарегистрировано 2 139 725 преступлений, а без учета автотранспортных – 1 481 098 преступлений – самый низкий показатель за последние 25 лет. Вместе с тем и на видовом³², и на локальном уровне проявлялись заметные отклонения от общего тренда. Так, например, в префектуре Фукуока, число краж выросло более, чем в три раза, что во многом объясняется ростом числа людей, оставшихся без крова и средств к существованию в результате разрушения АЭС в Фукусиме в марте 2011 г.³³.

С указанным снижением преступности связан рост раскрываемости преступлений и еще более заметный её рост на видовом уровне.

Таблица 2

**Раскрываемость преступлений в Японии в 2000–2010 гг.
(всего – с автотранспортными преступлениями)**

Годы	Всего	Убийство	Изнасилования	Грабеж	Кража	Мошенничество
2000	42,7	95,0	68,1	56,9	19,1	79,4
2001	38,8	94,1	63,0	48,7	15,7	69,6
2002	38,8	95,7	62,3	51,1	17,0	63,8
2003	41,3	94,1	63,5	50,3	19,4	50,4
2004	44,7	94,6	64,5	50,3	22,6	32,1
2005	48,2	96,6	69,5	54,6	24,9	34,3
2006	51,0	96,8	74,9	59,9	27,1	40,4
2007	51,6	96,5	78,9	61,1	27,6	41,3
2008	50,9	95,4	83,8	61,1	27,7	47,0
2009	51,7	98,2	83,0	64,8	27,9	63,7
2010	52,1	96,4	82,5	62,4	27,0	66,4
2011	52,4	97,9	83,8	64,9	27,0	64,1

³² Речь идет о росте рецидивной преступности, краж автотранспорта и особо дерзких грабежей. В префектуре Хего, например, грабители ночью вломались в банк с экскаватором, с помощью которого похитили наполненные накануне банкоматы (Yomiuri Shimbun, 18 июня 2011 года).

³³ Kyodo, 16 декабря 2011 года; White Paper on Police, 2013. – Tokyo, 2014. – P. 19–20.

Как видно, практически по всем указанным видам преступлений, кроме мошенничества, налицо заметный рост раскрываемости; эта тенденция дала и позитивную картину динамики общей раскрываемости преступлений.

В представленной ниже таблице сведена, содержательная информация, показывающая динамику изменений в характере и структуре преступности в XXI в. (без автотранспортных преступлений).

Таблица 3

Структура преступности в Японии в 2000–2011 гг.

Годы	Всего	Убийства	Грабёжи	Изнаси- лования	Кражи	Мошен- ничество	Присвоение	Вымога- тельство
2000	2 443 470	1 391	5 173	2 260	2 131 164	44 384	57 403	18 926
2001	2 735 612	1 340	6 393	2 228	2 340 511	43 104	65 770	19 566
2002	2 854 061	1 396	6 984	2 357	2 377 488	49 482	73 933	18 403
2003	2 790 444	1 452	7 664	2 472	2 235 844	60 298	92 346	17 595
2004	2 563 037	1 419	7 295	2 176	1 981 574	83 015	104 412	14 424
2005	2 269 572	1 392	5 988	2 076	1 725 072	85 596	97 867	10 978
2006	2 051 229	1 309	5 108	1 948	1 534 528	74 632	95 844	8 636
2007	1 909 270	1 199	4 567	1 766	1 429 956	67 787	85 606	7 384
2008	1 818 374	1 297	4 278	1 582	1 372 840	64 427	70 364	6 349
2009	1 703 369	1 094	4 512	1 402	1 299 294	45 162	65 176	5 530
2010	1 586 189	1 067	4 029	1 289	1 213 442	37 516	57 572	5 202
2011	1 481 098	1 051	3 673	1 185	1 133 127	34 602	50 368	4 311

Сравнение характера и структуры преступности за два последних десятилетия (1991–2000 гг. и 2001–2010 гг.) демонстрирует существенные изменения, проявляющиеся, с одной стороны, в заметном сокращении сферы и масштабов наиболее опасных насильственных преступлений, а с другой, – свидетельствует о росте рецидивной преступности (в 2010 г. она составляет 42%), преступности несовершеннолетних и все большей распространенности имущественных преступлений – краж, особенно краж транспортных средств, мошенничества, растрат и присвоений. Так, например, если в 1991–2000 гг. в общей структуре преступности на долю краж приходилось в среднем 65,8%, то в последнем десятилетии они составляют уже 76,5% (только за 5 лет их

доля выросла на 10,7%); число насильственных преступлений выросли за счет роста нападений при отягчающих обстоятельствах и причинения увечий – с 1,5% до 2,8 %; растраты и присвоения выросли с 2,4% до 4,1%; мошенничество – с 1,5% до 2,8%. Наиболее высокие показатели растрат и мошенничества приходятся на 2003–2008 гг., т.е., на период наступавшего финансового кризиса. Мошенничество в целом, в том числе с кредитными карточками и страховыми выплатами, стало в эти годы приобретать невиданные масштабы. Мошенничество со страховками и ныне остаются в Японии серьезной проблемой³⁴.

Как видно, изменения – весьма существенные. Это позволяет сделать вывод о том, что перспективы дальнейшего развития криминальной ситуации в Японии следует связывать не с количественными, а именно со структурными изменениями преступности.

И хотя все последующие годы для большинства преступлений заметна тенденция последовательного снижения, темпы снижения каждого из выделенных здесь видов, как показывают проведенные автором и другими исследователями расчеты, заметно уступали темпам снижения общего числа зарегистрированных преступлений. Кроме того, как показывает дальнейший анализ, темпы роста некоторых насильственных преступлений и особенно преступлений против собственности позволяют констатировать, что при доминировании общей тенденции к снижению преступности, в ряде отношений её динамика и структура в современной Японии пока ещё развиваются в недостаточно благоприятном направлении.

Примером может служить крайне негативная и продолжительная (почти 20 лет) динамика преступности женщин, составляющая самостоятельную и

---

³⁴ Практике полиции известны многие случаи убийства членов семьи с тем, чтобы получить страховые выплаты; еще более распространенными являются поджоги жилья, а также угона или умышленного повреждения застрахованных автомобилей (один из недавно попавших на экраны ТВ эпизодов показывает, как владелец автомашины бьет ее в столб 36 раз в надежде получить страховку в 25 тыс. долл.).

достаточно острую социальную проблему. В 1992 г., например, было арестовано 52 тыс., а к 2010 г. – более 70 тыс. женщин³⁵.

Тем не менее, при всех неблагоприятных изменениях количественные и качественные показатели преступности всегда, как будет показано далее, выгодно отличались от показателей других развитых стран. В связи с этим нельзя согласиться с замечанием Г.В. Дашкова о том, что политические, экономические, социальные процессы, происходящие в мировом сообществе, неизменно влияют на «постепенное выравнивание уровня преступности, сближение ее количественных и качественных показателей»³⁶. Внимание к этому суждению не является случайным, ибо вопрос носит весьма принципиальный, если угодно, методологический характер. Во-первых, представленное суждение не только весьма упрощено, но и во многом противоречит истинной картине развития преступности в развитых странах. Во-вторых, речь идет о двух разных явлениях, которые однозначно оцениваются отрицательно, с чем трудно согласиться. В самом деле, если обратиться к уголовной статистике развитых стран, то едва ли можно говорить о сближении и тем более о выравнивании показателей преступности. Причем, это касается не только количественных, но и качественных показателей – структуры преступности, уровня организованной преступности, степени раскрываемости преступлений, распространенности рецидива и т. д. Кроме того, вовсе не во всех этих странах процессы, происходящие и в самой преступности, и в организации борьбы с ней, следует оценивать столь однозначно.

В США, например, за последние 15 лет преступность в целом и насильственная преступность, в частности, последовательно и весьма существенно снижаются. В Японии же, как уже отмечалось, преступность и темпы её роста к началу 2000-х гг., наоборот, существенно увеличились (за счет роста грабежей, краж и преступности несовершеннолетних). Другие примеры ещё более наглядно показывают как на самом деле выглядит «выравнивание

---

³⁵ White Paper on Crime, 2010. – Токио, 2011. – Р. 18.

³⁶ Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность. – М., 2004. – С. 196.

уровня преступности», даже в рамках соседних и практически одинаковых по уровню социально-экономического и культурного развития скандинавских стран. Так, к началу 2008 г., уровень грабежей в Дании и Швеции был выше, соответственно, в 3 и 3,5 раза, чем в Финляндии и Норвегии. С другой стороны, уровень убийств в Швеции был в 2 раза ниже, чем в соседней Финляндии, и в 2 раза выше, чем в Норвегии; в той же Норвегии уровень убийств в это время был в 2,5 раза ниже, чем в соседней Дании. Рассмотрим показатели двух других соседних стран. В ФРГ, например, к началу 2008 г. уровень убийств был в 1,6 раза ниже, чем во Франции, а уровень грабежей – почти в 3 раза ниже. Так выглядит «сближение» количественных и качественных показателей преступности в разных странах.

Недавно опубликованные данные полицейской статистики за 2012–2013 гг. позволяют говорить о том, что в целом возросшая активность полиции способствовала продолжению и развитию позитивных тенденций в деле борьбы с преступностью. Достаточно отметить, что если в 2010 г. общее число зарегистрированных преступлений, предусмотренных УК Японии, составляло 1 585 586, то в 2011 г. оно сократилось до 1 480 760; а к началу 2013 г. – до 1 382 121. Другими словами, за два года общее число преступлений снизилось на 12,8 %, а число «системообразующих» преступлений, какими в Японии являются кражи, снизилось на 14,3%.

Последовательное снижение преступности в течение последних 10 лет привело к тому, что к началу 2013 г. общее число зарегистрированных преступлений составило меньше половины показателя 2002 г. (оно снизилось на 52,0%). Снижение охватило практически всю структуру преступности. Вместе с тем, в динамике преступности в 2012 г. наметился некоторый рост преступлений, связанных с насилием в семье.

Речь идет о росте числа побоев (с 29 237 до 31 802) и особенно заметном росте фактов причинения телесных повреждений (с 18 870 до 27 962)³⁷. Возможно, этот всплеск носит эпизодический характер, поскольку все последние

---

³⁷ *Police of Japan, 2014. – Tokyo, 2014. – P. 17, 38.*

годы число таких преступлений снижалось. Очевидно, что этим правонарушениям было уделено недостаточное внимание и потому активизация борьбы с всплеском насилия в семье должна составить резерв для дальнейшего повышения эффективности деятельности полиции.

§2. Сравнительный анализ современной преступности в Японии, России и других странах

Об эффективности японской системы воздействия на преступность можно судить не только по данным национальной статистики, но и сравнительным данным ежегодных обзоров Организации Объединенных Наций, статистики Интерпола, национальной статистики европейских стран (ЕВРОСТАТ) и различных исследований³⁸, в которых указывалось на долговременную и в целом куда более благоприятную тенденцию развития преступности в Японии по сравнению с положением дел в других экономически развитых странах. Однако отмеченные выше изменения в развитии криминальной ситуации в Японии на рубеже XXI в. обуславливают необходимость детализации этого общего заключения применительно к разным количественным и качественным показателям и разным этапам и, возможно, потребуют внесения определенных корректив.

С этой целью было проведено сравнительное криминологическое исследование, в ходе которого анализировались количественные и качественные показатели преступности и её основные тенденции в Японии, России, США и наиболее развитых европейских странах за последние три десятилетия (конец XX и начала XXI в.). В основу этого исследования легли уже названные материалы международной и национальной уголовной статистики, а также ре-

---

³⁸ Князев В.В., Верещагин В.А., Жмыхов А.А. Преступность за рубежом (1990–2002). – М., 2004; Dussich, John P.J., Friday, Paul C., Okada T., Yamagami A., Knudten R. Different Responses to Violence in Japan and America. – Monsey, New York, 2001; Cao L., Stack S. and Sun Y. Public Attitude Toward the Police: A Comparative Study between Japan and America // *Journal of Criminal Justice*, 1998, Vol. 26, N 4; Komiya N. A Cultural Study of the Low crime rate in Japan // *British Journal of Criminology*. – 1999. – N 39.

зультаты ранее проведенных автором сравнительных исследований, характеризующих состояние и динамику преступности, распространенность различных преступлений, уровень латентности, практику раскрываемости и другие показатели преступности в Японии и других странах³⁹.

Итогам этого анализа следует предпослать несколько, казалось бы, аксиоматичных, но, тем не менее, важных замечаний методологического плана и необходимые оговорки, которые сводятся к следующему.

Сравнение абсолютных показателей уголовной статистики разных стран связано с определенными трудностями и ограничениями, поскольку в разных правовых системах и юрисдикциях существует разное понимание ряда преступлений, и различные статистические стандарты⁴⁰. В аналитических документах Комиссии ООН по предупреждению преступности прямо указывается, что «один из сдерживающих факторов, воздействующих на качество и сопоставимость статистических данных о преступности в разных странах, состоит в отсутствии общего набора определений и понятий для единообразного описания преступлений в странах и регионах»⁴¹. Отсюда и большой разброс (порой несопоставимость) показателей зарегистрированной преступности в разных государствах. Речь идет о том, что особенности криминализации ряда правонарушений в разных правовых системах, помимо всего прочего, связаны и с особенностями практики их регистрации в уголовной статистике той или иной страны. Скажем, в России, ФРГ и в большинстве стран Восточной Европы в статистику преступности не включают некоторые пре-

---

³⁹ Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., 2003; Генрих Н.В., Камалова А.К., Морозов Н.А. Сравнительный анализ преступности в России и зарубежных странах // Российский криминологический взгляд. – 2013. – №3. – С. 373–380; Камалова А.К., Морозов Н.А. и др. Российская преступность в зеркале международной статистики // Научный портал МВД России. – 2013. – №3.

⁴⁰ Поэтому в документах ООН подчеркивается, что следует «с достаточной осторожностью подходить к сопоставлениям между странами и регионами» (Мировые тенденции в области преступности и новые проблемы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия и способы их решения. E/CN.15/2013/9. – С. 4).

⁴¹ Доклад Генерального секретаря о повышении качества и доступности статистических данных о преступности и уголовном правосудии для разработки политики. 23 сессия Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Вена, 12–16 мая 2014 года. (E/CN.15/2014/10. – С. 3.).

ступления против собственности, например, мелкие кражи⁴². Но в Японии такие кражи регистрируются и попадают в уголовную статистику; за них даже предусмотрено специальное наказание – «petty fine» (малый штраф).

На уровень регистрации преступлений влияет, далее и разнообразных факторов экономического и социально-психологического плана (так, наиболее экономически благополучных странах уровень зарегистрированной преступности, как правило, значительно выше). Число зарегистрированных преступлений отражает не только специфику криминализации деяний в той или иной стране, но и полноту учета всех событий и активность граждан по сотрудничеству с правоохранительными органами. Более высокий уровень зарегистрированной преступности может отражать большую степень доверия полиции (и, следовательно, более частое обращение к ней), но не криминальную ситуацию как таковую⁴³.

В целом ряде стран, как показывают национальные и международные виктимологические исследования, население, как правило, сообщает лишь о наиболее серьезных преступлениях (да и то, не обо всех). В США, например, по данным одного из последних виктимологических опросов, в полицию заявила лишь половина потерпевших от насильственных преступлений, а о преступлениях против собственности – еще меньше. При этом в тех странах, где развит рынок страхования, для получения страхового возмещения ущерба обращение в полицию является обязательным.

Необходимо иметь в виду, что даже самые высокие показатели зарегистрированной преступности в принципе не могут сделать статистическую информацию о криминальной ситуации в стране исчерпывающе полной и точной. Скажем, в США в статистике ФБР учитываются лишь восемь так на-

---

⁴² В России к мелким кражам, причинившим ущерб на сумму до одной тысячи рублей, применяются административные санкции (ст. 7.27 КОАП).

⁴³ Определение факторов, влияющих на эффективность предоставления услуг по безопасности от преступных посягательств. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2007. – С. 63; Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, реформирование. Часть вторая. – СПб, 2012. – С. 18; Клейменов М.П. Нераскрытая преступность // Криминологическая ситуация и реагирование на нее / под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая Ассоциация, 2014. – С. 14–32.

зываемых «индексных» преступлений (одну половину из них составляют наиболее опасные насильственные преступления, другую – преступления против собственности). Как будет показано далее, существуют и другие особенности регистрационной практики, за которыми встают проблемы полноты и точности уголовной статистики, латентности различных преступлений, их раскрываемости и т.д.

Последнее и, может быть, главное замечание состоит в том, что высокие или, наоборот, низкие показатели зарегистрированной преступности сами по себе не могут быть достаточно надежными индикаторами для оценки эффективности работы полиции и системы уголовной юстиции в целом (М.М. Баббаев, В.Е. Квашиш. М.П. Клейменов, С.М. Иншаков, Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский и др.).

Таблица 4

Динамика преступности в 1991–2010 гг. в Японии и других странах⁴⁴

Годы	Япония	Франция	Германия	Великобритания	США	Россия
1	2	3	4	5	6	7
1991	1 707 877	3 744 112	4 725 175	5 075 343	14 872 883	2 167 964
1992	1 742 366	3 830 996	5 209 060	5 383 485	14 438 191	2 760 652
1993	1 801 150	3 881 894	6 750 613	5 317 110	14 144 794	2 799 614
1994	1 784 432	3 919 008	6 537 748	5 032 447	13 989 543	2 632 708
1995	1 782 944	3 665 320	6 668 717	4 885 944	13 865 727	2 755 669
1996	1 812 119	3 559 617	6 647 598	4 868 376	13 493 863	2 625 081
1997	1 899 564	3 493 442	6 586 165	4 460 599	13 194 571	2 397 311
1998	2 033 546	3 565 525	6 456 996	5 109 089	12 485 714	2 581 940
1999	2 165 626	3 567 864	6 302 316	5 301 187	11 634 378	3 001 748
2000	2 443 470	3 771 849	6 264 723	5 170 843	11 608 070	2 952 367
2001	2 735 612	4 061 792	6 363 865	5 525 024	11 876 669	2 968 255
2002	2 854 061	4 113 882	6 507 394	5 898 560	11 878 954	2 526 305
2003	2 790 444	3 974 694	6 572 135	5 934 577	11 826 538	2 756 398
2004	2 563 037	3 825 442	6 633 156	5 637 511	11 679 474	2 893 810
2005	2 269 572	3 775 838	6 391 715	5 555 174	11 565 499	3 554 738
2006	2 051 229	3 725 588	6 304 223	5 427 559	11 401 611	3 855 373

⁴⁴ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 312.

1	2	3	4	5	6	7
2007	1 909 270	3 589 293	6 284 661	4 951 504	11 251 818	3 582 541
2008	1 818 374	3 558 329	6 114 128	4 702 468	11 149 927	3 209 862
2009	1 703 369	---	---	4 338 372	10 662 956	2 994 820
2010	1 586 189	---	---	4 150 097	10 329 135	2 628 799

В общем плане можно отметить, что криминальная активность в Японии, где население придерживается своих традиционных нравственных ценностей, значительно ниже, чем в тех странах, где последовательно следуют современным западным стереотипам поведения. Другими словами, бросающиеся в глаза относительно низкие показатели преступности в Японии во многом обусловлены мощным антикриминогенным потенциалом национального традиционализма, который зачастую блокирует социальные девиации и криминальные инициативы еще на уровне мотивации.

Как видно из приведенных данных, в указанных странах (кроме России и США) динамика преступности на протяжении последних десятилетий отличается определенной стабильностью ее абсолютных показателей. Вместе с тем, в рамках этой общей тенденции в разных странах и в разные периоды уголовная статистика фиксирует определенные отклонения от основного тренда, которые связаны с особенностями развития социальных, экономических, политических и других процессов.

В ФРГ, например, начавшийся в 1991–1992 гг. рост преступности был связан, прежде всего, с болезненными процессами объединения и интеграции Восточных земель (бывшей ГДР), различным общим уровнем экономического и демократического развития Западных и Восточных земель, высоким уровнем расслоения населения, ростом безработицы и другими негативными процессами; спустя время показатели преступности в стране стабилизировались и остаются таковыми до самого последнего времени⁴⁵.

⁴⁵ Kury H., Obergfell-Fuchs J., Ferdinand T. *Social Development and the Evaluation of Crime: An International Comparison // Comparative Law Review*, Vol. 34, 2000. – P. 68.

Еще более стабильными были и остаются показатели преступности во Франции, где их некоторое снижение наметилось лишь в 2007 г. В Великобритании рост абсолютных показателей преступности стартовал в 1992–1993 гг.; спустя 3–4 года наметился их определенный спад, но с 1998 г. вновь начался заметный рост и вплоть до 2007 г. абсолютные показатели преступности оставались на том же уровне. Однако фактический рост преступности в этой стране наиболее заметен при анализе относительных показателей, которые с начала 1980-х гг. за следующие 10 лет возросли почти в 2 раза. В Японии наиболее ощутимый прирост абсолютных показателей зарегистрированной преступности также начался с 1991–1992 гг.; с 1999 г. произошел новый всплеск преступности, и лишь с 2003 г. наметился их определенный спад. Всплески преступности, как уже отмечалось, являются синхронными повторениями крутых поворотов на социально-экономическом пути развития японского общества. Последний такой всплеск связан не только с количественными изменениями, но и с нарастающими неблагоприятными изменениями преступности качественного плана. Речь идет об изменениях характера и структуры преступности (рост насильственных преступлений, преступности несовершеннолетних, масштабов и сферы распространенности организованной преступности).

В отличие от названных стран особая ситуация, связанная с заметным и последовательным снижением показателей преступности со второй половины 1990-х гг., сложилась в США⁴⁶. Она объясняется целым рядом факторов: мощным экономическим подъемом, основанным на комплексе кардинальных мер, предложенных администрацией Б. Клинтона; разрешением социальных проблем, глубоким реформированием правоохранительной системы на основе Закона 1994 года об усилении борьбы с насильственной преступностью

---

⁴⁶ Наумов А. В. Существуют ли пределы роста преступности? // Уголовное право. – 2005. – № 3; Квашиш В.Е. Преступность в США: реальность позитивных изменений или «временное исключение»? // Уголовное право. – 2005. – № 5; Квашиш В.Е. Преступность в США: тенденции, причины и меры противодействия // Научный портал МВД России. – 2013. – № 2; Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, развитие уголовной политики в условиях глобализации. – М., 2014. – С. 73–74.

(The Violence Crime Control and Law Enforcement Act of 1994). Благодаря этому закону в кратчайшие сроки произошло ужесточение федерального законодательства (повлекшее за собой и изменение законов штатов), карательной политики, изменилась система профилактики преступлений, на 100 тыс. сотрудников увеличилась численность полиции, в то же время резко сократилась практика досрочного освобождения осужденных, началось спонсирование строительства новых тюрем, разрешение вопросов ресоциализации освобожденных из мест заключения. Общая стоимость этих мер превышала 30 млрд долл., но их реализация дала весьма позитивные результаты, причем не только на ближайшие годы, но и на более отдаленную перспективу.

К тому же, следует иметь в виду, что в США в последние 15 лет реализуется курс на резкое ужесточение карательной практики. Тенденция последовательного снижения, а затем и стабилизации преступности (с 1996 г.) получила свое продолжение в США вплоть до конца 2012 г., несмотря на охвативший страну экономический и финансовый кризис.

При всей значимости приведенных данных, следует, во-первых, иметь в виду, что статистическая информация о преступности, как уже отмечалось, в принципе не может быть исчерпывающе полной и точной. Во-вторых, официальная преступность, как известно, далеко отстоит от реальной картины – между ними лежит весьма значительный слой скрытой и скрываемой латентной преступности, с трудом поддающейся точному определению, поскольку на её масштабы влияет целый ряд факторов – уровень развития общества, особенности социального и криминологического «портрета» страны, уголовной политики, уровня правопорядка и т.д. Это означает, что оценка статистики преступности без учета масштабов латентности и не раскрытых преступлений ведет к существенному искажению реальной ситуации, чреватуму ошибками в выборе стратегии и тактике борьбы с криминалом.

В большинстве западноевропейских стран латентность значительно ниже, чем в России. Так, в Великобритании сравнение итогов виктимологического опроса населения в 2008 г. с данными полицейской статистики показа-

ло, что официальные данные регистрации насильственных преступлений оказались даже выше, чем по итогам опроса населения; по другим преступлениям они практически совпадают и, следовательно, о значительной латентности преступности говорить не приходится⁴⁷.

В Японии впервые заговорили о латентности еще в конце 1970-х гг.⁴⁸. Наличие латентности («темной цифры») уже тогда осознавали и ученые, и руководство полиции; в Национальном полицейском агентстве приходили к выводу, что реальный объем преступности в два раза превышает данные официальной статистики⁴⁹. В современной Японии наличие некоторой латентности, несомненно, имеет место. Однако латентная преступность в стране обусловлена не намеренным искажением информации, а собственно латентной (не ставшей известной полиции) преступностью, т.е., «естественной» латентностью. Более того, в середине 2000-х гг. японская пресса сообщала о скандальных фактах в ряде префектур страны, где в полицейской статистике завышались данные о зарегистрированных преступлениях (с целью увеличения штатов, повышения зарплаты, лучшего оснащения техникой, транспортом и т.п.). Если говорить о «естественной» латентности, особенностью Японии является то, что потерпевшие не обращаются в полицию не потому, что ей не доверяют, а в основном из-за незначительности ущерба или неудобств процедурного характера.

Иная ситуация в США. Здесь с 1973 г. ежегодно проводится виктимологический опрос населения, в ходе которого опрашиваются 70–90 тыс. семей (членов семей старше 12 лет) для определения реального уровня преступности. Такой национальный опрос в 2009 г., например, показал, что о насильственных преступлениях в полицию заявили лишь 49% потерпевших

---

⁴⁷ Home Office Statistical Bulletin. Crime in England and Wales 2008/2009, July 2009, Vol. 1.

⁴⁸ Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. – 1989. – С. 74; Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – 2003. – С.16, 33–40.

⁴⁹ В 1978 г. аспирант Токийского университета Акиро Исии на конференции Криминологического общества сообщил, что число преступлений в Токио в 34 раза превышает данные статистики. По его расчетам, в 1977 г. было совершено свыше 6 млн преступлений, а зарегистрировано лишь 164 тыс. преступлений.

и 40% – о преступлениях против собственности. Согласно статистике ФБР, в том же году было зарегистрировано 10 663 млн преступлений, в т.ч. 1 326 млн насильственных преступлений и 9 337 млн преступлений против собственности. Зная коэффициенты латентности для насильственных преступлений (2,0) и преступлений против собственности (2,5), не трудно подсчитать, что реальная преступность (25 млн) превышает зарегистрированную в 2 раза.

Здесь и в дальнейшем изложении необходимо иметь в виду, что точность и практическая ценность определения уровня латентности насильственных и корыстных преступлений на основе итогов виктимологических опросов населения, конечно же, весьма относительно уже в силу субъективного характера информации (к тому же, такие опросы охватывают лишь один, пусть и значительный пласт потерпевших – физических лиц, тогда как преступность и её последствия наносят ущерб и нарушают интересы более широкого круга объектов – государства, общества, юридических лиц и т.д.). Это вовсе не значит, что полученные результаты не следует принимать в расчет; их значимость состоит в том, что они являются одним из важных шагов на пути определения уровня латентности и во многом приближают наши представления о реальных масштабах преступности. Однако подлинные показатели латентности и, следовательно, реальные масштабы преступности (выявленные на основе объективных методик), в свою очередь, будут значительно отличаться от результатов расчета латентности на основе итогов виктимологических опросов (причем, вовсе не очевидно, в какую сторону). Поэтому совершенствование методики расчета латентности и определения реальной преступности остается одним из наиболее актуальных и перспективных направлений научных исследований.

Для России характерной является куда более высокая латентность преступности (особенно укрываемой преступности или «искусственной» латентности). Прежде всего, бросается в глаза, что абсолютные показатели зарегистрированной преступности в России на протяжении многих лет не на много

отличаются от показателей Японии, где преступность по сравнению со всеми другими странами всегда была наименьшей; но, главное, российские статистические показатели ниже, чем во Франции, и в 2 раза ниже, чем в ФРГ и Англии, хотя численность населения в России, как известно, в 2 раза выше, чем в любой из этих стран⁵⁰. Уже один этот статистический факт сам по себе достаточен для критического отношения к объективности такой криминологической картины. Не секрет, что принятая в России оценка эффективности органов внутренних дел по количеству зарегистрированных преступлений и раскрываемости преступлений, приводила и приводит к тому, что в деятельности этих органов использовалась любая возможность избежать регистрации заявлений о преступлениях и возбуждения уголовных дел (ясно, что чем меньше в производстве уголовных дел, тем больше возможностей для повышения раскрываемости).

Новации в УПК РФ 2001 г. еще больше усложнили жизнь практических работников розыска и следствия, стимулируя укрывательство преступлений от учета. На словах такая практика осуждалась, а на деле десятилетиями сохраняется. Во-первых, в силу привычных стереотипов психологии сотрудников этих органов; во-вторых, потому, что статистика преступности «...насквозь пронизана политическими интересами...; она больше любого иного источника информации формирует имидж власти»⁵¹. Заведомые искажения регистрации особенно заметны при анализе коэффициентов преступности в различные годы. Таким, например, явился феномен 2001–2004 гг., когда резкое снижение относительных показателей на самом деле не означало смену тенденций и снижение реального уровня преступности, тем более что криминогенный потенциал не изменился и масштаб его воплощения в преступное поведение вовсе не уменьшился.

---

⁵⁰ В 2011–2013 гг. в России регистрируется 2 100 преступлений на 100 тыс. населения. В Швеции, например, 15 000; в ФРГ – 7 400; в США – 3 400; в Польше – 3 000. (Ложь и статистика: почему МВД скрывает правду о преступности в России // Финмаркет, 26.02.2014 года (www.finmarket.ru/life/article/3640144)).

⁵¹ Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. – М. 2006. – С. 129–130.

Источником искажений статистической информации объективно является известное противоречие между необходимостью правдиво отображать реальное состояние преступности и одновременно повышать уровень ее раскрываемости. В отчетности картина казалась все более благоприятной, но на самом деле, ситуация в России ухудшалась, а официальная информация о ней «...по укоренившейся российской привычке разошлись в разные стороны»⁵². При официальной регистрации в 2001-2006 гг. (в среднем около 3 млн преступлений) текущая латентность по разным методикам расчетов составляла в России от 17 до 22 млн преступлений⁵³. Понятно при этом, что индексы латентности по разным видам преступлений существенно различны.

Таблица 5

Раскрываемость преступлений в 1999–2010 гг. (в %)

Годы	Япония	Франция	Германия	Великобритания	США	Россия
1999	33,8	27,6	52,8	25,2	21,4	---
2000	23,6	26,7	53,2	24,4	20,5	---
2001	19,8	24,9	53,1	23,4	19,6	---
2002	20,8	26,3	52,6	23,6	20,0	---
2003	23,2	28,8	53,1	23,5	19,8	55,1
2004	26,1	31,8	54,2	20,5	19,9	52,4
2005	28,6	33,2	55,0	23,8	19,7	47,8
2006	31,3	34,3	55,4	25,7	19,3	46,5
2007	31,7	36,1	55,0	27,7	20,0	49,5
2008	31,6	37,6	54,8	28,4	20,8	53,4
2009	32,0	37,7	55,6	27,8	22,1	55,1
2010	31,4	37,4	56,0	27,8	21,5	54,4

⁵² Там же. – С. 131. В 2008 г. в России зарегистрировано 21,5 млн заявлений; в 2009 г. – 22,8 млн; в 2010 г. – 23,9 млн; в 2011г.- 24,7 млн; в 2012 г. – 26,2 млн., а доля заявлений, по которым возбуждались уголовные дела, ежегодно снижалась: в 2008 г. – 12,2%; в 2009 г. – 10,9%; в 2010 г. – 9,1; в 2011 г. – 8,0%; в 2012 г. – 7,1% (www. mvd.ru, раздел «Статистика»)

⁵³ Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. –М., 2008. – С. 179; Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006. – М., 2007. – С. 7; Клейменов М.П. Нераскрытая преступность. – С. 15–20.

В приведенных данных, во-первых, заметны стабильные и наиболее высокие показатели общей раскрываемости преступлений в ФРГ, которые в два раза выше, чем в Великобритании, в 1,7 раза выше, чем в Японии⁵⁴, в 1,5 раза выше, чем во Франции и в 2,5 раза выше, чем в США.

Во-вторых, если не учитывать высокую латентность, можно было бы порадоваться тому, что раскрываемость преступлений в России значительно превышает показатели Японии и не уступает показателям лидирующей Германии. В названных развитых странах раскрываемость имущественных преступлений – от 10 до 40 %; по насильственным преступлениям – от 40 до 80%. В России же – соответственно, 60% и 90% – еще один «рекорд», еще одна «обманка», к которой приводят российские статистические фикции⁵⁵. Между тем целый ряд исследований показывает, что в стране ежегодно не раскрывается почти половина регистрируемых преступлений. При этом с 2006 г. удельный вес нераскрытой преступности ежегодно, якобы, снижается (особенно резко – по насильственным преступлениям). Причины такого «снижения», отмечают эксперты, коренятся в манипулятивных технологиях, которые искажают статистическую картину и создают иллюзию благополучия⁵⁶. Техника создания такой картины решается двумя традиционными путями: снижением числа правонарушений, идентифицируемых в качестве преступлений, и увеличением числа прекращенных дел о нераскрытых преступлениях. Так достигается видимость эффективности, такова отечественная «хрестоматия обмана».

---

⁵⁴ В Японии, напомним, принята двуединая система учета и раскрываемости преступлений – с автотранспортными преступлениями и без таковых. В 1980–1990-х гг. общая раскрываемость – с учетом этих преступлений составляла 70%; к 2010 г. – 51,7%.

⁵⁵ Генеральный прокурор России Ю. Чайка на заседании Совета Федерации 23 апреля 2013 г. отмечал: «В массовом порядке искажаются сведения о результатах расследования дел, об оставшихся не раскрытыми преступлениях, об их тяжести. Прокуроры...сталкиваются с все более изощренными проявлениями искажения статистики» ([http:// www.genproc.gov.ru](http://www.genproc.gov.ru)).

⁵⁶ Клейменов М.П. Там же. – С. 21, 27; Иващенко А.В., Ревягин А.В. Нераскрытая насильственная преступность. – М., 2013.

Раскрываемость преступлений в России и Японии в 2000–2010 гг.

В-третьих, заметной является наметившаяся с 2003 года общая (кроме Великобритании и США) тенденция к росту раскрываемости преступлений. Как показал анализ, эта тенденция характерна не только для общей раскрываемости, но и для раскрываемости отдельных видов преступлений. Так, раскрываемость убийств с 2000 по 2009 гг. выросла во Франции – с 81,4% до 87,5%, а в ФРГ – с 94,5% до 97,0%. В Японии раскрываемость убийств за эти годы выросла с 94,3% до 98,2%; грабежей – с 56,9 до 64,8%; краж – с 19,1 до 27,9 %; изнасилований – с 68,1% до 83% (эта тенденция, помимо всего прочего, связана с более широким использованием технических средств и внедрением новейших технологий, влияющих на эффективность расследования преступлений).

В России в эти и последующие годы показатели раскрываемости убийств увеличивались также быстро, как и в названных странах, но доверять таким заведомо фиктивным показателям, конечно же, нельзя. Об этом уже говорилось применительно к практике регистрации убийств; специальные криминологические исследования подтверждают весьма значительные раз-

личия в официальных показателях раскрываемости убийств и реальной раскрываемостью. Эти расхождения не случайны, ибо заказчики и исполнители статистических манипуляций не учитывают наличие прямых взаимосвязей между латентной, раскрытой и нераскрытой преступностью – повышение раскрываемости невозможно без фальсификации данных о нераскрытых преступлениях, а уменьшение регистрируемых преступлений невозможно, как уже отмечалось, без повышения уровня их латентности. По расчетам М.П. Клейменова, в 2005 г., реальная раскрываемость убийств в стране (с учетом нераскрытых преступлений) составляла 29,0%, а по официальной статистике – 85,4%; в 2008 году, соответственно, 17,8% и 88,0%; в 2011 г. – 13,1% и 84,8%; в 2013 году – 11,7% и 88,1%⁵⁷.

Таблица 6

Динамика убийств в различных странах в 1992–2010 гг.

	Япония		Франция		ФРГ		Англия		США		Россия	
	Всего	Кэф.-г	Всего	Кэф.-г	Всего	Кэф.-г	Всего	Кэф.-г	Всего	Кэф.-г	Всего	Кэф.-г
1992	1 275	1,0	2 702	4,7	2 934	4,5	1 255	2,5	23 760	9,3	18 411	12,4
1993	1 272	1,0	2 818	4,9	4 259	5,3	1 331	2,6	24 526	9,5	23 627	15,9
1994	1 321	1,1	2 696	4,7	3 751	4,6	1 377	2,7	23 326	9,0	23 849	16,1
1995	1 312	1,0	2 563	4,4	3 960	4,9	1 379	2,7	21 606	8,2	25 253	17,0
1996	1 257	1,0	2 385	4,1	3 531	4,3	1 353	2,6	19 645	7,4	23 243	15,7
1997	1 323	1,0	2 085	3,6	3 312	4,0	1 391	2,7	18 208	6,8	28 467	19,2
1998	1 466	1,2	2 150	3,7	2 897	3,5	1 426	2,8	16 974	6,3	28 794	19,5
1999	1 338	1,1	1 997	3,4	2 851	3,5	1 516	2,9	15 522	5,7	30 337	20,4
2000	1 462	1,2	2 166	3,7	2 770	3,4	1 558	3,0	15 586	5,5	31 052	21,1
2001	1 436	1,1	2 289	3,9	2 641	3,2	1 747	3,3	16 037	5,6	33 583	23,2
2002	1 489	1,2	2 415	4,1	2 664	3,2	1 862	3,5	16 229	5,6	32 285	22,4
2003	1 530	1,2	2 173	3,6	2 541	3,1	1 737	3,3	16 528	5,7	31 630	22,1
2004	1 508	1,2	2 097	3,5	2 480	3,0	1 608	3,0	16 148	5,5	31 553	21,9
2005	1 458	1,1	2 107	3,5	2 396	2,9	1 684	3,2	16 740	5,6	30 849	21,5
2006	1 361	1,1	1 937	3,2	2 468	3,0	1 391	2,6	17 030	5,7	27 462	19,2
2007	1 243	1,0	1 866	3,0	2 347	2,9	1 395	2,6	16 929	5,6	22 227	15,6
2008	1 341	1,1	1 899	3,1	2 266	2,8	1 238	2,3	16 272	5,4	20 056	14,1
2009	1 094	0,9	1 630	2,6	2 277	2,8	1 209	2,3	15 399	5,0	17 681	12,5
2010	1 067	0,9	1 746	2,8	2 218	2,7	1 167	2,2	14 748	4,8	15 563	12,0

⁵⁷ Клейменов М. П. Нераскрытая преступность // Криминологическая ситуация и реагирование на нее. – М., 2014. – С. 29–31.

Как видно, в реальности показатели раскрываемости убийств последовательно снижаются, а по официальным данным – растут. При этом официальные данные в несколько раз превышают показатели реальной раскрываемости убийств.

Надо отметить, что применительно к странам Западной Европы данные об убийствах, приведенные в используемых здесь материалах японской уголовной статистики, страдают определенной неточностью. Более надежными и точными являются данные ЕВРОСТАТА и статистики ООН, согласно которым коэффициенты убийств в 2010 году составляют: в Великобритании – 1,2; в Германии – 0,8; во Франции – 1,4⁵⁸. Отмеченные неточности не меняют общей картины и складывающихся тенденций. В дополнение к приведенным данным укажем, что к 2012 г. коэффициенты убийств в Японии по-прежнему составляли 0,9; в США – 4,8; а в России, если верить официальной национальной статистике, – 9,2.

В уголовной статистике всех указанных стран, кроме США, убийства учитываются вместе с покушениями; в национальной статистике покушения выделены только в Великобритании, где их удельный вес в общем числе убийств в разные годы колеблется от 42% до 49%⁵⁹. В США покушения на убийство в статистике не учитываются, а главное, в отличие от России, учитываются не факты (эпизоды), а именно число убитых лиц. В России – позиция – убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) учитывается как одно преступление; поэтому убийства нескольких лиц, совершенные маньяками, серийными убийцами или преступными группировками, регистрируются как одно убийство. Кроме того, следует иметь в виду, что в боль-

---

⁵⁸ European Sourcebook of Crime and Criminal Justice Statistics, 2010 // europeansourcebook.org; International Statistics on Crime and Justice. HEUNI, 2010; Clarke, Steve. Trends in crime and criminal justice // Eurostat. Statistics in focus, 18/2013. – P. 3–4; Global Study on Homicide, 2013; UNODC, Vienna, 2014.

⁵⁹ Кроме того, здесь есть свои нюансы статистики. Один из них связан с тем, что в отчетности Home Office учитываются лишь деяния, совершенные в Англии и Уэльсе, а не по стране в целом; другой состоит в том, что ведется лишь учет по полугодию, а затем эти полугодовые результаты по предыдущему и следующему году суммируются. В итоге, возникает проблема годовой (календарной) оценки.

шинстве стран, в статистику убийств входят все случаи криминального насилия, повлекшего смерть, а в России случаи причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшие смерть, в статистику убийств не входят. Все это заставляет вносить в оценку приведенных показателей необходимые коррективы.

История криминологии и многочисленные исследования в разных странах убедительно свидетельствуют о том, что в любой стране, если нет крупных социальных потрясений (войн, революций и т. п.), число убийств так или иначе продолжительные годы остается стабильным (см. работы Э. Ферри, М.Н. Гернета и др.). Графически динамику убийств в этом случае могла бы отражать практически прямая горизонталь. Действительно, как видно из приведенных данных, во всех указанных странах, кроме России и США, показатели убийств в течение довольно продолжительного периода остаются, в целом, достаточно стабильными, хотя в рамках этой общей тенденции имеют место спады или некоторый прирост числа убийств.

В США благоприятная динамика убийств постепенно стала складываться с конца 1990-х гг. в силу тех кардинальных изменений в законодательстве и карательной практике, о которых уже говорилось. При этом с 2008 г. особенно заметно снижается и коэффициент убийств, тем более, что к концу 2010 г. численность населения в США значительно возросла (ее прирост был связан и с легализацией большого числа незаконных мигрантов из Мексики).

Очевидно, что в разных странах более высокий уровень убийств связан со значительно большей распространенностью и более частым применением огнестрельного оружия, хождение которого, в Японии давно и строго запрещено специальным законом.

Определенный прирост числа убийств в разные годы зафиксирован в Великобритании (1998–2004 гг.) и в ФРГ (1992–1997 гг.), где затем шло их постепенное снижение; такая же картина в эти годы складывалась во Франции и в Японии, где после всплеска убийств в 1998–2005 гг. началось их постепенное снижение. Но ни одна страна не знала статистических чудес, которые происходили с середины 2000-х гг. с показателями убийств в России, хо-

тя объективной основы для возникновения новой тенденции в их динамике, разумеется, не было. В 2007 г., например, число убийств в России по сравнению с 2001-2005 гг. сократилось в 1,5 раза, в 2009 г. – в 2 раза, а затем это сверхъестественное снижение продолжилось (соответственно, их раскрываемость с 2002 по 2009 гг. выросла с 76,5 до 87,7%).

До последнего времени в отечественной криминологии существовала весьма высокая степень научного консенсуса относительно того, что убийство является преступлением с наименьшей латентностью. Между тем, еще в 1990-х гг. криминологи отмечали, что количество незарегистрированных убийств в стране в два раза превышает число зарегистрированные; они предупреждали, что в условиях, когда тенденция к росту преступности превратилась в России в устойчивую закономерность, снижение числа убийств невозможно в принципе и логично ожидать не «свертывания», а, наоборот, роста криминального насилия⁶⁰.

Средства манипуляции с показателями убийств в России многократно описаны в современной криминологической литературе и нет смысла останавливаться на этом подробно (без вести пропавшие, неопознанные трупы, значительные различия показателей уголовной и медицинской статистики и т.д.)⁶¹. Несомненно, что столь благополучная статистическая картина отражает не реальную динамику убийств, а практику их регистрации и, как следствие, их высокую латентность. Отметим лишь, что с учетом рассчитанного

---

⁶⁰ Конев А.А. Преступность в России и её реальное состояние. – Н.Новгород, 1993. – С. 135; Лунеев В.В. Преступность XX в. Мировые, региональные и российские тенденции. – М., 2005. – С. 409; Квашис В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. – СПб., 2011. – С. 407–410.

⁶¹ Аргунова Ю.Н. О латентности убийств и иных насильственных преступлений // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / под ред. А.И. Долговой. – М., 2001. – С. 234–239; Долгова А.И. Криминальная ситуация в России: оценка изменений // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. – М., 2009. – С. 14; Антонов-Романовский Г.В. Экономические потрясения и динамика убийств // Там же. – С. 169; Овчинский В.С. Криминология кризиса. – М., 2009. – С. 152; Богданов С.В., Репецкая А.Л. Убийства в России и США: сравнительный анализ криминальной статистики // Криминологический журнал Байкальского ун-та экономики и права. – 2009. – № 4; Богданова Л. Снижение уровня убийств: реальные тенденции или укрытие? // Уголовное право. – 2010, – № 4. – С. 116–121; Лунеев В.В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог: журнал о праве. – 2014. – Т. 2. – №4. – С. 45–52.

коэффициента латентности убийств (2,3 – по данным 2009 г.) реальное число убийств в России с 2002 по 2009 гг. на самом деле сократилось не в два раза, а всего лишь с 40 до 39 тыс. При этом кардинально изменилось соотношение зарегистрированных и латентных убийств, где число латентных убийств заметно превысило число зарегистрированных. В итоге, если отбросить манипуляции со статистикой, реальное число убийств в России к 2010 г., по расчетам Фонда «ИНДЕМ», составляло 39 тыс., а по расчетам В.С. Овчинского – около 47 тыс. Это означает, что реальное число убийств в России в 2,5 раза выше, чем в США, а их уровень выше почти в 3 раза и в 12 раз выше среднего уровня в Европе⁶². В этой связи представляются сомнительными выводы Н.А. Лопашенко, оценивающей снижение уровня убийств в России как объективную и в целом позитивную тенденцию, где негативными факторами являются лишь рост удельного веса женщин и рецидивистов в общем числе лиц, совершивших убийства⁶³.

Те же статистические чудеса происходят с показателями регистрации и, соответственно, динамики и раскрываемости краж.

Таблица 7

Динамика и раскрываемость краж в 2001–2010 гг.

Динамика	Япония	Франция	ФРГ	Англия	США	Россия
1	2	3	4	5	6	7
Всего						
2001	2 340 511	2 354 647	2 971 727	3 126 698	10 437 189	1 273 120
2002	2 377 488	2 336 647	3 090 154	3 235 413	10 455 277	926 808
2003	2 235 844	2 215 214	3 029 390	3 069 763	10 442 862	1 150 772
2004	1 981 574	2 081 584	2 961 030	2 733 929	10 319 386	1 276 880
2005	1 725 072	1 973 455	2 727 048	2 651 367	10 174 754	1 572 996
2006	1 534 528	1 913 145	2 601 902	2 556 003	9 983 568	1 676 983
2007	1 429 956	1 788 239	2 561 691	2 349 891	9 843 481	1 566 970
2008	1 372 840	1 699 243	2 443 280	2 242 718	9 767 915	1 326 342
2009	1 299 294	1 703 743	2 344 646	2 063 689	9 337 060	1 188 574
2010	1 213 442	---	---	2 041 919	9 299 158	1 108 369

⁶² Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. – М., 2011. – С. 121; Овчинский В.С. Криминология кризиса. – М., 2009. – С. 157; Благовещенский Ю.Н., Сатаров Г.А. Статистическое сравнение России и других стран. Фонд «ИНДЕМ». – М., 2012. – С. 45–47 (<http://komitetgi.ru/upload/iblock/3cf/3cfcb375eced9.pdf>).

⁶³ Лопашенко Н.А. Убийства. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 70–72.

1	2	3	4	5	6	7
Раскрываемость						
2001	15,7	8,9	30,8	15,0	16,2	51,7
2002	17,0	9,3	30,2	14,4	16,5	38,4
2003	19,4	10,3	29,7	14,3	16,4	33,7
2004	22,6	10,9	29,8	13,4	16,5	36,6
2005	24,9	11,3	29,5	15,1	16,3	33,0
2006	27,1	11,9	29,7	16,2	15,8	29,5
2007	27,6	12,4	29,6	17,0	16,5	31,4
2008	27,7	13,2	29,8	18,2	17,4	35,9
2009	27,9	13,3	30,1	17,6	21,5	36,8
2010	27,0	---	---	---	21,9	36,5

Приведенные данные показывают, во-первых, определенные тенденции в распространенности и динамике краж и, во-вторых, существенные различия в показателях раскрываемости этих преступлений в разных странах. Бросается в глаза наименьшая распространенность краж в Японии, где общее число краж в 2 раза меньше, чем в ФРГ и Великобритании, и в 7 раз ниже, чем в США, а уровень краж (в расчете на 100 тыс. населения) в 2 раза ниже, чем во Франции, в 3 раза ниже, чем в ФРГ и в США, и в 4 раза ниже, чем в Великобритании. Кроме того, при общей тенденции к росту раскрываемости этих преступлений наиболее высокими и стабильными показателями отличаются ФРГ и Япония, где раскрываемость краж в 2,5 раза выше, чем во Франции и в 1,6 раза выше, чем в Великобритании и США.

На фоне приведенных данных поразительными выглядят «рекордные» показатели российской статистики краж. Оказывается, число краж в России, если верить официальным данным, меньше, чем в Японии, где самые низкие показатели, – в 3 раза; ниже Франции – в 3 раза; Великобритании и ФРГ – почти в 2 раза; США – в 8 раз.

Кражи, как известно, относятся к тому классу преступлений, которые, во-первых, всегда и везде отличались высокой латентностью, и, во-вторых, дают возможность сравнительного анализа положения дел в странах с разными правовыми системами. Показатели виктимологических опросов, как уже отмечалось, во многом помогают выявить реальную картину распространенности этих преступлений. В США в 2009 г., уровень краж, по данным

статистики ФБР, составлял **2 056 тыс.** (на 100 тыс. населения). Между тем, по данным National Crime Victimization Survey, о кражах в полицию сообщили лишь 30,4% потерпевших⁶⁴; это означает, что коэффициент латентности для краж – 3,3. В том же году в России, по официальным данным, уровень краж (833) был в 2,5 раза меньше, чем в США. Однако виктимологические опросы населения показали, что о совершенных кражах не заявили 90% респондентов и, следовательно, регистрировалась лишь каждая десятая кража (индекс латентности – 10,1). Другими словами, официальная статистика в России десятикратно занижает реальное число краж⁶⁵. Как показывают расчеты, проведенные в Фонде «ИНДЕМ», с учетом коэффициента латентности, реальный уровень краж в США в расчете на 100 тыс. населения в том же году составил 6 784 (2056 x 3,3), а в России – 8 413 (833 x 10,1). По данным официальной статистики, в 2011 г. в США было **6 160 млн** краж; в России – **1 038 млн**. А на самом деле, в России было совершено не 1 млн, а более 10 млн краж.

Столь значительное расхождение между мифологической статистикой краж в России и реальной картиной происходящего⁶⁶ давно не удивляет исследователей. «В силу ряда свойств, имманентных кражам, как специфическому виду посягательств на имущество, сведения о них – один из самых удобных объектов «регулируемого». И эти свойства широко и активно используются правоохранительными органами. Поскольку такой факт общеизвестен и, как аксиома, уже не требует доказательств, можно сказать просто: официальная статистика краж есть, зеркальное отражение волюнтаристских флуктуаций уголовной политики и регистрационной практики, ответствен-

---

⁶⁴ **Criminal Victimization, 2009. Bureau of Justice Statistics. Bulletin, Oct. 2010, NCJ 1231327.**

⁶⁵ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. – М., 2011. –С. 235; Благовещенский Ю.Н., Сатаров Г.А. Указ. работа. – С. 45.

⁶⁶ В Москве, например, ежегодно регистрируется 10 тыс. карманных краж. Между тем, по данным специалистов Московского уголовного розыска, регистрируется лишь каждая 75-я кража и в реальности таких краж не 10 тыс., а 750 тыс. (См.: Московские новости, 3 декабря 2013 года. – № 640).

ность за которую несут правоохранительные органы...»⁶⁷. Поэтому вовсе не удивительно, что на фоне такой практики раскрываемость краж в России, по официальным данным, оказалась самой высокой среди всех указанных стран – в 1,5 раза выше, чем в ФРГ, Японии и США, в 2 раза выше, чем Великобритания и в 3 раза выше, чем во Франции. Очевидно, что принятая в России оценка эффективности деятельности полиции по раскрываемости преступлений, соотносимая лишь с данными о зарегистрированной преступности, будет соответствовать удобной фикции, но никак не будет отражать реальное положение вещей⁶⁸.

Завершая сравнительный анализ преступности в Японии, России и других странах, приведем данные исследования аналитиков влиятельного журнала «Foreign Policy» и Американского фонда мира. Рассчитанный ими рейтинг отражает способность ключевых государственных институтов сравниваемых стран контролировать экономическую и политическую ситуацию. При этом одним из 12 индикаторов является уровень криминализации общества – распространенность коррупции, недоверие государственным органам и рост числа преступных организаций. По сумме всех 12 показателей, в 2009 г. из 179 стран США занимали 154-е место с оценкой 3,0 балла (по убывающей 10-балльной шкале); ФРГ – 158 (2,3); Япония – 161 (2,0); Франция и Великобритания – 162 и 163 (1,8); Россия – 52 место (8,0)⁶⁹. В 2010 и 2011 гг. эти оценки почти не изменились, если не считать, что Япония поменялась местами с ФРГ и еще больше увеличила качественный разрыв в показателях эф-

---

⁶⁷ Бабаев М.М., Кругер М.С. Указ. раб. – С.128; «Из всех преступлений именно кражи как наиболее распространенные явились полем статистических маневров за более или менее «удовлетворяющие» показатели» (Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Указ. работа, – С. 184).

⁶⁸ Генрих Н.В., Камалова А.К., Морозов Н.А. Сравнительный анализ преступности в России и зарубежных странах // Российский криминологический взгляд. – 2013. – № 3, – С. 379; Клейменов И.М. Преступность в США и России: попытка сравнительного анализа // Вестник Омского университета «Право». – 2012. – №1. – С. 118–119.

⁶⁹ Failed States Index 2010 –<http://www.fundforpeace.org> ; Сухаренко А. Н. Место Российской Федерации в системе мировой организованной преступности // Право и безопасность. –2012. – № 6.

фективности борьбы с преступностью по сравнению с другими развитыми странами.

До сих пор речь шла о сравнительном анализе преступности в Японии и наиболее развитых западных странах. Между тем, ряд исследований содержит интересные данные сравнительного анализа преступности в Японии, Китае и Южной Корее – соседних странах с древними традициями, свойственными правосознанию наследников великих цивилизаций Востока. Систематизируя соответствующие статистические показатели преступности, исследователи приходят к выводу, что, несмотря на определенные различия, современное развитие преступности в этих странах в целом подчиняется общим закономерностям, которые получают выражение в следующих основных тенденциях: модернизация политической и экономической жизни сопровождается ростом общеуголовной преступности, прежде всего корыстного и корыстно-насильственного характера; увеличивается относительное количество краж и угонов автомобилей, растет число правонарушений на автотранспорте; снижается возраст правонарушителей, в преступную деятельность все шире вовлекаются несовершеннолетние и особенно подростки; все большую распространенность получают такие преступления, как мошенничество и вымогательство, организация проституции и азартных игр; в обществе растет интенсивность агрессии и насилия; появляются новые виды преступлений в сфере экономической деятельности, где особенно заметно использование высоких технологий при совершении преступлений; очевидными становятся фобии населения перед преступностью⁷⁰.

Анализ указанных процессов и тенденций показывает, что они отражают, главным образом, сходные качественные изменения (а не только и не столько количественные) преступности, тем самым актуализируя продолжение подобных исследований с учетом общности традиционной правовой се-

---

⁷⁰ Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, развитие уголовной политики в условиях глобализации. – М., 2014. – С. 91–92; Leongardsen Dag. Crime in Japan: Paradise Lost? Palgrave Macmillan, 2010; Crime in China (<http://www.Factsanddetails.com/China>).

мьи, влияния процессов глобализации, этических традиций конфуцианства и особенностей географии.

Подводя итоги анализа многоплановой информации о состоянии, динамике и характере преступности в современной Японии, можно сформулировать следующие выводы:

1. Изменения в динамике преступности, а также хронология её «пиковых» показателей указывают на их определенную цикличность, которая связана с конкретными этапами экономического и социального развития страны, что подтверждается синхронностью всплесков преступлений и социально-экономической обстановкой в Японии.

2. Преступность в Японии последовательно снижается более десяти лет подряд, что особенно заметно в сфере насильственной преступности. Причины оздоровления криминальной ситуации и заметного спада насилия в обществе носят комплексный характер; среди них заметное место занимают эффективные действия полиции, а также та роль, которую в уголовной политике играют общепреventивные меры. Кроме того, на снижение насильственной виктимизации и роста имущественных преступлений оказывают влияние изменения демографической ситуации, которая приводит к росту преступности в старших возрастных группах, что особенно заметно в самой не защищенной группе – пожилых людей.

3. Тем не менее между реалиями преступности и ощущениями недостаточного уровня общественной безопасности в массовом сознании по-прежнему сохраняется значительный разрыв, обусловленный в первую очередь сильным психологическим влиянием средств массовой информации. Отсюда и рост требований к ужесточению мер наказания, и долгие годы сохраняющийся в стране высокий уровень поддержки смертной казни.

4. Эффективная реализация комплекса мер по снижению преступности и росту раскрываемости преступлений, конечно, не является свидетельством решения всех проблем в этой сфере и отсутствия новых угроз со стороны криминального мира (о чем говорит, например, значительный рост разнооб-

разных проявлений мошенничества). Более того, анализ динамики и структуры современной преступности позволяет сделать вывод о том, что перспективы дальнейшего развития криминальной ситуации в Японии следует связывать не столько с количественными, сколько именно с качественными, структурными изменениями. Ибо при доминировании общей тенденции к снижению преступности в ряде отношений её динамика (особенно темпы снижения) и трансформации внутри структуры преступности пока ещё развиваются в недостаточно благоприятном направлении.

5. Сравнительный анализ преступности в современной Японии и других странах еще раз подтвердил обоснованность ранее сделанных нами и другими исследователями выводов о долговременных и, в целом, более благоприятных тенденциях развития преступности в Японии по сравнению с положением дел в других, в том числе, экономически развитых странах. Это, в частности, нашло отражение в более привлекательных показателях динамики и структуры преступности, раскрываемости преступлений и значительно меньшего уровня латентности.

Кроме того, проведенное исследование подтвердило особую актуальность проблематики латентности для анализа преступности в России; оно еще раз показало, что принятая в России оценка эффективности деятельности полиции по раскрываемости преступлений, соотносимая лишь с данными зарегистрированной преступности, будет соответствовать удобной фикции, но никак не будет отражать реального положения вещей. Оно также показало, что совершенствование методики расчета латентности и определения реальной преступности по-прежнему остается одним из наиболее важных и перспективных направлений для проведения отечественных криминологических исследований.

Глава II. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА РУБЕЖЕ ХХІ ВЕКА

§1. Преступность несовершеннолетних

В последние 60 лет современной истории Японии зафиксировано три волны резкого взлета преступности несовершеннолетних. Ретроспективный анализ этих процессов показывает, что первый из трех пиковых показателей приходится на 1951 г., т.е. на послевоенный период, когда число арестов несовершеннолетних превысило 166 тыс.; второй пик приходится на 1964 г., когда был зафиксирован ещё больший прирост преступности (238 830 арестованных); и, наконец, третий, максимальный показатель был зарегистрирован в 1983 г., когда число арестов несовершеннолетних в 2 раза превысило показатели 1951 года (317 438).

Поскольку состояние преступности несовершеннолетних и практика борьбы с ней в Японии в послевоенный период (до 1990-х годов) довольно обстоятельно рассматривалась в российской криминологической литературе, сосредоточимся на анализе меняющейся в этой сфере ситуации, которая охватывает последние десятилетия ХХ в. и первые 12 лет ХХІ в. Дополняя сказанное в предшествующих исследованиях, отметим, что в указанные годы в статистическом плане «всплески» преступности несовершеннолетних по своей интенсивности заметно превосходили динамику преступности взрослых, что наиболее отчетливо проявлялось при сравнении коэффициентов преступности.

Дальнейшее изложение требует нескольких предварительных замечаний, учитывающих специфику японского уголовного законодательства и ранее отмеченных особенностей статистического учета преступности. Прежде всего, отметим, что в ходе предпринимаемого анализа речь идет, если не оговорено иное, лишь о преступлениях и лицах, совершивших преступления, предусмотренные УК Японии (а не о деяниях, наказуемых «специальными»

законами, и не о суммарных показателях статистики). Кроме того, японская полицейская статистика чаще оперирует не общим числом зарегистрированных преступлений, а числом арестов этой категории правонарушителей. Понятно, что это – не одно и то же, однако особенности системы, учета и практики борьбы с преступностью несовершеннолетних в Японии снижают статистические различия этих показателей. Речь идет о специфике практики привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, когда арест применяется далеко не ко всем выявленным правонарушителям, о заведомо высокой распространенности групповой преступности среди несовершеннолетних (в силу чего число совершенных ими преступлений, как правило, значительно меньше числа виновных) и, наконец, об отмеченном выше сравнительно низком уровне латентности. Все эти обстоятельства во многом нивелируют статистические различия в показателях арестов и общего числа зарегистрированных преступлений.

Таблица 8

**Динамика преступности несовершеннолетних в 1946–2011 гг.
(с автотранспортными преступлениями)**

Годы	Несовершеннолетние		Взрослые	
	Число арестов	Коэф. прест-ти	Число арестов	Коэф. прест-ти
1946	111 790	669,3	333 694	838,0
1951	166 433	948,6	452 602	979,0
1964	238 830	1 190,4	488 080	797,0
1983	317 438	1 715,0	710 957	846,8
1990	244 122	1 317,2	683 688	753,0
1995	193 308	1 205,5	799 759	825,6
2000	193 260	1 377,0	987 359	980,1
2001	198 939	1 448,6	1 017 025	1 000,4
2002	202 417	1 506,2	1 037 624	1 015,9
2003	203 684	1 552,9	1 087 640	1 058,9
2004	193 076	1505,9	1 116 531	1 082,0
2005	178 972	1 422,3	1 120 026	1 085,3
2006	164 220	1 321,0	1 095 925	1 054,7
2007	149 907	1 222,2	1 052 925	1 009,9
2008	134 415	1107,2	965 108	924,8
2009	132 594	1 102,4	937 273	897,6
2010	127188	1 061,3	919656	882,5
2011	116 089	968,4	886 595	844,2

Наконец, более контрастным представляется сравнительный анализ преступности несовершеннолетних на фоне тех же показателей среди взрослых правонарушителей. Из тех же соображений в приводимой ниже таблице указаны отмеченные выше пиковые показатели преступности несовершеннолетних 1951, 1964 и 1983 гг.

Как видно из приведенных данных, в отличие от хаотичных процессов в динамике преступности второй половины XX в., доминирующей тенденцией преступности несовершеннолетних в начале XXI в. является, во-первых, ее последовательное снижение. Исключение составляют лишь показатели 2003 г., однако оно имеет принципиально важную и объективную причину, ибо в 2001 г. в Японии был принят закон, понижающий возраст уголовной ответственности несовершеннолетних за наиболее опасные преступления с 16 до 14 лет. Во-вторых, снижение преступности несовершеннолетних идет параллельно с тенденциями снижения преступности взрослых и преступности в стране в целом. В-третьих, очевидным является тот факт, что доля арестованных несовершеннолетних (и, соответственно, доля преступлений и преступников) относительно преступности взрослых последовательно снижается – в 1960–1980-х гг. она была в два раза меньше, чем среди взрослых; в 1990-х гг. в среднем в три раза меньше, а в 2000-х гг. меньше в 6–7 раз. В-четвертых, практически во все годы коэффициент преступности несовершеннолетних был значительно выше, чем среди взрослых (до середины 2000-х гг. – в 1,5 раза выше). Указанная тенденция объясняется не столько интенсивностью преступности несовершеннолетних, сколько заметными изменениями демографической ситуации в стране, где на фоне общего старения населения доля несовершеннолетних в структуре населения из года в год снижается: в 1999 году она составляла 15,6%, а к 2012 г. – 13,3% населения⁷¹. Именно поэтому снижение коэффициентов преступности среди взрослых идет менее интенсивно⁷².

---

⁷¹ Kamaruddin K., Abdullah, A. Juvenile Crime in Japan. Challenges for Japan Future. ([www.academia.edu/1717641/Juvenile Crime in Japan](http://www.academia.edu/1717641/Juvenile_Crime_in_Japan)).

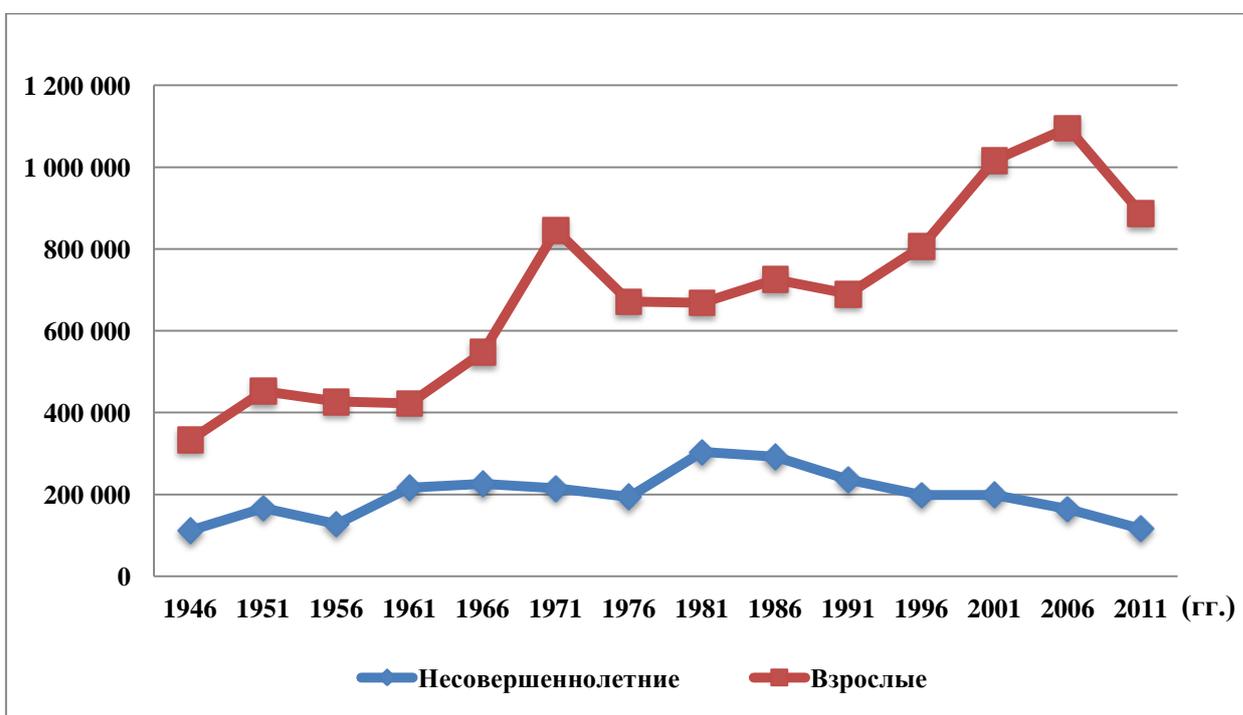
⁷² По данным Федеральной службы государственной статистики в 2011 г. в России доля несовершеннолетних в структуре населения составляла 20,3%.

Наконец, в качестве позитивной следует назвать и очевидную тенденцию к снижению доли несовершеннолетних в общей структуре преступности; в общем числе выявленных лиц она сократилась с 16,2% в 2001 г. до 11,6% к началу 2012 г.⁷³. Однако здесь приведены показатели статистики, учитывающие и общеуголовную преступность, и автотранспортные преступления. Если же брать за основу общее число всех выявленных лиц в 2011 году без учета автотранспортных преступлений, то удельный вес несовершеннолетних (94 тыс.) составит 30,7%; если же учитывать только преступления, наказуемые УК (77,6 тыс.), то доля несовершеннолетних в общей структуре преступности в стране к 2012 году составляла 25,4%⁷⁴.

В графическом выражении указанные различия более контрастны:

График 8

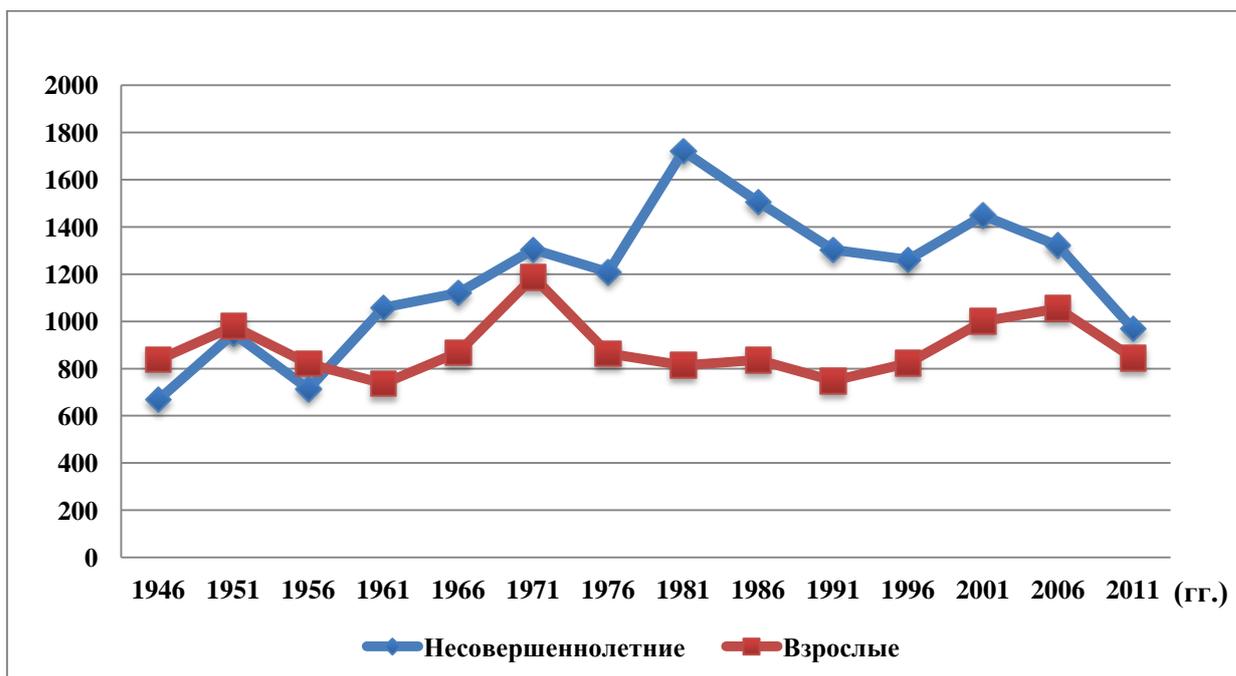
Число выявленных лиц в 1946–2011 гг.

⁷³ В России в общем числе выявленных лиц несовершеннолетние в 2011 г. составляли 6,3% (Преступность и правонарушения 2007–2011. – М., 2012. – С. 9).

⁷⁴ Police of Japan, 2013. – P. 15.

Сравнительные коэффициенты преступности в 1946–2011 гг.

В дополнение к сказанному отметим, что приведенные в табл. 8 показатели учитывают общее число всех арестованных (в 2011 г. – 116 тыс.) – во-первых, независимо от возраста (в том числе, тех, кто не достиг 14 лет); во-вторых, в силу отмеченных особенностей учета преступности в это число входят и те, кто совершил преступления, предусмотренные УК Японии, и те, кто совершил преступления, ответственность за которые предусмотрена специальными законами; в-третьих, в силу тех же особенностей учета и статистики преступности, сюда входят и те, кто совершил автотранспортные преступления. Поэтому в соответствии с сложившейся в Японии практикой «двойного» учета преступности, в табл. 9 приводятся данные, не учитывающие лиц, совершивших автотранспортные преступления. Если же из оставшегося числа выявленных лиц вычленим тех, кто не достиг 14 лет, а затем тех, кто совершил преступления, наказуемые специальными законами, то число арестованных в 2011 г. составит не 94 тыс., а 77 696 несовершеннолетних.

Таким образом, исходя из сложившейся практики и особенностей учета преступности, в этой главе рассматриваются все указанные показатели – в зависимости от целей и ракурса анализа статистической информации. В любом случае, можно констатировать, что к началу 2012 г. абсолютные показатели преступности несовершеннолетних в Японии были самыми низкими за 70 лет, а коэффициент преступности – 968,4 – самым низким за 60 лет (без учета автотранспортных преступлений – 787,2).

Как показывает дальнейший анализ, динамика и интенсивность преступности в разных возрастных группах, существенно различаются. Поскольку в соответствии с законодательством Японии совершеннолетними считаются лица, достигшие 20 лет, для такого анализа в полицейской статистике выделяются четыре количественно неравные возрастные группы: до 14 лет; 14–15 лет; 16–17 лет и 18–19 лет.

Таблица 9

Динамика преступности различных возрастных групп в 2001–2011 гг.

Годы	ВСЕГО	до 14 лет		14-15 лет		16-17 лет		18-19 лет	
		Абс.	Коэф.	Абс.	Коэф.	Абс.	Коэф.	Абс.	Коэф.
2001	158721	20067	399,0	57874	2117,3	56162	1912,9	24618	811,4
2002	162280	20477	415,5	56528	2117,3	58636	2080,9	26639	881,4
2003	165973	21539	443,7	56945	2206,5	58299	2135,5	29190	989,4
2004	155051	20191	418,9	52358	2090,0	53841	2018,6	28661	1013,1
2005	144255	20519	426,9	49596	2030,9	48370	1870,1	25770	937,9
2006	131623	18787	391,8	45560	1878,4	43806	1740,4	23470	871,0
2007	121165	17904	373,6	43921	1826,8	38696	1579,2	20644	788,6
2008	108592	17568	367,8	39809	1659,4	33617	1386,8	17598	692,7
2009	108358	18029	380,1	41491	1718,9	32230	1341,8	16608	672,7
2010	103627	17727	374,1	39006	1624,1	30298	1247,6	16596	686,9
2011	94369	16616	352,1	35553	1494,7	27589	1126,3	14611	598,8

Прежде всего, отметим, что в общем числе зарегистрированных преступлений доля той или иной возрастной группы в разные годы заметно меняется. Вот как выглядят изменения этого показателя за последние 10 лет для каждой возрастной группы:

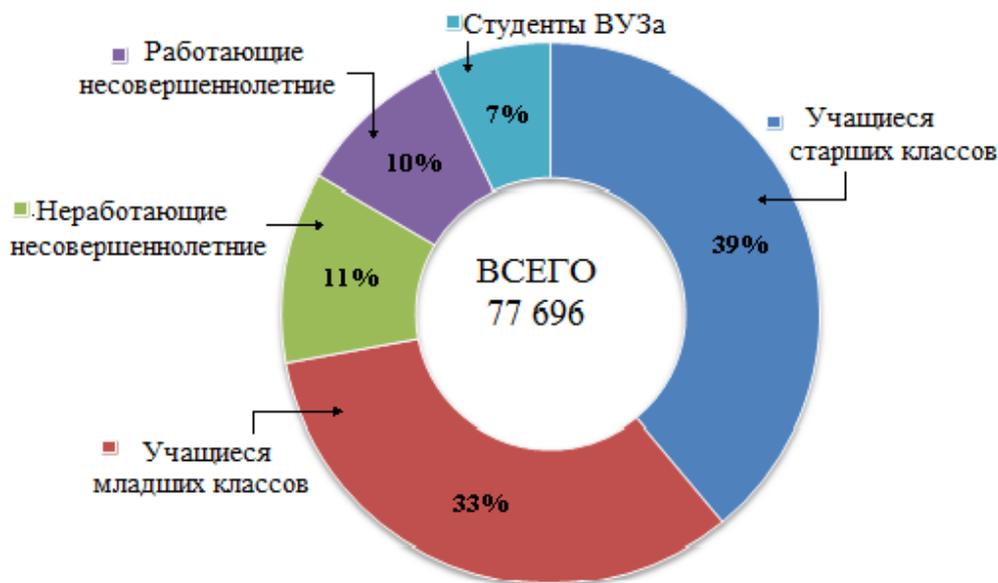
2001 г.	12,5%	36,3%	35,0%	16,2%
2011 г.	17,6%	38,3%	30,1%	14,0%

Как видно, «долевое участие» младших возрастных групп возросло (особенно в самой младшей группе), а представительство старших групп, наоборот, сокращается.

Из данных, приведенных в **табл. 2**, следует, что в 2011 гг. в абсолютных значениях криминальная активность второй и третьей возрастной группы в 2 раза превосходит показатели в самой младшей и самой старшей группах; причем, с середины 2000-х гг. активность возрастной группы 14–15 лет – все больше опережает показатели соседней группы, (16–17 лет), не только по абсолютным показателям, но и по коэффициентам преступности. В этой группе подростков коэффициенты преступности вообще самые высокие; они в 5 раз выше, чем в самой младшей и почти в 3 раза выше, чем в самой старшей возрастной группе. Отмеченная тенденция сохраняется практически без изменений в течение всех 11 лет, подчеркивая не только общую для страны стабильность криминальных процессов, но и наибольшую криминальную активность этой группы несовершеннолетних (14–15 лет). В конечном счете, на фоне общей тенденции к снижению преступности несовершеннолетних (к 2012 г. по сравнению с 2003 г. она снизилась на 44%), обращает на себя внимание наибольшая криминальная активность младших возрастных групп. При этом темпы снижения криминальной активности в старших возрастных группах в два раза превышают соответствующие показатели в младших группах.

Другой негативной тенденцией в этой сфере является постоянный прирост доли женской преступности. В 2011 г. на долю женщин приходится 19,2% преступлений; при их участии совершается 25% убийств, почти четверть краж, каждый седьмой случай причинения вреда и более четверти всех случаев мошенничества несовершеннолетних.

Социальная принадлежность правонарушителей

Как видно из приведенной диаграммы, почти три четверти преступлений приходится на долю учащихся в школах, большая часть которых состоит из учеников старших классов; каждый девятый правонарушитель не работал и не учился⁷⁵. Помимо всего прочего, эти данные свидетельствуют явно о неблагоприятной ситуации в системе образования, особенно в школьных заведениях средней и высшей ступени, о серьезных психологических проблемах, связанных с принципами воспитания и обучения и, как следствие, с заниженной самооценкой учащихся, отсутствием организации их досуга, что приводит к перегрузкам, стрессам и психологическим срывам подростков. Отсюда и многочисленные факты издевательства школьников друг над другом и вспышки редкой жестокости, свидетельствующие о серьезных проблемах воспитания и социализации⁷⁶.

⁷⁵ Не случайно в Руководстве для дискуссии на XIII Конгрессе ООН (2015 г.) отмечается, что инвестиции в решение проблем молодежи, особенно проблемы безработицы, являются ключевым фактором развития (A/CONF.222/PM.1 – P. 13).

⁷⁶ На эти недостатки недавно указал и министр образования, науки и культуры Японии Хакубун Симомура (Нужна новая философия образования // «Огонек», № 33, 26 августа 2013 года).

Структура преступности несовершеннолетних в 2001–2011 гг.

Годы	Всего	Убийство		Грабёж		Кража		Причинение ущерба		Нападение		Присвоение	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
2001	158721	109	0,07	1695	1,1	95388	60,1	10926	6,9	2227	1,4	33659	21,2
2002	162280	83	0,05	1611	1,0	97557	60,1	9957	6,1	2104	1,3	37104	22,9
2003	165973	96	0,06	1800	1,2	95960	57,8	8817	5,3	2009	1,2	42157	25,4
2004	155051	62	0,04	1301	0,8	90347	58,3	6996	4,5	1962	1,3	40442	26,1
2005	144255	73	0,05	1172	0,8	84483	58,6	6902	4,8	1969	1,4	35767	24,8
2006	131623	73	0,05	912	0,7	74582	56,7	6683	5,1	1887	1,4	33687	25,6
2007	121165	65	0,05	785	0,6	69343	57,2	6316	5,2	1968	1,6	29448	24,3
2008	108592	55	0,05	735	0,7	63913	58,8	5867	5,4	1974	1,8	23282	21,4
2009	108358	52	0,05	713	0,6	66810	61,6	5502	5,1	1717	1,6	21328	19,7
2010	103627	44	0,04	580	0,5	64512	62,2	5627	5,4	1761	1,7	19308	18,6
2011	94369	59	0,06	611	0,6	59159	62,7	5518	5,8	1642	1,7	16324	17,3

Как видно из приведенных данных, в структуре преступности несовершеннолетних преобладают кражи, составляющие две трети всех посягательств; при этом в последние 5–6 лет удельный вес этих преступлений ежегодно растет. На втором месте – посягательства, связанные с присвоением чужого имущества (зачастую речь идет об оставленных без присмотра велосипедах и мопедах) – они составляют в среднем пятую часть всех посягательств, но в отличие от краж, в последние годы налицо очевидная тенденция к постоянному снижению удельного веса таких преступлений. По своей значимости посягательства, связанные с причинением ущерба, занимают третье место; за ними в порядке убывания удельного веса идут нападения, вымогательства и грабежи, а такие тяжкие преступления, как убийства и изнасилования вместе составляют 0,14% (в 2011 г. зарегистрировано 79 изнасилований; их доля равна 0,08%).

Также на долю несовершеннолетних приходится 57,5% уличной преступности⁷⁷; кроме того, 66,3% всех насильственных преступлений в 2011 г.

⁷⁷ Police of Japan, 2013. – Tokyo, 2014. – P. 15, 43.

совершено учащимися средних школ⁷⁸. И так, доля насильственных преступлений в подростковой среде составляют 2,3%.

В России в том же 2011 г. тяжкие преступления в структуре преступности несовершеннолетних составляли 8,8% (хотя круг тяжких и насильственных преступлений здесь шире). В 2011 г. в Японии несовершеннолетними совершено 43 убийства, а в России – 373, т.е. почти в 9 раз больше. Но это последний, оптимальный показатель. Если же обратиться к ретроспективе, то надо будет, во-первых, в очередной раз отметить «чудеса» российской статистики, к примеру даже по убийствам, и, во-вторых, вспомнить, что во все предыдущие 10 лет контраст был куда более разительным, чем в 2011 г.⁷⁹. Сравним эти показатели в динамике:

Таблица 11

Динамика количества убийств, совершенных несовершеннолетними

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2009
Япония	49	51	54	34	47	52	40	35	42	44
Россия	2126	2118	2057	2021	1820	1571	1038	899	708	505

Как видно, еще недавно, в первой половине 2000-х гг. по числу убийств, совершенных несовершеннолетними, Россия «опережала» Японию в 40 раз, а во второй половине этот разрыв быстро сокращался – в 25 раз, далее в 17, 12 раз и, наконец, к 2012 г. – «все» в 9 раз.

Значительное снижение преступности несовершеннолетних, особенно насильственной преступности, в 2000-х гг. идет не только в Японии, но и в других развитых странах. В США, в 2012 г., по данным ФБР, за 10 лет (с 2003 г.) число таких преступлений сократилось на 36%. В 2012 г. за насильственные преступления арестовано 60 тыс. подростков (к числу таких пре-

⁷⁸ Кстати, исследования американских социологов и экономистов (в т.ч. Стивена Левитта, автора «Фрикоэкономики») показывают, что инвестиции в среднее образование приносят больше дохода, чем расходы на увеличение численности полиции (Гуриев С., Цивинский О. *Racio economica: Школа лучше полиции* // Ведомости, 26 октября 2010 года).

⁷⁹ *Преступность и правонарушения. 2001–2006. Статистический сборник.* – М., 2006. – С.64; *Преступность и правонарушения. 2009–2011. Статистический сборник.* – М., 2012. – С. 9, 63.

ступлений в США относят убийство, грабеж, изнасилование и нападение с отягчающими обстоятельствами)⁸⁰. В Японии за такие же преступления в 2011 г. арестовано 2,4 тыс. несовершеннолетних. Правда, население США в 2,5 раза больше, чем в Японии, да и круг несовершеннолетних шире – с 10 до 18 лет. И все же контраст впечатляющий.

Так или иначе, исходя из значительных статистических различий с другими странами, зарубежные исследователи признают ситуацию в сфере преступности несовершеннолетних в Японии относительно благополучной, хотя живучесть отклоняющегося поведения подростков и всплески их жестокости не удовлетворяет японскую общественность⁸¹.

К числу неблагоприятных качественных показателей, относятся, довольно высокая распространенность групповой преступности и высокий уровень рецидивной преступности несовершеннолетних.

Таблица 12

Распространенность групповой преступности (2011 г.)

Всего	% от общ. числа	в группе (%)
		100,0
Грабеж	0,5	53,8
Вымогательство	1,2	50,9
Кража	63,9	30,0
Прич. ущерба	4,4	27,5
Нападение	1,6	13,7
Изнасилование	0,09	10,9
Присвоение	19,6	8,7
Убийство	0,05	3,0

Как видно из таблицы, на долю преступлений, совершенных в группе, приходится более четверти (25,8%) всех преступлений несовершеннолетних

⁸⁰ Butts, Jeffrey. Violent Youth Crime in U.S. Falls to New 32-Year Low // Research and Evaluation, 2013. – № 4, October 4, 2013.

⁸¹ Достаточно вспомнить потрясшую страну трагедию в Кобэ, где в конце 1990-х гг. в 14 летний подросток задушил и затем обезглавил 11-летнего мальчика, проживавшего по соседству. В связи с этим премьер Хасимото в очередной раз заявил о необходимости реформы системы образования и воспитания. Жестокое преступление подростка дало импульс широкой общественной дискуссии; её частью был и международный семинар в университете Кэйо (Токио), в котором автор принимал участие.

(для сравнения – среди взрослых уровень групповой преступности почти в два раза ниже – 13,1%); в составе группы совершается каждая третья кража, половина случаев вымогательства и больше половины ограблений; причем, как показывает анализ, чем выше уровень соучастия, тем больше число членов преступной группы. Следует отметить давно выявленную в отечественной криминологии закономерность, связанную с особенностями формирования личности и психологии подростков, – чем ниже возрастные параметры, тем реже они совершают преступления в одиночку. Другими словами, по мере снижения возраста подростков удельный вес групповой преступности – это подтверждает и практика – заметно возрастает⁸².

Что же касается рецидивной преступности несовершеннолетних, то по данным японской полицейской статистики, в последние 12–14 лет она ежегодно растет; еще в 1995 г., например, она не превышала 20%, а к 2012 г. в общем числе арестованных рецидивисты составили 32,7% (25 435 чел.)⁸³.

Негативные процессы в обществе во многом обусловили заметные изменения в системе ценностей значительной части японской молодежи. Они охватывают весьма широкий спектр ценностей, интересов и психологических состояний, где преобладают эгоцентрические стремления, цинизм, равнодушие ко всему окружающему, игнорирование традиций и морали, приобщение к криминальной субкультуре, экстремизм и другие формы противоправного поведения.

В формировании криминальной мотивации все более заметную роль играет не только семья, но и окружение молодежи. Общение с дезорганизованной средой (неблагополучная семья и неформальная группа) делает психику подростков трудно восприимчивой к социальным ценностям, воздействию школьного обучения, обычаям и традициям в семье и обществе. Эта среда

---

⁸² Денисов Н.Л. Влияние криминальной субкультуры на преступное поведение подростков // Преступность и культура. – М., 1999. – С. 42. См. также работы Алексеева А.И., Бабаева М.М., Долговой А.И. М.С., Забрянского Г.А., Квашиса В.Е., Лебедева С.Я. и др. ученых.

⁸³ В России этот показатель составлял 19,6% (Преступность и правонарушения. 2009–2011. Статистический сборник. – М., 2012. – С. 50).

подчиняет общение целям самоутверждения, сужает это общение до границ референтной группы, с помощью которой легче удовлетворить свои потребности и интересы⁸⁴. Обильную пищу для переосмысления ценностей и традиций и переориентации дают телевидение и другие средства информации, к которым японцы – и взрослые, и молодежь – особенно восприимчивы. Когда возможности полезной реализации у молодежи субъективно и объективно ограничены, стремление к самоутверждению становится доминирующим и именно на этой основе идет формирование молодежных группировок. «Именно самоутверждение – стартовый стержень мотивации»⁸⁵. Одним словом, снижение уровня социальных гарантий и разрушение ценностей, казавшихся вечными, накладывает заметный отпечаток на моральную атмосферу в обществе в целом и на противоправное поведение молодежи в особенности, тем более, что деструктивные процессы в ее сознании и поведении идут, как уже отмечалось, более интенсивно.

Важно, иметь в виду итоги исследования социологов и психологов, указывающие на то, что в молодежной преступности дифференцирующие факторы проявляются более ощутимо, чем интегрирующие, и они преобладают в подростковой среде⁸⁶. Речь идет, прежде всего, о внутренней возрастной дифференциации молодежной среды (она во многом обуславливает и субкультурную дифференциацию молодежных групп). Достаточно обратиться к табл. 2, чтобы вспомнить контрастирующие параметры преступности различных возрастных групп и, в том числе, заметный рост социализации в старшей возрастной группе; границы дифференциации очевидны и при распределении правонарушителей по принадлежности к различным социальным

---

⁸⁴ Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. – М., 2006. – С. 250–251; Нечевин Д.К. Социально-правовой регулятор насильственного девиантного поведения молодежи // Насилие, личность, общество. – М., 2000. – С. 5.

⁸⁵ Бабаев М.М., Крутер М.С. Там же – С. 251.

⁸⁶ Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования, 1998. – № 5. – С. 90–91; Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования, 2000. – № 12. – С. 50–53; Антонян Ю.М. Концепция причин преступности и причины преступности в современной России // Преступность и общество. – М., 2001. – С. 6–7.

группам, где преобладают школьники (диаграмма 1). При этом особенность ситуации в Японии, как уже отмечалось, в отличие от положения дел в большинстве других стран, состоит в том, что здесь внутренняя дифференциация подростковой среды практически не связана и, следовательно, не детерминирована материальной стратификацией, процессами имущественного расслоения общества. Об этом говорят и структура преступности несовершеннолетних, и в еще большей мере специфические формы их противоправного поведения.

В этой связи в качестве острой и самостоятельной проблемы следует выделить ежегодно растущее в стране насилие в семье (*family violence*) и в школе (*school violence*). За последние 10 лет число зарегистрированных фактов насилия в семье со стороны подростков выросло в 2 раза, и эта тенденция, похоже, сохраняется (в 2009 г. – 1 181, а к 2012 г. – более 1 470), причем, основная доля из них (45,4%) приходится на школьников 15–16 лет. Согласно полицейской статистике, в 2011 г., например, в 62% случаев жертвами такого насилия становились матери подростков; 14,6% – родственники и соседи; 7,8% – занятые на работе отцы. Насилие в семье – не новая проблема для страны, хотя она сохраняет свою актуальность; здесь важно отметить, что еще тридцать лет назад, японский криминолог Кумагаи Фумиэ, исследуя факты насилия подростков в отношении членов их семьи, указывал, что «такие акты имеют место, в первую очередь, в семьях с высоким социально-экономическим положением, среди учащихся частных или престижных публичных школ»⁸⁷.

В том же году зарегистрировано 1 270 фактов насилия в школах и привлечено к ответственности 1 506 учащихся, среди которых доминируют 14–15-летние учащиеся младших классов из школ средней ступени.

С середины 1990-х гг. в сфере подростковой преступности довольно распространенными стали преступные проявления, которые у японских криминологов и социологов получили название «папа охота» (*Oyaji-gari*). Суть

---

⁸⁷ Kumagai, Fumie. Final Violence in Japan // *Victimology*, 1983. – № 8. – P. 178–183.

этого молодежного «развлечения» сводилась к нападениям (иногда с целью ограбления) на пожилых, больных или бездомных людей. Зачастую такие нападения совершались из засады, а иногда в качестве приманки привлекали девушек. По сообщениям прессы, одна из таких молодежных банд (в нее входили 11 подростков, в т.ч. четверо школьников средних и старших классов) каждую субботу проводила такого рода «игру» с целью собрать 100 тыс. иен. В общей сложности банда совершила более ста уличных ограблений. Бездомные пожилые люди говорили в полиции, что самые сильные опасения у них вызывает не наступление холодов и не отсутствие денег, а жестокие нападения подростковых банд. Подростки после ареста за нападения на бездомных, причинами преступлений называли желания «убить время», «снять стресс» или «избавиться от хлама общества». К «хламу» они относили пожилых людей, бездомных и инвалидов. Как сообщали полиция и пресса, зачастую в такие банды входили подростки из благополучных семей, имевшие хорошие оценки в школе. Показательным является одно из преступлений в столичном парке Кида, где группа подростков облила бензином и подожгла спящего пожилого человека. «Мы таким образом сметали мусор», – заявили арестованные подростки.

Японские психологи по-разному объясняют такие проявления жестокости несовершеннолетних. В отличие от положения дел в других странах, они не связывают такие деяния подростков с бедностью и проблемами имущественного расслоения в обществе; главным образом, истоками такого поведения считают проблемы воспитания в семье, где детям явно не хватает внимания родителей, одиночество, с отсутствием досуга (возможности, времени и места для игр), стрессы, получаемые в школах. Японские психологи и социологи, говоря о недостатках национальной школьной системы, отмечали, что она давит на учащихся, подверстывает их под единый стандарт, не дает возможности психического расслабления, чтобы оставаться самим собой⁸⁸. «От-

---

⁸⁸ Морозов Н.А. Преступность несовершеннолетних в Японии и ее предупреждение // Криминальная ситуация на рубеже веков в России / под ред. А.И. Долговой. – М., 1999. –

сутствие возможности для социализации, – говорит психолог Акира Сакута, – тесно связано с криминальными проявлениями; проблемы копятся «внутри», но в какой-то момент происходят внезапные взрывы эмоций и вспышки насилия. Их может вызвать любая мелочь, например, просьба уступить место в поезде и т. п. Отсюда и многочисленные попытки суицида»⁸⁹.

Еще одним массовым негативным явлением в последние два десятилетия стали распространившиеся по всей стране банды подростков-мотоциклистов (*Bosozoku* – племена скорости); эти группировки (полиция насчитывает около 20 тыс. таких групп) стали неотъемлемым элементом современной молодежной субкультуры⁹⁰. В бандах создана иерархическая структура, их отличает вызывающий, агрессивный стиль поведения, особая жестокость, пренебрежение принятыми в обществе нормами и демонстративное игнорирование правил дорожного движения. Многие из членов банд даже не имеют водительских прав; в целом по стране число таких нарушителей (без прав) среди несовершеннолетних (30%) ежегодно в 5–6 раз больше, чем среди взрослых водителей⁹¹. К середине 2000-х гг., по данным полиции, членами таких банд ежегодно совершались десятки тысяч нарушений, повлекших тяжкие последствия; и статистика указывает на ухудшение ситуации. Специальное исследование, проведенное дорожной полицией, показывает, что, несмотря на принимаемые меры, в 2005 г., например, в результате таких грубых нарушений *Bosozoku* погибло 13 тыс.; в 2006 г. – 15 тыс., а в 2010 г. – около 20 тыс. человек⁹².

Обратимся теперь к проблематике наказания несовершеннолетних. Прежде всего отметим, что из общего числа несовершеннолетних, дела о

С. 259–261; Морозов Н.А. Преступность несовершеннолетних в современной Японии и особенности ее предупреждения // Преступность и дети. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1999. – С. 37–39.

⁸⁹ «Yomiuri Shimbun», 6 сентября 2012 года.

⁹⁰ Дети, молодежь и преступность. Двенадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сальвадор, Бразилия, 12-19 апреля 2010 года (A/Conf.213/4. – Р. 15).

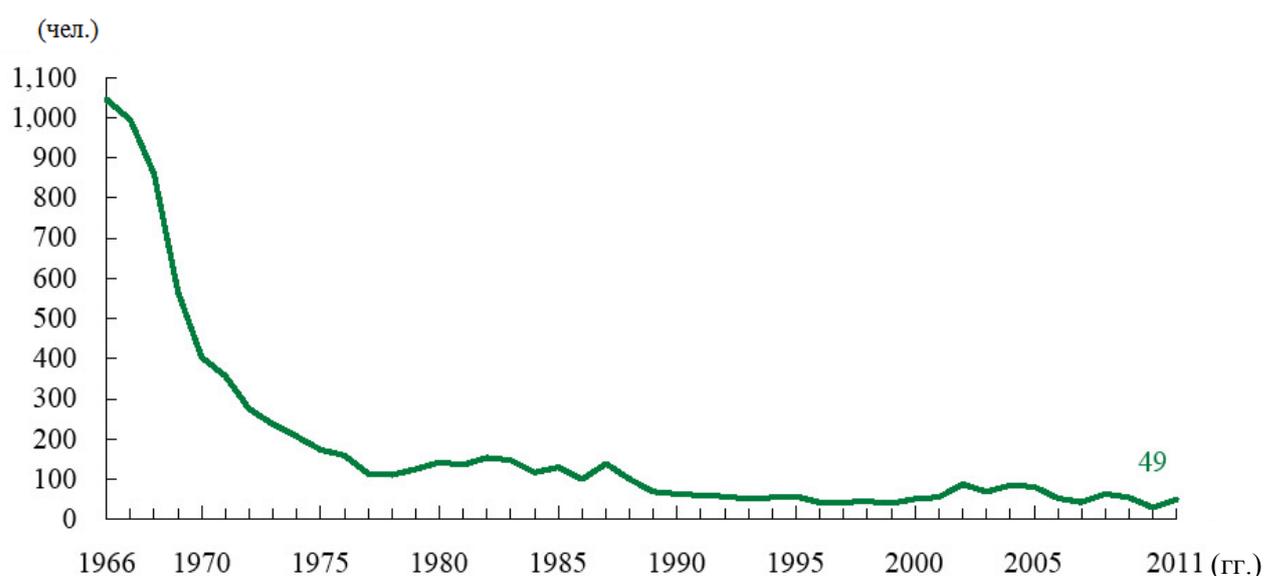
⁹¹ White Paper on Crime, 2010. – Токуо, 2011. – Р. 153.

⁹² Коробеев А.И., Морозов Н.А. Возрастные аспекты делинквентного поведения в современной Японии // АТР: экономика, политика, право, 2014 – № 3.

преступлениях, которые были в 2011 г. рассмотрены судами первой инстанции, 26,5% осуждены за деяния, предусмотренные специальными законами; из них лишение свободы было назначено лишь 12,8% (в основном за употребление стимулянтов и нарушения правил движения с тяжкими последствиями). Что же касается тех, кто совершил преступления, предусмотренные УК, то за них осуждены 73,5% несовершеннолетних. Из них 49% осужденных назначено наказание в виде лишения свободы, в т.ч. 29,5% – за причинение ущерба; 22,5% – за вымогательство; 17% – за грабеж; 7% – за кражу; 5% – за убийство. При этом 70% осужденных была предоставлена отсрочка исполнения приговора, в течение которой каждый третий должен был находиться под надзором службы пробации. Таким образом, лишение свободы применяется к трудным подросткам лишь в тех случаях, когда речь идет о наиболее серьезных преступлениях, ибо опираясь на собственные принципы уголовной политики, последние десятилетия Япония последовательно придерживается курса на максимальное сокращение сферы применения к несовершеннолетним суровых мер наказания.

График 10

Число лиц, поступивших в места лишения свободы в 1966–2011 гг.

Как видно, количество несовершеннолетних, ежегодно поступающих в места лишения свободы, красноречиво свидетельствует о том, насколько последовательно проводится в жизнь курс на ограничение практики применения к ним наказания в виде лишения свободы. В самом деле, если в 1966 г., в места лишения свободы было направлено около тысячи несовершеннолетних, то уже к 1988 г. – около 100; в 2008 г. – 63; в 2009 г. – 54; в 2011 г. – 49. Отметим, что в 2001 г. в исправительных учреждениях для таких правонарушителей содержалось 22 978, а в 2006 г. – 18 171, то к началу 2012 г. – 13 189 подростков (в том числе, 1 355 девушек)⁹³. Другими словами, за 10 лет контингент несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы, сократился на 57%.

До сих пор речь шла главным образом о правонарушителях и преступлениях, ответственность за которые предусмотрена УК Японии. Однако помимо этого, несовершеннолетними совершено значительное число преступлений, ответственность за которые, предусмотрена не УК, а нормами «специальных» законов. К их числу относятся уже упомянутые выше Закон о несовершеннолетних (Minor Offenses Act, 1948), Закон о контроле за огнестрельным и холодным оружием (Firearms and Swords Control Act), Stimulant Control Act, Cannabias Control Act и др. акты.

В качестве приоритетных мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей применяют специальные законы: приоритет воспитательно-исправительных мер «неуголовного характера»; принцип исключительной юрисдикции семейного суда; помещение несовершеннолетних под надзор службы пробации; систему статистического учета и контроля за поведением подростков; склонных к делинквентному поведению; привлечение к работе «полустатных» сотрудников (в т.ч. волонтеров); создание национальных общественных организаций, целью которых является профилактика преступности несовершеннолетних.

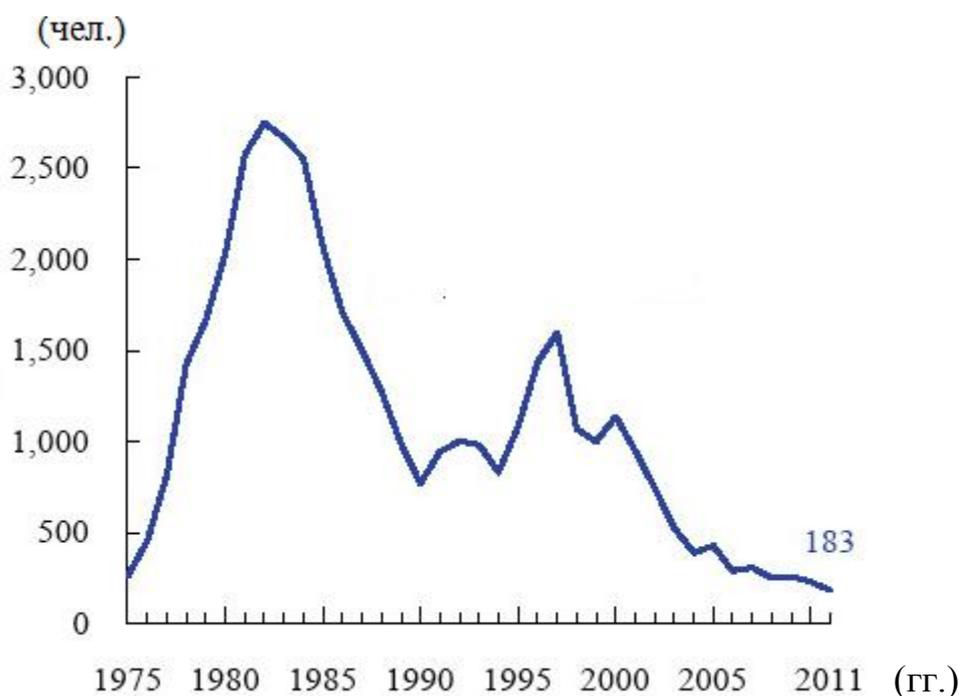
---

⁹³ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 185.

Реализация этих мер имеет принципиально важное значение, тем более что даже в наиболее благополучный период 2001–2010 гг. за нарушения указанных специальных законов ежегодно привлекались к ответственности в среднем по 7 тыс. (в 2011 г. – 8 033) несовершеннолетних, в том числе, около 60% (4 672) – на основании Закона о правонарушениях несовершеннолетних; 2,5% – на основании Закона о контроле за огнестрельным и холодным оружием; 2,0% – на основании Закона о контроле за стимулянтами; 1,0% – на основании Закона о контроле за каннабисом. Отметим в связи с этим, что в разные годы число потребителей антидепрессантов колебалось в весьма значительных масштабах.

График 11

Динамика нарушителей Закона о стимулянтах в 1975–2011 гг.

Как видно, ситуацию удалось переломить лишь к середине 2000х годов; за один 2011 г. число потребителей стимулянтов снизилось на 19,4%, а число выявленных потребителей каннабиса – в 2 раза (на 50,6%).

При рассмотрении дел о правонарушениях подростков, большая нагрузка ложится на так называемые семейные суды – ежегодно они рассматривают в среднем около 200 тыс. таких дел, большая часть которых приходится на нарушения специальных законов. В 2011 г. семейными судами было рассмотрено 43 798 дел несовершеннолетних о преступлениях, предусмотренных УК Японии. Из них 25 793 (60%) о кражах, 5 109 дел о причинении ущерба и 4 028 – о присвоении чужого имущества. По итогам рассмотрения этих дел 11 431 несовершеннолетний были переданы под надзор службы пробации. К 2012 г. на учете этой службы находились 25,9% подростков в возрасте 14–15 лет; 40,3% – 16–17-летних и 33,8% тех, кто был старше 18 лет.

Принимая решение о направлении подростка в тот или иной вид специализированного воспитательного учреждения, семейный суд (дела рассматриваются одним судьёй в закрытом заседании), принимает во внимание результаты медицинской, психологической и педагогической экспертизы, мнение родителей и представителей муниципальных властей; одновременно семейный суд решает вопрос о передаче несовершеннолетнего под надзор службы пробации, сроках такого надзора и условиях его отмены.

В Японии действует широкая сеть таких специализированных воспитательных учреждений – *classification homes* – закрытого и открытого типа (к середине 2012 г. их было 52), имеющие классификацию, учитывающую специфику возрастной группы, характер правонарушений (например, потребители наркотиков и виновные в ДТП содержатся в разных учреждениях), состояние физического и психического здоровья, потребность в медицинской помощи в специализированном лечении, склонность к побегу, отдаленность от местожительства, наличие рецидива и т. д.)⁹⁴.

Система такого рода открытых воспитательных учреждений делится по указанным критериям на восемь типов и представляет собой так называемые *training school*, где подростки содержатся без охраны, без довольно строгих режимных ограничений и других атрибутов учреждений закрытого типа. Там

---

⁹⁴ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 158.

действуют краткосрочные и долгосрочные «программы обращения», учитывающие указанные критерии дифференциации правонарушителей и прогнозные оценки исправления поведения подростков, основанные на тестировании. В 2011 г. из 3 486 подростков (в том числе 329 девочек), содержащихся в таких воспитательных учреждениях, 2 531 (или 72,6%) были определены на программы кратковременного обращения и 955 – на долговременные программы. Для сравнения: в 2001 г. в таких учреждениях содержалось 6 008 подростков, причем 62,8% из них – на программах долговременного обращения. В 2011 г. – 8,6% подростков до 14 лет; 32,8 % – 15–16 лет; 38,6% – 17–18 лет и 20% – старше 18 лет. Другими словами, передача под надзор службы пробации значительно чаще применяется к подросткам из старших возрастных групп, совершающих более опасные преступления (а направление в воспитательные учреждения открытого типа – training school – без передачи под надзор службы пробации чаще всего применяется к подросткам из младших возрастных групп)⁹⁵.

Несовершеннолетние, как и молодежь в целом, являются наиболее чувствительными к социальным переменам. Поэтому очевидно, что в период экономического кризиса процессы ломки традиционных и, в том числе, семейных ценностей усиливаются; на этом фоне, а также под воздействием процессов «вестернизации» общественной жизни уровень девиантного поведения подростков продолжает оставаться значительным. Во всяком случае, интенсивность делинквентного поведения подростков (особенно в младших возрастных группах) является индикатором, отражающим криминогенный эффект происходящих в обществе социальных и экономических трансформаций. Свидетельством является агрессия и жестокость противоправных проявлений подростков, отсутствие чувства сострадания к потерпевшим, в том числе к членам семьи и окружающим; в системном виде такие поступки проявляются как отклонения от установленных правил поведения и норм уголовного закона. Отсюда и более интенсивный рост преступности несовершеннолетних (по

---

⁹⁵ White Paper on Crime, 2012 (Табл. 3-2-5-2 и 3-2-4-1).

сравнению с преступностью в целом), и отмеченные неблагоприятные качественные изменения в характере и структуре преступности подростков.

Поведение молодежи, как известно, вообще отличается широким диапазоном противоправных проявлений, порой провоцируемых самим обществом и меняющимся укладом жизни. А в условиях социального и экономического кризиса общественные связи, как уже отмечалось, все больше ослабевают, традиционные ценности и нормы теряют свое значение и устойчивость, вступают в противоречия с реалиями повседневной жизни, что влечет за собой нарушения стабильности, общественного порядка и дезорганизации общественной жизни.

Детерминанты и катализаторы подростковой девиации, как правило, обусловлены сочетанием множества различных факторов, к числу которых отечественные и зарубежные криминологи относят социальное и классовое неравенство, негативные последствия процессов урбанизации и миграции, развития информационных технологий и инфраструктуры, особенности региональных различий и т.д.⁹⁶. Японские ученые в связи с этим отмечают, что метаморфозы молодежной преступности во многом связаны с разрушением института семьи, утратой значимости традиционных ценностей, со стрессами, вызванными перегрузками в школе и другими недостатками в сфере образования и воспитания, с ростом проявлений индивидуализма, которые вызваны более заметной в молодежной среде ломкой групповой психологии и заменой ее противоположными стереотипами (отсюда и мода на хикки – стремление к образу жизни, которое психологи именуют аутизмом, приводящим зачастую к затворничеству). При этом, как отмечает Ф. Фукуяма, особо следует выделить проблемы социализации личности в условиях семьи, ибо ухудшение условий семейной жизни «...в значительной степени ответственно за рост уровня преступности», что распад семьи часто оказывается промежуточным звеном между бедностью и преступностью⁹⁷.

---

⁹⁶ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / пер. с яп. – М., 2004. – С. 96; Пудовочкин Ю.Е. Криминологические проблемы в современной социально-политической и философской литературе. – М., 2011. – С. 85.

⁹⁷ Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер. с яп. – М., 2004. – С. 112–113.

Еще 40 лет назад японские психологи и криминологи опасались, что молодое поколение японцев живет «животной жизнью», стремясь в первую очередь к удовлетворению физиологических потребностей, что чревато всплеском преступности⁹⁸. Сегодня, однако, ученые исходят из того, что традиционная общинная психология (подчинение стандартам поведения – семейной и школьной дисциплине, традиционная ориентация на формальные авторитеты – родителей, учителей), восприятие окружающей атмосферы и духа групповой солидарности – все это еще достаточно сильные факторы, позволяющие удерживать преступность несовершеннолетних на относительно низком уровне. Другими словами, этот традиционный «тормоз преступности», – по мнению Сасаки Ёзидайдо, – еще играет существенную роль в её удержании и указывает на высокую приспособляемость традиционной системы социализации делинквентной молодежи в Японии.

Другое дело, что главные институты социализации подростков – семья, школа, сферы труда, досуга и т. д., сегодня, как показывает исследование факторов, влияющих на поведение молодежи, уже не удовлетворяют потребностям современного молодого поколения японцев. Рассогласованность их воздействия приводит к противоречивым требованиям к молодежи, что во многом усложняет процесс усвоения ею норм и требований общества. Во всяком случае, нельзя не согласиться с Ф. Фукуямой, отмечающим, что для понимания всплесков преступности, скорее, имеет значение не уровень наказания, а изменения в таких общественных институтах, как семья, отношения с близкими и т. п.; суть этих изменений – в падении уровня общественного доверия, в растущей разобщенности и уменьшении способности людей к совместным действиям⁹⁹.

Разобщенность и одиночество, разочарование в достижениях прежних поколений, утрата доверия и неверие в собственные силы (вспомним отме-

---

⁹⁸ Аида, Юидзи. Нихондзин-но исики ко: дзо (Структура сознания японца). – Токио, 1971. – С.123 (на яп. яз).

⁹⁹ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / ер. с яп. – М., 2004. – С. 52–54.

ченную выше заниженную самооценку большинства японских школьников) – типичные черты современной молодежи. Между тем социальный контроль за делинквентным поведением несовершеннолетних не должен, по нашему мнению, сводиться к приоритетам восстановительной юстиции; оказание необходимой психологической и медицинской помощи тоже всегда были и будут составляющими социального контроля. Но когда речь идет о серьезных правонарушениях, важно сочетать все эти элементы с жесткой реакцией общества. Именно такое сочетание мер может обеспечить и эффективную профилактическую функцию социального контроля, и оптимальную по времени и результативности реинтеграцию молодых правонарушителей в общество.

В криминологическом плане отмеченные тенденции делинквентного поведения молодежи в современной Японии демонстрирует не столько национальные особенности, сколько закономерности, с которыми сталкиваются и еще могут столкнуться другие страны, в том числе, и Россия.

§2. Геронтологическая преступность

В последние годы исследования различных аспектов, особенностей и последствий развития демографических процессов в разных странах, в том числе исследование геронтологического аспекта преступности, привлекает все более пристальное внимание социологов, криминологов, психологов и специалистов других отраслей научного знания. Всплеск такого интереса связан с изменениями общей демографической ситуации в мире и её влиянием на экономику, социальное и культурное развитие, тем более что большая часть последствий таких изменений формирует негативные и, в перспективе, ещё более тревожные тенденции. Одна из них, как показывает анализ динамики мировых демографических процессов, – общая тенденция к старению населения, причем эта тенденция с каждым годом усиливается. В результате, по прогнозам ООН, к 2050 г. общая численность пожилых людей (старше 60 лет) превысит пятую часть мирового населения, а в наиболее развитых стра-

нах составит 33% населения. Вполне возможно, эти прогнозы сбудутся ещё раньше, поскольку речь идет о категории населения, растущей наиболее быстрыми темпами.

Для Японии – страны долгожителей¹⁰⁰ – эти тенденции имеют особое значение.

Во-первых, доля людей пожилого возраста среди населения страны весьма значительна, и, кроме того, она постоянно растет. За 20 лет (1990–2011 гг.) среди населения доля лиц в возрастной группе «20–29 лет» выросла в 1,3 раза, в группе 50–64 года – в 2,1 раза, а в возрастной группе «65 лет и старше» – почти в 4 раза¹⁰¹.

Проблема старения населения оказывает весьма серьезное влияние на приоритеты социального, экономического и научно-технического развития любой страны¹⁰². Японское общество, действительно, стареет очень быстро: в 1970 г. доля лиц в возрасте старше 65 лет превышала 7% населения; в 1990 г. – 12%; к 2010 г. она достигла – 22,7%, а в 2015 г. – составит более 30 млн человек или четверть населения страны¹⁰³. Как отмечают аналитики Deutsche Bank, уже к 2020 г. 20% населения Японии составят престарелые, возраст которых будет выше 70 лет¹⁰⁴. По прогнозам самих японских ученых, к 2050 г. население страны сократится до 100 млн человек, а больше 65 лет будет уже каждому третьему жителю¹⁰⁵. Тенденция стремительного старения населения (в ближайшее время с ней столкнется и Россия) имеет, огромное значение

---

¹⁰⁰ В 1980 г. средняя продолжительность жизни у мужчин была 75 лет, у женщин – 81 год; в начале XXI в. продолжительность жизни у мужчин составила 78 лет, а у женщин – 83 года. Как и прежде, Япония удерживает статус самой долгоживущей нации в мире.

¹⁰¹ White Paper on Crime, 2010. – Токуо, 2011. – Р. 19.

¹⁰² В опубликованной в Японии статье «Демография – это судьба?» американский исследователь Дж. Холмс показывает, что в экономическом плане человеческий капитал в стареющем обществе становится более слабым; поэтому «возрастные показатели численности населения – это важный элемент государственного поведения» (Holmes, J. Is Demography Destiny? The Diplomat, 29 May, 2012).

¹⁰³ Речь о поколение тех, кто родился в 1947–1949 гг.; их относят к «baby-boom generation», когда в послевоенной Японии произошел «взрыв рождаемости».

¹⁰⁴ <http://www.inosmi.ru/world/20130916/213017440.I>

¹⁰⁵ White Paper on Science and Technology, 2000. – Р. 11; White Paper on Crime, 2010. – Р. 130. По расчетам Deutsche Bank, с 2010 до 2100 гг. численность населения Японии сократится до 91 млн человек или на 27%.

для социального и экономического развития Японии, где уже сегодня остро ощущаются трудности пенсионного обеспечения, необходимость переноса промышленного производства в другие страны из-за дефицита молодой рабочей силы и другие сложные социально-экономические проблемы.

Во-вторых, эта категория населения испытывает наибольшие трудности адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям; она особенно остро ощущает последствия охватившего страну финансового и экономического кризиса, а также социально-психологические последствия связанной с кризисом дезинтеграции института семьи – особенно в сельской местности. В последние 20 лет традиционная для японского общества «трехпоколенная» структура семьи изменилась – молодёжь все чаще уезжает искать работу в города, а старики остаются в изоляции, предоставленные сами себе. Оказавшись оторванными от социума, без работы (из-за экономических проблем пожилым людям её всегда было найти крайне сложно), без материальной и моральной поддержки близких и при всё более ощутимом дефиците средств существования, значительная часть этой категории людей зачастую вынуждена решать проблемы своего выживания противоправным путем. В средствах массовой информации все чаще стали появляться сообщения о том, что часть одиноких престарелых людей специально совершают такие преступления, как кража вещей и продуктов из магазина, чтобы попасть в тюрьму, где им не надо будет заботиться о себе и где они будут обеспечены кровом и питанием¹⁰⁶.

Преступность как явление социальное, напрямую зависит от изменения социальных условий жизни общества, в том числе и от изменений демографической ситуации. Среди наиболее известных в мировой криминологии коррелятов преступности Фрэнсис Фукуяма – видный японский философ, культуролог и футуролог – в серии его недавно изданных в России трудов особо выделил демографические факторы.

---

¹⁰⁶ Yomiuri Shimbun, 12 ноября 2011 года; The New Yorker, 9 января 2012 года.

Во-первых, изменение возрастной структуры населения в связи с ростом продолжительности жизни вполне может создать основу для роста социальных конфликтов, поскольку исчезает или сильно модифицируется ставшая привычной смена поколений¹⁰⁷. Во-вторых, к числу этих факторов относится модернизация общества и связанные с ней феномены урбанизации, увеличения плотности населения и т. п. В-третьих (но вовсе не в последнюю очередь) следует, по мнению ученого, выделить проблемы социализации личности в условиях семьи. Последнее означает, что ухудшение условий семейной жизни «в значительной степени ответственно за рост уровня преступности», что распад семьи часто оказывается промежуточным звеном между бедностью и преступностью¹⁰⁸.

В 1980 г. в общем числе лиц, совершивших преступления (без учета автотранспортных преступлений и других деяний, предусмотренных не УК, а «специальными» уголовными законами), доля возрастной группы «старше 60 лет» составляла всего 3,2%; в 2007 г. этот показатель вырос до 13%, причем 82% краж приходилась на долю женщин (число арестов пожилых людей, совершивших кражи из магазинов, за период 1997–2007 гг. выросло в 4 раза). В последующие годы экономического кризиса этот показатель продолжил свой рост. В целом за последние 30 лет он вырос почти в 7 раз и в 2010 г. составил 20,6%; при этом наибольшая часть виновных в таких кражах – 14,4% (или 48 119 из 68 538 человек) – приходится на долю тех, кому 65 лет и больше¹⁰⁹.

Необходимо подчеркнуть:

1) в последние два десятилетия кражи товаров и продуктов из магазинов – *Shoplifting* – вообще стали в Японии большой и самостоятельной про-

---

¹⁰⁷ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / пер. с яп. – М., 2004. – С. 96; Пудовочкин Ю.Е. Криминологические проблемы в современной социально-политической и философской литературе. – М., 2011. – С. 85.

¹⁰⁸ Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер. с яп. – М., 2004. – С. 112–113, 118.

¹⁰⁹ *White Paper on Crime, 2010. – Токуо, 2011. – P. 19. В России ситуация иная – в 2009 г., например, за кражу к лишению свободы осуждены 16,2 % женщин и 16,7% мужчин; из них доля лиц старше 60 лет составляет всего лишь 1,4% – у женщин и 1,1% – у мужчин (Осужденные. Содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 года. –М., 2012. – С. 385, 396).*

блемой, остроту которой приносят две полярные социальные группы – одинокие престарелые люди и несовершеннолетние (тем более что владельцы магазинов всячески экономят на мерах безопасности и зачастую закладывают потенциальные убытки от краж в стоимость товаров)¹¹⁰;

2) обстоятельство, связанное с тем, что рост числа людей пожилого возраста, совершивших кражи и другие подобные преступления, с каждым годом все больше превышает рост общей численности этой возрастной группы среди населения.

Сделав небольшое отступление, отметим еще один, на наш взгляд, важный методологический момент. Речь идет о пробеле, общим для мировой и, в том числе, российской криминологии – о недостаточном внимании к разработке геронтологического аспекта проблемы преступности. С самого начала развития отечественной криминологии наибольшее внимание ученых привлекали проблемы преступности несовершеннолетних, а позднее в её исследовании акценты сместились к дифференциации – изучению преступности малолетних, подростков и, наконец, молодежной преступности¹¹¹. При всей важности таких исследований, опирающихся на значительный «вклад» преступности несовершеннолетних в общую «копилку» и все более неблагоприятную динамику и структуру преступности, нельзя не учитывать развитие отмеченных выше демографических процессов, динамика и суть которых ставит в повестку дня необходимость изучения противоправного поведения того значительного слоя населения, который находится на другом полюсе – быстро растущей группы пожилых людей. В России, например, почти четверть населения – свыше 30 млн человек – уже перешагнули пенсионный возраст; к тому же, все заметнее растет и общий уровень социального неблагополучия, и уровень преступности в этой возрастной группе.

В связи с этим необходимо отметить, что уже первые исследования данной проблемы, предпринятые российскими учеными, позволяют говорить о

---

¹¹⁰ Опрос, проведенный в 14 крупнейших книжных магазинах Японии, показал, что их владельцы ежегодно несут убытки от краж на общую сумму в 4 млрд йен.

¹¹¹ Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. – М., 2006.

своеобразии и довольно широком диапазоне преступлений указанной категории лиц, о психологической, ролевой и иной специфике их правонарушений, об особенностях мотивации, целей и характера совершаемых ими преступлений и, наконец, о фундаменте, на котором строится эта специфика и которым являются общесоциальные причины преступности пожилых людей. Такие лица составляют особую и почти не изученную криминологическую группу; между тем, в силу жизненного опыта, здоровья, а также свойственного им образа жизни и социальных ролей механизм и содержание их действий отличаются существенной спецификой¹¹². Все это важно для выявления причин индивидуального преступного поведения, разработки профилактических мер, учета отмеченной специфики в судебной и пенитенциарной практике. Сказанное дает основание для выделения преступности указанных лиц в самостоятельную классификационную категорию – геронтологическую преступность, которая подлежит самостоятельному исследованию.

К сожалению, приходится констатировать, что пока внимание отечественных исследователей к этой проблеме носит лишь спорадический, амплитудный характер, а практика правоохранительных органов ее фактически игнорирует. В статистике МВД России, в разделах, характеризующих лиц, совершивших преступления, верхняя возрастная граница приводится как «30 лет и старше»; на долю этих лиц в 2011 г. приходилось 50,6% преступлений¹¹³, а что «внутри» этой половины общего массива преступности, как именно она распределяется по возрастным группам – интереса не представляет. В данных публикуемой Генеральной прокуратурой РФ статистики преступности за 2012 г. указывается, что среди совершивших преступления на долю лиц в возрасте выше 50 лет приходится 9,3% (это почти 94 тыс. преступлений), в том числе, среди женщин – 11,6%¹¹⁴. Другими словами, лицами этой возрастной группы совершается практически каждое десятое преступление.

---

¹¹² Антонян Ю.М., Волкова Т.Н. Преступность стариков. – Рязань, 2005. – С. 5.

¹¹³ Преступность и правонарушения (2007–2011). Статистический сборник. – М., 2012. – С. 20.

¹¹⁴ <http://www.crimestat.ru> (Сайт Генеральной Прокуратуры РФ).

Для России – это весьма существенный статистический массив; однако в его социально важной возрастной дифференциации у аналитиков ведомства необходимости не возникает, хотя разница в таких возрастных группах, как «50–55 лет» и «65–70», казалось бы, очевидна, не говоря уже о формальной стороне дела, которая связана с границами пенсионного возраста.

Здесь мы подходим к вопросу об определении нижнего предела возраста рассматриваемой категории правонарушителей. Прежде всего, заметим, что в контексте работы термины «лица пожилого возраста» и «престарелые лица» при всех стилистических, психологических, физиологических и других нюансах используются как синонимы. В отечественной криминологической литературе единообразного решения о возрастных границах этой категории лиц нет, что объясняется многоплановостью трактовки самого понятия возраста в правовой и психологической литературе, где различают не только хронологический возраст, но и биологический (функциональный), психологический и социальный¹¹⁵. А.Н. Варыгин приводит классификацию психологов, которые считают, что пожилой возраст – 67–75 лет; старческий – 75–90 лет; старше 90 лет – это долгожители¹¹⁶. Некоторые юристы полагают, что пожилой возраст – 60–74 года; предстарческий – 75–90 лет; старческий – свыше 90 лет¹¹⁷.

По мнению Ю.М. Антоняна и Т.Н. Волковой, преступность стариков следует учитывать с рубежа 50 лет, причем, этот рубеж общий для мужчин и женщин. «Мы понимаем, – пишут авторы, – что нельзя называть стариками

---

¹¹⁵ Михеев Р.И. (научный руководитель автора в 1990-х гг.), например, различал понятия возраста в широком смысле (календарный период от рождения до того или иного момента в жизни человека) и в узком смысле – указанный период психофизического состояния лица, с которым связаны медико-биологические, социально-психологические и правовые изменения (Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности. Теория и практика... Автореф. дисс. докт. юрид. наук. – М., 1995. – С. 17); Кроник А.А., Головаха Г.И. Психологический возраст личности // Психология в трудах отечественных психологов. – СПб., 2002. – С. 246.

¹¹⁶ Варыгин А.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы возраста преступника // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, 30–31 мая 2013 года. – М., 2013. – С. 414.

¹¹⁷ Барсукова О.В. Старческая преступность и преступность против лиц пожилого возраста... Автореф. дисс. канд. юр. наук. – Владивосток, 2003. – С. 8.

всех, кто старше 50 лет, хотя некоторые из них в силу болезней, врожденных недугов или образа жизни и выглядят таковыми. Если поднять возраст преступников – мужчин, скажем, от 60 лет, а женщин – от 55, то их среди преступников немного, т.е. соответствующие возрастные криминологические группы окажутся незначительными, а потому их нельзя будет выделить в качестве самостоятельных»¹¹⁸. Но такие аргументы недостаточно убедительны, да и криминологические исследования последних лет, в том числе материалы переписи осужденных, говорят о том, что преступность лиц более старшего возраста на самом деле является статистически весьма значимой. Вероятно, правомерность и точность любой из приведенных классификаций весьма релевантна. Более убедительным и логичным применительно к криминальной ситуации в России выглядит предложение считать нижней возрастной границей этой категории преступников пенсионный возраст (соответственно, у мужчин – 60, у женщин – 55 лет)¹¹⁹, хотя их дифференциация по полу, вряд ли оправдана, тем более что продолжительность жизни женщин выше. В любом случае, все указанные исследователи едины и несомненно правы в том, что преступность пожилых людей требует выделения ее в отдельную классификационную группу и уделением более пристального внимания¹²⁰.

Единые границы пенсионного возраста положены и в основу выделения преступности пожилых лиц в Японии, хотя здесь имеется в виду возрастная группа – от 65 лет и старше (без дифференциации этих лиц по полу)¹²¹;

---

¹¹⁸ Антонян Ю.М., Волкова Т.Н. Указ. работа. – С. 5.

¹¹⁹ Разумов П.В. Значение пожилого возраста в механизме реализации уголовной ответственности. – Ставрополь, 2005. – С. 4–5.

¹²⁰ С этой точки зрения наибольший интерес представляет возрастная классификация, принятая при проведении последней (2009 г.) переписи осужденных к лишению свободы. По данным этой переписи, среди женщин, осужденных к лишению свободы, на долю возрастной группы «55–59 лет» приходится 2,7%, а на долю возрастной группы «60 и более лет» – 1,4%. Вместе они составляют всего 4,1%. Но здесь «всего» вовсе не означает незначительную часть, наоборот в количественном плане это показатель весьма значимый, если учитывать, что во-первых, женщинами совершается 15% от всех выявленных преступлений и, во-вторых, женщины составляют седьмую часть всех отбывающих наказание в виде лишения свободы. (Осужденные, содержащиеся под стражей в России... – М., 2012. – С. 381, 385).

¹²¹ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 14.

именно она выделяется и анализируется в уголовной статистике, и именно о ней в дальнейшем и будет идти речь.

Отмеченный выше рост преступности среди престарелых лиц в этой стране идет особенно быстрыми темпами, когда дело касается виновных в совершении двух статистически наиболее значимых видов преступлений – кражах вещей и продуктов из магазинов (shoplifting) и присвоении утерянных вещей (embezzlement of lost property) – в Японии, в отличие от других стран, присвоение утерянных вещей (имущества) является преступлением и преследуется уголовным законом. Но дело не только и не столько в угрозе наказания, сколько в менталитете людей этой уникальной страны – не зря Японию называют «честным обществом». Ежедневно тысячи утерянных или забытых в общественных местах ноутбуков, сотовых телефонов, других вещей – от драгоценных украшений и до зонтиков – нашедшие их люди доставляют в местные пункты находок. В Токио, например, в 2009 г. из 1,6 млн утерянных вещей 72% были возвращены их владельцам. В Японии действует специальный закон, согласно которому утерянные предметы могут стать собственностью того, кто сдал их в пункт находок, если потерявший их владелец не обратился в течение 6,5 месяцев; кроме того, нашедший утерянные ценности может претендовать на получение 5–20% их стоимости, но даже в годы тяжелейшего кризиса такого рода обращения за находки – единичны¹²².

Из общего числа лиц, привлеченных к ответственности, виновные в краже в 2009 г. составили 65,5%, а виновные в присвоении утерянных вещей – 17,3%. Таким образом, только на эти два вида преступлений приходится 82,8% всех деяний, совершенных указанной категорией пожилых людей.

Рост распространенности преступного поведения людей пожилого возраста касается различных преступлений и продолжается уже более 20 лет. За эти годы число пожилых людей, привлеченных к ответственности за кражи, выросло в 7 раз, а за присвоение утерянного имущества – почти в 12 раз. Графически эта тенденция выглядит ещё нагляднее.

---

¹²² В 2009 г. один человек нашел портфель с банковскими книжками на сумму более 33 тыс. долл. и попросил от банка вознаграждение в 15% (The Times, 11 ноября 2009 года).

График 12

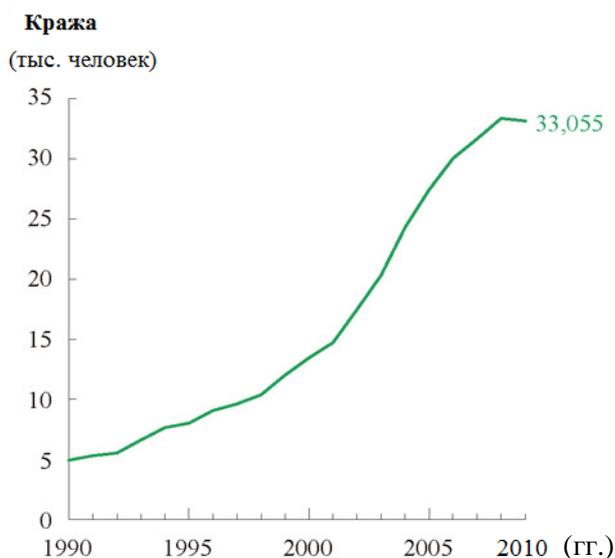

График 13

При этом речь не о кражах вообще, а именно о кражах, специфичных и наиболее распространенных именно среди пожилых японцев – о кражах продуктов и вещей из магазинов; виновные в таких деяниях составляют большую часть всех привлеченных к ответственности за кражи. По данным Национального агентства полиции, к началу 2010 г. за кражи из магазинов было арестовано 27 362 престарелых, что составляет более 26% от общего числа лиц, совершивших такие преступления. Здесь надо отметить две параллельные тенденции – к росту магазинных краж, совершенных пожилыми людьми, а также к старению виновных в таких деяниях. В 1986 г., когда полиция только начинала вести такого рода статистику, за кражи из магазинов было арестовано 4 918 пожилых людей, т.е. в 5,5 раз меньше, чем сегодня. С тех пор число пожилых людей, совершающих кражи из магазинов, как уже отмечалось, постоянно растет – отметка в 10 тыс. была преодолена в 1999 г., в 20 тыс. – в 2004 г. и свыше 27 тыс. – к 2010 г.¹²³.

Среди престарелых мужчин за кражи в целом привлечено 54,1%; среди женщин – почти в 2 раза больше (89,6%). При этом среди мужчин доля привлеченных к ответственности за кражи из магазинов (44%) в 2 раза меньше,

¹²³ Морозов Н.А. Геронтологический аспект преступности в Японии // Общество и право, 2014. – №1(47). – С. 131–136.

чем среди женщин (81,1%). Что же касается привлеченных к ответственности за присвоение утерянных вещей, то здесь картина кардинально меняется – доля пожилых мужчин (22,6%) почти в 4 раза выше, чем среди женщин (6%)¹²⁴.

Из общего числа престарелых, привлеченных к ответственности (напомним – из 48 119) лишь 2 100 человек, или только 4,4%, были осуждены к наказанию в виде лишения свободы и поступили в тюремные учреждения; остальным было назначено наказание в виде штрафа или предоставлена отсрочка исполнения приговора. Как видно, применение лишения свободы к таким лицам оказалось для суда крайней, или, во всяком случае, исключительно редкой мерой наказания.

Кто же из привлеченных к уголовной ответственности и за какие именно преступления оказался в местах лишения свободы? Как показывает анализ, из 2 100 осужденных половину (50,4%) составили лица, совершившие кражи; 10,8% – виновные в мошенничестве; 7,5% – за сбыт наркотиков и 2,2% – за присвоение утерянного имущества. При этом среди осужденных за кражи женщин в 1,6 раза больше, чем среди мужчин (что в целом соответствует их распределению среди привлеченных к уголовной ответственности)¹²⁵.

Если же говорить о судебной практике в динамике, то надо будет отметить, что в последние 20 лет применение лишения свободы к рассматриваемой категории лиц пожилого возраста последовательно нарастало и к 2010 г. общая численность таких лиц, прошедших через тюремные учреждения, составила более 28 тыс. человек; причем наиболее быстрыми темпами росло число ранее неоднократно судимых, особенно – среди судимых шесть и бо-

---

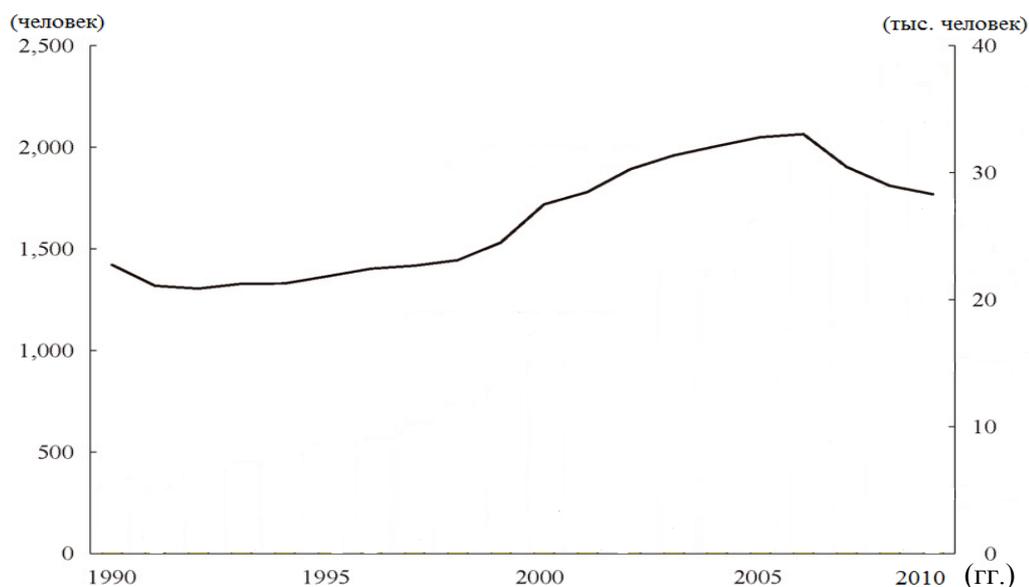
¹²⁴ White Paper on Crime, 2010. – P. 132.

¹²⁵ White Paper on Crime, 2010. – P. 134. В России ситуация иная. В общем числе женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, 16,2% – это осужденные за кражу. Из них на долю возрастной группы «50–54» приходится 3,6%; «55–59 лет» – 1,5 %; «60 и более лет» – 0,6%. Таким образом, на долю женщин пожилого возраста, отбывающих это наказание за кражу, приходится 5,7% . В процентном отношении это почти в 10 раз меньше, чем в Японии, но в абсолютном выражении, наоборот, намного больше (Осужденные, содержащиеся под стражей в России. – М., 2012. – С. 499–500).

лее раз¹²⁶. Поэтому можно достаточно обоснованно предполагать, что и выбор меры наказания в виде лишения свободы для престарелых лиц, виновных в кражах, прежде всего, был связан именно с наличием предшествующих судимостей за такие же преступления.

График №14

Динамика осужденных к лишению свободы в 1990–2010 гг.

Приведенные данные о распространенности преступности среди людей преклонного возраста и выявленные тенденции в практике привлечения их к ответственности и наказанию свидетельствуют о последовательном ухудшении социально-экономического положения этих лиц. Не случайно осознание нарастающей критической ситуации в этой возрастной группе вынудила аналитиков Национального агентства полиции и Министерства юстиции Японии выделить проблематику преступности престарелых лиц в самостоятельный раздел исследований.

¹²⁶ В России среди пожилых женщин, осужденных за кражи, почти половину составляют ранее судимые. При этом в возрастной группе «55–59 лет» 26% осужденных уже имели три и более судимостей, а в возрастной группе «60 и более лет» – 19% таких осужденных (Осужденные, содержащиеся под стражей в России. – М., 2012. – С. 509).

Остроту ситуации подтверждают и организационные проблемы исполнения наказания в пенитенциарных учреждениях, где отбывают наказание лица престарелого возраста, в том числе, проблемы практики досрочного освобождения таких лиц (по «паролю»), передачи досрочно освобожденных под надзор органов пробации и, конечно, сложности решения проблемы ресоциализации этой категории освобожденных.

Прежде всего, отметим, что в целом контингент японских тюрем стареет вместе с населением страны; таким образом, все более ощутимый процесс старения тюремного населения сам по себе становится самостоятельной и достаточно серьезной проблемой. ООН и другие международные учреждения, а также национальные и международные правозащитные организации давно и весьма остро критикуют суровые условия отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях Японии. Вынужденные считаться с такой критикой и изменившимися социальными условиями, в том числе, с процессом быстрого старения узников, власти страны предприняли ряд мер по строительству новых тюрем, рассчитанных не только на приток осужденных, но и на создание более цивилизованных условий отбывания наказания – и для тюремного контингента в целом, и для быстро растущего числа престарелых осужденных (меняются условия их размещения, для них оборудуются пандусы, поручни в столовых, ваннах и туалетах, повышается качество питания, принимаются, несмотря на экономический кризис, меры по улучшению медицинского обслуживания и т.д.). В некоторых тюрьмах Японии, например, в *Onomichi* организуются специальные отделения для содержания пожилых осужденных; в них вводится заметное облегчение режимных требований, обеспечивается более низкое содержание натрия в продуктах питания, повышена норма риса, предусмотрены праздничные угощения тортом, налаживается работа по оказанию медицинской помощи. Медицинское обслуживание, как уже отмечалось, является основной «головной болью» и наиболее тяжелым бременем для системы пенитенциарных учреждений в целом. Тем не менее, в некоторых тюрьмах (например, в Хиросиме и Кобе) для поддер-

жания физического состояния престарелых осужденных специально нанимают физиотерапевтов, а приглашенные терапевты занимаются с ними облегченной трудотерапией.

Тюремная статистика последнего десятилетия весьма красноречиво указывает на изменение возрастной структуры контингента, вызванное ранее невиданным ростом числа осужденных пожилого возраста. Так, только за первые пять лет нового века (с 2000 по 2006 г.) число осужденных старше 60 лет выросло с 17 942 почти на 20% и, в итоге, в 2006 г. составило 59,3% общей численности осужденных (46 637 человек). Как показывают исследования, проведенные в системе Министерства юстиции, большинство престарелых осужденных после освобождения очень быстро возвращаются в застенки после совершения мелких краж, поскольку у них нет ни работы, ни жилья, ни родственников или гарантов-поручителей.

По данным Министерства юстиции общая численность тюремного населения страны к началу 2012 г. составила 61 102 осужденных и по сравнению с предшествующими годами заметно сократилась. Однако число престарелых осужденных, наоборот, продолжает расти. Так, число осужденных в возрастной группе – старше 70 лет – за период с 2001 по 2011 г. выросло в 3 раза и к концу 2011 г. составило более 2 500 человек¹²⁷. В тюрьмах ныне содержится 765 тяжело больных осужденных; 37% из них – лица старше 65 лет; многие из них – неоднократно судимые.

За последние 10 лет число престарелых лиц, освобожденных досрочно и переданных под надзор службы пробации, ежегодно растет, однако в целом масштабы этой практики – 49–57%, что значительно меньше, чем среди осужденных из всех других возрастных групп¹²⁸, ибо большинству престарелых осужденных, после освобождения из тюрьмы, как уже отмечалось, практически идти было некуда.

---

¹²⁷ Yomiuri Shimbun, 24 сентября 2012 года. (В этом сообщении приводится мнение профессора Коичи Хамаи из университета Рюоку, который отмечает, что из развитых стран только Япония имеет такой высокий процент престарелых заключенных).

¹²⁸ White Paper on Crime, 2010. – P. 134–135.

Крайне ограниченная практика применения строгих мер репрессии к правонарушителям пожилого возраста исходит не только из общих гуманистических установок национальной уголовной политики и соображений милосердия при рассмотрении конкретных уголовных дел. И, конечно же, следует согласиться с Ф. Фукуямой, отмечающим, что для понимания всплеска преступности скорее имеет значение не уровень наказания, а изменения в таких общественных институтах, как семья, отношения с близкими и т. п.; суть этих изменений – в падении уровня общественного доверия, в растущей разобщенности и уменьшении способности людей к совместным действиям¹²⁹.

Таким образом, Япония стоит перед серьезной социальной проблемой, как в условиях текущего экономического кризиса и быстрых темпов старения населения снизить уровень бедности и тем самым повысить качество жизни людей из самых старших возрастных групп, чаще всего отчужденных от семьи и общества, и потому вынужденных искать источники существования противоправным путем¹³⁰. В этом отношении особого оптимизма у самих японцев немного, ибо, – по словам Х. Мураками, – «...когда дело касается вопроса, как социально выявить каждое отдельное усилие, по-прежнему будет царить полная растерянность. Это – особенность Японии»¹³¹. И потому писатель, несомненно, прав, когда указывает, что «...чем здоровее нация, тем сильнее наша ответственность за таких людей».

§3. Наркопреступность в современной Японии

Одна из особенностей положения Японии на международном наркорынке состоит в том что, не являясь страной-производителем наркотиков, она является одним из важнейших рынков сбыта метамфетамина в Азии. Так, по

---

¹²⁹ Фукуяма, Фрэнсис. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с яп. – М., 2004. – С. 52–54.

¹³⁰ Коробеев А.И. Морозов Н.А. Возрастные аспекты делинквентного поведения в современной Японии // Азиатско-Тихоокеанский Регион. Экономика. Политика. Право, 2013. – №2(13). – С. 92–99

¹³¹ Мураками Харуки. Край **обетованный** / пер. с яп. – М., 2013. – С. 271.

оценкам специалистов, в начале 2000-х гг. в Японии ежегодно потреблялось от 10 до 20 тонн импортированного в страну метамфетами, который в основном производится в Китае, Тайване и на Филиппинах и ввозится через морские порты.¹³² Положение крупнейшего потребителя метамфетамина обусловлено историческими факторами, в силу которых амфетамины являются столь распространенными наркотиками в стране, еще 70 лет назад имевшей репутацию практически свободной от употребления наркотиков. При этом следует отметить, что опиум и героин до сих пор непопулярны в Японии, несмотря на географическую близость к странам-производителям этих наркотиков¹³³.

Потребление наркотиков в Японии прослеживается с XIV в., в основном, сводившиеся к употреблению опиатов. В этот же период начинает формироваться государственная антинаркотическая политика, опирающаяся на печальный опыт Китая, где злоупотребление опиумом подорвало экономику, его политическую и социальную инфраструктуру. К XVII в. власти Японии запретили курение опиума и его использование (кроме медицинских целей). Антинаркотическая политика стала еще жестче в XIX в.; Закон об опиуме 1897 г. объявил производство опиума и торговлю им государственной монополией и установил для нарушителей закона наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет¹³⁴.

До Второй мировой войны проблема незаконного оборота наркотиков перед Японией практически не стояла. Причинами такого положения были изоляция страны от внешнего влияния, строгие антинаркотические законы и негативное отношение общества к употреблению наркотиков. В то же время Япония активно вела торговлю опиумом в Китае; множество японских фар-

---

¹³² Narcotics Control Strategy Report. 2006. Japan // Released by the Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs (<http://www.state.gov/g/inl/rls/mxrpt/2006/>).

¹³³ Suwaki H. Methamphetamine Abuse in Japan // Methamphetamine Abuse: Epidemiological Issues and Implications. NIDA Research, 1991. – P. 115; Морозов Н.А. Наркобизнес в Японии – анализ и стратегия борьбы // Наркоконтроль. –2011. – № 3.

¹³⁴ Vaughn S., Huang F. and Ramirez C. Drug abuse and anti-drug policy in Japan// The British Journal of Criminology. – 1995. – № 35(4). – P. 491–524.

мацевтических компаний в больших количествах производили героин и кокаин для продажи на территории оккупированного Китая. Двойственная политика Японии по строгому контролю над производством и употреблением наркотиков внутри страны и торговлей ими в других странах изменилась во время Второй мировой войны, когда началось производство стимулянтов для солдат своей армии (эффект амфетаминов состоит в повышении активности и бодрости, снижении утомляемости, приподнятом настроении, в увеличении способности концентрировать внимание, понижении аппетита и снижении потребности во сне), а рабочие фабрик по производству наркотиков для внешнего рынка ушли на фронт¹³⁵.

После войны употребление метамфетамина стало явлением все более распространенным. На пике его распространения в середине XX в. (1954–1955 гг.) метамфетамин, по различным оценкам, употребляло от 550 тыс. до 2 млн человек¹³⁶. Детерминирующим фактором был выброс на рынок огромного количества остатков стимуляторов, произведенных во время войны, сопровождавшийся почти полным отсутствием контроля над незаконным оборотом наркотиков со стороны властей. В 1949 г. Министерство здравоохранения Японии запретило производство стимуляторов в виде таблеток и пудры, но жидкие стимуляторы, употреблявшиеся в форме инъекций, не попали под этот запрет. Метамфетамин в ампулах продавался без рецепта и в результате употребление наркотиков в виде инъекций, ранее редко встречавшееся в Японии, стало повсеместным. Более того, ампулы с метамфетамином активно продвигались на рынок под рекламным слоганом «Победи сонливость и увеличь жизненные силы!»

Употребление метамфетамина снизилось лишь после принятия новых законов (Закон о контроле над стимуляторами 1951 г.) и проведения первых масштабных кампаний среди населения. К 1957 г. Японии удалось значи-

---

¹³⁵ Spencer C.P., Navaratnam V. Drug Abuse in East Asia. Kuala Lumpur: 1981.

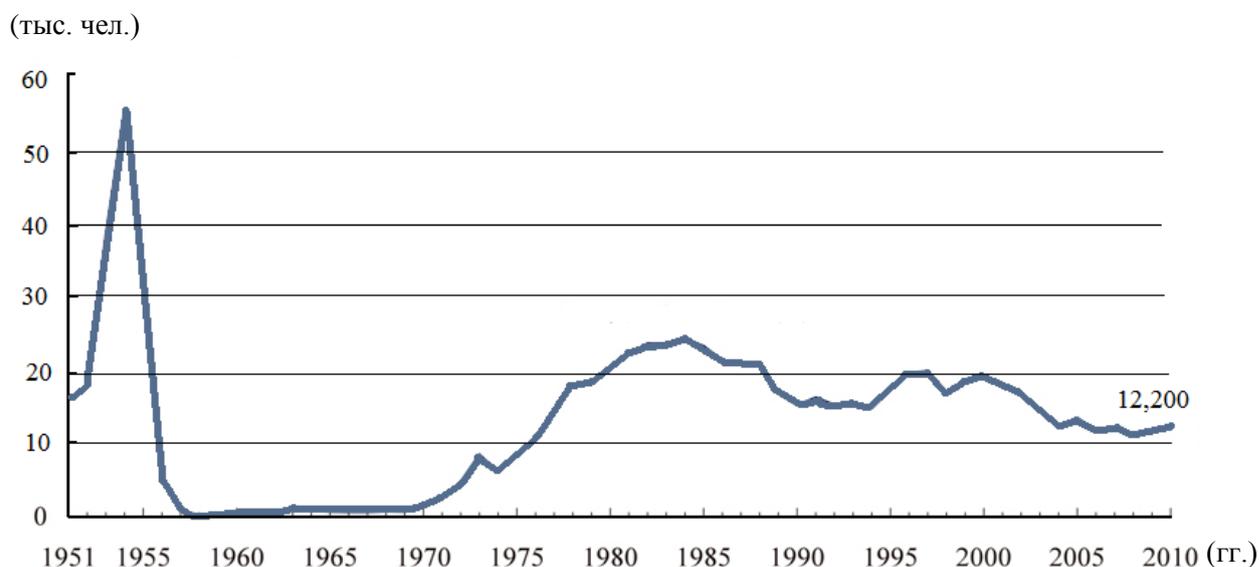
¹³⁶ Tamura M. Japan: stimulant epidemics past and present// Bulletin on Narcotics. – 1989, XL1. – P. 83–93; Suwaki H. Ibid. – P. 84–98; Белявская О.А. Наркопреступность и борьба с ней в Японии // Государство и право. – 1994. – №3.

тельно снизить уровень употребления метамфетаминов, однако статус страны, практически свободной от злоупотребления наркотиками, был утерян. Вскоре стало известно, что 40% лиц, употребляющих героин, перешли на этот наркотик с амфетаминов. В 1961 г. около 40 000 граждан Японии употребляли героин. Кроме того, со снижением употребления амфетаминов началась эпидемия токсикомании, принимавшая формы вдыхания паров клея, бензина и краски, а с 1970-х гг. в стране вновь начался значительный рост количества лиц, употребляющих метамфетамин¹³⁷.

С середины 1990-х гг. в Японии наблюдался переход от стимуляторов к наркотикам каннабисной группы; кроме того, к середине 2000-х гг. получил распространение ранее не пользующийся популярностью наркотик экстази, спрос на который и сегодня остается весьма ощутимым¹³⁸.

График 15

Динамика арестов за потребление наркотиков за 1951–2010 гг.¹³⁹

Приведенный график наглядно иллюстрирует изменения в практике борьбы с правонарушениями, связанными с наркотиками, за последние 60

¹³⁷ Spencer C.P. and Navaratnam V. Ibid; Тэнго С. Дочь якудза. – Токио, 2004.

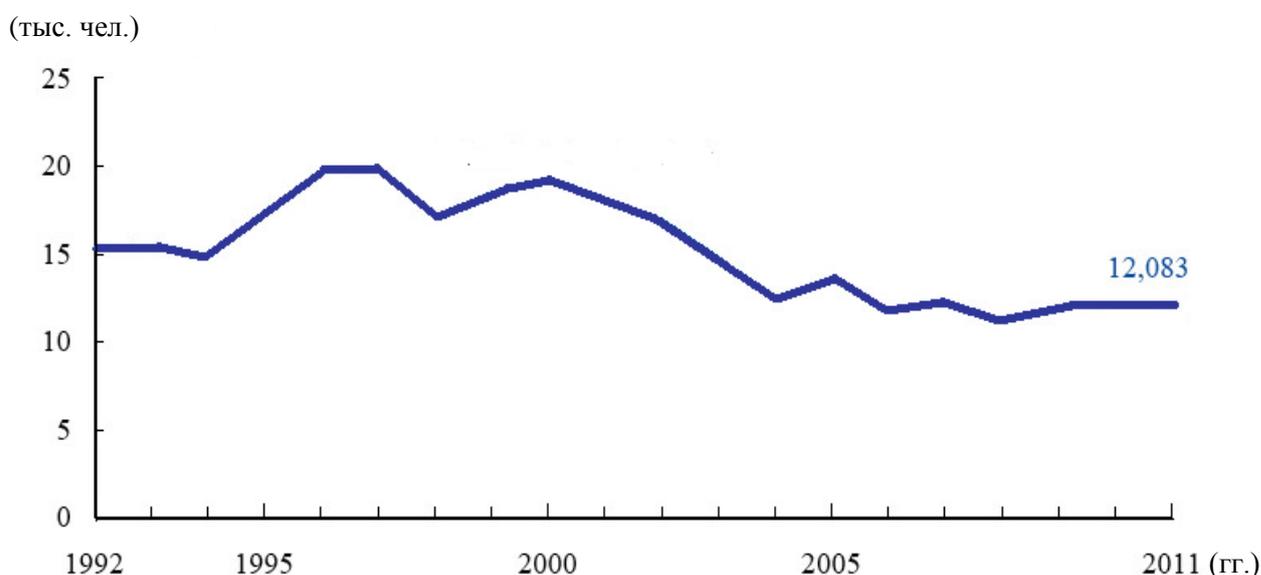
¹³⁸ Narcotics Control Strategy Report. 2006. Japan // Released by the Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs.

¹³⁹ White Paper on Crime, 2010. – P. 124–130; White Paper on Crime, 2011. – P. 123.

лет. Однако для анализа современной ситуации наибольший интерес имеет картина, представленная на следующем графике, где более четко показано положение дел в последние два десятилетия. При этом необходимо отметить, что в обоих случаях речь идет не о числе реальных потребителей наркотиков (оно в значительной мере было и остаётся латентным), а о числе арестованных за такие правонарушения.

График 16

Динамика арестов за потребление наркотиков за 1992–2011 гг.¹⁴⁰

В 2008–2009 гг. за правонарушения, связанные с наркотиками, было арестовано около 15 тыс. человек (в 2009 г. – 14 974). К началу 2011 г. этот показатель снизился до 12 200 арестованных и остался таким же к началу 2012 г. (12 083). Несмотря на столь незначительные по мировым меркам показатели¹⁴¹ ситуация в стране, по оценкам руководства НПА Японии, оста-

¹⁴⁰ White Paper on Crime, 2012. – P. 127.

¹⁴¹ В России в 2008–2011 гг., только состоящих на учете в органах здравоохранения потребителей наркотиков, ежегодно насчитывалось около 550 тыс., хотя по данным социологических исследований, их реальная численность в 8–10 раз выше (Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль, 2013. – №1. – С. 10–11). Как отмечает В.П. Иванов, широкое распространение наркомании в в России стало острой проблемой, фактором подрыва демографического, социально-экономического и оборонного потенциала страны. Армия наркоманов еще в 2010 г. насчитывала от 2 до 2,5 млн человек и каждый год пополняется на 80 тыс. «новобранцев». Тя-

ся весьма острой. Значимость проблемы очевидна – наркомания приводит к деградации людей, сокращению численности населения, снижению потенциала развития и конкурентоспособности любого государства¹⁴². Сказанное во многом подтверждается данными о структуре нарушений арестованных¹⁴³. Прежде всего, отметим, что на наркорынке страны наибольшая доля принадлежит именно обороту стимуляторов и синтетических наркотиков. (Основной страной, откуда в Японию ввозятся стимуляторы, является Китай.) Так, к началу 2011 г. из общего числа арестованных 11 655 человек (почти 80%) признаны виновными в нарушениях, связанных со стимуляторами (Stimulants Control Act of 1951 № 252); 2 920 человек – за нарушения, связанные с марихуаной; 344 – с наркотиками и психотропными веществами (Act on Special Provisions for Narcotics violations); 28 – за потребление опиума. Такая же структура в точности сохраняется и в последующие годы. К началу 2013 г., по данным полиции, виновные в нарушениях, связанных со стимулянтами, составили 86,1% всех арестованных за нарушения антинаркотического законодательства (метамфетамины в основном поставлялись из-за рубежа транснациональными преступными группами)¹⁴⁴.

Характеристику общественной опасности основной части нарушителей, виновных в потреблении или распространении метамфетамина дополняют данные полицейской статистики, говорящие о том, что 57% арестованных –

желая наркоситуация в стране определяется героиновым давлением из Афганистана. Поэтому по доле населения, вовлеченного в злоупотребление опиатами, Россия опережает страны Евросоюза в среднем в 5–8 раз, а Германию в 20 раз (Иванов В.П. Афганский наркоузел. – М., 2010. – С. 58).

¹⁴² Между тем мировой криминальный наркорынок развивается все более активно. Как видно из Всемирного доклада о наркотиках 2013 г. (World Drug Report, 2013), число потребителей наркотических средств ныне достигает 315 млн человек – почти 7% населения планеты. На презентации Всемирного доклада отмечалось, что в Афганистане создан планетарный центр производства наркотиков. Последствия его деятельности носят катастрофический характер – только в Евразии за 2001–2011гг. более 1 млн погибших и 1 трлн. Долл., инвестированных в расширение активности организованной преступности (Иванов В.П. О необходимости новой антинаркотической парадигмы в целях преодоления представленных во Всемирном докладе о наркотиках 2013 года негативных тенденций глобальной наркоситуации // <http://www.fskn.gov.ru>).

¹⁴³ Police of Japan, 2010. – P. 108–109.

¹⁴⁴ Police of Japan, 2013. – P. 23.

рецидивисты; 53,2% – принадлежат к различным преступным группировкам (к началу 2012 г. – 55,3%), а также о том, что в последние годы заметно выросло число арестованных за торговлю наркотиками. В последние годы преступные группировки особенно активны на рынке ввоза и сбыта метамфетаминов и наркотика экстази¹⁴⁵.

С середины 1990-х гг. и до сих пор в Японии, как уже отмечалось, наблюдается переход от стимуляторов к наркотикам каннабисной группы, что в целом, соответствует мировым тенденциям¹⁴⁶.

Таблица 13

Распространенность различных нарушений в 1995–2010 гг.

Годы	Число арестов за стимуляторы	Марихуана	Кокаин	Героин	Опиум
1995	17 101	1 481	111	71	159
1996	19 420	1 228	78	36	135
1997	19 722	1 104	59	44	140
1998	16 888	1 236	93	61	132
1999	18 285	1 124	71	52	119
2000	18 942	1 151	57	48	65
2001	17 912	1 450	52	33	44
2002	16 771	1 748	40	40	43
2003	14 624	2 032	58	72	50
2004	12 225	2 209	76	13	59
2009	11 655	2 920	68	59	28
2010	11 827	2 659	71	43	42

Несмотря на доступность кокаина и героина, а также географическую близость Японии к странам-производителям, указанные наркотики, как видно из таблицы и из специальных исследований, не становятся популярными, хотя они по-прежнему завозятся в страну. И наоборот, с 2001 г. налицо за-

¹⁴⁵ Серeda К.А. Наркобизнес в странах АТР. Анализ ситуации и стратегий борьбы. *Дисс. канд. юрид. наук.* – Владивосток, 2008. – С. 86–89; Морозов Н.А. Япония – новое поколение без наркотиков // Пробелы в российском законодательстве, 2011. – №2.

¹⁴⁶ По данным ООН, каннабис остается на первом месте по объемам культивирования производства незаконного оборота и потребления. Объемы его изъятия, например, в Европе только за 2011 г. увеличились с 164 до 184 т. // Статистический анализ тенденций в области незаконного оборота наркотиков в Европе и в мире (UNODC/uneuro/10/CRP.2); UNODC. World Drug Report. Vienna, 25 мая 2013 года.

метный рост нарушений, которые предусмотрены Cannabis Control Act 1948, № 124. Их рост особенно был заметным в 2008–2009 гг. (2 367 арестованных в 2009 г.), но к началу 2012 г. число таких нарушителей значительно снизилось (1 759 человек)¹⁴⁷. Что же касается арестованных за нарушения, связанные с наркотиками и психотропными веществами (Narcotics and Psychotropic Control Act violations and Opium Control Act, № 71, 1954)¹⁴⁸, то их рост был особенно ощутим в 2003–2008 гг., а затем их число стало заметно снижаться и к началу 2012 г. составило 346 человек. Но дело не только в количественных показателях, в отсутствии их стабильности и даже не в наметившихся позитивных тенденциях – в последние 2-3 года по решениям судов первой инстанции за год было конфисковано наркотиков на сумму от 1 до 2 млрд ийен. Кстати, такая практика согласуется и с общемировыми тенденциями¹⁴⁹.

Дело в том, что из общего числа арестованных за нарушения этого закона в 2010 г. 63% – подростки в возрасте до 20 лет; из них 85% арестованы впервые. Это означает, что круг потребителей конопли постоянно расширяется именно за счет молодежи. В то же время за нарушения, связанные с МДМА и другими синтетическими наркотиками, более половины (53,3%) арестованных – такие же подростки в возрасте до 20 лет, и при этом 86% из них арестованы впервые. Поэтому, несмотря на относительно благополучные общие показатели статистики нарушений антинаркотического законодательства суждение о том, что Япония – страна исчезнувших наркоманов, ныне представляется излишне оптимистичным¹⁵⁰.

Сказанное подтверждается и статистическими данными о распределении арестованных из различных возрастных групп за нарушения, связанные с

---

¹⁴⁷ White Paper on Crime, 2012. – P. 128.

¹⁴⁸ Помимо названных «специальных» законов, глава 14 УК Японии устанавливает и уголовную ответственность за ряд преступлений, связанных с наркотиками; статьи 138–140 УК, например, закрепили ответственность за преступления, связанные с ввозом, потреблением и торговлей опиумом.

¹⁴⁹ Речь идет об увеличении общемирового изъятия метамфетамина, рынок которого в последние годы резко расширился, а объем изъятия с 2008 по 2011 гг. вырос более чем в 3 раза (UNODC/uneuro/10/CRP.2).

¹⁵⁰ Хальберг Т. Япония – страна исчезнувших наркоманов // Инф. бюллетень «Нет наркотикам». – СПб., 2005 (www.narkotiki.ru/mir_5726).

стимуляторами (напомним, они составляют 80%). К началу 2012 г. из 12 852 арестованных 80% (10 481) приходится на долю нарушителей из старших возрастных групп (80%), чье пристрастие к наркотикам, в отличие от большинства впервые арестованных подростков, никак нельзя связать с подражанием старшим или с веяниями современной моды. Из них – 4 115 арестованных – лица в возрасте 30–39 лет; 3 473 – в возрасте 40–49 лет; 1 893 – 50 лет и старше. В то же время лишь 20% (2 188) арестованных приходится на долю возрастной группы 20–29 лет, а на долю арестованных подростков в возрасте до 20 лет приходится всего 0,01% (в 2011 г. их доля снизилась ещё на 19,7%)¹⁵¹. Как видно, рассчитывать на быстрое расставание с наркотиками основной массы нарушителей, и, следовательно, на «исчезновение» наркомаф, в ближайшей перспективе не приходится.

В известной мере об этом говорят и не снижающиеся показатели изъятых стимулянтов, и судебная практика по назначению за такие нарушения наказания в виде лишения свободы без применения отсрочки исполнения приговора. Как показывает статистика, с 1992 до 2006 гг. число таких осужденных судами первой инстанции последовательно снижалось; однако с 2007 г. и по настоящее время судебная практика в отношении таких нарушителей стала более жесткой. Анализ судебной статистики, показывает увеличение доли осужденных без применения традиционной отсрочки исполнения приговора, особенно для осужденных на два и три года лишения свободы. В 2011 г., в места лишения свободы поступило 6 570 таких осужденных – это 39,7% всех поступивших в исправительные учреждения; причем 70% принадлежат к возрастной группе 30–49 лет. При этом среди поступивших в места лишения свободы мужчин лишь 11,5% – лица в возрасте до 29 лет; среди женщин – 17,2%, и, следовательно, основную часть таких осужденных составили лица куда более старшего возраста, многие из которых ранее уже имели судимости за нарушения антинаркотического законодательства. Следует иметь в виду и заметное ужесточение практики условного осуждения и

---

¹⁵¹ White Paper on Crime, 2012. P. 125.

досрочного освобождения из мест лишения свободы с передачей таких лиц под надзор органам пробации. Так, за нарушения, связанные со стимулянтами – уровень передачи таких осужденных под надзор службе пробации к 2011 г. снизился по сравнению с 1991 г. в 2 раза – с 21% до 10,9% (или с 4,3 тыс. до 2,1 тыс. осужденных).

Япония является производителем более чем 60 видов химических веществ, которые могут служить прекурсорами при производстве наркотиков. Так, производство и движение, например, эфедрина на территории страны строго контролируется властями, а наказание за незаконные операции с эфедрином и его контрабанду такое же суровое, как за ввоз и сбыт метамfetаминa.

Кроме системы наказаний за нарушения законодательства о наркотиках, в стране действуют достаточно эффективные механизмы борьбы с легализацией преступных доходов, в том числе, конфискация самих наркотиков и средств, нажитых от их незаконного оборота (на это прямо направлен один из специальных законов, вступивший в силу ещё в 1992 г. и координирующий усилия всей системы органов исполнительной власти в деле борьбы с наркопреступностью и отмывания денег, полученных от незаконного оборота наркотиков).

Министерству финансов предписано осуществлять постоянный надзор за деятельностью всех финансовых учреждений, тщательно идентифицировать клиентуру, уделять особое внимание определенным видам сделок, вести по ним досье и обеспечивать систему контроля за движением капитала по таким сделкам. В Японии не действуют нормы, предусматривающие тайну банковских вкладов и банковских операций; более того, установлена обязанность финансовых учреждений сообщать о сделках, где есть подозрения в связях с организованной преступностью и наркобизнесом. Поэтому финансовые учреждения тесно сотрудничают со следственными органами, которые с санкции суда могут произвести обыск и изъятие финансовых документов.

Помощь правоохранительным органам в этой работе оказывает и специализированное национальное Агентство финансовых услуг (FSA), все чаще выявляющее связи банков с наркомафией и организованной преступностью (показательным является только что разразившийся скандал одним из крупнейших в Японии банков Mizuho Bank)¹⁵². Другое дело, что обеспечение необходимой транспарентности деятельности финансовых учреждений в этой сфере в Японии, как и во многих других странах, еще остается проблемой весьма актуальной¹⁵³.

Кроме традиционной наркополицейской, в Японии существует Бюро по проблемам наркомании. Его структура напоминает американское Агентство по контролю за наркотиками, но Бюро подчиняется Министерству здравоохранения и занимается, в основном, информацией и пропагандой превентивных мер. Сотрудники Бюро имеют все полномочия полицейских, но только в случаях, касающихся преступлений, связанных с наркотиками. Бюро имеет 12 отделений; численность его персонала небольшая, а задач поставлено много: от химических лабораторий, школьного обучения и до обнаружения наркотиков. Поэтому обязанности Бюро не включают полицейские мероприятия по обезвреживанию правонарушителей – эти функции остаются за «обычной» полицией.

После подведения итогов работы на основе Третьего пятилетнего плана борьбы с наркотиками полиция руководствуется новой стратегией 2010 г. – «стратегией ускорения» (Drug Abuse Prevention Strategy Acceleration Plan) с тем, чтобы еще решительней и эффективней вести профилактику нарушений антинаркотического законодательства. Помимо всего прочего эта стратегия

---

¹⁵² Журов Р. Организующая преступность // Мир и политика, 7 марта 2014 года (<http://www.mir-politika.ru/10343-organizuyuchaya-prestupnost>).

¹⁵³ По данным директора ФСКН России В.П. Иванова, государственные службы, ответственные за борьбу с незаконным оборотом наркотиков, в среднем по миру изымают 10–15% поставляемых на рынок наркотиков; в то же время из общего объема обращающихся в мире денег, получаемых от торговли наркотиками, изымается не более 0,5% (Иванов В.П. Планетарные наркопотоки как ведущий фактор нарастающего глобального финансово-экономического кризиса. Тезисы доклада 18 ноября 2011 года в Вашингтоне (Сайт ФСКН России)).

предусматривает создание базы соответствующих данных по поставщикам метамфетаминов, решительный удар по уличным торговцам и дальнейшую активизацию антинаркотической пропаганды среди населения. В целях развития международной кооперации в деле пресечения контрабанды наркотиков японская полиция продолжает оказывать информационную, техническую и методическую помощь зарубежным коллегам. Япония принимает активное участие во многих проектах UNODC, по международному сотрудничеству. В 2012 г., например, Япония спонсировала обучение 52 сотрудников полиции Афганистана на базе МВД России. Следует назвать и проведение НПА международных семинаров и крупных международных конференций сотрудников полиции стран АТР (17-я по счету была организована НПА в феврале 2012 г. – 17th Asia-Pacific Operational Drug Enforcement Conference).

Япония принадлежит, как уже отмечалось, к числу государств с умеренной уголовно-правовой политикой, законодательство которой наиболее сбалансировано и дифференцировано. Одним из краеугольных камней социального согласия, экономического процветания и политической стабильности является эффективное воздействие на преступность, в том числе, на правонарушения, связанные с наркотиками. По мировым оценкам, нынешняя ситуация с распространением наркотиков и наркоманией в Японии достаточно спокойная. Профилактика со школьной скамьи, воспитание законопослушных граждан, внедрение в массовое сознание однозначной ассоциации «наркотик – это зло и преступление», жесткий контроль за наркозависимыми и серьезные сроки наказания, предусмотренные законодательством, – все это в комплексе позволяет Японии сохранять один из самых низких показателей в мире. Уже к началу 2000-х гг. лишь 1,1% населения страны пробовали тот или иной наркотик; для сравнения – в Великобритании этот показатель составляет 30%. За последние 10 лет число правонарушений, связанных с наркотиками, в стране уменьшилось почти в 2 раза. Если в 2001 г. было зарегистрировано около 24 тыс. таких правонарушений, то к концу 2012 г. их общее число, как уже отмечалось, снизилось до 13 тыс.

В Японии издавна доминирует концепция целей и задач наказания, которую можно определить как концепцию реабилитации нарушителей на основе индивидуального обращения. Долгие годы наркомания в стране была уделом маргиналов; поэтому и ныне основное внимание уделяется лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, а также тем, кто недавно вышел на свободу. Такая ориентация обусловлена наибольшим уровнем рецидива среди осужденных за наркопреступления. Отметим, что если в целом для всех преступников уровень рецидива в стране составляет 42%, то среди осужденных за преступления, связанные с наркотиками, – 57%.

Для решения проблемы наркомании необходимо одновременное присутствие трех факторов, в виде своеобразной формулы их можно изобразить так: запрет + поддержка населения + хорошо налаженный контроль = низкий уровень наркомании. Японские власти постоянно демонстрируют обществу, что они выступают за нетерпимость к наркотикам, время от времени показательно привлекая к уголовной ответственности за их употребление гастролирующих в стране зарубежных знаменитостей. Пропаганда нетерпимости к наркомании является в Японии составной частью проблемы морали и воспитания детей, причем с самого раннего возраста. Особая роль отводится просвещению школьников: в самых доступных пониманию картинках и фразах пытаются донести до детей и подростков мысль о том, что наркотики опасны, в первую очередь, для них самих и строго запрещены законом.

«Нет, абсолютное нет наркотикам!» – название ежегодных кампаний, проводимых в стране с 1997 г. Одна из пропагандистских брошюр начинается буквально следующими словами: «Мы говорим НЕТ наркотикам потому, что если ты начнешь принимать их, то станешь зависимым от них, твой мозг разрушится и возникнут психические расстройства. Другими словами, употребление наркотиков разрушает твой мозг, который является главным для тебя как для человека».

Приемы во всех информационных материалах одинаковые – незатейливые и однообразные плакаты, объясняющие вредное воздействие наркотиков

и противозаконность их употребления. Используются и печальные примеры из повседневной жизни людей, показывающие негативное влияние наркотиков. По всей стране 20 000 пропагандистов предлагают средства простой и наглядной агитации и пропаганды. Все максимально просто и понятно. Возможно, это кажется слишком простым в сравнении с антинаркотической пропагандой для школьников в других странах, но с учетом менталитета генетически правопослушных японцев это действительно работает.

Высокий уровень стандартизации образования в Японии – это результат целенаправленной деятельности властей страны, стремящейся с малых лет воспитать в своих гражданах «настоящих японцев». Приучение детей к дисциплине, строгий контроль их обучения, полная и всесторонняя стандартизация учебных программ на общенациональном уровне, – отмечают зарубежные исследователи, – вот те средства, которые государство использует для повышения эффективности использования своих людских и материальных ресурсов. Все это в совокупности дает возможность воспитания подрастающего поколения японцев в национальном духе.

До последнего времени проблемными были программы по обучению пользователей Интернета (в первую очередь - родителей и преподавателей) о способах защиты и ограждения детей от противозаконной информации, в т.ч., о наркотических средствах, способах их изготовления и употребления. Сегодня в Японии все активнее перенимают европейский опыт, где провайдеры регламентируют содержание своих ресурсов, несут ответственность и осуществляют контроль за размещаемой на принадлежащих им серверах информацией. Такую позицию разделяет Международный комитет ООН по контролю за наркотиками, который считает, что первоочередная задача, стоящая перед правительством, заключается в принятии на национальном уровне процессуальных и материально-правовых норм, необходимых для борьбы с преступлениями, совершаемыми в глобальной сети Интернет. При этом можно говорить о наличии отягчающих обстоятельств в таких деяниях,

когда они совершаются с целью незаконного оборота наркотиков или если они исполняются членом какой-либо организованной преступной группы¹⁵⁴.

В Японии выработаны достаточно эффективные методы лечения от наркотической зависимости. Суть одного из основных методов состоит в полной изоляции пациента от малейшего контакта с наркотиками; параллельно с этим проводится лечение абстинентного синдрома. Поскольку почти 90 % всех наркоманов употребляют различные формы стимуляторов, воздействующих на центральную нервную систему, здесь не применяются метадон или субutex, популярные в Европе при лечении больных с опиатной зависимостью. Наркозависимых, как известно, лечить очень тяжело. Даже если после курса в каком-либо медицинском учреждении пропадают симптомы наркотического отравления, это ещё не означает, что пациент вылечился. В Японии это хорошо понимают. Здесь выработали наиболее удачные методы борьбы с различными формами проявления наркомании, в особенности, с проявлениями амфетаминовой зависимости. В этом методе нет ничего революционного, лишь радикальные меры изоляции наркозависимого и полного исключения контакта с наркотиками. Для выявления наркозависимых используются не только усилия и возможности полиции и органов здравоохранения, но и функционирующие на выделенные государством средства анонимные конторы, которые при активном участии волонтеров помогают всем желающим избавиться от наркозависимости.

Можно предположить, что с разной степенью наркозависимости связана зародившаяся в Японии и набирающая силу во многих развитых странах мода на «затворничество», когда все больше представителей «золотого миллиарда» уходят в «монастырь собственного духа». Особенно ярко это явление проявилось в Японии, где для такого образа жизни даже придумали термин – «хикикомори» (нахождение в уединении). Носителей этого мировоззрения здесь называют «хикки»; они отказываются от публичной жизни и ищут мак-

---

¹⁵⁴ Морозов Н.А. Япония – новое поколение без наркотиков // Пробелы в российском законодательстве, 2011. – № 2.

симального уединения, не работают и живут на иждивении родственников. Сегодня в Японии насчитывают 1,6 млн таких затворников¹⁵⁵.

Хотя Япония в силу целого ряда особенностей, является страной, наиболее подходящей для хикки, такое же социальное поведение фиксируется и в других странах. (В России его было принято называть «обломовщиной»). Но, как затворников ни назови, речь идет об острой социальной болезни, о самоизоляции, имеющей набор различных причин. Хикки предпочитают социальным стереотипам, которые навязывают им средства информации, жизнь ради себя; они не пытаются добиться высот, работать, завести семью и т. д., сидят дома и занимаются тем, чем привыкли (т.е., ничем). Психологи называют это «априорным дауншифтингом» и они считают это явление частью глобального процесса, вызванного кризисом аутентичности в атмосфере давления потребительского капитализма. Плюс традиционное воспитание, призванное сформировать не свободную личность, а так называемого ответственного гражданина, на самом деле – зависимого от мнения большинства «маленького человека», бессловесной шестеренки в государственном механизме. Тех же немногих, которые обнаруживают независимое мышление и самоощущение, консервативное общество не желает интегрировать в себя.

По мнению ученых, нежелание общаться с окружающими сложно однозначно назвать болезнью. Хикки демонстрируют, скорее, нейтральное поведение – игнорируют общество, избегая общения. Здесь влияют два фактора: 1) социальная жизнь становится все более напряженной и трудной; растут коммуникации, их интенсивность, задаются определенные коммуникативные стандарты; 2) современная инфраструктура развита настолько, что человеку можно жить, не выходя из дома; он полностью виртуализируется и не имеет прямого контакта с другими членами социума. Технический уровень цивилизации позволяет это сделать особенно молодым людям, которые легко осваивают новые технологии.

---

¹⁵⁵ Человечество переживает экзистенциальный кризис (http://rus.ruvr.ru/2014_02_03/CHelovechestvo-perezhivaet-jekzistencialnij-krizis-3628/).

Прямых связей с наркотиками здесь пока не выявлено, но они не исключаются, и если все же присутствуют, то могут быть катализатором такого рода социальной болезни.

Что же касается перспективных оценок ситуации, то с учетом быстро меняющихся социальных и экономических условий, роста контрабанды наркотиков во всем мире и высокой распространенности преступлений, связанных с синтетическими наркотиками, властям страны, придется пересмотреть традиционные методы профилактики наркомании и разработать более эффективные механизмы «антинаркотического воспитания» японского общества. Вместе с тем, сказанное не означает перспективы сколь-либо заметного роста наркопотребления в этой стране. Более того, именно для Японии наиболее перспективной представляется тенденция к снижению распространенности этого явления. В самом деле, как отмечается в последнем Всемирном докладе о наркотиках (2014 г.), «общая ситуация в мире с распространенностью потребления наркотиков остается в целом стабильной, и общая численность наркопотребителей увеличивается пропорционально росту мирового населения»¹⁵⁶. Между тем, как было показано в предыдущих главах данной работы, в Японии о росте наркопотребления речь не идет; наоборот, все более четко просматривается обратная тенденция, особенно среди молодежи. К тому же, судя по приведенным выше показателям демографической статистики, даже в среднесрочной перспективе рост численности населения (и, следовательно, потенциальных наркопотребителей) не просматривается, а значит, реальной основы для прогнозирования роста распространенности этого явления в Японии нет.

§4. Компьютерная преступность

1. С тех пор как человечество осознало, что оно вступило в новую технологическую эру: стремительно растущая компьютеризация все шире про-

---

¹⁵⁶ Всемирный Доклад о наркотиках, 2014. UNODC. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности ([www/unodc.org/documents/wdr-2014/V1403602_russian.pdf](http://www.unodc.org/documents/wdr-2014/V1403602_russian.pdf)).

никала в социальную практику, открывая более широкие возможности для развития общества и жизнедеятельности людей. Этот процесс не обошел стороной и криминальный мир, осознавший перспективы «приобщения» к техническому прогрессу¹⁵⁷. В условиях нарастающей интенсификации товарных и информационных потоков криминальный мир стал все шире использовать достижения техники для обогащения и расширения своей деятельности, для совершенствования взаимосвязи и координации усилий, поскольку компьютеризация все больше позволяла действовать независимо от расстояний и государственных границ.

Использование новых возможностей и технологий во многом помогло преступным сообществам в их противостоянии с правоохранительными органами, в связи с чем в 2010 г. на X Конгрессе ООН по предупреждению преступности говорилось о сетевом расширении подобных преступных организаций, с учетом того, что преступные навыки, приобретенные в одной области, быстро переносятся на новые криминальные рынки¹⁵⁸. Прошло еще 15 лет, мир продолжает меняться беспрецедентно, быстрыми темпами, по меньшей мере, в трех основных направлениях. Во-первых, появляются новые и изощренные формы преступности, требующие более эффективных мер со стороны системы уголовного правосудия; во-вторых, постоянно эволюционирующая социальная, культурная и экономическая среда порождает новые виды вызовов, с которыми сталкивается система уголовного правосудия и правоохранительные органы, или вносит кардинальные изменения в последствия традиционной и обычной преступности и подход к ним; в-третьих, широкое распространение современных информационно-коммуникационных технологий, а также расширение транснациональных масштабов преступной дея-

---

¹⁵⁷ Появление компьютерной преступности в литературе принято связывать с 1969 г., когда в США начался судебный процесс по делу Конфессоре, который путем мошеннических операций с компьютерной техникой нанес ущерб компании «Dines Club of America» в сумме 620 тыс. долл.

¹⁵⁸ Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI в. Рабочий документ X Конгресса ООН по предупреждению преступности. Вена, 2000. – С.11 (A/Conf.187/3).

тельности создают целый ряд новых возможностей для совершения новых видов преступлений¹⁵⁹.

В последние десятилетия сложилась мировая тенденция «миграции» криминальной активности в киберпространство; киберпреступность все больше становилась реальностью современной жизни. Доходы от такой преступной деятельности, если ей не противостоять, могли превысить доход от незаконного оборота наркотиков. В последующие годы обоснованность таких прогнозов подтвердилась.

В XXI в. быстрое развитие информационного общества еще больше изменило повседневную жизнь людей, всего несколько лет назад не знавших онлайн-покупок и онлайн-банковских операций, услуг скоростной передачи данных, новых форматов телефонной связи и многих других примет современной жизни; темпы технического прогресса растут с каждым годом. Стремительно надвигается Третья индустриальная революция; она изменит технологии, промышленность, экономику, информационную среду, средства коммуникации, преобразит обыденную жизнь. Специалисты рисуют ошеломляющие перспективы, но многое меняется уже сегодня¹⁶⁰.

Однако развитие информационного общества сопровождается новыми и серьезными угрозами; они многочисленны и разнообразны, как и само киберпространство, ибо во многом заложены в самой природе сети. Атаки на информационную инфраструктуру совершаются ежедневно и в растущих масштабах, причиняя обществу огромный вред и большой финансовый урон. В 2010 г. Генеральной Ассамблеей ООН киберпреступность названа одной из главных проблем современности, а в 2014 г. в докладе ЦРУ среди многочисленных угроз мировой безопасности киберпреступность поставлена на первое место¹⁶¹. Эта угроза, как отмечают исследователи, превратилась «в все-

---

¹⁵⁹ XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Доха, 12–19 апреля 2015 года. Руководство для дискуссии. A/CONF.222/PM.1. – P. 5.

¹⁶⁰ По производству промышленных роботов Япония занимает первое, а по выпуску 3D принтеров – второе место в мире (Комсомольская правда, 24 декабря 2013 года).

¹⁶¹ **Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community. Statement for the Record. January, 29, 2014** ([http:// www.ddni.gov/files/documents/intelligence%20](http://www.ddni.gov/files/documents/intelligence%20)).

мирную цифровую эпидемию»; вокруг похищения, хранения и перепродажи информации сложилась подпольная экономика, где киберпреступления быстро стали высоко прибыльным бизнесом¹⁶².

Кибербезопасность играет важную роль в развитии информационных технологий; её усиление имеет огромное значение для безопасности и экономического благосостояния любой страны, для психологического и морального состояния общества. С этим приходится считаться и потому, что процессы глобализации в информационной сфере существенно влияют и меняют современный мир; средства массовой коммуникации все шире занимают ведущее место в социализации населения; механизмы криминализации информационного пространства задействуются все более активно, все больше расширяются возможности для криминогенного информационного воздействия на население манипулирования массовым сознанием, где основным инструментом являются СМИ. При этом, в содержание производимого ими потока информации с разным уровнем виртуальности и изошренности встраиваются элементы криминализации (самый простой пример – распространение порнографии).

Любые информационные и технологические новации значительно расширяют сферу киберпреступности и создают условия для повышения эффективности хакерских атак. При этом следует считаться с тем, что киберпреступность в мире растет более быстрыми темпами, чем все другие виды преступности; киберпространство обеспечивает преступникам анонимность и возможность создавать транснациональные объединения (где доказать связь между участниками крайне сложно); способы совершения таких преступлений становятся все более изошренными, а использование инноваций затрудняет их выявление¹⁶³. Поэтому сдерживание киберпреступности стало составной частью системы национальной безопасности и государственной

---

¹⁶² Шрайер Ф., Викс Б., Винклер Х. Кибербезопасность: дорога, которую предстоит пройти (Доклад DCAF). – Женева, 2013, С. 2–3; Ларина Е., Овчинский В. Криминология Биткойна // <http://www.zavtra.ru/content/view/bitkojn/>, 16.12.2013.

¹⁶³ Дремлюга Р.И. Интернет-преступность. – Владивосток, 2008.

стратегии защиты информационной инфраструктуры, с тем чтобы способствовать снижению рисков и последствий таких преступлений.

Приходится считаться и с тем, что трудности расследования такого рода преступлений связаны с растущими скоростями обмена информацией и постоянным притоком технологических новаций. Интернет и онлайн-распространение информации превратили электронные преступления в транснациональные. Ныне преступники могут действовать из любой точки мира, используя самые изощренные способы для маскировки своей идентичности. Соответственно, меняются инструменты для расследования таких преступлений; они существенно отличаются от тех, что используются при расследовании «обычных» преступлений. Поэтому совершенствование стратегии кибербезопасности в любой стране требует особого внимания.

Не менее важную роль играет и развитие международного сотрудничества в этой сфере, кооперации усилий правоохранительных органов. К сожалению, сегодня экспертам приходится констатировать не только разный подход, но и определенное противостояние различных стратегий сотрудничества в деле информационной безопасности; во всяком случае, признаков необходимой консолидации в этой сфере пока не видно¹⁶⁴.

2. Дальнейшее изложение требует обращения к методологическим аспектам проблемы, связанным с классификацией и типологией деяний, формирующих сферу киберпреступности. Обращение к ним необходимо потому, что в отечественной криминологической литературе практика борьбы с такими преступлениями в Японии, по сути дела, анализируется впервые¹⁶⁵.

До сих пор единого подхода к определению терминов киберпреступность и «компьютерная преступность» не сложилось, хотя их взаимосвязь очевидна. В общем плане можно отметить, что термин «киберпреступность» имеет более узкое значение, чем термин «преступления, связанные с приме-

---

¹⁶⁴ Смолин А. Международное сафари на хакеров (http://rapsinews.ru/international_publication/20140711/271706047.html).

¹⁶⁵ Попытка дать общий абрис проблемы ранее была предпринята автором (Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., 2003. – С. 56–57).

нением компьютеров», ибо он подразумевает использование компьютерной сети. В отличие от этого, под вторым термином понимаются даже те правонарушения, которые не имеют отношения к сети, а лишь затрагивают отдельные компьютерные системы¹⁶⁶.

На X Конгрессе ООН по предупреждению преступности были выработаны два определения. Киберпреступность в узком смысле (компьютерная преступность) – это любое противоправное поведение в форме электронных операций, направленное против безопасности компьютерных систем и обрабатываемых ими данных. В более широком смысле киберпреступность (преступления, связанные с применением компьютеров) – это любое противоправное поведение, осуществляемое посредством компьютерной системы или сети. Однако такое деление связано с заметными трудностями технического и юридического плана.

Термин «киберпреступность» используется для описания широкого спектра правонарушений, включая традиционные компьютерные и сетевые преступления. Поскольку они друг от друга во многом отличаются, то нет единого всеобъемлющего критерия для закрепления этого термина в международных правовых документах. Поэтому в литературе вместо единого определения все чаще применяется подход, основанный на типологии киберпреступности¹⁶⁷.

Один из таких подходов приводится в Конвенции Совета Европы (принята 23 ноября 2001 года в Будапеште), где различаются преступления, связанные с: **противостоянием** конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; применением компьютеров; контентом; правами собственности¹⁶⁸.

---

¹⁶⁶ Герке М. Понимание киберпреступности: явление, задачи и законодательный ответ. Исследовательский отчет (<http://www.itu.int/INU-D/cyb/cybersecurity/legislation.html>).

¹⁶⁷ Чекунов И. Современные киберугрозы. Уголовно-правовая и криминологическая классификация и квалификация киберпреступлений – <http://www.x5443x.ru/publ/1-1-0-36>; Лопатина Т.М. Компьютерная преступность и противодействие ей. – Смоленск, 2006.

¹⁶⁸ В отличие от США и Японии, Россия эту Конвенцию не подписала.

Если не вдаваться в конкретику предмета, приведенная типология может служить основой для изучения феномена киберпреступности.

3. Конец 1990-х–начало 2000-х гг. прошли под знаком новых тенденций: широкое использование изощренных способов совершения преступлений («фишинг», атаки бот-сети, голосовые передачи по IP-протоколу); распространенность технологий, затрудняющих работу правоохранительных органов. По оценкам экспертов ООН, свыше 80% киберпреступлений совершаются организованными преступными группами, со сложившимися черными рынками вредоносных программ, компьютерных вирусов, краденных персональных и финансовых данных¹⁶⁹.

Серьезную проблему для любой страны составляет содержание Интернета, где все большее распространение получают материалы, связанные с детской проституцией и порнографией, диффамацией, а также с нарушениями авторских прав.

Меняются не только способы и количество таких преступлений¹⁷⁰, но их масштаб и последствия. В 2003 г., использование только одного вредоносного программного обеспечения причинило ущерб на 17 млрд долл.; в 2007 г. доходы киберпреступности превысили 100 млрд долл., впервые превзойдя доходы от наркоторговли. По данным американского Центра стратегических исследований и компании «McAfee», занимающейся защитой электронных сетей, мировая экономика за год теряет от киберпреступности около 500 млрд долл.¹⁷¹. В новом докладе Центра CSIS отмечается, что по сути, киберпреступность – это налог на инновации, который замедляет глобальное раз-

---

¹⁶⁹ Итоги Всестороннего исследования Группы экспертов ООН о киберпреступности, обсужденные в Вене 25–28 февраля 2013 года (UNOD/CCPCJ/EG4/2013/2). Информация о кредитных картах и банковских счетах является самой популярной и востребованной в рекламируемых услугах теневой экономики; известна даже такса за данные кредитной карты и банковского счета (Герке М. Понимание киберпреступности..., С. 15).

¹⁷⁰ Ежедневно в киберпространстве происходит до 80 млн попыток хакерских атак с применением инструментов, позволяющих совершить тысячи атак за несколько минут.

¹⁷¹ The Wall Street Journal, July 23, 2013; Кремер В. Вооружены и киберопасны // РБК Daily, 18.07.2013; Шпунт Я. Борьба с киберпреступностью // Intelligent enterprise, 21.06.2013.

витие, снижает прибыли изобретателям и инвесторам¹⁷². По оценкам ООН и Еврокомиссии, общество ежегодно теряет в Европе около 750 млрд евро и почти 1 трлн долл. в США, причем, эти убытки растут¹⁷³.

Следует отметить, что в разных странах национальная статистика имеет существенные различия, связанные с особенностями регистрации таких преступлений и уголовного законодательства. Поэтому она не может адекватно отражать проблему в мировом масштабе; в силу тех же причин данные национальной статистики не являются достаточно прочной основой для сравнительных исследований, ибо достоверность такого рода информации всегда носит релевантный характер¹⁷⁴. Статистика той или иной страны отражает лишь преступления, которые были выявлены и зарегистрированы; она, конечно, необходима для разработки политики на национальном уровне, но её показатели зависят не столько от уровня преступности, сколько от уровня развития страны и возможностей полиции. Не случайно две трети стран считают свои системы полицейской статистики киберпреступности недостаточно совершенными¹⁷⁵.

Помимо всего прочего, киберпреступность отличается высокой латентностью¹⁷⁶ (раскрывается лишь меньшая часть таких преступлений, причем простейших, а в статистику входят лишь раскрытые преступления). При этом, ее причины лежат в другой плоскости, в отличие причин латентности «обычных» преступлений. Зарегистрированные преступления чаще всего

---

¹⁷² www.golos-ameriki.ru/content/reuters-cybersecurity-mcafee-csis/1932563.html.

¹⁷³ Шрайер Ф., Виск Б., Винклер Х. Кибербезопасность: дорога, которую предстоит пройти. – Женева, 2013. – С. 4; United Nations Office on Drugs and Crime. The Globalization of Crime. A Transnational Organized Crime Threat Assessment Vienna: UNODC, 2010. – P. 204.

¹⁷⁴ Генрих Н.В., Камалова А.К., Морозов Н.А. Сравнительный анализ преступности в России и зарубежных странах // Российский криминологический взгляд, 2013. – №3; Морозов Н.А. и др. Российская преступность в зеркале международной статистики // Научный портал МВД России, 2013. – №3. – С. 41–49.

¹⁷⁵ Итоги Всестороннего исследования Группы экспертов ООН, обсужденные в Вене 25-28 февраля 2013 года (UNOD/CCPCJ/EG4/2013/2).

¹⁷⁶ Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М., 1992. – С. 85; Лопатина Т.М. Указ. работа. – С. 35–42; Федотов Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика. – М., 2007.

связаны с крупными денежными потерями, а если они не столь значительны, физические лица не всегда сообщают о таких преступлениях правоохранительным органам. Что же касается юридических лиц, то, во-первых, государственные органы и предприятия частного сектора по-разному воспринимают относительные риски и угрозы; во-вторых, компании, потерпевшие, например, от хакерских атак на их серверы, зачастую скрывают о таких фактах, опасаясь, что огласка сможет повредить их репутации. В Японии, в 2010 г. в ходе анкетирования, проведенного полицией, лишь 25% компаний сообщили об убытках, понесенных от киберпреступности¹⁷⁷.

Более надежную основу для анализа ситуации в этой сфере представляют виктимологические опросы; их результаты показывают, что виктимизация частных лиц от киберпреступности значительно выше, чем от «обычных» преступлений. Так, показатели виктимизации от мошенничества с кредитными картами, от краж персональных данных, ответов на попытки «фишинга» и незаконного доступа к электронным записям среди пользователей Интернета в 20-ти странах составляют до 17%; при этом в более развитых странах уровень виктимизации от таких преступлений, как правило, значительно ниже.

Данные недавно опубликованного исследования – Norton Report 2013 – показывают, что ежедневно в мире насчитывается более 1 млн человек, пострадавших от кибератак, или 12 пользователей в секунду. Кстати, ущерб от таких атак в 2013 г. (общую сумму прямых убытков) исследование оценило в 113 млрд долл.; а ущерб за предыдущий год вырос на 50% и составил 298 долл.¹⁷⁸.

---

¹⁷⁷ В России, где киберпреступность входит в пятерку основных видов экономических преступлений, ситуация иная. Опрос российских компаний, проведенный в 2014 г. в рамках VII Всемирного обзора экономических преступлений, показал, что по мнению половины компаний риски по таким преступлениям возросли; два года назад так считали лишь в 25% компаний. Обзор содержит и данные об оценке угроз. Так, 77% компаний указали, что обеспокоены нанесением ущерба их репутации; 84% – финансовыми потерями; 78% – кражей интеллектуальной собственности; 76% – нарушением непрерывной деятельности (www.pwc.ru/crimesurvey).

¹⁷⁸ Информационная безопасность (Information Security), 2013, №5 (<http://itsec.ru/articles2/cyberwar/>).

Ключевую роль в предупреждении киберпреступности играют правовые меры¹⁷⁹. Ныне в плане криминализации многих правонарушений достигнута более высокая степень консенсуса; значительно большее единообразие получила криминализация деяний, связанных с контентом Интернета. Вместе с тем, криминализация киберпреступлений имеет и другие различия. Разные подходы существуют, при криминализации вмешательства в функционирование компьютерных систем в зависимости от формы вины (в Японии такое вмешательство должно быть преднамеренным); есть различия и по способам вмешательства, они охватывают различные деяния – от повреждения или удаления данных до изменения, блокировки, передачи данных и т.п. Достижение большего единообразия в понимании и криминализации таких преступлений – одна из актуальных задач мирового сообщества.

Власти Японии еще с конца прошлого века оперативно реагировали на изменение ситуации в сфере киберпреступности, связанные с появлением новых видов преступлений и ростом их распространенности. В 1985 г. был принят Закон о размещении интегральных полупроводниковых схем, которым вводились нормы, предусматривающие наказания в целях охраны информации как объекта собственности¹⁸⁰. В 1987 г. был принят закон, объявляющий преступными и наказуемыми производство электромагнитных дисков, уничтожение компьютеров, их мошенническое использование, а также создание связанных с этим предприятий. Соответствующие изменения и дополнения вносились в УК и УПК Японии.

В 1999 г. был принят специальный закон, установивший меры ответственности за вовлечение несовершеннолетних в занятие детской проституцией и производство детской порнографии (Act on Punishment of Activities Relating to Child Prostitution and Child Pornography, 1999). В 2000 г. специальным законом (Unauthorized Computer Access Act, 2000) установлена уголов-

---

¹⁷⁹ Морозов Н.А., Генрих Н.В. Законодательство и практика противодействия киберпреступности в Японии // Российский криминологический взгляд, 2014. – №1; Морозов Н.А. Борьба с компьютерными преступлениями в Японии // Общество и право, 2014. – №2.

¹⁸⁰ Умэдзава М., Компюта хандзай-но гэндзэ то тэмбо (Современное состояние и перспективы компьютерной преступности) / Кэйсацу кэнкю, 1986. – №4.

ная ответственность за несанкционированный доступ к компьютерам. Основной мерой пресечения киберпреступности должен был стать Закон от 26 июня 2001 г., устанавливающий уголовную ответственность за преступную деятельность, совершаемую с использованием компьютеров, а также поддельных, краденных дебетовых и кредитных карт. Кроме того, специальным законом (Act on Protection of Deposition and Postal Saving Holders from Unauthorized Automated Withdrawal Using Counterfeit and Stolen Cards) устанавливались меры защиты таких карт, высылаемых банками их владельцам по почте, а также меры контроля за снятием денежных средств в банкоматах по поддельным и краденным картам¹⁸¹.

В 2004 г. в законодательство об ответственности за распространение материалов, связанных с детской проституцией и порнографией, были внесены изменения, ужесточившие ответственность за изготовление такого рода видеопродукции и ее распространение в Интернете.

В 2006 г., исполняя предписания Европейской конвенции и других международно-правовых документов, в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Японии внесены изменения, согласно которым криминализованы новые компьютерные преступления, в том числе производство и распространение вирусов. Работа по дальнейшему совершенствованию законодательства, направленная на ужесточение правовых мер борьбы с компьютерной преступностью, продолжалась и в последующие годы.

4. Появление компьютерных преступлений в Японии относится к середине 1970-х гг., но их рост и осознание опасности стали ощутимыми лишь спустя 15 лет. Такое развитие ситуации, на первый взгляд, кажется парадоксальным, поскольку 1970–1980-е гг. связаны со стремительным прогрессом науки и техники, составной частью которого были быстрые темпы компьютеризации. Здесь сказалось влияние многих факторов, с которыми связана специфика страны на этом этапе ее развития. К ним можно отнести новизну

---

¹⁸¹ XI United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. The National Statement of Japan. – Tokyo, 2005. – P. 14.

самых компьютерных преступлений; отсутствие законодательной базы, квалификации и опыта у сотрудников правоохранительных органов; особенности психологии и менталитета японцев (граждан «честного общества»); взаимосвязанные изменения в демографической ситуации, темпах миграции сельской молодежи; изменения в структуре трудовой занятости населения; в концентрации трудовых ресурсов, используемых для преобразований инфраструктуры крупных городов, создания всего, что вскоре стали называть «японским чудом».

Подтверждением сказанного являются не только динамика, но и сам характер компьютерных преступлений, зафиксированных в этот период. В 1977 г., например, было зарегистрировано 61 преступление; к 1981 г. их число выросло до 288, а к концу 1994 г. (почти за 20 лет!) – до 492 преступлений, из которых 447 составили изменение или уничтожение программной информации.

Следует отдать должное японским криминологам и специалистам в области уголовного права, которые предвидели будущее компьютерной преступности, ее быстрый рост и серьезные проблемы, с которыми столкнется правоприменительная практика. Они указывали, что сложность расследования растущего числа таких преступлений заставит переосмыслить традиционные основы ведения следствия, для чего потребуется критически проанализировать следственную практику, одновременно находя решения возникающих проблем в расследовании и в судебном процессе. Четверть века назад авторы первого научно-практического пособия по компьютерной преступности писали: «До сих пор количество компьютерных преступлений было невелико, но несомненно, что число их будет расти. Кроме того, благодаря распространению компьютерной техники, преступления прежних видов будут осуществляться с использованием компьютеров, а также будет возрас-

тать число дел, в которых информация об их использовании станет необходимой как доказательство преступления»¹⁸².

Помимо процессуальной стороны проблемы, особое внимание уделялось её уголовно-правовым аспектам. Так, видный исследователь японского уголовного права профессор Х. Итакура еще 25 лет назад определял новые формы преступности как явления антисоциального характера, тесно и неразрывно связанные с социально-экономической структурой общества, как преступность, присущую современной форме общества. «Возникает, – отмечал Х. Итакура, – проблема социальной и юридической оценки «новых форм» преступлений, поскольку квалифицировать их как преступления было бы трудно, если опираться на традиционный образ мышления»¹⁸³.

С середины 1990-х гг. стремительное развитие Интернета выводит компьютерную преступность в стране на принципиально новый уровень, где, в первую очередь, сказывается рост экономических преступлений в кредитно-финансовой сфере (оплата счетов, махинации с кредитными карточками и т. п.), а также хищений персональных данных и разглашение конфиденциальной информации. Начало 1990-х гг. отмечено резким ростом фактов незаконного использования кредитных и дебетовых карточек. Их пик приходится на 1992 г., когда было зарегистрировано свыше 11 тыс. таких деяний; в 1994 г.

---

¹⁸² Компота хандзай то гэндай кэйхо (Компьютерные преступления и современное уголовное право). – Токио, 1990. – С. 191. (на яп. яз.).

¹⁸³ «С помощью традиционной теории уголовного права, предпосылкой которой служат «старые» формы преступности (убийства, ограбления и т. п.) невозможно в достаточной степени противостоять современным формам преступности, повседневно возникающим из обычных поступков граждан, из обычной предпринимательской деятельности и неотделимых от таких особенностей современного общества, как более сложный и разнообразный характер жизни в эпоху массового производства и массового потребления, противоречия интересов разного рода, диверсификация и изменчивость ценностных ориентаций информационного общества, трансформация жизненных стереотипов под воздействием различных технологических новаций, начиная с компьютеризации. К тому же, – отмечал Х. Итакура, – было бы неверным применять в неизменном виде принципы и понятия традиционной теории уголовного права, которая сформировалась на основе осмысления традиционных форм преступности и традиционных взглядов на нее» (Итакура Х. Гэндайкэй хандзай то кэйко но ронтэн. Современные формы преступности и дискуссионные элементы уголовного права. – Токио, 1990. – С. 7. на яп. яз.).

их число, благодаря оперативной реакции полиции и финансовых органов, снизилось до 8 740 (в 38% дел использовались украденные карты).

В 1997 г. случился скандал, с которым в лексиконе японской полиции связано появление термина «киберпреступность». Речь идет о деле хакера, который более сотни раз пытался с территории Израиля проникнуть в компьютерную сеть базы ВМС США в Калифорнии через японскую компанию – производителя программного обеспечения в префектуре Исикава, не имевшей к этому факту никакого отношения. В связи с этим скандалом шеф Главного управления полиции был вынужден выступить с заявлением по телевидению, в ходе которого сообщил о решении создать специальное подразделения киберполиции (Cyber Force) и наладить непрерывный контакт с аналогичными зарубежными службами. Кроме того, сообщалось, что на 1999 г. запланированы бюджетные средства на закупку специального оборудования для компьютерных систем.

В том же 1997 г., подписав ряд соглашений с зарубежными странами о взаимодействии в борьбе с компьютерными преступлениями, Япония обязалась предпринять ряд радикальных мер – принять законы против киберпреступлений, организовать обучение сотрудников полиции методам расследования, открыть круглосуточную «горячую линию» для обращений в полицию, разработать новые технологии отслеживания источников вторжения в компьютерные сети, ускорить процесс выдачи подозреваемых в преступлениях, осуществлять резервное архивирование информации¹⁸⁴. В 2000 г. на конференции по проблемам компьютерной преступности в Париже страны G8 (вместе с Россией) пришли к соглашению о развитии международной кооперации в этой сфере, в т.ч. в деле отслеживания преступников за пределами своих границ. В последующие годы, развивая такое сотрудничество, Япония стала выполнять взятые ею обязательства.

---

¹⁸⁴ Rodger, W. Nations to fight computer crime // www.zdnet.ru/News/19971218/two/01.asp.

5. С начала 2000-х гг. для анализа ситуации в Японии используют собственную типологию преступлений, которая позволяет учитывать почти всю палитру правонарушений в этой сфере и развивающиеся тенденции. В рамках этой типологии выделяются две основные группы преступлений, связанных с:

- 1) проникновением в компьютеры;
- 2) использованием Интернета.

На основе этой типологии строится классификация таких преступлений.

К первой группе относятся – компьютерное мошенничество; повреждение электромагнитных записей и создание помех бизнесу; преступления, связанные с платежными картами; несанкционированный доступ к компьютеру.

Таблица 14

Динамика и структура преступлений, связанных с проникновением в компьютеры, в 2006–2010 гг.

Годы	2006	2007	2008	2009	2010
Всего	1151	1853	2264	2888	1926
Повреждение электромагнитных записей	56	34	20	22	36
Компьютерное мошенничество мо мошенничество	63	74	220	1609	91
Преступления, связанные с платежными картами	319	298	277	259	192
Несанкционированный доступ к компьютеру	703	1442	1740	2534	1601

В приведенной таблице, прежде всего, обращает на себя внимание рост общего числа преступлений, связанных с проникновением в компьютеры (исключение составляют лишь показатели 2010 г.). На этом общем фоне динамика компьютерных мошенничеств носит турбулентный характер. С 2003 по 2008 гг. число таких преступлений выросло в 3 раза, а за 2006–2008 гг. почти в 4 раза. В 2009 г. показатели компьютерного мошенничества снизились на 23,2%, а в 2010 г. – на 42%, что свидетельствует об эффективности усилий правоохранительных органов.

Вместе с тем, неблагоприятной выглядит динамика постоянно растущих фактов несанкционированного доступа к компьютерам. При этом обращает на себя внимание не только значительный рост абсолютных показателей, но и рост удельного веса таких деяний в общей структуре преступлений, связанных с проникновением в компьютеры, где в течение 2006–2010 гг. на долю несанкционированного доступа приходится в среднем почти 80%¹⁸⁵. (Если в 2006–2007 гг. их удельный вес составлял 60–62%, то в 2008 г. – 77%; в 2009 г. – 87% и в 2010 г. – 84%). В абсолютных значениях рост этих преступлений начался ещё с 2005 г.; в 2007 г. по сравнению с 2006 г. их число выросло в 2 раза, а в 2009 г., по сравнению с 2008 г. – на 45,6%; лишь в 2010 г. наметилось снижение, которое продолжилось в 2011 г., когда число таких преступлений снизилось с 1 601 до 1 353. Тем не менее, исходя из того, что борьба с несанкционированным доступом к компьютерам еще остается серьезной проблемой, в марте 2012 г. в специальный законодательный акт – Unauthorized Computer Access Act – были внесены поправки, существенно ужесточающие меры ответственности за такие правонарушения¹⁸⁶.

Вторую группу преступлений составляют:

- мошенничество;
- распространение непристойных материалов;
- распространение материалов, связанных с детской порнографией;
- нарушения авторских прав.

Обратимся к количественным и качественным трансформациям в группе преступлений, совершенных с использованием сети Интернет.

---

¹⁸⁵ Морозов Н.А., Генрих Н.В. Законодательство и практика противодействия киберпреступности в Японии // Российский криминологический взгляд, 2014. – № 1. – С. 420–426.

¹⁸⁶ White paper on Police, 2013. – Tokyo, 2014. – P. 18.

**Динамика и структура преступлений, совершенных с использованием
сети Интернет в 2006–2010 гг.**

Годы		2006	2007	2008	2009	2010
ВСЕГО		3 593	3 918	4 334	3 961	5 199
Мошенничество		1 597	1 512	1 508	1 280	1 566
Распространение непристойных материалов		192	203	177	140	218
Распространение материалов, связанных с детской проституцией и порнографией	Всего	714	743	761	923	1,193
	Связанные с детской проституцией	463	551	507	416	410
	порнографией	251	192	254	507	783
Нарушение авторских прав		138	165	144	188	368
Прочие		952	1 295	1 744	1 430	1 854

Прежде всего, бросается в глаза более высокая распространенность этих преступлений (по сравнению с преступлениями первой группы) – ежегодно их в три раза больше. Во-вторых, заметной является тенденция к росту общего числа «сетевых» преступлений¹⁸⁷; в 2010 г. оно по сравнению с предыдущим годом выросло на 31,3%. В 2011 г. был зафиксирован еще больший прирост числа таких преступлений – 5 388. Это рекордный показатель за последние десять лет.

О значительно большей общественной опасности этих преступлений свидетельствует не только их высокая распространенность, но и структура, наибольшую часть которой составляет мошенничество. На долю сетевых мошеннических операций еще с 2005 г. приходится в среднем треть всех преступлений, связанных с использованием Интернета – от 44% в 2006 г. до 32% в 2010 г. При этом, отметим, что на протяжении последних шести лет динамика мошеннических операций отличается очевидной стабильностью, а сни-

¹⁸⁷ Примечательно, что составители «Белой книги о преступности» называют соответствующий раздел и оперируют термином «преступления в сфере высоких технологий» или «высокотехнологичные преступления», а аналитики НПА в «Белой книге полиции» предпочитают термин «киберпреступность».

жение их удельного веса обусловлено лишь ростом общего числа преступлений этой группы. Что же касается конкретизации сферы сетевого мошенничества, то, как свидетельствует статистика, в 2009–2010 гг., соответственно, 40% и 43,2% таких деяний составляли операции на Интернет-аукционах (в абсолютных показателях число таких преступлений выросло с 522 до 677)¹⁸⁸.

Негативные тенденции проявляются также в динамике и структуре сетевых преступлений, относящихся к распространению материалов, связанных с детской проституцией и порнографией. Ответственность за такие преступления, помимо закона 1999 г. (Act on Punishment of Activities Relating to Child Prostitution and Child Pornography, 1999), предусмотрена и специальным законом о защите несовершеннолетних (Youth Protection Ordinance violations).

Общее число таких преступлений, а они составляют в среднем 20% всех сетевых преступлений, ежегодно растет. В рамках этой общей тенденции особенно (ежегодно) заметно, что растет распространение материалов, связанных с детской порнографией (в 2009 г. число таких преступлений выросло за год в 2 раза, а за 2010 г. – в 1,5 раза)¹⁸⁹.

Распространения материалов, связанных с детской проституцией, в абсолютных значениях в последние годы снижается (на 20%), но эту тенденцию не следует оценивать слишком оптимистично, ибо, во-первых, выявление и расследование таких преступлений сопряжено со многими трудностями, а, во-вторых, статистика нарушений специальных законов о пользовании сайтами Интернет-знакомств (Online Dating Site Control Act; Act on Regulation on Soliciting Children by Using Opposite Sex Introducing Service on Internet) показывает, что число нарушений, связанных с поиском несовершеннолетних для вовлечения их в занятие проституцией, растет (в течение 2010 г. – на

---

¹⁸⁸ White Paper on **Crime, 2010.** – P. 47; White Paper on Police, **2012 (Digest Ed.)**. – P. 31.

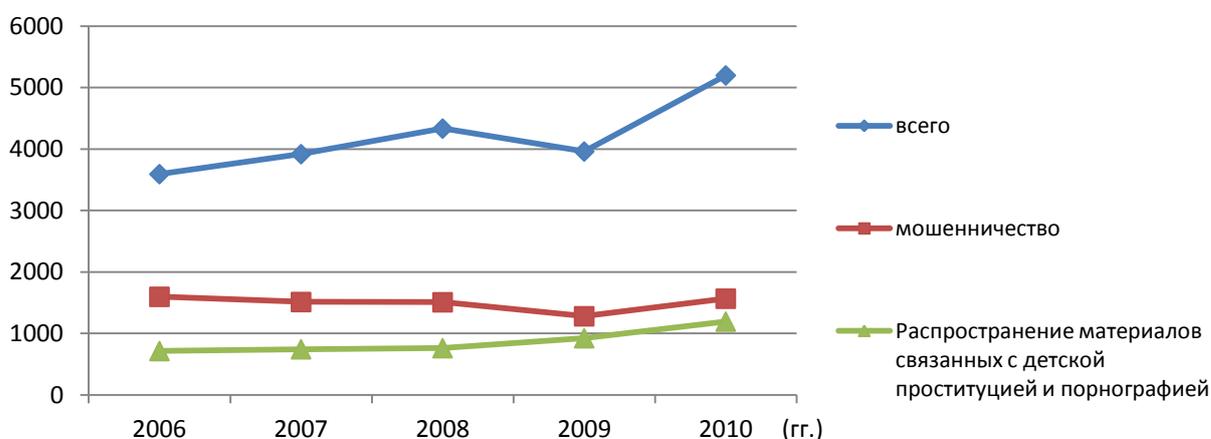
¹⁸⁹ В 2011 г. за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией арестовано 662 правонарушителя, в том числе, 207 – за распространение такого рода материалов через Интернет; за вовлечение детей в производство порнографической продукции привлечено к ответственности 1 016 правонарушителей, в том числе, 725 – за распространение таких материалов через компьютерную сеть (White Paper on Police, 2013. – Tokyo, 2014. – P. 16).

18,1%). В 2009 г. зарегистрировано 1 203 нарушения правил пользования указанными сайтами, где из 548 потерпевших – 453 (83%) были детьми¹⁹⁰.

Графически рассмотренные тенденции выглядят нагляднее; во всяком случае, общая негативная тенденция роста преступлений, связанных с использованием сети Интернет, в последние годы все более очевидна.

График 17

**Динамика преступлений, совершенных
с использованием сети Интернет в 2006–2010 гг.**

Отмеченной общей тенденции, как видно из табл. 2, соответствует и динамика преступлений, связанных с нарушением авторских прав, число которых за последние два года выросло в 2,5 раза.

Суммируя итоговые показатели компьютерных преступлений в обеих группах, (табл. 1, 2), получим динамический ряд зарегистрированных преступлений: 2007 г. – 5 473; 2008 г. – 6 321; 2009 г. – 6 690; 2010 г. – 6 933; 2011 г. – 5 741 преступлений¹⁹¹. Такая стабильность, помимо всего прочего, означает, что за этот период добиться перелома в борьбе с компьютерными преступлениями еще не удалось и потому противодействие таким правонарушениям останется важным и перспективным направлением дея-

¹⁹⁰ White Paper on Police, 2012 (**Digest Ed.**). – P. 31. В 2011 г. установлена ответственность провайдеров, которые в случае указанных нарушений обязаны немедленно блокировать такие сайты.

¹⁹¹ **White Paper on Police, 2013. – P. 18.**

тельности японских правоохранительных органов. Этот общий вывод, как будет показано далее, подтверждается и анализом других, входящих в общую проблематику составляющих.

6. В указанные типологические группы не входят, однако, такие преступления, как, например, использование поддельных и краденных кредитных и дебетовых карт; несмотря на то, что их распространенность постепенно снижается, эффективность борьбы с такими преступлениями все же остается актуальной проблемой. Об этом говорит не столько динамика таких преступлений, которая носит спорадический характер, сколько сравнение показателей их раскрываемости и числа арестованных.

Таблица 16

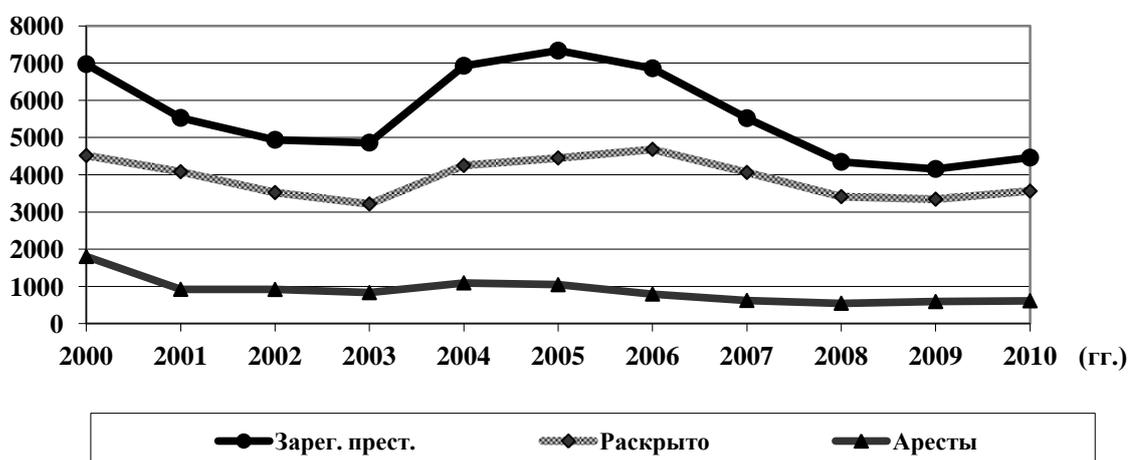
Динамика преступлений, связанных с использованием поддельных и краденных кредитных карт

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Зарег. прест.	6970	5527	4938	4862	6926	7333	6859	5518	4345	4155	4460
Раскрыто	4514	4080	3521	3213	4248	4449	4681	4060	3412	3342	3560
Аресты	1803	921	918	832	1094	1046	794	623	547	592	613

Графически практика борьбы с этими преступлениями выглядит так:

График 18

Динамика преступлений, связанных с использованием поддельных и краденных кредитных карт

Из приведенных показателей видно, что на фоне стабильной раскрываемости этих преступлений уровень арестов по отношению к числу раскрытых преступлений из года в год снижается. Это означает, что одни и те же арестованные многократно использовали поддельные или краденные кредитные карты (в среднем по 7–8 эпизодов); таким образом, высокий уровень рецидива говорит о том, что предупреждение таких преступлений еще остается актуальной задачей¹⁹².

Значительное число компьютерных преступлений, связанных с различными финансовыми махинациями, совершается, как уже отмечалось, организованными преступными группами со сложившимися черными рынками вредоносных программ, краденных персональных и финансовых данных и т. п. К 2010 г. долевое участие организованных сообществ в таких преступлениях, по данным статистики, составляет 28,7%¹⁹³.

В полицейской статистике отдельно фиксируются также сообщения о компьютерных вирусах, которые в электронной почте получателей выглядят как письма от легально действующих фирм; рассылка таких вирусов является фактором, препятствующим нормальной работе информационных систем. Резкий всплеск таких правонарушений в 2004–2007 гг. вызвал в обществе настолько серьезную озабоченность, что власти вынуждены были в 2006 г. открыть в Национальном управлении полиции «горячую» линию – Internet Hotline Center¹⁹⁴, создать федеральное агентство – Technology Promotion Agency, куда направлялись сообщения о заражениях компьютеров для оказания необходимой помощи, а также объявить о готовящихся мерах по ужесточению ответственности за распространением вирусов. Однако еще до приня-

---

¹⁹² По данным компании Euromonitor International, в 2013 г. потери от подделок кредитных карт и мошеннических операций с ними составили в Европе более 2 млрд, а в США – около 5 млрд долл. Что касается России, то здесь наблюдается самый большой рост потерь – с 2012 г. они выросли на 27% (The Washington Post, 14 августа 2014 г.) – www.inosmi.ru/world/200814/222373116.html.

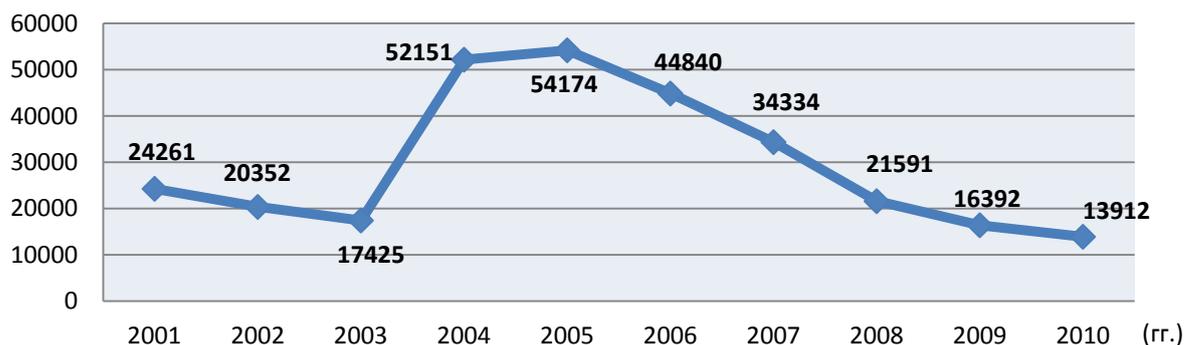
¹⁹³ Морозов Н.А. Борьба с компьютерной преступностью в Японии // Общество и право, 2014. – № 2(48). – С. 141–145.

¹⁹⁴ В 2011 г. в полицию поступило свыше 176 тыс. заявлений о различных нарушениях в сети, в т. ч., 12% сообщений о вирусах (White Paper on Police, 2013. – Токио, 2014. – Р. 18).

тия законодательных решений, активизация специальных технических мер и усилий полиции привели, как видно из графика 19, к значительному снижению числа таких сообщений: в 2009–2010 гг. их число удалось снизить в 3–3,5 раза.

График 19

Динамика сообщений о вирусах в 2001–2010 гг.

Тем не менее 17 июня 2011 г. специальным законом (Акт № 74 of 2011 г.) в УК Японии были внесены изменения и дополнения, установившие ответственность за рассылку сообщений непристойного характера, а также значительно ужесточившие введенные в 2006 г. меры уголовной ответственности за распространение вирусов¹⁹⁵.

Помимо вышесказанного, об эффективности японской системы противодействия компьютерной преступности говорят и сравнительные данные Norton Report 2013, в ходе которого было опрошено свыше 13 тыс. пользователей в 24-х наиболее развитых странах. По уровню распространенности жертв киберпреступлений (учитывались пострадавшие хотя бы 1 раз) эти страны расположились в следующем порядке: Россия – 85%; Китай – 77%; Канада – 68%; Индия – 65%; США – 63%; Австралия – 60%; Германия – 53%; Япония – 19%, показав таким образом, наименьший среди всех стран уровень потерпевших от этих преступлений¹⁹⁶.

¹⁹⁵ Морозов Н.А., Генрих Н.В. Законодательство и практика противодействия киберпреступности в Японии // Российский криминологический взгляд, 2014. – № 1. – С. 420–426.

¹⁹⁶ Информационная безопасность (Information Security), 2013. – №5 ([http:// itsec.ru/articles2/cyberwar/](http://itsec.ru/articles2/cyberwar/)).

§5. Организованная преступность в Японии

По логике вещей, указанная проблема могла бы рассматриваться в рамках предыдущего раздела настоящего исследования. Мы выделяем ее в самостоятельный раздел по нескольким соображениям. Во-первых, все виды преступлений, рассмотренные в предыдущем разделе, так или иначе касаются специальной и относительно самостоятельной сферы преступного поведения и уже в силу этого затрагивают более узкую (чем организованная преступность) сферу общественной жизни. Что же касается организованной преступности, то в Японии это явление, как будет показано далее, настолько глубоко пронизывает буквально все стороны общественной жизни, что в массовом сознании давно стало явлением практически естественным, неотъемлемым от всей общественной практики – от экономики и политики до повседневной деятельности людей. Во-вторых, вероятно, ни одна сфера преступной деятельности в стране в течение полутора веков не отличалась таким стабильным могуществом и ростом своего влияния на самые разные стороны общественной жизни, как организованная преступность. В-третьих, до самого последнего времени именно сфера деятельности организованных преступных сообществ в Японии в силу различных объективных и субъективных факторов оказалась наименее уязвимой и наиболее успешно противостоящей мерам криминологической политики государства. И, наконец, в-четвертых, именно феномен организованной преступности (феномен якудза) стал атрибутивным признаком социальной жизни и, в том числе, уникальной криминальной ситуации, одним из символов, с которым до сих пор ассоциируется Япония во всем мире.

Последние десятилетия российские криминологи и криминалисты проявляют все более заметный интерес к исследованию практики противодействия организованной преступности, вследствие того, что Япония территориально является нашим ближайшим соседом, с которым Россию объединяет и трансформация организованной преступности в новых экономических усло-

виях. Исследования такого рода качественных изменений, помимо всего прочего, служат фоном, на котором рассматриваются наиболее важные социальные, экономические, политические, культурные и социально-психологические процессы, влияющие на изменения в общественной жизни Японии.

1. Истоки и «золотой век» якудза. Организованная преступность или *Boryokudan*¹⁹⁷ пронизывает все сферы жизни японского общества; она вошла в него до такой степени, которой не знала история и не имела аналогов мировая практика. Организованная преступность в этой стране во многом соединяет в себе черты традиционного японского и современного американского преступных миров¹⁹⁸; она связана с большим бизнесом, неотделима от экономической и политической жизни страны.

Якудза – так обычно называют японскую организованную преступность и в самой стране, и за рубежом – издавна контролирует практически все стороны общественной жизни: от быта и культуры до бизнеса и политики. Она глубоко проникла в органы власти, средства массовой информации, корпоративные структуры в стране и за ее пределами. По своей сути якудза представляет собой самобытную форму организованной преступности, во многих отношениях отличную от всех известных форм организованной преступности в современном мире. В публицистике феномен якудза часто рассматривается как модель мирного сосуществования государства и «мафии». При этом многими исследователями приводятся примеры фактически легального существования якудза, открытого ведения бизнеса, «административной регистрации», когда «не совсем чистые деньги и люди, вышедшие из криминала,

---

¹⁹⁷ Этот термин, определяющий понятие «преступная группировка», был введен в уголовное законодательство специальным законом – *Anti-Organized Crime Act*, 1991; закон относил к ней «организации, обеспечивающие своим членам возможность коллективно совершать незаконные акты насилия».

¹⁹⁸ **Белявская О.** Организованная преступность в Японии // Соц. законность, 1988. – №11. – С. 65–66; Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб, 2003. – С. 33–34.

обеспечивают порядок на рынке страны». Эти, в принципе, верные замечания требуют, однако, более пристального и развернутого анализа.

Принято считать, что история якудза восходит к середине XVII в. (эпоха Токугавы); ее предшественниками были три группы полукриминальных и криминальных сообществ – городские стражи (мати-ёкко), торговцы – «коробейники» (тэкия) и профессиональные картежники (бакуто)¹⁹⁹; все они были людьми бедными, игнорирующими законы и обычаи. Позднее, организовавшись в «семьи», построенные по принципу «отец-сын», банды занимались грабежами и игорным бизнесом; с середины XIX в., когда начался переход от феодального уклада к индустриальному обществу, они взяли под свой контроль рынок наемного труда. За свою долгую историю якудза претерпела значительные изменения, но основные принципы эффективного функционирования, сделавшие ее непотопляемой, были заложены еще в далекую феодальную эпоху. Один из них – вовремя появиться там, где можно нажать и где возникают трудности с решением тех или иных проблем; другой важный принцип – сотрудничество с властями. И до сих пор, когда власти пытаются повести наступление на якудза и ужесточают законодательство, оказывается, что якудза настолько глубоко вросла в контекст японской действительности²⁰⁰, что вырвать ее из этого контекста чрезвычайно сложно.

К началу XX в. организованная преступность глубоко проникла во все сферы производства, особенно в строительство и портовые работы. Однако наиболее интенсивные темпы ее развития связаны с началом послевоенной истории страны. Япония была сильно ослаблена поражениями в войне, ее оккупация американской армией и вызванный войной экономический и политический кризис поддерживали подавленность настроений в обществе, ус-

---

¹⁹⁹ Термин «якудза» происходит от наихудшей комбинации в карточной игре «ойтё-кабу», где сумма трех карт – 20 (8 – 9 – 3 или по-японски – я-ку-дза) – означает проигрыш. Именно в среде бакуто зародился ритуал признания вины в виде отрезания фаланги мизинца.

²⁰⁰ Говоря о политической ситуации в стране к началу XX в., о разложении в обществе и власти, Юкио Мисима отмечает: «Власть пуще всякого разложения боялась чистоты. Точно также варвары боялись лекарства больше, чем болезни» (Юкио Мисима. *Несущие кони*. – М., 2010. – С. 414. Пер. с яп.).

губляемую безработицей. Расцвет черного рынка, порожденный дефицитом всего самого необходимого, привел к появлению еще одной из предтеч якудза – гурэнтай (бандиты), которые, по сути дела, и были первыми якудза в современном значении этого слова. Армия молодых безработных людей и не имеющих источников существования репатриантов пополняла ряды многочисленных банд, на первых порах промышлявших насилием, грабежами и вымогательством, а позднее полностью захвативших сферу наркоторговли. С середины 1950-х гг. количественный рост таких преступных сообществ стал особенно заметным; всего за 5 лет – с 1958 по 1963 гг. – их численность выросла с 70 до 184 тыс. человек (5 200 групп) – рекордный показатель за всю историю страны, превышавший численность японских Сил Самообороны.

Один из трех наиболее крупных и поныне главенствующих преступных синдикатов – «Ямагучи-гуми» был основан в 1915 г. и назван по имени своего первого сегуна, или «отца» клана – Харукичи Ямагучи. После смерти его сына Нобуру Ямагучи синдикат 35 лет (с 1946–1981 гг.) возглавлял их преемник – Казуо Таоко²⁰¹. Вступая в наследование верховной властью в «Ямагучи-гуми», он сформулировал три принципа жизни и деятельности якудза. Первый из них – «наличие профессии» – означал необходимость легальной «крыши» над преступным бизнесом. Второй – железная дисциплина и беспрекословное подчинение – подавался как получение по заслугам и ответственность за ошибку или отступничество. Третий принцип – «защита интересов народа» – был заведомо ханжеским, но именно защитой народных интересов всегда прикрывалась власть, а потому – пусть общество знает, что в нем заправляют не только политики и бизнес, но и якудза.

К своему 300-летию юбилею в середине 1980-х гг. организованная преступность в Японии подошла с результатами, которым могла бы позавидовать сицилийская и американская мафия; годовой доход преступных син-

---

²⁰¹ Деятельности этого синдиката под руководством К. Таоко описана в книге В.Я. Цветова «Мафия по-японски» и можно лишь сожалеть, что этот крайне интересный источник до сих пор остаётся за пределами внимания многих исследователей, тем более что он охватывает большую часть «золотого века» организованной преступности в Японии.

дикатов почти не уступал выручке концерна «Тойота» – крупнейшего производителя автомобилей. Это огромное могущество и богатство заставляло людей верить во что угодно, в т.ч. в праведность криминальных деяний якудза, тем более что ее боссы, стараясь придать своим деяниям ореол справедливости, не жалели денег на популяризацию образа якудза в средствах массовой информации, на кино- и телеэкранах. В 1980 г., публикуя отчет о состоянии организованной преступности, Национальное полицейское агентство отмечало: «Возможно гораздо больше, чем какие-либо другие сегменты общества, гангстеры в Японии романтизированы и даже идеализированы; им придан образ робин гудов, которые связаны друг с другом узами преданности и стремятся не только не наносить ущерб невиновным, но и активно помогать им. Создавать такой образ начали ещё в эпоху феодализма, а сегодня миф о «добром» якудза культивируется в сотнях ежегодно выходящих кинофильмов» (большинство таких фильмов сняты по инициативе и на деньги якудза).

При всей важности этого заявления, сказанное утаивает жестокость и коварство якудза и, главное, ее участие в подавлении властями всплесков народного недовольства. К этой, ставшей традицией услуге гангстеров уже более 100 лет – еще в эпоху императора Мэйдзи – прибегали власти, когда требовалось усмирить столичную бедноту, недовольную полуголодным существованием, или подавить бунты крестьян, возмущенных непомерными поборами. Принцип сотрудничества с властью работал постоянно и эффективно. В 1934 г., например, якудза «попросили» усмирить бастующих портовых рабочих в городе Кобе и бандиты перерезали всех профсоюзных лидеров. В 1946 г. якудза оказала властям очередную услугу, активно участвуя в подавлении бунтов корейцев и китайцев (во время войны Япония вывезла из соседних стран более двух миллионов пленных; к ним относились как к людям третьего сорта, и они восстали). В 1958 г. руководство правящей Либерально-демократической партии обратилось к якудза с просьбой пресечь организованные компартией демонстрации протеста против приезда в страну высокопоставленного гостя из США; якудза выделили 10 тыс. боевиков, которые

встали живым щитом на пути манифестантов и не позволили им сорвать важный визит. Примеров такого сотрудничества достаточно, чтобы понять лояльность власти по отношению к якудза. Практически весь XX в. власти не пытались бороться с якудза, а лишь искали оптимальную формулу сосуществования с ней.

Конец 1970-х гг. и последующие 15 лет – «золотой век» организованной преступности в Японии, за явным преимуществом выигрывавшей борьбу у правоохранительных органов. Поскольку итоги работы полиции вызывали недовольство и критику, ее руководство решило, что будет несправедливо, если ответственность за рост преступности будет возложена только на стражей порядка. Так или иначе, публикуемые с конца 1970-х гг. отчеты говорили не столько о деятельности полиции, сколько о бессилии справиться с ростом преступности в условиях, в которых оказалась Япония к началу 1980-х гг. «Положение в мире, – отмечалось в 1982 г. в «Белой книге о полиции», – остается неустойчивым и в предстоящем будущем сохранятся взрывоопасные факторы». Среди них назывались международная напряженность, застой в экономике и социальный накал, порожденный инфляцией, ростом цен и безработицей. «В итоге, из-за общего падения морали и усиления вследствие этого склонности населения к наркомании, азартным играм и алкоголизму, увеличится преступность, особенно среди несовершеннолетних, расширится организованное преступное подполье и прибавится число гангстеров»²⁰².

Статистика тех лет подтвердила обоснованность этих прогнозов, хотя некоторые показатели в отчетах полиции уже тогда ставились под сомнение. По сути дела, именно в конце 1970-х гг. – в Японии впервые заговорили о латентной преступности. Наличие латентности в те же годы осознавали и в полиции; в Национальном полицейском агентстве пришли к выводу, что реальный объем преступности в два раза превышает данные официальной статисти-

---

²⁰² Government of Japan. Ministry of Justice. White Paper on Police, 1982. – P. 7.

стики²⁰³. По расчетам полиции, якудза ежегодно утаивала от налогов 90% своих доходов, которые к началу 1980 г. превысили 1 трлн йен; продавала около трех тонн наркотиков, что приносило 458 млрд йен, или 44 % всех доходов (поэтому гангстеры и окрестили наркотики «белым бриллиантом»). Тайные тотализаторы на скачках, вело- и лодочных гонках, на чемпионатах по «сумо» и других соревнованиях приносили преступным синдикатам ещё 17% дохода – 176 млрд йен; подпольные игорные дома, где за ночь из рук в руки переходили суммы, равные зарплате рабочего за тысячу лет непрерывного труда, залы игровых автоматов и казино позволяли якудза получать еще 70 млрд йен в год; проституция и торговля порнографией – источник 17-ти млрд йен ежегодного дохода; еще столько же приносили вымогательство и шантаж. Легальный бизнес якудза представляли 27 тыс. промышленных, торговых, финансовых и других предприятий, далеко не все из которых соблюдали закон. Одним из способов получения доходов в сфере легального бизнеса было изготовление контрафактной продукции, и якудза использовала его весьма широко.

В Национальном докладе Японии VII Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Милан, 1985 г.) отмечалось, что «...основные отличия преступных формирований Японии от организованной преступности в других странах состоят в том, что они не предъявляют исключительных прав на определенные географические зоны как сферы своего влияния; не опираются на родственные и семейные связи как основу групповой солидарности и не стремятся сохранять в тайне свою внутреннюю структуру»²⁰⁴. В связи с этим для зарубежных исследователей во многом оставалось загадкой «открытость» якудза, состоящая в том, что их структура, участники, штаб-квартиры и другие сведения достаточно извест-

---

²⁰³ Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и В.Н. Еремина. – М., 1989. – С. 74; Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., 2003. – С. 16, 33–40.

²⁰⁴ VII United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. The National Statement of Japan. – Tokyo, 1985. – P. 17.

ны полиции и широкой общественности²⁰⁵. Однако это объясняется тем, что для принятия мер в соответствии с законом оперативной информации недостаточно, необходимы процессуальные доказательства, и якудза, стараясь не оставлять для правоохранительных органов таких следов, не видят причин утаивать те сведения, которые не влекут за собой опасность привлечения к уголовной ответственности. К тому же, легальное соседство с предприятиями торговли и услуг облегчает преступную деятельность якудза.

С тех пор, когда правила поведения диктовались феодальными «кодексами чести», субкультура преступных кланов претерпела значительные изменения. Хотя боссы организованной преступности пытаются поддерживать атмосферу и ореол прежнего романтизма и квазисамурайского отношения к действительности, якудза давно перестала следовать требованиям «гири» и другим традиционным правилам благородства, она трансформировалась в преступные формирования для получения прибыли, опирающиеся на силу и занятые лишь своими интересами. Однако живучести организованной преступности способствуют сохраняющееся у части населения страны представление о ней только как о разновидности бизнеса, а также тот факт, что там, где господствует организованная преступность, она изгоняет преступность уличную²⁰⁶.

К середине 1980-х гг. первую тройку гангстерских синдикатов составляли «Ямагучи-гума» с годовым доходом в 102 млрд йен, «Сумиёси-ренго» (61 млрд) и «Инагава-кай» (44 млрд). Организационной основой сообщества якудза являлась традиционная квазисемья: «отец-сын», «старшие – младшие братья» и глава клана – оябун. Такого рода устойчивые связи, построенные по принципу вертикальных структур, обеспечивали прочные отношения между главой клана и членами группы, а также её сплоченность на основе конфуцианской концепции семьи и строгой регламентацией поведения ее чле-

---

²⁰⁵ Белявская О.А. Организованная преступность в Японии. Научно-аналитический обзор. – М., 1990. – С. 6.

²⁰⁶ Еремин В. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь – Япония. Вып. 21. – М., 1998. – С. 5–6.

нов. По сути дела, в основу организации преступного сообщества был заложен системный подход, при котором система рассматривается как собрание элементов, имеющее более сложную структуру, более высокий уровень энергетики вследствие этого структурирования, обладающее новыми качествами, чего не было у составляющих ее элементов и их простой совокупности. Особенностью якудза при этом является ограниченный, по сравнению с китайскими триадами, перечень позиций руководящего звена (босс имеет только заместителя – «вакато», все остальные – солдаты) и четкое разграничение между «регулярными» членами и теми, кто не прошел обряда посвящения и потому находится на низшей ступени организации.

В 1982 г. журнал «Асахи Гурафу» посвятил целый раздел проблеме рекрутирования молодежи в банды якудза. В нем отмечалось, что сколько бы молодые люди – выходцы из бедного и среднего класса – не пытались сделать карьеру, добиться признания своих заслуг и богатства, им все равно не угнаться за морганами и рокфеллерами. И они обращаются или к средствам массового протеста, отрицая авторитеты этой системы и опускаясь до положения нищих, или, наоборот, проникаются страстью крушить систему. И тут им открывает свои объятия якудза. В том же году полиция попыталась выяснить мотивы, которые влекли молодежь в преступный мир. С этой целью было опрошено 615 осужденных членов банд в возрасте до 25 лет. Опрошенные гангстеры отвечали, что сильные люди и благодаря силе они могут добиться многого. И это не удивительно – кино, телевидение, книжные издательства всеми способами создавали притягательный для молодежи облик гангстеров. Преступные синдикаты, действительно, с радостью встречали тех, чьи попытки адаптироваться в обществе оказалась безуспешной, и кто решил из этого общества уйти. Подавляющее большинство молодых якудза – выходцы из семей низкооплачиваемых рабочих или из семей безработных. Поэтому в среде якудза очень высока доля молодежи, не имеющей даже обязательного школьного образования (около 65%); половина молодых гангстеров до вступления в банду были безработными. Не зря один из боссов «Ямагучи» Х. Ода

говорил, что неверно смешивать якудза с мафией, у нее славные традиции и она всегда помогала своим согражданам. «Кто в нашем обществе может дать равные возможности юношам без образования, без денег, без семьи? Только мы. Поэтому наш мир останется таким, как есть»²⁰⁷.

В середине 1980-х гг. страну захлестнула наркомания, которая все шире распространялась среди молодежи. В 1983 г. руководитель департамента общественной безопасности Национального полицейского агентства Симода в интервью телевидению дал свое объяснение этой проблеме, решив, что разрыв семейных связей, иностранное влияние и средства массовой информации, убеждающие людей, что употребление наркотиков не является деянием антисоциальным. Проблема наркомании, действительно, достигла такой остроты, что власти в полной мере ощутили свое бессилие. Именно бессилием власти объясняется тот факт, что из трех тонн ежегодно поставляемых в страну наркотиков полиции удавалось обнаружить не более 150 кг (всего 5%). В итоге, колодец, из которого якудза черпала основную часть своих доходов, оставался бездонным.

В 1983 г. полиции удалось изъять у контрабандистов 100 кг наркотиков на сумму около 5 млрд йен; в среднем полиция в этот период ежегодно задерживала около 20 тыс. человек, связанных с распространением наркотиков, но объем контрабанды не снижался, а, наоборот, рос, хотя виновных осуждали к суровым мерам наказания. Объяснение найти не сложно – оно в баснословной прибыли, которая в эти годы достигала 5 тыс. процентов. Если 1 грамм наркотика, купленного за границей, обходился в 2,5–4 тыс. йен, то в Японии он приносил 130–170 тыс. йен²⁰⁸. Можно в связи с этим вспомнить известные слова К. Маркса из «Капитала», где он отмечал: «Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попи-

---

²⁰⁷ Цветов В.Я. *Мафия по-японски*. – С. 8.

²⁰⁸ Kaplan David, Dubro Alex. *Yakuza: Underworld of Crime in Japan*. London, 1987; Каплан Д., Дубро А. *Якудза: Тайный мир японской преступности*. – Беркли, 2003.

рает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»²⁰⁹.

Якудза довольно быстро наладили кооперацию с американскими наркоторговцами, а затем сообразили, что ещё выгоднее будет бартерная торговля – якудза будут ввозить в США наркотики, приобретенные у малайцев, тайландцев и китайцев, а в обмен получать оружие. В этом случае револьвер, например, обходился в 4 тыс. йен, а винтовка 38-го калибра в 20 тыс.; в Японии якудза выручала за них соответственно, 400 тыс. и 2 млн йен. Очевидно, что прибыль от таких бартерных сделок превышала доходы от продажи наркотиков в Японии. Понятно, что поставки в страну оружия добавляли проблем полиции. В 1981 г., например, она зафиксировала 127 стычек гангстеров с использованием огнестрельного оружия; в 1982 г. было конфисковала 1 130 револьверов, но для якудза это не было потерей – доходы окупали все. «При 5 тыс. процентов прибыли, – писал В.Я. Цветов, – не нашлось бы охотников из числа владельцев капитала рискнуть ею даже под угрозой – нет, не быть повешенным, быть сваренным в котле живым?»²¹⁰.

Несмотря на принимаемые полицией меры, само существование могущественных криминальных кланов, как отмечал Кан Уэда, являлось «вызовом законодательству Японии и позором нации»²¹¹.

2. Якудза на рубеже веков. К началу 1990-х гг. японская организованная преступность полностью соединила в себе как традиционные национальные черты, так и черты западного криминального мира. Процесс укрупнения ведущих криминальных кланов (за счет поглощения менее значительных в количественном отношении и организационно более слабых группировок), начавшийся еще десять лет назад, в целом завершился. Поэтому число «регулярных» членов основных преступных синдикатов стабилизировалось и к середине 1990-х гг. даже стало сокращаться. В 1994 г., например, в общей

---

²⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23, С. 770.

²¹⁰ Цветов В. Я. Мафия по-японски, С. 26.

²¹¹ Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и В.Н. Еремина. – М., 1989. – С.129.

сложности их число не превышало 81 тыс. человек. Некоторое сокращение численности преступных группировок вовсе не снизило уровень их криминальной активности. Составляя всего 0,1% от численности населения страны, члены якудза совершали 30% всех убийств, 20% изнасилований, 27% от общего числа нападений и причинения ущерба. Особую озабоченность вызывало растущее влияние организованных криминальных структур на различные слои общества и, в первую очередь, на молодежь.

Наряду с традиционными направлениями своего бизнеса якудза устремляются на поиски новых источников доходов, они становятся заметными игроками в системе ссудных и кредитных операций, занимаются спекуляцией на строительных подрядах, торговлей недвижимостью, расстановкой «нужных» людей на руководящих должностях в муниципалитетах, все шире внедряются в политическую деятельность. В этих условиях в 1991 г. был принят Закон о предотвращении незаконных действий членов преступных группировок (Anti-Organized Crime Act, 1991). Среди ряда мер этот акт (он вступил в силу с 1 марта 1992 г.) определил отсутствовавшее в законодательстве понятие «преступная группировка» (борёкудан) и запретил «защитный рэкет» – одно из главных направлений бизнеса якудза. Заметная активизация мер, предпринимаемых на этой основе полицией, помимо всего прочего, привела к значительному сокращению числа вооруженных стычек между конкурирующими бандами (только за 1992 г. их число снизилось с 255 до 182) и вынудило якудза находить другие средства урегулирования конфликтов.

О социальной базе формирования организованной преступности в Японии (японский исследователь Хидео Ямада именует ее как *kaikusa shakai*, что означает, прежде всего, социальное неравенство), о причинах широкого вовлечения в нее молодежи из беднейших слоев населения, а также об усилиях боссов по поддержанию благопристойного имиджа якудза уже говорилось. Здесь уместно назвать два разных, но одновременно потрясших страну события 1995 г. Первое из них – землетрясение в Кобе, казалось, навсегда стершее этот город с лица земли. В контексте этой работы о нем упоминается потому,

что в его сравнительно быстрое восстановление именно клан «Ямагучигуми» инвестировал значительные средства, нажив тем самым и определенный моральный капитал.

Другое трагическое событие – зариновая атака в токийском метро, проведенная боевиками известной секты «Аум Сенрикё». Несмотря на религиозное идеологическое прикрытие этой секты, причины широкого вовлечения в нее молодежи, по сути дела, те же, что и причины участия молодежи в преступной деятельности якудза.

Поиск новых сфер преступного бизнеса никак не снизил активность якудза в ее традиционных направлениях; по-прежнему основными источниками ее доходов оставались торговля наркотиками, контроль за азартными играми и проституцией, спекуляция, рэкет и вымогательство. Одновременно якудза начинает все шире выходить на международную арену, все шире включается в систему глобальной транснациональной преступности, вместе с зарубежными партнерами активно занимается нелегальным ввозом в страну иностранной рабочей силы, налаживает контакты с российскими группировками в сфере торговли оружием, биоресурсами, подержанными автомобилями²¹², заметно расширяет связи с партнерами из Юго-Восточной Азии и Европы с целью роста прибыли от поставок «живого товара» на рынок сексуальных услуг²¹³.

К концу 1990-х гг. в Японии насчитывалось около 84 тыс. членов преступных формирований (из них половина – «регулярные» члены якудза), организованных в 3 тыс. банд, действующих почти во всех префектурах и на всех криминальных рынках страны. Основу организованной преступности составляли, как уже отмечалось, три главных синдиката – базирующийся

---

²¹². Как отмечал В.С. Овчинский, если бы российская организованная преступность, якудза и китайские триады смогли договориться, Дальний Восток превратился бы в колыбель объединенной криминальной сверхдержавы (Овчинский В.С. XXI в. против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М., 2001. – С. 18).

²¹³ Стокер С. Японская организованная преступность: содействие торговле людьми в крупных масштабах // Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права, 2008. – №2 . – С. 29–35.

в г. Кобе и возглавляемый Кеничи Шиной «Ямагучи-гуми» (около 40 тыс. человек, или до 45% всех якудза), «Сумиёси-рэнго» (около 10 тыс.) и базирующаяся в Токио и Иокогаме «Инагава-кай» (около 9 тыс.)²¹⁴. Еще раньше «Ямагучи-гуми» заявила, что ее целью является захват всех источников доходов в Восточной Японии, в т.ч. района Большого Токио. Стремясь к достижению этой цели, она поглотила весьма влиятельный преступный клан «Кокусуй-кай»; в результате, полиция была вынуждена сформировать специальное подразделение для отслеживания деятельности «Ямагучи-гуми». Раньше между полицией и «Ямагучи-гуми» действовало негласное соглашение о том, что столицу якудза трогать не будут, но уже к началу 2000-х гг. Токио стал безраздельной добычей этого синдиката.

Конец 1990-х гг. связан, как отмечалось, с быстро растущей интернационализацией организованной преступности, расширением сферы совместного бизнеса с криминальными группировками из других стран. В этих условиях в 1999 г. было принято три специальных закона, в т.ч. ужесточивших ответственность за «отмывание денег» и консалтинговые услуги по поддержке деятельности якудза. Активизировалась и деятельность полиции – возросло число арестов членов преступных группировок, стала более жесткой практика привлечения их к ответственности, наметилась тенденция к расширению практики применения конфискации доходов от преступной деятельности якудза. Если в 2004 г. сумма конфискованных средств составляла 2 млрд иен, то к 2010 г. она выросла до 5 млрд иен²¹⁵.

С середины 2000-х гг. наметились снижение численности и структурные изменения внутри организованных преступных формирований.

---

²¹⁴ «Инагава-кай» и сегодня фактически находится под крылом «Ямагучи-гуми», т.к. ее босс К. Утибори – кровный брат лидера «Ямагучи» Т. Такеути.

²¹⁵ *White Paper on Crime, 2010. – P. 28; White Paper on Police, 2010. – P. 100.*

Численность преступных сообществ в 2002-2011 гг.²¹⁶

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего	85,3	85,8	87,0	86,3	84,7	84,2	82,6	80,9	78,6	70,3
Якудза	43,6	44,4	44,3	43,3	41,5	40,7	40,4	38,6	36,0	32,7
Квази-якудза	41,7	41,4	42,7	43,0	43,2	43,3	42,2	42,3	42,6	37,6

Как видно из приведенных данных, общая численность организованных преступных группировок снижается; при этом за 10 лет она снизилась на 15%, а число «регулярных» членов якудза на 11%. К середине 2012 г. структуру борёкудан представляли не более 20–21 преступных групп, насчитывающих 70 300 человек, из которых в состав трех главных синдикатов входили 50 900 человек или 72,4 % от общей численности всех группировок. Число арестованных и привлеченных к ответственности членов преступных групп также снижалось. Если в 1989–2003 гг. привлекалось до 40 тыс., то к 2010 г. – 26,5 тыс. (к 2012 г. – 26 269), а без учета автотранспортных преступлений – 16 312 человек²¹⁷.

Однако тенденцию сокращения числа организованных преступных групп и количества их участников не следует оценивать механически, ибо сами по себе указанные показатели еще недостаточны для оптимистических оценок. Дело в том, что на фоне этой тенденции все более заметным является процесс концентрации сил у сравнительно небольшого числа групп, претендующих на монопольную власть в мире организованной преступности, все большие масштабы приобретает переход от традиционных преступлений к различным легальным и полуполегалым видам прибыльного бизнеса, осуществляемого противоправным путем. Другими словами, и сама организация таких формирований, и методы ее криминальной деятельности, и субкульту-

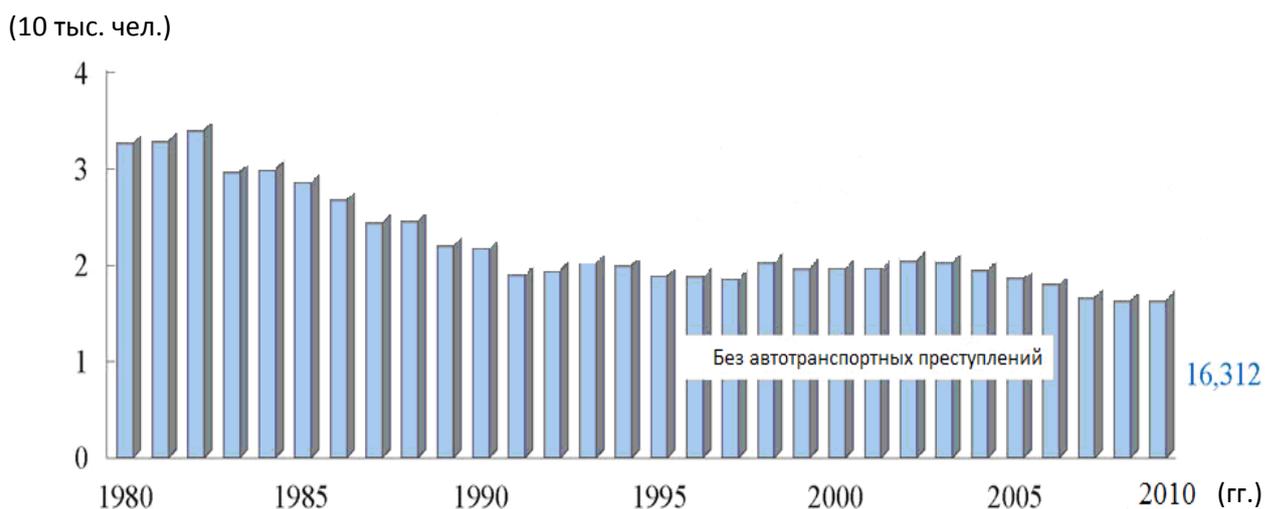
²¹⁶ White Paper on Crime, 2010. – P. 118; White Paper on Police, 2012. – P. 44.

²¹⁷ White Paper on Crime, 2010. – P. 124; Police of Japan, 2013. – P. 20

ра организованной преступности вступили в новый этап своеобразной «модернизации».

График 20

**Число членов организованных преступных сообществ,
привлеченных к ответственности в 1980–2010 гг.**

Распределение привлеченных к ответственности за различные деяния, представляет самостоятельный криминологический интерес, ибо оно позволяет говорить о специфике, структуре и характере преступлений, совершаемых членами организованных преступных сообществ.

Таблица 18

**Распределение привлеченных к ответственности
по видам совершенных преступлений**

Всего	Убийство	Грабеж	Мошенничество	Вымогательство	Наркотики	Азартные игры
332 888	1 036	3 069	12 542	3 961	14 455	1 376
Якудза	204	581	2.072	1 800	7 016	789
16 312 (4,9%)	19,7	18,9	16,5	45,4	50,0	57,3

Доля членов якудза в общем числе привлеченных к ответственности может показаться незначительной – менее 5%; однако если её сопоставить с

общей численностью членов якудза, то окажется, что это почти 25% от общей численности и более 30% от числа «регулярных» членов банд.

Анализ показывает, что на долю якудза приходится почти пятая часть всех привлеченных к ответственности за убийства и грабежи. Куда более значительным выглядит представительство якудза среди привлеченных к ответственности за вымогательство, распространение наркотиков; деяний, связанных с азартными играми, где в среднем на долю якудза приходится половина указанных преступлений. При этом доля членов якудза, привлеченных за преступления, связанные с наркотиками, среди своих «собратьев» составляет около 45%. Другими словами, на долю якудза приходится половина всех привлеченных к ответственности за эти преступления; они же составляют почти половину всех привлеченных к ответственности членов преступных сообществ, что еще раз свидетельствует о том, что наряду с вымогательством и контролем за азартными играми, распространение наркотиков – одна из основных сфер бизнеса якудза.

Эти данные согласуются со структурой и характером преступлений, совершенных осужденными членами преступных сообществ. Сравним преступления членов преступных группировок, поступивших в места лишения свободы в 2009 г., с преступностью других осужденных. Среди первых (2 960 чел. или 10,5% от всех поступивших в места лишения свободы) 37,3% – лица, осужденные за нарушения законов о борьбе с распространением наркотиков; 14,7% – за кражи и грабежи; 11,8% – за нападения и причинение ущерба; 5,8% – за вымогательство. Среди всех других лиц, поступивших в места лишения свободы (25 333), за преступления, связанные с наркотиками – 19,7% (их доля в 2 раза меньше); за кражи и грабежи – 39,2%; за нападения – 4,5% (в 2,5 раза меньше) и, наконец, за вымогательство – 1,2% (почти в 5 раз меньше). Остается ещё раз констатировать, что именно преступления, связанные с распространением наркотиков, и вымогательство – основная специализация членов организованных преступных группировок.

Сопоставим теперь полученные результаты с итогами анализа судебной практики по назначению наказания членам преступных сообществ.

Таблица 19

Применение наказания в виде лишения свободы (в %)

Срок наказания	Все осужденные	Якудза
до 6 месяцев	5,9	1,8
свыше 6 мес. до 1 года	12,1	13,3
свыше 1 года до 2 лет	41,4	36,9
свыше 2 до 3 лет	30,6	26,3
свыше 3 до 5 лет	6,4	14,4
свыше 5 лет	3,6	7,3

Как видно из приведенных данных, при всей «вялости» и «либеральности» судебной практики в деле борьбы с мафией ныне при назначении наказания членам организованных преступных группировок просматривается более жесткий подход, чем это было 15–20 и даже 10 лет назад²¹⁸. Этот подход получил новый импульс после вступления в силу в 2000 г. дополнений в законодательство – Act on Punishment of Organized Crime и Act on Control of Crime Proceeds and Other Matters, которые стали составной частью базового закона – Anti-Organized Crime Act.

Из табл. 18 видно, что из общего числа осужденных наказание на срок свыше двух лет назначено 41,6%, а среди осужденных членов преступных сообществ – 48,0%. При этом наказание на срок до 5 лет членам якудза назначалось в 2,1 раза чаще, чем другим осужденным, а на срок свыше 5 лет – чаще в 2,5 раза. Такой подход следует признать и ожидаемым, и обоснованным, тем более что, как будет показано далее, при назначении наказания

---

²¹⁸ Белявская О.А. Организованная преступность в Японии // Соц. законность, 1988. – №11. – С. 66–67; Лунеев В.В. Преступность XX в. – М., 1997; Иванов А.М. Организованная преступность в сфере экономики в Японии... Автореф. дисс. канд. юр. наук. – Владивосток, 2000. – С. 11–12; Иванов А.М., Корчагин А.Г. Преступление и наказание в странах Тихоокеанского региона. ДВГУ, 1999; Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1997.

членам преступных групп суды, учитывают не только опасность совершенных ими деяний, но и распространенность среди них рецидива.

В самом деле, как показывают материалы судебной и пенитенциарной статистики, среди членов якудза, поступивших в места лишения свободы, например, в 2009 г., впервые осужденные составили лишь пятую часть – 21,9%, а 78,1% ранее уже отбывали такое наказание; из них 20,9% были осуждены во второй раз; 16,3% – в третий раз; 19,6% – уже имели 3–4 судимости, а 17,3 % или каждый шестой – от шести до девяти судимостей. При этом сравнение с общим массивом осужденных, поступивших в места лишения свободы, показывает, что среди них рецидивисты составляют 56,8%, а среди осужденных членов якудза – 78,1%; иначе говоря, рецидив среди членов якудза в 1,5 раза выше, чем среди всех других осужденных.

Похоже, что наметившийся в последние годы более жесткий подход в судебной практике по применению наказания к членам якудза разделяет и практика пенитенциарных учреждений, дифференцирующая порядок и условия отбывания наказания впервые осужденных и рецидивистов и, главное, реализующая более строгие условия для досрочного освобождения со стороны службы пробации. Причем в последние 10 лет такая тенденция просматривается все более четко. Если в 1999 г., например, из мест лишения свободы досрочно освобождалось 12,4 осужденных якудза, то к 2010 г. – 9,5%; в 1999 г. под надзор службы пробации было передано 8,1% освобождаемых якудза, а в 2010 г. – 5,4%. Во всяком случае, эти показатели сегодня значительно ниже, чем у других осужденных, не принадлежащих к организованным преступным формированиям, и, очевидно, такой более жесткий подход надо признать обоснованным и соответствующим задачам противодействия организованной преступности.

В конце 1990-х гг. в связи с увеличением товарооборота, в первую очередь в сфере информационных потоков, организованные преступные группировки получили новые, расширенные возможности для диверсификации своей деятельности. «В условиях функционирования организованной преступ-

ности, как системы преступных формирований, их отношений и деятельности, – отмечает А.И. Долгова, – продуцируются новые по мотивации и объективным характеристикам преступления»²¹⁹. Преступные формирования получили новые возможности для совершенствования взаимосвязи и координации своих действий независимо от расстояний и государственных границ, а использование новых технологий значительно помогло национальным и транснациональным группировкам в их противостоянии с правоохранительными органами. X Конгресс ООН констатировал, что организации, совершающих подобные преступления, действуют все более масштабно и завуалированно. Отмечались многогранность и взаимосвязанность преступных навыков, быстро распространяющихся в новых криминальных областях с установлением партнерских отношений. В результате, наблюдается передел власти между традиционной организованной преступностью и «беловоротничковой»²²⁰.

В последние два десятилетия сложилась мировая тенденция «миграции» криминальной активности организованных преступных сообществ в киберпространство и киберпреступность все шире входила в разряд печальных реалий современной жизни. В связи с увеличением количества банковских операций возрастало мошенничество с похищенными документами, удостоверяющими личность, изготовление фальшивых банкнот, кражи и подделки дебетовых и кредитных карт. Подобное направление преступной деятельности в сети Интернет стало глобальной проблемой, так как позволяло правонарушителям получать практически одномоментно огромную прибыль. Через Интернет стало возможно получать необходимую информацию о физических лицах и компаниях с целью проведения разнообразных мошеннических опе-

---

²¹⁹ Долгова А.И. Пути развития криминологии как науки и учебной дисциплины // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. Материалы VIII Российского Конгресса уголовного права, 30–31 мая 2013 года. – М., 2013. – С. 429.

²²⁰ **Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI в. Рабочий документ X Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. – Вена, 10–17 апреля 2000 года. – С. 11 (A/Conf.187/3).**

раций: взимания «предоплаты» за оказание самых разнообразных услуг; использование «спама» (рассылки по электронной почте большим количеством потенциальных жертв одновременно) и т.п. Одним словом, виртуальное мошенничество превратилось в хорошо организованный и отлаженный теневой бизнес, который быстро набирал максимальные обороты. Баснословная прибыль от такого рода преступлений, по мнению многих экспертов, неумолимо приближается к доходам от незаконного оборота наркотиков²²¹.

Как уже отмечалось, ситуация последних лет подтверждает такие прогнозы. Так, по данным американского Центра стратегических исследований и компании «McAfee», занимающейся защитой электронных сетей, мировая экономика за год теряет от киберпреступников 500 млрд долларов²²². По оценке правоохранительных органов США и Великобритании, в 2012 г. киберпреступники смогли похитить 13 млрд долл.; в 2013 г. эта сумма, должна была, как минимум, удвоиться²²³.

Стремясь избежать преследования со стороны правоохранительных органов, киберпреступники все чаще встраиваются в систему легальной международной экономики, обеспечивая тем самым себе постоянный приток финансовых средств и инвестиционных капиталов. Так, в свою очередь, транснациональный характер организованной финансовой преступности оказался взаимосвязан с международным терроризмом.

В документах ООН постоянно подчеркивается связь организованной преступности, коррупции и терроризма. «Но у всех этих системных явлений, – отмечает А.И. Долгова, – обязательно есть экономическая составляющая. Без экономической преступности они неспособны эффективно функционировать. Не случайно такое большое значение придается борьбе с финансиру-

---

²²¹ **Квашис В.** Преступность как глобальная угроза. X Конгресс по предупреждению преступности и уголовному правосудию. – М.: Юридический мир, 2005. – №10 (106). – С. 34–38.

²²² The Wall Street Journal, July 23, 2013.

²²³ **Кремер В.** Вооружены и киберопасны // РБК Daily, 18 июля 2013 года; **Шпунт Я.** Борьба с киберпреступностью // Intelligent enterprise, 21.06.2013; **Чекунов И.** Современные киберугрозы. Уголовно-правовая и криминологическая классификация и квалификация киберпреступлений (<http://x5443x.ru/publ/1-1-0-3>).

нием терроризма и легализацией преступных доходов»²²⁴. Определенным подтверждением этой позиции стала Конвенция против транснациональной организованной преступности, вступившая в силу 29 сентября 2003 года²²⁵. В целях реализации положений этой конвенции в конце 2003 г. в Национальном агентстве полиции Японии был создан специальный департамент по борьбе с транснациональной организованной преступностью, а в парламент в 2004 г. были внесены проекты и вскоре приняты законы о дополнении УК и УПК мерами, направленными на борьбу с такого рода преступлениями. В феврале 2005 г. в парламент Японии правительство внесло законопроект об изменениях в уголовном законодательстве, касающихся установления уголовной ответственности за контрабанду мигрантов, эксплуатацию женского и детского труда, а также повышающих максимальные сроки наказания за ограничение свободы²²⁶. Такие изменения были приняты в 2006 г.

Несмотря на усилия международного сообщества и национальных структур, актуальность борьбы с отмыванием денег и незаконными финансовыми потоками постоянно возрастает. На недавней сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию одним из центральных вопросов была борьба с незаконными финансовыми потоками, являющимися результатом транснациональной организованной преступной

---

²²⁴ Долгова А.И. Экономика, преступность, организованная преступность – диалектика развития // Криминальная экономика и организованная преступность. – М., 2007. – С. 11; Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. – Владивосток, 2001; Номоконов В.А. Организованная преступность // Российский криминологический взгляд, 2011. – №2.

²²⁵ Согласно ст. 3 Конвенции, преступление считается транснациональным, если: а) совершено более, чем в одном государстве; б) совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; в) совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; г) совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

²²⁶ XI United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. The National Statement of Japan. – Tokyo, 2005. – P. 15. Реализация этих мер была отмечена на XII Конгрессе ООН. (Меры уголовного правосудия по борьбе с незаконным ввозом мигрантов и торговлей людьми: связи с транснациональной организованной преступностью. XII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сальвадор, Бразилия, 12–19 апреля 2010 года. (A/ CONF.213/7. – P. 2–4).

деятельности, включая незаконный оборот наркотиков и связанные с ним преступления, о которых говорится в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности²²⁷. Как отмечалось на сессии, незаконные финансовые потоки, в том числе отмывание денег и финансирование терроризма, имеют далеко идущие социально-экономические последствия, влияют на ситуацию в плане безопасности и создают серьезные проблемы для правительств и экономики многих стран. Помимо финансирования коррумпированных лиц и их сетей незаконные средства и доходы от отмывания денег постоянно используются для финансирования организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и террористической деятельности.

Незаконные финансовые потоки способствуют росту коррупции, препятствуют процессу развития и создают благоприятные условия для установления криминального контроля за экономикой. Особое внимание при этом обращалось на то, что отмывание денег имеет важнейшее значение для эффективного функционирования практически любой формы транснациональной организованной преступности²²⁸.

Транснациональная преступность и терроризм – явления не новые, их новизна – в масштабах, в уровне опасности и распространенности. Важными отличительными чертами современной транснациональной преступности являются динамичность развития и быстрая адаптация к новым реалиям. Эти свойства усиливаются под влиянием экономического фактора, стремления к максимальной прибыли, часть которой идет на развитие криминального биз-

---

²²⁷ О связях между незаконным оборотом наркотиков и другими формами организованной преступности в контексте сотрудничества по противодействию отмыванию денег подробно говорилось на XII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. (A/CONF./213/15).

²²⁸ Укрепление международного сотрудничества в борьбе с пагубными последствиями незаконных финансовых потоков, являющихся результатом преступной деятельности. Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию. 22 сессия, Вена, 22–26 апреля 2013 года. E/CN/15/2013/15. – С. 3–4; Змеевский А.В. О международном сотрудничестве в борьбе с криминальными вызовами и угрозами//Международная жизнь, 2013. – №6.

неса, а другая – на вращение в легальную национальную и мировую экономику.

Как отмечалось в докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (Генеральная Ассамблея ООН, 2010 г.), организованная преступность все в большей мере действует через гибкие сети, а не через более формальные иерархические структуры. Эта форма организации дает преступникам такие плюсы, как многообразие, гибкость, скрытность и долговечность. Еще с 1990-х гг. связи между различными сетями превратились в одну из главных особенностей организованной преступности, тем самым приводя к созданию сетей, состоящих из сетей. Гибкость таких сетей резко контрастирует с громоздкими системами обмена информацией и слабым сотрудничеством в ходе уголовных расследований и судебного преследования²²⁹. Именно сетевые технологии привели к успешному продвижению транснациональной организованной преступности (ТОП). Такие сетевые структуры пересекают границы государств и институциональные ограничения, создавая почти не поддающуюся внешнему воздействию сеть преступных центров.

Организованная преступность использовала в своих интересах изменения экономики и общества в ходе глобализации и технологической революции. Это привело к тому, что преступные сообщества, по сути дела, превратились в транснациональные корпорации, которые рассматривают границы как сдерживающие правоохранительные органы, а не их криминальную деятельность на локальном и глобальном уровнях. Поэтому стратегия борьбы с транснациональной организованной преступностью должна, как отмечают эксперты, учитывать все особенности этой сложной структуры и «обращаться к ним согласованно и всеобъемлюще»²³⁰.

---

²²⁹ Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (www.un.org/russian/secureworld/a5956); XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. – Доха, 12–19 апреля 2015 года. Руководство для дискуссии. A/CONF.222/PM.1. – P. 16.

²³⁰ Овчинский В.С. Криминология Нового мирового беспорядка // Журнал российского права, 2005. – №8. – С. 97–108; Милинчук В.В. Негосударственные субъекты в кон-

3. Якудза и японское общество. Несмотря на принимаемые меры, критика правоохранительных органов в японской прессе не утихает. В 2010 г. полиция арестовала почти каждого третьего из всех входящих в организованные преступные группировки²³¹; этот показатель, вроде бы, звучит внушительно, однако следует заметить, что он остается практически неизменным в течение двух последних десятилетий. Более того, если в 1991 г. прокуратура предъявила обвинение 81,0 % арестованным якудза, то в 2010 г. этот показатель снизился до 68%. Распространенная в 90х годах практика «развала» уголовных дел на стадии следствия показывает, что во многих случаях сам факт ареста членов преступных группировок «представлял собой ни что иное, как вымогательство взятки»²³². Как видно, несмотря на ужесточение законодательства и разговоры о снижении влияния якудза в обществе организованные преступные группировки и, прежде всего, их лидеры, на самом деле, чувствовали себя достаточно уверенно.

Одна из причин такого положения дел состояла в том, что содержащееся в базовом Законе 1991 года понятие преступной группировки (борёкудан) было ограничено определением «совершающая насильственные действия». В силу этого понятийный аппарат этого закона, изначально сузив суть феномена, неоправданно ограничивал его возможности и поле деятельности в качестве заявленной властями страны Комплексной программы борьбы с организованной преступностью. Ибо боссы организованных преступных формирований уже давно осознали куда более широкие перспективы стратегии мер ненасильственного характера и, в целом приспособились к попыткам противодействия со стороны власти и полиции. Они успешно перенесли основные акценты деятельности преступных кланов с примитивного насилия на противоправный и полуправильный (а затем и на легальный) бизнес, значительно

тексте международных и национальных стратегий противодействия транснациональной преступности//Вестник Военного университета, 2011, №4 (27), С. 82-89

²³¹ White Paper on Police, 2011. – P. 7; White Paper on Crime, 2011. – P. 27.

²³² Rankin, Andrew. Последние тенденции в организованной преступности в Японии. Якудза против полиции и иностранных преступных группировок. Ч. 2. Азиатско-Тихоокеанский журнал, Том 10, Вып. 7, №1, 20 февраля 2012 года.

расширив возможности извлечения прибыли. Кроме того, этот закон не давал возможности привлечения к ответственности лидеров преступных формирований, которые в силу специфики их построения и особенностей веками культивируемой субкультуры сами не принимали непосредственного участия в преступных акциях (ответственность несли лишь рядовые исполнители, стоявшие в иерархии группировки на низшей ступени).

Вступившие в силу в 2000 г. дополнения к Закону о борьбе с организованной преступностью (*Act on Punishment of Organized Crime, Control of Crime Proceeds Act, 1999*), предусматривающие использование технических средств контроля и наблюдения, оказались либеральнее, чем ожидалось, а практика их применения – намного мягче, чем в других странах. Закон, например, разрешал прослушивание телефонных разговоров членов якудза, подозреваемых в преступлении, но только лишь в двух «самых серьезных случаях», когда речь идет либо об убийстве, либо о контрабандном ввозе оружия. За весь 2010 г., например, полиция использовала прослушивание телефонных разговоров якудза лишь в нескольких случаях. Кроме того, за 10 лет действия этого закона не было проведено ни одной операции по глубоко законспирированному проникновению агентов полиции в преступные кланы, как это делается, например, в России или в США. Уголовное законодательство, действовавшее до самого последнего времени, содержало указание на то, что незаконные доходы, полученные от торговли наркотиками, оружием, проституции и т.п., могут быть конфискованы, поскольку это связано с извлечением выгоды преступным путем. Однако, как показала судебная практика, эта норма фактически могла применяться лишь к ограниченному кругу деяний, где не возникало проблем с доказыванием, и, главное, эта норма не охватывала ни организованную преступность в целом, ни её наиболее скрытые, распространенные и весьма опасные проявления. Так, например, принятые в 2007 г. поправки к законодательству о запрете огнестрельного оружия устанавливали для членов преступных сообществ, использующих оружие, максимальный штраф в размере до 30 млн йен и лишение свободы на срок до

5 лет, но эти нововведения имели заведомо ограниченную сферу применения – и по кругу субъектов, и по проблемам процессуального характера.

К числу других факторов, осложнявших практику борьбы с якудза, относятся, как отмечалось, довольно распространенные факты подкупа полицейских и их негласный сговор с якудза. В одних случаях члены банды шли на «делку» с полицией и давали ей какую-то информацию в обмен на снисхождение или «недостаточное внимание», в других – полиция игнорировала менее опасные деяния в обмен на бесплатное обслуживание в барах и сексуальные услуги на территории той или иной банды. Правда, руководство полиции считает, что в последние годы случаи использования таких «механизмов» взаимоотношений с якудза становятся все более редкими. Тем не менее, давно наблюдающие за ситуацией авторитетные эксперты (Дж. Эдельштейн, А. Ранкин и др.) уверены, что в целом полиция предпочитает бороться не с якудза, а с неорганизованной (уличной) преступностью, которую контролировать гораздо проще.

Еще одной проблемой в деле борьбы с организованной преступностью до последнего времени являлось отсутствие эффективной программы защиты свидетелей. Сегодня полиция обеспечивает специальные меры защиты для отдельных свидетелей в суде (Shippen Hogo), но общенациональной программы, предусматривающей возможность смены идентичности свидетелей и их переселения (как в США, например) в Японии до сих пор нет. В руководстве полиции, однако, считают, что отсутствие такой программы не является серьезным препятствием для проведения судебных процессов, ибо теперь японцы уже не боятся якудза, как раньше, когда они были запуганы показательными расправами со свидетелями.

Тем не менее, в 2011 г. Национальное полицейское агентство (НПА) объявило о создании специального отряда «анти-якудза» для защиты физических и юридических лиц, которые могут быть подвергнуты риску нападения. В связи с этим в каждой префектуре в департаменте полиции введена специальная должность «директор по защите» (Hogo taisakukan), в чьи обязанности

входит оценка угрозы и защита от насилия якудза. Параллельно все шире разворачивается кампания «анти-якудза», растет число добровольных объединений граждан, которые тесно сотрудничают с полицией, составляют списки подозреваемых в принадлежности к якудза, пропагандируют профилактическую деятельность на местных радиостанциях, распространяют брошюры и плакаты, оказывают юридические и консультационные услуги и необходимую помощь тем, у кого возникли проблемы с якудза. В Токио, например, ныне насчитывается около 4 тыс. групп добровольцев, которые, помимо всего прочего, активно работают по устранению якудза от участия в публичных торгах, по «отключению» тех, кто связан с якудза от получения социальных пособий и помощи, исключению таких лиц из жилищных проектов, а также по удалению тематики якудза с прилавков книжных магазинов и т.п. Одной из движущих сил этой кампании является Японская федерация ассоциаций адвокатов, которая наряду с наглядной агитацией ведет большую работу по правовому воспитанию населения и оказанию помощи в получении компенсации и возмещении ущерба на основе гражданских исков.

Сегодня большинство японских и зарубежных социологов и криминологов (Miyazaki Manubu, Ino Kenji, Mizoguchi Atsushi, J.Adelstein, A.Rankin и другие) считают современную организованную преступность в Японии не следствием индивидуального выбора преступной карьеры, как это было 30 лет назад, а сформировавшимся особым социальным классом, прочно встроенным во все сферы японского общества. Не случайно, несмотря на принимаемые пропагандистские усилия, поддержка движения «анти-якудза» все еще не является универсальной²³³. Одни считают членов якудза патриотами и людьми чести, верят их клятвам не воровать и не грабить; другие уверены, что кампания против якудза является стратегическим отвлечением внимания населения от таких серьезных проблем, как рост бедноты, нарушения на рынке труда, хроническое социальное неравенство и т.п. И хотя у входа в

---

²³³ См.: Rankin Andrew. 21st – Century Yakuza: Recent Trends in Organized Crime in Japan. Part1 // The Asia-Pacific Journal, Vol.10, Issue 7,N 2, February 13, 2012. – P. 23.

банки и почтовые отделения висят призывы «Не бойтесь якудза, не платите им, не используйте их и не общайтесь с ними!», среди населения ещё довольно широко бытует представление, что японскому обществу «все же лучше с якудза, чем без них». За последние три с лишним века консервативные в отношении своих традиций японцы, похоже, привыкли к существованию якудза, и многие боятся, что без этого явления они перестанут быть японцами.

24 августа 2011 г. популярный ведущий ток-шоу Огура Томояки в прямом эфире телеканала Fuji TV заявил: «Когда у вас есть проблема, которую не могут решить ни полиция, ни адвокат, ни ваша компания, есть люди, которые могут применить «немного давления» и решить вашу проблему. Даже если вы знаете, что это неправильно, иногда это единственный способ разобраться с вашей проблемой». Несмотря на острую критику, Тамаяки, по сути, явился выразителем позиции того значительного слоя населения, который ещё признает роль якудза в качестве неофициальных органов власти в японском обществе. Во всяком случае, и власти, и полиция признают наличие амбивалентности в отношении общества к якудза.

С выгодой используя для себя благородное звучание таких слов, как *pinkyo* (рыцарство) и *jingi* (творить правосудие), японская организованная преступность долгие годы вынуждала общество мириться с её существованием, и ныне она использует любую возможность, чтобы всемерно поддерживать эти мифологические, но ещё весьма распространенные представления. Издавна известно: «Любой армии нужно какое-то знамя»²³⁴. Поэтому боссы преступных кланов по-прежнему выдают себя и своих сообщников за людей чести и благородства, патриотов, современных самураев и сторонников феодальной этики, нетронутой «вестернизацией» страны. Так было в 1995 г. в Кобе, так было и после землетрясения в Фукусиме 11 марта 2011 года, жертвами которого стали более 9 тыс. человек (12 тыс. человек до сих пор считаются пропавшими без вести). В ряде городов страны якудза, используя нерасторопность властей, демонстративно помогали одеждой и питанием тем,

---

²³⁴ Мураками Х. Страна чудес без тормозов и Конец Света. – М., 2012. – С. 441.

кто остался без крова и средств существования. Один из основных мафиозных кланов – «Ямагучи» – доставил более 40 тонн гуманитарного груза с предметами первой необходимости, стоимость которых пресса оценила в 400 тыс. евро. Другой клан даже открыл свои офисы в Токио для японцев и иностранцев, оказавшихся в тяжелом положении. В ряде районов страны, пострадавших от землетрясения и цунами, боссы якудза создали отряды, патрулирующие наравне с полицейскими, чтобы не допустить грабежей, мародерства и уличной преступности²³⁵. В общей сложности якудза вложила в ликвидацию последствий катастрофы на Фукусиме более 500 тыс. долл.

Правда, вскоре на смену «необычным проявлениям человеколюбия», как писала, например, газета *The Times*, пришло желание мафии нажиться на ликвидации последствий цунами. Как сообщала зарубежная пресса, за три месяца с момента катастрофы якудза «похоже, изжила в себе щедрость»²³⁶. За это время, по данным Министерства по делам окружающей среды, из 24 млн тонн обломков было убрано лишь 5 тонн. Властям было трудно помешать преступным синдикатам выиграть (через подставные фирмы) прибыльные контракты на восстановительные работы – строительный бизнес всегда был источником доходов мафии. Она открыла несколько легальных агентств по трудоустройству, которые как посредники нанимали людей на работу в Фукусиме и получали за это вознаграждение (чем опаснее была работа «атомных цыган», тем выше оплата и, соответственно, доходы мафии). Кроме того, в работах на АЭС участвовали и провинившиеся члены якудза. Раньше самым суровым наказанием для тех, кто нарушил обет верности, было рабство на рыболовецких траулерах; после цунами мафия стала направлять их на «Фукусиму». Полиция на многое закрывает глаза, ибо «кто-то же должен прибирать на АЭС после катастрофы».

4. Якудза, власть и бизнес. Организованную преступность в Японии не зря называют «раковой опухолью». Для Японии организованная преступ-

---

²³⁵ Сэнтаку, 19 марта 2011 года. «Они зарабатывают на вымогательстве, торговле людьми и наркотиками, – писало издание «State.com», – но мародерство недопустимо».

²³⁶ *The Guardian*, 16 June, 2011; *Sueddeutsche Zeitung*, 31 Jan., 2012.

ность – проблема не только и не столько криминологическая, сколько экономическая. Влияние организованной преступности на японское общество и экономику страны эксперты оценивают в 2–3% ВВП; в экономике Японии организованная преступность ныне контролирует сферу, оцениваемую в 20 трлн йен или в 242 млрд долл.²³⁷. Аналитики фиксируют ее возросшую активность в сферах строительства, финансов и земельных отношений. При этом противодействие организованной преступности ведется с отчетливым пониманием ее транснациональной направленности. Это выражается, в частности, в активном привлечении к уголовной ответственности иностранных граждан, в усилении контроля за оборотом оружия и наркотиков, а также за подозрительными финансовыми транзакциями, в совершенствовании анти-мафиозного законодательства.

Частичная легализация криминального бизнеса определяет активность организованной преступности в теневой экономике. В плане транснациональной преступности это особенно заметно в контрабанде леса, морепродуктов и зачастую краденных автомобилей. По данным ВЭФ, японская организованная преступность ныне является вторым по значимости инвестором программ развития Токио и Гавайских островов²³⁸.

В более широком плане организованная преступность – проблема социокультурная и, конечно, политическая, ибо сегодня и власти, и общество, наконец, серьёзно озаботились необходимостью смены криминального имиджа страны. Заботится об этом и преступное сообщество, старающееся во всем идти в ногу со временем. Не удивительно, что в Японии, стране наиболее продвинутой в сфере высоких технологий, для этих целей широко используется Интернет. Здесь у большинства даже менее крупных банд имеются свои сайты, где представлено все, что положено иметь уважающей себя компании. На сайте Ямагучи-гуми, например, есть корпоративные песни и

---

²³⁷ <http://www.npr.org/blogs/2012/08/20/159404527/an-inside>; The New York Times, November 18, 2010; Галеоти М. Мифологизация «мафии», Московские новости, 1 августа 2011 года.

²³⁸ Global Agenda Council on Organized Crime. Geneva, 2011. – P. 11; Клейменов И.М. Сравнительная криминология... – М., 2014. – С. 113–114.

девизы, содержащие идеи заботы о людях, фото и видеоролики, есть даже много материалов против наркотиков; издается свой журнал, каждый номер которого начинается с оптимистического послания оябуна – главы клана²³⁹.

«Джапан инкорпарейтед» – так издавна именуют Японию историки, социологи и экономисты за традиционное единомыслие крупного бизнеса с законодательной и исполнительной властью²⁴⁰. Но есть и четвертый участник этого союза – якудза; его истоки уходят в императорскую эпоху, но окончательно этот союз выковался после Второй мировой войны. В политическом смысле якудза считается системой ультраправой; к её идеологическим установкам относятся возвращение политики милитаризма, традиционных семейных ценностей и возрождение самурайских традиций.

В конце 1990-х гг. к власти пришел новый премьер – Дз. Коидзуми, который объявил войну преступным синдикатам и инициировал принятие новых законодательных мер. «Деятельность якудза», – говорил на первых порах весьма популярный премьер, – это не только феодальный пережиток, наносящий большой ущерб цивилизованному имиджу Японии, но и тормоз для развития национальной экономики». Прошел год после того, как Коидзуми бросил вызов мафии, и его еще недавно заоблачный рейтинг загадочным образом стал катастрофически снижаться, хотя, как признают политологи, ни политических, ни экономических просчетов он не допустил. Одна из бытующих версий падения его бывшего авторитета сводится к мощным рычагам противодействия мафии, и эта версия не выглядит неправдоподобной.

Принятые в конце 1990-х и начале 2000-х гг. меры по борьбе с организованной преступностью не смогли ослабить мафию; они лишь сильнее под-

---

²³⁹ Мануков С. Мафия онлайн // Новые известия, 5 августа 2014 года.

²⁴⁰ Еще в начале 1990-х гг. видный японский исследователь коррупции К. Ямамото, рассмотревший проблему на примерах многочисленных уголовных дел, предлагал ввести для борьбы с этим явлением на всех уровнях институт омбудсмена, широко раскрывать информацию о такого рода деятельности властных структур, строго наказывать за такие преступления, пожизненно запретить таким лицам выдвижение в депутаты, полностью перевести финансирование избирательных кампаний на государственный бюджет и т.п. (Ямамото К., Сэйдзика Ц., Комуин-но хандзай то дзикэн. Преступления политиков и чиновников и связанные с этим уголовные дела. – Токио, 1992. (на яп.).

стегнули её активность на политическом поле, финансовом рынке и других направлениях её бизнеса. Коррупцирование политических деятелей и партийных функционеров приобрело такие масштабы, которые позволяли руководителям якудза все больше влиять на решение политических и экономических проблем. Они имели такое влияние, что иногда определяли судьбу министров и глав правительства. После ареста одного из лидеров японской мафии, Канэмару, в 1993 г. выяснилось, что он фактически руководил японскими премьер-министрами Набору Такэсита, Тосики Кайфу и Киити Миядзавой²⁴¹. Механизмами лоббирования интересов якудза являлись прямой подкуп, шантаж и даже физическое устранение тех, кто мешал достижению целей мафии. Наглядным примером служит убийство в 2007 г. в Нагасаки мэра города Иттио Ито в ходе кампании за его переизбрание на четвертый срок; мэра застрелил один из членов клана «Ямагучи-гуми» за то, что он пытался лишить якудза подрядов на ведение строительных работ. Руководство Национального Агентства полиции тогда заявило: «Якудза осуществляет настолько серьезное посягательство на финансовые рынки, что это угрожает основам японской экономики».

Преступное подполье Японии давно стало покровителем и заступником правящей партии; разумеется, правящей та или иная партия становилась не без поддержки якудза²⁴². В 2007 г. Демократическая партия Японии (ДПЯ) ещё за два года до ее прихода к власти получила одобрение и гарантию поддержки от «Ямагучи-гуми» и «Иногава-кай». Газета «Yukan Fuji», например, писала, что более 90 боссов этих двух кланов получили приказ поддержать ДПЯ на выборах; многих из них вызвали в Кобе, где они получили соответствующие инструкции. Такую информацию подтверждала и полиция; руководство полиции, в частности, сообщало, что высокопоставленный партийный функционер из ДПЯ пообещал не пропускать новый закон о преступном сговоре в обмен на голоса и финансовую поддержку якудза.

---

²⁴¹ Натаров В. Канэмару – «серый кардинал» правящей партии // Литературная газета, 1996. – № 14; Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1997. – С. 277–278.

²⁴² Лобби якудза // Foreign Policy, Dec.16, 2012.

Надо отметить, что в Японии, в отличие, например, от США, до самого последнего времени не было аналогов законов о сделке с обвинением, а главное, закона о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях, который, как известно, очень помог властям США в борьбе с мафией – так называемый «Закон РИКО»²⁴³. Япония могла бы принять такой закон ещё несколько лет назад, тем более, что в конце 2000 г. подписала Конвенцию о борьбе с транснациональной преступностью. Однако предусмотренные в этой Конвенции шаги Япония не смогла реализовать в полной мере, в т.ч. и потому, что Демократическая партия Японии решительно противостояла принятию закона о преступном сговоре, при котором было бы проще в судебном порядке преследовать боссов якудза за действия рядовых членов, а также накладывать арест на их активы; в 2006 г. ДПЯ отказалась даже обсуждать такой законопроект.

Более того, следует напомнить, что до начала 2000-х гг. в уголовном законодательстве такие категории, как «организованная преступность» и «пре-

---

²⁴³ В 1970 г. в США был принят один из наиболее эффективных законов – «О коррумпированных организациях, находящихся под влиянием рэкета». Раздел IX этого закона «Организации, связанные с рэкетом и коррупцией» был полностью включен в раздел 18-го Свода законов США (в России он стал известен как Закон РИКО). Ныне такие законы приняты в 29 штатах США. Закон РИКО прежде всего направлен против преступных организаций в целом, а не против их отдельных членов. В его основу легла новая концепция федеральных норм, касающихся преступного сговора – важного элемента уголовного преследования лидеров организованной преступности, потому что они, хотя и руководят криминальной организацией, сами нарушают закон крайне редко. Закон РИКО смоделировал нормы о сговоре таким образом, чтобы «привлечь к ответственности тех, кто обладает истинной властью и фактически осуществляет руководство». Составляющими сговора являются договоренность между двумя или более лицами и общая преступная цель. По этому закону сам факт сговора считается самостоятельным оконченным преступлением независимо от последующих действий соучастников. В соответствии с новой концепцией сговора, ответственность за преступления организации должны нести все её члены; она дает возможность объединить дела всех членов организации в единое производство, что раньше было запрещено, и рассматривать преступную организацию как единое целое, а не как сумму её отдельных частей. Кроме того, эффективность этого закона связана с весьма широкими возможностями «судебной интерпретации», раздвигающей границы ответственности столь широко, чтобы избежать возможные лазейки для ухода от ответственности. Уникальная, с точки зрения уголовного права, оговорка о судебной интерпретации гласит, что положения этого закона «могут свободно интерпретироваться для достижения предусмотренных в нем целей». С помощью этого закона, который считается одним из самых эффективных инструментов для преследования организованной преступной деятельности, прокуроры в США значительно увеличили число уголовных дел против мафии, большая часть которых в 1980-90-х гг. заканчивалась суровым наказанием виновных.

ступление, совершенное организованной группой» вообще не выделялись, как усиливающие ответственность (усиление репрессии предусматривалось лишь в отношении рецидивной преступности). Исследователи в связи с этим отмечали, что «осуществляемая гангстерскими группировками и т. п. организованная преступность представляет собой во многих случаях классические преступления, за многие из которых могут быть применены наказания на основе УК и специальных законов»²⁴⁴.

Интересы и поддержка ДПЯ якудза вполне понятны; что же касается политиков, то они исходят из того, что, во-первых, якудза чрезвычайно богата; во-вторых, специализирующаяся в своих деловых операциях на шантаже и вымогательстве мафия способна оказать неоценимую помощь в поиске компромата на политических соперников и в подавлении критики в адрес своих заступников. Кроме того, поскольку треть всей армии якудза составляют этнические корейцы, она имеет возможность обеспечить поддержку всех проживающих в Японии корейцев, а также получать финансовую поддержку от индустрии «патинко» (популярная сеть игровых автоматов), где доминируют именно корейцы. Наконец, якудза способна мобилизовать лидеров местных общин на получение голосов избирателей.

Убийство мэра Нагасаки вызвало серьезную обеспокоенность в обществе и привело к еще большей активизации деятельности полиции; по сути дела, в обход правительственной линии и, не дожидаясь принятия закона о преступном сговоре²⁴⁵, руководство полиции пыталось добиться от местных властей по всей стране постановлений о внесении в разряд противозаконных деяний выплат якудза и делового сотрудничества с ней. Руководитель На-

---

²⁴⁴ Маэно, Икудзо. Кэйдзи сэйсаку сорон (Теория уголовной политики). – Киото, 1988. – С. 06 (на яп. яз.); Коробеев А.И. Уголовное законодательство Японии // Российское уголовное право. Т. 2. Наказание. – Владивосток, 1999. – С. 455.

²⁴⁵ Принятия этого закона пришлось ждать до конца 2011 г., несмотря на факультативные формулы, предложенные в ст. 5 Конвенции Организации Объединенных Наций и подготовленные «Руководства для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и Протоколов к ней» (п. 55, стр. 26). Ныне они представлены в ст. 7 Главы 3 «Типовых законодательных положений против организованной преступности» (ООН, Нью-Йорк, 2013).

ционального управления полиции Такахару Андо 29 сентября 2009 года отдал приказ всей полиции страны сосредоточить усилия на ликвидации правящей группировки «Ямагучи-гуми» (Кодо-кай), заявив, что она распространяет свою экономическую деятельность на все сферы жизни общества, а также угрожает офицерам полиции; это был первый такого рода приказ за всю историю борьбы с мафией²⁴⁶. После этого полиция начала активно подрывать связи якудза во всех областях общественной жизни, в том числе в священном для японцев мире «сумо»; одновременно она стала предпринимать различные меры, чтобы ещё сильнее настроить против якудза общественное мнение. В некоторых районах страны якудза приобрела такую силу, что туда стали направлять полицейские подкрепления из Токио, не связанные с местными мафиозными группировками.

16 ноября 2012 года премьер-министр Е. Нода (ДПЯ) распустил парламент из-за потрясших страну серии скандалов. Последней каплей стало сообщение прессы о связи с «Инагава-кай» министра юстиции Кейсю Танака, который 23 октября был вынужден уйти в отставку. За два года до этого в отставку ушел министр иностранных дел Сэйдзи Маэхара, когда выяснилось, что он получал пожертвования от риэлторской компании – подставной фирмы «Ямагучи-гуми», а также передавал деньги другим членам ДПЯ. 18 октября 2012 г. в отставку ушел министр финансов Корики Дзёдзима после того, как пресса сообщила, что его переизбрание поддержала подставная компания «Инагава-кай». В недавно вышедшей книге «The Taboos of Japan No One Will Write» («Табу, о которых никто не напишет») Хиротоси Ито, опираясь на документальные свидетельства, описывает, как сам премьер Нода и другие члены ДПЯ получали деньги от «Ямагучи-гуми». В декабре 2012 г. сенатор Содзи Нисида, подробно написавший об этих скандалах, отметил: «Танака – четвертый член Кабинета министров от ДПЯ, поддерживающий

---

²⁴⁶ К 2010 г. 215 мелких преступных групп, насчитывающих 1 165 регулярных членов якудза, усилиями полиции прекратили свое существование, они были расформированы и перешли на легальный бизнес; большинство этих групп (78,1%) ранее входили в состав трех основных преступных синдикатов (White Paper on Police, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 101).

связи с якудза. В Японии всегда было активное преступное подполье, но также всегда было нормальное общество. Нынешнее правительство ДПЯ является одновременно и преступным подпольем, и элитой, слитыми воедино»²⁴⁷.

О бизнесе якудза уже говорилось; к сказанному следует добавить и такие традиционные качества, как оперативность реакции на меняющуюся ситуацию в экономике, мобильность и многопрофильность бизнеса. Напомним, что конец 1980-х и 1990-е гг. в Японии прошли под знаком затяжного экономического кризиса; этот период японские политики и экономисты определяли термином «bubble years» – «годы мыльных пузырей» (одним из первых этот термин ввел в оборот бывший премьер Ясухиро Накасонэ)²⁴⁸. С конца 1980-х гг. в стране сверхбыстрыми темпами стали расти цены на землю и недвижимость; на их приобретение банки выдавали компаниям и корпорациям огромные кредиты – на миллиарды йен. Однако через 2–3 года цены на акции внезапно резко упали, земля подешевела, залог потерял первоначальный смысл и рынок недвижимости обрушился. Сегодня многие в Японии считают, что в такого рода катастрофах в экономике важную роль играла якудза. Используя связи в правящей либерально-демократической партии (ЛДП), а также в финансовом, строительном и других секторах экономики, мафия резко взвинтила цены на землю. Кроме того, якудза получила дополнительный доход от сокрытия безнадежной задолженности компаний и банков и блокировала попытки проведения расследований по таким делам.

До самого последнего времени деловая активность якудза во многом воспроизводила деятельность больших японских корпораций, имеющих многопрофильный характер. Когда падал спрос на одни виды продукции, они переключались на другие или вообще меняли направление бизнеса. По такому же многоотраслевому принципу всегда строилась и экономика японской ма-

---

²⁴⁷ <http://www.inosmi.ru/fareast/20121216/203425536.html>

²⁴⁸ Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в XXI в. – М., 2001. – С. 90.

фии²⁴⁹. Ее влияние в последние годы растет всё больше и потому бороться с ней все сложнее. Мафия повела мощную атаку на легальный бизнес и все более активно внедряется в легальные структуры экономики. По мнению экспертов, и судя по сообщениям прессы, уже сотни крупных легальных предприятий, так или иначе, связаны с якудза. Вооружившись стратегией и тактикой транснациональных синдикатов, мафия скупает через подставные фирмы акции многих компаний, она становится крупнейшим держателем акций и одним из наиболее влиятельных игроков на фондовом и биржевом рынках. В японском Комитете по оценке ситуации на рынке ценных бумаг подсчитали, что в перечень компаний, контролируемых якудза, входят более двухсот известных фирм. Руководство биржи в Осаке, например, решило усилить контроль за игроками, чтобы исключить участие в сделках фирм, замеченных в связях с мафией, однако выяснилось, что изгнанными с рынка окажутся очень многие игроки. Похожая ситуация складывается также на строительном рынке и в сфере торговли недвижимостью. На мафию работает множество банкиров, маклеров и финансистов. Совсем недавно якудза освоила и такую область экономической деятельности, как аудит, что позволяет ей следить за работой организаций, контролирующей финансовую деятельность.

Давняя и прочная «привязанность» соединяет якудза со строительным рынком, где она всегда имела особенно глубокие корни. Строительная отрасль в Японии, по данным *The New York Times*, оценивается в 362 млрд долл., и потому постоянный «интерес» к ней якудза вполне понятен. Несколько лет назад проведен опрос 3 тыс. строительных компаний, показавший, что в течение года к 34% компаний якудза обращалась с требованиями выплат денег или выделения доли в бизнесе²⁵⁰.

В октябре 2011 г. была введена уголовная ответственность за контакты с якудза; платить ей и пользоваться ее услугами считается преступлением. Но-

---

²⁴⁹ Морозов Н.А., Коробеев А.И. Особенности организованной преступности в Японии // Криминологический журнал Байкальского гос. университета экономики и права, 2013. – №3. – С. 159–164.

²⁵⁰ *The New York Times*, 18 декабря 2010 года.

вое законодательство строго запрещало такие контакты не только юридическим лицам (особенно финансовым учреждениям), но и гражданам. На основе этого закона органы местного самоуправления во многих префектурах страны приняли так называемые «правила изгнания преступных организаций», лейтмотивом которых являлось введение запрета на предоставление услуг и экономической выгоды якудза. В разных префектурах была установлена своеобразная система санкций. Так, по «Правилам Токио», местный Комитет по общественной безопасности выносит предупреждение тому, кто нарушил указанный запрет; в случае повторного нарушения, сведения о нарушителе вывешиваются на специальном интернет-сайте (при этом речь идет не обязательно о передаче денежных средств или иной экономической помощи). Если же установлен факт предоставления ОПГ экономической выгоды в обмен на услуги, то нарушителю грозит наказание в виде лишения свободы на срок до 1 года или штраф в 500 тыс. йен. Эти же «правила» строго запрещали использование ресурсов ОПГ для ведения общественных работ. В результате на дверях многих предприятий общественных услуг появились надписи, указывающие на отказ в обслуживании членов ОПГ. Более того, в гражданско-правовых договорах в качестве обязательного условия вводился пункт о расторжении договора в случае выявления принадлежности контрагента к якудза²⁵¹.

Компании по страхованию жизни, например, обязывались закрепить в своих контрактах положение о запрете страхования членов преступных групп; ассоциациям автопроизводства и дилерам запрещалась продажа автомашин бандитам; в муниципалитетах всех 47 префектур страны запрещалось предоставление бандитам жилья из государственного фонда и т.п.²⁵² Фирмы, сотрудничавшие с якудза, предупреждались, что, если они не порвут такие связи, эти факты будут обнародованы в национальном масштабе, и это повлечет ущерб их репутации и бизнесу. При повторном выявлении таких свя-

---

²⁵¹ Журов Р. Закон противодействия // Мир и политика, Март 2014 года. – С. 12 ([www.intelros.ru/pdf/mir i politika/201433pdf](http://www.intelros.ru/pdf/mir_i_politika/201433pdf)).

²⁵² Asahi Shimbun, 8 сентября 2011 года.

зей фирмам грозит большой штраф, а ее должностным лицам лишение свободы на срок до одного года²⁵³. Одновременно категорически запрещались гражданам и компаниям любые «пожертвования» в пользу преступных сообществ; отелям и ресторанам запрещалось, например, сдавать свои помещения для мероприятий якудза. Угроза компрометации в глазах общества была воспринята настолько серьезно, что многие фирмы поспешили сообщить о разрыве любых контактов с якудза. Престижный буддийский храм близ Киото Enryakuji сообщил, например, что отныне он запрещает членам клана «Ямагути-гуми» проводить там свои встречи и обряды.

Следует отметить, что указанные меры не предусматривали исключений и для иностранных фирм; все эти компании были обязаны включить в свои уставы и контракты пункт, исключающий возможность сотрудничества с якудза, в т.ч. с ее подставными или даже полулегальными фирмами.

На индивидуальном уровне установленные факты сотрудничества с якудза влекли не только пристальное внимание полиции и публичную компрометацию, но и увольнение с работы или вынужденный уход с должности (как это случилось, например, с популярным телеведущим Шимдой Шинзюки). В Токио при этом вводилась практика освобождения от преследования в случаях добровольного заявления граждан или фирмы о связи или вынужденном сотрудничестве с бандитами («Скажите «да», и без привлечения к ответственности мы поможем вам разорвать эти отношения»). За выполнением всех этих требований, оказанием необходимой помощи и защиты должны следить создаваемые комиссии общественной безопасности²⁵⁴.

Между тем, по данным полиции, к 2012 г. каждая пятая компания все еще платила дань гангстерам из якудза; на самом деле, их может оказаться больше, т.к. далеко не все готовы признать этот факт. Опрос компаний, проведенный НПА в 2010 г., показал, что 21,8 % из них подвергались вымогательствам со стороны якудза. При этом страх перед полицией – ничто по

---

²⁵³ The Guardian, 5 января 2012 года.

²⁵⁴ Yomiuri Shimbun, 7 октября 2011 года.

сравнению со страхом перед мафией. В 2012 г. НПА опросило 2 885 компаний, из которых на вопросы полиции ответили лишь 337; из них 185 компаний (60%) подтвердили, что только за год они получили различные требования от якудза²⁵⁵. Часть компаний, отказавшихся платить дань, понесли столь существенный урон, что их бизнес оказался на грани разорения. Для дискредитации их бизнеса якудза применяет различные методы, в том числе широко использует средства массовой информации (обвиняя ту или иную фирму в выпуске вредной для здоровья людей продукции, в загрязнении окружающей среды и т.п.). Иногда такая информация соответствует реальности. В разное время так было с компанией Japan Air или Токийской энергетической компанией, когда якудза публиковала в СМИ сообщения о реальных угрозах безопасности на этом предприятии; чтобы остановить поток критики, владельцам компании пришлось выложить мафии солидную сумму.

Здесь уместно напомнить о своеобразном виде рэкета, который в Японии издавна называют «сокайя». Те, кто им занимается, хорошо владеют разнообразными приемами психологического воздействия на руководителей компаний и банков. Одним из таких приемов является сбор компромата (неблагоприятной информации о делах компании, дефектах продукции, внутренних проблемах и т. п.) с целью шантажа и вымогательства денег и товаров. Для этих целей якудза содержит специальные конторы с частными детективами. Когда собрана достаточная информация, в ход идет шантаж, практически не знающий сбоев, поскольку японцы, как известно, крайне чувствительны, когда речь идет о чести и долге (отсюда публичные покаяния, слезы, отставки, а то и ритуальные самоубийства)²⁵⁶. Именно эту особенность национального менталитета и используют для шантажа.

Однако шантаж – прием примитивный; якудза-сокайя знают куда более изощренные и давно испытанные приемы. Сокайя заблаговременно приобретают акции той или иной корпорации, становясь ее миноритарным акционе-

---

²⁵⁵ Yomiuri Shimbun, 17 декабря 2012 года

²⁵⁶ Цветов В.Я. *Мафия по-японски.* – С.13; Asahi Shimbun, 20 мая 1997 года; Строкань С. Щит и меч якудза // Совершенно секретно, 2002. – №5(156).

ром и тем самым обеспечивая себе право участия в общем собрании акционеров. Пик активности сокайя приходится на июнь, когда в Японии проходят ежегодные собрания акционеров, где решаются вопросы стратегии. Перед этим сокайя «обрабатывают» членов совета директоров, обещают не выступать с вопросами и разоблачениями, гарантируют всяческую поддержку на общем собрании и требуют за это вознаграждение. Если же договориться не удастся, в ход идет шантаж, но, как правило, требования сокайи выполняются, ибо ссориться с якудза желающих практически не бывает. Разоблачения связей с сокайя таких крупных компаний, как банк «Дайити кангё», финансовая корпорация «Номура» и др., подтверждают это правило.

Несмотря на принимаемые меры, бизнес и криминал по-прежнему связывают давние и все еще прочные отношения. В начале 2014 г. в Японии разразился скандал, вызванный вскрывшимся фактом передачи якудза под видом кредитов 2 млн долл. одним из крупнейших банков Mizuho. В связи с этим президент старейшего банка страны вынужден был уйти в отставку²⁵⁷.

5. Преступность иностранцев и ослабление влияния якудза. Веками островная Япония была страной, максимально закрытой от внешнего влияния с целью сохранения собственной идентичности, всячески избегающей иностранного влияния²⁵⁸. В течение 250 лет правителям удавалось ограждать страну от европейской культуры, в том числе и от христианства, ставшего реальной угрозой после открытия Японии для Европы португальскими моряками в 1542 г. Исключительная закрытость – единство языка, монокультура, этническая однородность – утвердила конфуцианство как официальную, абсолютную, доктрину, надежно ограждавшую Японию от влияния европейских ценностей²⁵⁹.

---

²⁵⁷ Танибучи А. Связи с якудза – не помеха для японских премьеров и топ-менеджеров // Мир и политика, Март 2014 г. – С. 8–11. ([www.intelros.ru/pdf/mir i politika/201433pdf](http://www.intelros.ru/pdf/mir_i_politika/201433pdf)).

²⁵⁸ Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 2003. – С. 366–368; Тасбулатова Д. Шаг вправо, шаг влево – харакири // Итоги, 11 ноября 2003 года.

²⁵⁹ Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1997; Квашиш В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. Указ. работа. – С. 134–135.

После определенных послаблений иммиграционного законодательства в начале 1990-х гг. в систему японской организованной преступности влились представители криминалитета целого ряда зарубежных стран. Японские и зарубежные криминологи рассматривают преступность иностранцев в контексте криминальной глобализации²⁶⁰ и потому считают, что ситуация с проникновением в страну зарубежных преступных группировок и их взаимодействием с якудза остается достаточно сложной. Население страны в целом относится к иностранцам с подозрением и страхом, которые в последние годы трансформируются в настроения ксенофобии, главными объектами которой являются этнические корейцы и китайцы²⁶¹.

Среди наиболее активных иностранных преступных группировок японская полиция называет северо-корейскую группу, поставляющую в страну кристаллический метамфетамин (до сих пор подозреваемую в ограблении ювелирного магазина на Гинзе, где были похищены бриллианты на 3,5 млрд йен); банду воров из Сербии и Черногории, которую Интерпол назвал «Розовой пантерой»; иранских торговцев наркотиками, бразильских грабителей и турецких контрабандистов, перуанских наркоторговцев и нигерийских автомобильных воров. Но все же особое место здесь занимают китайские триады, торгующие, главным образом, героином и опиумом.

Средства массовой информации нагнетают тревогу по поводу опасности преступности иностранцев. Действительно, в 2009 г. в Японию прибыло более 6 млн иностранцев, в том числе, 69,9% – из стран Азии (23,7% – из Кореи, 16% – с Тайваня и 10,5% – из Китая). Между тем в 2001–2010 гг. число иностранцев, привлеченных к ответственности за преступления, ежегодно составляет, в среднем, всего 7 тыс. человек. В 2010 г., например, из 20 624 арестованных за распространение наркотиков 7 060 (48,6%) были членами корпорации якудза, и лишь 538 человек (3,7%) иностранцами, не имеющими

---

²⁶⁰ White Paper on Police, 2011. – P. 23; Mandel Robert. Dark Logic: Transnational Crime. Tactics and Global Security. Stanford Univ. Press, 2011.

²⁶¹ Сакамото, Руми. «Корейцы, Go Home!». Интернет-национализм в современной Японии как явление, опосредованное цифровой субкультурой // Азиатско-Тихоокеанский журнал, Вып.9, №2, 7 марта 2011 года.

отношения к организованной преступности. Ровно столько же (3,7%) в 2009 г. составляли иностранцы в общем числе всех лиц, привлеченных в Японии к уголовной ответственности. Поэтому власти успокаивают общественность, заявляя, что на фоне происходящего с транснациональной преступностью в мире проблемы Японии в этом плане куда менее значительны.

Отчасти так оно и есть, хотя в течение многих лет, вплоть до середины 2000-х гг., общеуголовная преступность иностранцев имела очевидную тенденцию к росту (производную от притока иностранцев). Если в 1980 г. было привлечено к уголовной ответственности 782 иностранца, в 1985 г. – 1 370; в 1990 г. – 2 978, то в 1995–2000 гг. привлекалось по 6,5 тыс., а в 2001–2010 гг. – по 7 тыс. иностранцев. И хотя в последние годы этот показатель снижается, за последние 30 лет число иностранцев, привлеченных к ответственности за совершение различных преступлений в Японии, выросло в 10 раз.

О каких же преступлениях иностранцев идет речь? Данные статистики показывают, что 80% преступлений составляют кражи; 6,2% – присвоение утерянной собственности; 1,2% – подделка документов; 3,7% – побои и причинение ущерба; 0,2% – убийства и 0,7% – грабежи. Поэтому осуждены были лишь около половины привлеченных к ответственности иностранцев, в том числе, к лишению свободы – лишь каждый пятый (1 392 чел.), причем, большинство из них – с отсрочкой исполнения приговора²⁶². Как видно, с заявлением властей о меньшей проблематичности преступности иностранцев можно согласиться, если говорить только об общеуголовной преступности.

Другое дело, если преступность иностранцев в Японии рассматривать в контексте транснациональной организованной преступности. Как отмечалось на XII Конгрессе ООН по предупреждению преступности, транснациональная организованная преступность существует во многом благодаря многоуровневой коррупции, зачастую проявляется в совершении актов чрезвычайно жестокого насилия, как правило, в отношениях между конкурирующими

---

²⁶² White Paper on Crime, 2010. – P. 110–112, 117, 321.

группами, и при этом её деятельность ограничена преимущественно теми районами, в которых действуют организованные преступные группы²⁶³.

Наибольшую опасность в последние 10 лет в Японии представляют китайские преступные группировки, на долю которых приходится половина всех преступлений иностранцев (в 1996 г. этот показатель был в 2 раза ниже). В 2000–2010 гг. число китайцев в Японии выросло с 300 до 680 тыс. человек; соответственно, вырос и уровень преступности²⁶⁴. В 2009 г., например, из общего числа арестованных за преступления иностранцев на долю китайцев приходилось 45,2%. Китайские банды гастролируют по всей стране. В июле 2010 г. в Осаке была задержана преступная группа из десяти китайцев, которым предъявлено обвинение по 152 эпизодам кражи со взломом в целом ряде префектур; стоимость похищенного ими имущества превышает 140 млн йен.

Особую криминальную активность и силовую составляющую китайских преступных группировок полиция связывает с молодежными бандами мотоциклистов «Bosozoku»; они организованы лучше японских, имеют доступ к более широкому спектру ресурсов и щедро поддерживаются старшим поколением. В то время как японские банды враждуют между собой, этническая общность китайцев отменяет внутреннее соперничество и направляет энергию молодежи за пределы этой общности. Сфера активности китайских банд весьма широка – от наркоторговли и вымогательства в барах и борделях до хулиганских драк на футбольных стадионах, где они через Интернет назначают места стычек с японскими молодежными бандами.

Несмотря на определенную напряженность в отношениях, полиция отмечает достаточно тесную кооперацию якудза и китайских триад; между ними давно установлены партнерские отношения – поставка наркотиков, по-

---

²⁶³ XII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Мировое положение в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Доклад Генерального секретаря. Сальвадор, Бразилия, 12–19 апреля 2010 года. (A/CONF. 213/3. – P. 5).

²⁶⁴ Ещё в середине 2000-х гг. китайские «триады» контролировали две трети торговли героином (Синь Янь, Яблоков Н.П. Борьба с мафией в Китае. – М., 2003; Овчинский В.С. Мафия XXI: сделано в Китае. – М., 2006. – С. 176).

мощь в техническом обеспечении, обмен информацией и иные формы взаимодействия, венчающие взаимовыгодное сосуществование.

Особое место в структуре преступности китайских преступных группировок в Японии занимают преступления в экономической сфере, ущерб от которых значительно выше, чем в сфере общеуголовной преступности. Последствия криминальной активности китайцев в экономике ощущают на себе не только Япония, но и другие страны, в том числе и Россия²⁶⁵. Дело в том, что для реализации стратегии глобальной внешнеэкономической экспансии Китая необходима экспортная ориентация в развитии экономики и активная внешнеэкономическая политика. В этом же контексте идет и криминальное экономическое наступление китайских преступных сообществ.

Как уже отмечалось, одна из причин выживаемости японских монополий даже в тяжелых условиях спадов производства всегда заключалась в их многоотраслевом характере и способности вовремя перепрофилировать свою деятельность с убыточной на достаточно прибыльную. Тридцать лет назад В.Я. Цветов писал, что якудза – способные ученики делового мира; во всяком случае, такими они были до самого последнего времени. Гангстерские синдикаты, наладившие свой бизнес по образу и подобию монополистических корпораций, в 1980–1990-х гг. довольно успешно меняли профиль криминальной активности, однако кризис в конце 1990-х гг. значительно замедлил этот процесс.

Известно, что в стабильные времена организованная преступность в любой стране имеет достаточно сил для поисков новых направлений своей деятельности и выхода за пределы традиционной специализации. «Такая реструктуризация криминальной активности в условиях финансового кризиса и экономического спада, определяет не только состояние, но и перспективы

---

²⁶⁵ Репецкая А.Л. Внешнеэкономическая деятельность китайских ОПГ в Восточной Сибири // Пролог. Журнал о праве, 2013. – №2. – С. 53–58; Современные вызовы преступности и противодействие им (в условиях Сибири и Дальнего Востока). – Владивосток, 2012.

развития организованной преступности и борьбы с ней²⁶⁶. Показательна в этом отношении перестройка деятельности китайских триад, которые еще накануне кризиса переориентировали ее с рэкета, контроля за проституцией и азартными играми на полулегальный и частично легальный бизнес в различных отраслях промышленности.

Существенное изменение реальных возможностей и все новые вызовы неизбежно ведут к изменению характера и опасности деятельности преступного сообщества в целом, к смене отношений между доминирующими криминальными группировками, вытекающими из их специализации, реальной силы и эффективности преступного бизнеса. На фоне заметного снижения бывшего авторитета японской организованной преступности к началу 2000-х гг. стало особенно ощутимым повсеместное усиление криминальной активности и влияния китайских группировок – сначала в Японии, а затем и в транснациональном плане. Причиной ослабления влияния якудза, как отмечалось, явился, прежде всего, очередной финансовый спад, тем более, что она еще не оправилась от экономического кризиса конца 1990-х гг.

Экономические проблемы якудза усугублялись и заметной активизацией усилий противостоящей ей системы уголовной юстиции и особенно растущей жесткостью полицейской практики. В середине 2000-х гг. отсутствие серьезных вооруженных столкновений между преступными группами указывало на то, что процесс раздела сфер влияния, похоже, закончился; однако в 2011–2012 гг. борьба за влияние и доходы между тремя основными кланами в Японии вновь обострилась (в 2011 г. полиция изъяла 426 единиц стрелкового оружия, из них более ста единиц – у якудза; за год число вооруженных столкновений между бандами выросло с 98 до 126)²⁶⁷. В этих условиях в феврале 2012 г. на 180-й сессии парламента были приняты новые, наиболее кардинальные дополнения к антимафиозному законодательству, направленные

---

²⁶⁶ Балуев Д.Г., Булкина Л.В., Новоселов А.А. Прикладной анализ транснациональной организованной преступности // Вестник Нижегородского университета им. И.И. Лобачевского, 2011. – №3. – С. 293.

²⁶⁷ «Kuodo», 11 марта 2012 года; Police of Japan, 2013. – P. 22.

на резкое ужесточение мер борьбы с якудза и усиление наказания. На этой основе Национальное управление полиции и местные органы власти вместе с ассоциациями адвокатов заметно активизировали общественную кампанию по противодействию якудза в целях создания условий для безопасной торговли, защиты граждан, бизнеса и финансовых институтов. Совместно с Центрами полиции в префектурах (им отводилась особая роль) начались активные действия по наступлению на бизнес якудза, особенно в строительстве, по вытеснению преступных групп из фондовых рынков, индустрии спорта и развлечений, из всех общественных проектов и контрактов на работы; словом, был взят жесткий курс на изгнание якудза из всей системы деловой и социальной активности. По сути дела, лишь теперь наиболее полно начинали реализовываться намеченные ранее инициативы, рассчитанные на пресечение притока финансовых ресурсов организованной преступности.

Указанными выше «правилами» во всех префектурах запрещалось содержание офисов якудза вблизи школ, библиотек и других общественных учреждений; повсеместно проводились активные мероприятия по защите личной безопасности граждан, борьбе с вымогательством и поддержке тех, кому угрожали бандиты. В феврале 2012 г. генеральный комиссар Национального управления полиции Ютака Катагири поручил полицейским центрам префектур выделять для защиты таких лиц специальные группы полицейских. Особое внимание при этом уделялось защите молодежи и несовершеннолетних от влияния якудза, поддержке потерпевших от преступлений, оказании им помощи в судебных процессах и получении компенсации за ущерб. Полиции на местах было предоставлено право заводить уголовные дела на группировки, в отношении которых поступали жалобы граждан, и немедленно закрывать их офисы. Укрепление кооперации НПА, полицейских центров префектур, местных властей и общественности давало все более заметные результаты в деле борьбы с якудза²⁶⁸. При этом наиболее успешно указанные

---

²⁶⁸ White Paper on Crime, 2012. – P. 21; Police of Japan, 2013. – Tokyo, 2014. – P. 45–46.

меры, судя по сообщениям НРА и средств массовой информации, были реализованы в Токио и в префектуре Фукуока²⁶⁹.

Для якудза эффективность таких мер стала настолько ощутимой, что в одном из редких интервью босс «Ямагути-гуми» Кеничи Шинода заявил: «Если отряды якудза будут расформированы, то состояние общественного порядка в стране немедленно ухудшится»²⁷⁰. И хотя известная доля истины в этом есть (организованная преступность, как уже отмечалось, всегда контролировала уличную преступность), все же это заявление, скорее, отдает отчаянием или, по крайней мере, признанием серьезности шагов по наступлению на якудза. В самом деле, после векового молчаливого признания своей реальной власти криминальное сообщество, по сути, впервые столкнулось с комплексом столь сложных проблем психологического, организационного и финансового плана.

Но все же главная проблема якудза была в том, что ее боссы, уповая на свою особую роль, до самого последнего времени не торопились ни с диверсификацией, ни с интернационализацией своей деятельности, продолжая по-прежнему грабить своих соотечественников²⁷¹. Криминальная активность якудза все заметнее становится менее динамичной; ее деятельность не соответствует времени и переменам. Криминологические исследования показывают, что на современном этапе доминирующей тенденцией в изменении характера и структуры деятельности организованной преступности является смещение ее активности из общеуголовной в экономическую сферу (А.И. Долгова, Л. Шелли, Дж. Олбаниз, Хэ Бинсун, В. А. Номоконов, А.Л. Репецкая и др.)²⁷² Однако якудза так и не смогла своевременно переориентировать свой криминальный бизнес, и в основном, осталась верна все менее выгодным традиционным на-

---

²⁶⁹ Yomiuri Shimbun, 31 октября 2012 года.

²⁷⁰ The Guardian, 5 января 2012 года.

²⁷¹ Балуев Д.Г., Булкина Л.В., Новоселов А.А. Указ. работа. – С. 295.

²⁷² Бинсун Хэ. *Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае.* – Владивосток, 2005; *Криминология* / под ред. Дж. Шелли. – ПИТЕР, 2003; Репецкая А.Л. *Организованная преступность. Теневая экономика. Криминальный рынок России.* – М., 2010.

правлениям – торговле наркотиками, рэкету, «крышеванию», незаконному ввозу мигрантов, контролю за секс-бизнесом и работоторговле²⁷³.

Частичное переключение её бизнеса на разнообразные мошеннические операции в финансовой сфере и преступления, связанные с использованием новых технологий, не прибавили якудза ни существенных доходов, ни влияния в криминальном мире, где все более заметную роль стали играть не японские, а другие преступные группы. Поэтому к середине 2000-х гг. основными игроками японской криминальной фауны окончательно стали организованные преступные группировки китайцев и корейцев, занимающие все новые ниши преступного бизнеса.

Кроме того, процессы глобализации требуют от организованных преступных сообществ определенных изменений и большей динамичности в структурном плане. Традиционную пирамидальную и моноэтническую структуру якудза становится все труднее совмещать с глобализацией; она не поспевает за потребностями структурной перестройки, крайне медленно и фрагментарно пытается сочетать такую иерархию с горизонтальной, ибо как показывает, например, практика неаполитанской каморры, где нет жестких правил и даже ритуала посвящения, такая структура позволяет постоянно формировать новые группы и таким образом постоянно пополнять численность криминального сообщества²⁷⁴.

На фоне всех этих проблем якудза, не сумевшая приспособиться к изменившимся условиям, хотя ещё и сохраняет прежний масштаб доходов, но свою былую мощь и прежнюю монопольную роль в транснациональном пре-

---

²⁷³ Стокер С. Японская организованная преступность: содействие торговле людьми в крупных масштабах // Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права, 2008. – №2. – С. 32; XII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. «Меры уголовного правосудия по борьбе с незаконным ввозом мигрантов и торговлей людьми: связи с транснациональной организованной преступностью». – Сальвадор, Бразилия, 12–19 апреля 2010 года (A/CONF.213/7).

²⁷⁴ Как отмечает Роберто Савиано – автор документального бестселлера о неаполитанской мафии, Каморра – первая мультиэтническая криминальная организация в мире; ее кланы контролируют 6% валового продукта Европейского Союза; вместе с Коза Нострой и Ндрангетой доходы Каморры составляют сотню миллиардов евро в год ([http: esquire.ru/roberto-saviano](http://esquire.ru/roberto-saviano)).

ступном сообществе она постепенно теряет, становясь лишь одним из многих участников в борьбе за доходы и влияние.

О заметном снижении былого влияния якудза в стране говорит и снижение общей численности ее формирований, и снижение былого авторитета в японском обществе, несмотря на усилия теле- и киноиндустрии сохранить имидж и традиции якудза как «рыцарей справедливости». По данным НПА, в 2013 г. общая численность формирований ОПГ снизилась до 58 600 человек (из них «регулярных» членов – 25 600). Только за 2012 г. общая численность ОПГ снизилась почти на 5 тыс. человек, что во многом было связано с принятием Закона от 1 октября 2011 года, по которому сам факт принадлежности к ОПГ объявлялся преступлением. В итоге, показатели численности ОПГ к 2014 г. стали самыми низкими за все последние 20 лет.

К тому же, еще в 2008 г. в Японии был принят закон, согласно которому главари группировок якудза несут личную ответственность за преступную деятельность своих подчиненных. Это позволяет привлечь к уголовной ответственности крупных боссов мафии, против которых обычно трудно собрать конкретные улики. Правда, понадобились годы, чтобы этот закон начал работать. Районный суд Киото 22 марта 2013 года признал Киёси Такаяму – второго человека в иерархии клана «Ямагути-гуми» – виновным в вымогательстве 40 млн йен у местного бизнесмена и приговорил его к шести годам тюремного заключения (прокурор требовал наказания сроком на 10 лет). Отметим, что речь идет о событии в политическом плане весьма знаменательном, которое случилось вскоре после серии политических скандалов, вызванных связями власти с якудза.

Вскоре за ним последовало и другое событие, не менее знаменательное, по крайней мере, в правовом и, конечно, психологическом плане. До самого последнего времени жертвы вымогательства избегали возбуждать в судах дела о защите своих прав. Впервые 18 июля 2013 года в истории страны был подан официальный иск к главарю крупнейшего клана, от которого истец требовал вернуть деньги, полученные в результате угроз и вымогательства.

Как сообщает ИТАР-ТАСС, дело возбуждено в окружном суде г. Нагоя бывшая владелица местного ресторана; она требовала от босса синдиката «Ямагути-гуми» Кэнъити Синоды выплатить ей **17,35** млн йен (около 175 тыс. долл.). Женщина утверждала, что в 1998–2010 гг. ее вынуждали ежемесячно передавать деньги главарю местной бандитской организации, входящей в объединение «Ямагути-гуми». По словам адвокатов, владелица ресторана пыталась отказаться от такого «взноса за охрану ее заведения», однако ей пригрозили поджогом. В сумму иска, кроме уплаченных якудза денег, входят и около 50-ти тыс. долл. за причиненный моральный ущерб. И, судя по всему, мафия не может не ощутить силу таких ударов по ее былому влиянию.

Одновременно якудза теряет свое былое влияние и на международной арене, хотя ее восприятие в общественном сознании и психологии все еще ощущает на себе инерцию прошлых лет. Интерес в этом плане представляет опубликованный в конце 2009 г. доклад телекомпании CBS, согласно которому власти США явно переоценивают силы и угрозы, исходящие от якудза. Позднее свидетельством такой переоценки опасности японской мафии стала новая «Стратегия США по борьбе с организованной преступностью», которая включила якудза в список наиболее опасных транснациональных преступных организаций, представляющих угрозу национальной безопасности, международным финансовым рынкам и подрывающих демократические институты страны, хотя в последние годы единственно сколь-либо заметными, но не доказанными операциями якудза в США было «отмывание денег». В июле 2011 г. Указом Президента США введены санкции против четырех преступных организаций – японской якудза, итальянской каморры, мексиканской лос-зетас и евразийского «Братского круга»; предусмотрено замораживание банковских счетов и арест активов этих организаций, запрет на совершение с ними сделок и въезд в США.

Наконец, об определенном снижении мощи и влияния японской организованной преступности говорят и данные уже упомянутых выше исследований аналитиков журнала «Foreign Policy» и Американского фонда мира. Рас-

считанный ими рейтинг отражает способность ключевых государственных институтов разных стран контролировать экономическую и политическую ситуацию. При этом одним из 12 индикаторов является уровень беззакония и криминализации общества; под ним понимают распространенность коррупции и рост числа преступных организаций. По сумме всех 12 показателей, в 2009 г., например, из 179 стран США занимали 154-е место с оценкой 3,0 балла (по убывающей 10-ти балльной шкале); Япония – 161-е место (2,0 балла). В 2010 г. Япония заняла 164-е, а в 2011 г. – 165-е место с лучшим рейтингом преступности, чем в США, ФРГ, Великобритании и Франции²⁷⁵. Можно, однако, обоснованно полагать, что такого рода результаты объясняются куда более низкими показателями общеуголовной преступности (по сравнению с другими развитыми странами), а также более высоким уровнем раскрываемости этих преступлений.

Обширный фактологический материал и хронологический подход к анализу многоплановой специфики становления и развития организованной преступности в Японии позволяют признать обоснованным выделение проблематики организованной преступности в самостоятельный раздел исследования и сделать следующие обобщающие выводы.

1. Суммируя все сказанное выше, можно выделить следующие основные направления борьбы с организованной преступностью в современной Японии: прямое наступление на преступную деятельность ОПГ и изоляция их членов путем масштабных арестов и наказания; ограничение источников доходов путем полицейской защиты бизнеса от рэкета, контроля за наркотиками, проституцией и т.п.; использование антимафиозного законодательства с целью пресечения криминальной активности организованных формирований, конфискация преступных доходов и огнестрельного оружия; социальная кампания поддержки полиции местными общинами с целью защиты населения и бизнеса от влияния криминальных групп.

---

²⁷⁵ Failed States Index 2009–2011. <http://www.fundforpeace.org>.

2. Хронология становления и развития организованной преступности в Японии дала возможность: определить меру ее влияния на развитие японского общества в целом, а также на экономику страны, власть, бизнес, массовую психологию и сознание людей; выявить трансформации, роль и место в системе транснациональной преступности на разных исторических этапах; очертить перспективы этого социального явления. Проведенное исследование показывает, что сегодня организованная преступность в Японии, не сумев приспособиться к изменившимся экономическим и политическим условиям, хотя и сохраняет прежние масштабы доходов от своего традиционного криминального промысла, но свою былую мощь и прежнюю монопольную роль в японском обществе, давнюю значимость в транснациональном преступном сообществе она постепенно утрачивает, становясь лишь одним из многих участников в борьбе за доходы и влияние. Этому все больше будут способствовать постепенное изменение психологии и правосознания людей, дальнейшее экономическое и демократическое развитие страны, все более решительное наступление правоохранительных органов, вытесняющее организованную преступность на обочину современной социальной жизни. Уже сегодня организованная преступность практически «выдавливается» из разного рода социальных проектов; она все больше вытесняется даже из своего векового монопольного бизнеса – строительства и портовых работ, причем положение дел не спасает ни мимикрия, ни реальная легализация ее бизнеса, ибо социальная почва для ее развития все больше уходит, а былая моральная и психологическая атмосфера вокруг нее, издавна строившаяся на страхе и вынужденном сотрудничестве, все заметнее меняется.

О значительном снижении влияния организованной преступности в стране говорят консерватизм ее пирамидальной структуры и, как следствие, снижение общей численности её формирований, а главное – снижение былого авторитета в обществе, несмотря на усилия теле- и киноиндустрии сохранить имидж и традиции якудза как «рыцарей справедливости». Похоже на то, что со временем место и роль организованной преступности в жизни япон-

ского общества будут еще заметней минимизироваться, а сохраняющиеся в консервативной массовой психологии представления об этом явлении постепенно все больше будут входить в разряд традиционных элементов специфического уклада жизни, истории и быта японцев – наряду со многими другими ритуальными институтами и артефактами.

Глава III. ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС ПРЕСТУПНОСТИ В ЯПОНИИ В XXI ВЕКЕ

Изменения в динамике преступности, ее характере и структуре, меняющие «криминальную физиономию» общества, решающим образом определяются особенностями причинного комплекса преступности. Анализ этих особенностей, применительно к различным этапам и специфике развития японского общества, изначально предопределяет необходимость указать на ряд достаточно сложных проблем методологического плана, которые нельзя обойти стороной. Они связаны, прежде всего, с многими специфическими сторонами исторического развития общества, настолько насыщенного и пропитанного особыми «японскими соками», что делает трансплантацию традиционных подходов и оценок, принятых в российской криминологии, на японскую почву затруднительной. К этому следует добавить, что в теоретическом плане японская криминология до сих пор еще находится в стадии становления, она развивается на путях сложного поиска наиболее удачного совмещения рецепции мировой («западной») криминологической мысли и сохранения самобытности и традиций.

В отличие от тенденций развития мировой и, в том числе, от развития российской криминологической мысли, сравнительно молодая японская криминология не столь глубоко погружена в методологические аспекты; здесь не **«заморачиваются»** понятийным аппаратом и нет погружения в глубины детерминации и механизмов противоправного поведения. Сегодня ее общее состояние и направленность отражают, как только что отмечалось, более практические цели и реально осязаемые перспективы их достижения.

С учетом сказанного, в настоящем разделе предпринята попытка совместить воззрения, устоявшиеся в российской криминологии, с подходами в японском обществе, оценить восприятие ситуации и ее трансформаций «снаружи» и особенно «изнутри», с тем чтобы поместить формирующееся понимание причин преступности в современный криминологический контекст и

дать не только информационную, но и диагностическую картину сложившегося в Японии уникального криминологического феномена.

Помимо всего прочего, такая попытка связана с тем, что до сих пор в мировой криминологии единый подход к пониманию природы преступности отсутствует и, скорее всего, это понимание будет отражать лишь современное состояние общественного правосознания и психологии в той или иной стране. К тому же, на развитие криминологической мысли в любой стране сильное влияние оказывают, как известно, господствующие в ней идеологические установки и практическая уголовная политика. И в этом отношении Япония не составляет исключения²⁷⁶.

Следует учитывать, что категории причин и условий, принятых в российской криминологии и способствующих совершению преступлений, также как и категория факторов преступности, принятая в теории криминологии ряда стран, в том числе, и в Японии, сами по себе были и остаются категориями оценочными, и потому их деление во многом является относительным, тем более что связи между ними, часто проявляющиеся через опосредующие звенья, не всегда могут оцениваться лишь как исключительно позитивные или негативные. Необходимо различать наличие того или иного социального явления как объективного факта и его оценку во взаимосвязи с другими явлениями. Как справедливо отмечено в литературе, четко разграничить те или иные детерминанты преступности и отдельных видов преступлений зачастую довольно сложно в силу ряда обстоятельств, в том числе «в силу разнообразия действия социальных процессов и явлений и их влияния на преступность, в силу сложности, неоднородности и меняющегося характера самого следствия и причинно-следственных связей и т.д.»²⁷⁷.

---

²⁷⁶ Квашиш В.Е., Морозов Н.А. Особенности причинного комплекса преступности в Японии (методологический аспект) // Общество и право, 2015. – №1.

²⁷⁷ Жалинский А.Э. Избранные произведения. Т. I, Криминология. – М., 2014. – С. 205. В этой связи им отмечалось «преимущественно лингвистическое, а не предметное разграничение явлений, порождающих преступность» // Российский криминологический взгляд, 2011. – №2.

Все эти факторы, как часть социальной действительности, могут рассматриваться в статике и динамике в виде социальных процессов с разными по интенсивности источниками криминогенного воздействия, причиняющими связями и механизмами их превращения в следствие. Их анализ в динамике особенно важен, ибо речь идет о явлениях, которые находятся в движении и, следовательно, понимание природы и механизмов детерминации возможно только с учетом развития²⁷⁸; их следует оценивать в контексте происходящих в стране социальных и экономических изменений, а также тенденций и процессов в общественной жизни.

Примером динамичности развития такого рода стержневых факторов является заметное изменение характера взаимоотношений внутри японской семьи; вследствие ослабления ее позитивного влияния (Кан Уэда использовал здесь термин «нуклеаризация») происходит постепенное разрушение издавна сложившихся традиционных взаимоотношений – наиболее специфического фактора, сдерживающего преступное поведение. В качестве другого примера можно назвать постепенное, но все более заметное проникновение преступности (особенно преступности несовершеннолетних) в более обеспеченные слои населения, в благополучные семьи. Наконец, еще один пример – появление «новых форм бедности», изменение ее характера и содержания, когда, например, рост занятости женщин в различных отраслях производства приводил, во-первых, к ослаблению контроля за детьми и росту правонарушений несовершеннолетних и, во-вторых, – ко все более заметному росту долевого участия женщин в общем числе совершенных преступлений²⁷⁹. Кан Уэда в связи с этим верно указывает, что все эти факторы находятся во взаимодействии, где одни из них воздействуют на другие и только последние непосредственно воздействуют на преступность²⁸⁰. Другими словами, преступ-

---

²⁷⁸ Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. – М., 1984; Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. – М., 1968; Долгова А.И. Взаимодействие и причинность в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 14. – М., 1981.

²⁷⁹ Кузнецова Н.Ф., Еремин В.Н. Предисловие к кн. К. Уэда «Преступность и криминология в современной Японии». – М., 1989. – С. 11–13.

²⁸⁰ Кан Уэда. Преступность и криминология в современной Японии. – С. 104.

ность детерминируется именно таким многомерным, сложным и динамичным образованием, каким является механизм взаимодействия обеих групп факторов. Не случайно изменения в динамике и характере преступности в Японии, в отличие от других стран, зачастую происходили с обратным вектором. Так, структурные изменения, связанные с процессами модернизации и урбанизации, во многом схожи с западными странами, но там не оказалось такого сдерживающего влияния культурных, религиозных и ряда других факторов, которые отражают национальные особенности японцев.

В японской криминологической доктрине можно считать устоявшимся понимание преступности и ее причин как многофакторного явления, результата противоборства и соперничества двух основных групп факторов – способствующих преступности и сдерживающих ее²⁸¹. Соответственно, основным содержанием мер борьбы с преступностью является ослабление влияния первой группы факторов и усиление влияния факторов, сдерживающих преступность. Поэтому в качестве мер борьбы с преступностью в Японии рассматривают уголовную политику в ее самом широком понимании – как социальную политику, помимо всего прочего включающую в себя политику экономическую и культурную.

«Любая политика, – отмечает В. Н. Еремин, – это манипулирование системой факторов, осуществляемое по определенному порядку. На стадии оценки обстановки и принятия стратегических решений выявляются и оцениваются факторы, благоприятные и неблагоприятные для данного субъекта политики, и вырабатывается алгоритм управления ими. На стадии реализации при корректировке алгоритма с учетом текущих оценок и тактических решений осуществляются меры по усилению или ослаблению тех или иных

---

²⁸¹ К такому пониманию склоняются и некоторые российские криминологи. По мнению А.Э. Жалинского, предмет изучения генезиса преступности «следует расширить, заменив или дополнив проблематику причинности проблематикой влияния внешних факторов на функционирование преступности и процессов воздействия на нее....» (Жалинский А.Э. Обновление криминологии // Российский криминологический взгляд, 2011. – №2. – С. 173).

факторов...»²⁸². Сказанное полностью относится и к манипулированию факторами преступности в сфере уголовной политики.

И в российской, и в японской криминологической литературе исходным методологическим положением является признание преступности социальным явлением, представляющим собой совокупность преступлений – общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом, совершенных в той или иной стране в течение того или иного периода. Это определение универсальное²⁸³. Однако в японской криминологии, как и в настоящей работе, на передний план выдвигаются именно социальные факторы преступности, и потому в основу их исследования положены социологические методы.

Факторами, как и причинами, порождающими преступность, принято считать то, что само по себе получает негативную оценку; этот верный в принципе, тезис требует, разумеется, более развернутой интерпретации. В современной российской криминологической литературе практически не оспаривается положение о том, что причины преступности – это комплекс наиболее острых и глубоких деформаций экономического, социального, политического и духовного развития общества, который вызывает отчуждение определенной части населения от ценностно-нормативной системы государства и провоцирует нарушения уголовного закона²⁸⁴. Чаще, правда, говорится не о деформациях, а о соответствующих противоречиях. При этом все чаще подчеркивается, что социальные противоречия, являющиеся основной причиной преступности, присущи любому обществу, что стабильность любого общества определяется достижением баланса интересов, который обеспечивает сплоченность всех социальных групп.

---

²⁸² Еремин В.Н. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь – Япония. – М., 1998. – Вып. 21.

²⁸³ Определяет преступность как социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета. (Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М., Российская криминологическая ассоциация, 2003. – С. 7).

²⁸⁴ Номоконов В.А. Особенности эволюции причин преступности в постсоветской России // Союз криминалистов и криминологов, 2013. – №1. – С. 66.

Эта позиция в целом воспринята и в японской криминологии, где признается, что действие порождающих преступность факторов, отражает наличие негативных явлений в общественном бытии и сознании и вызывает потребность в интенсификации антикриминогенных социальных мер.

Объективная характеристика криминальной ситуации в Японии на рубеже XX–XI вв. возможна при выявлении основной тенденции историко-культурных, политических, экономических, а также социально-психологических факторов формирования криминологического феномена²⁸⁵.

Так, опираясь на общеизвестные факты о низком уровне преступности, особенно насильственной; количественные и качественные показатели, характеризующие преступность в других странах²⁸⁶, зарубежные и российские исследователи стремятся выявить причины феноменального криминологического явления Японии

Современные криминологические теории, по мнению Френсиса Фукуямы, не могут в полной мере объяснить существование и рост преступности; видный философ предлагает решить эту проблему с помощью его концепции «социального капитала и общественного доверия». Оно возникает из таких источников, как религия и этические навыки, никак не связанные с современностью как таковой. По концепции Ф. Фукуямы, социальный капитал – это определенный потенциал общества, возникающий как результат доверия между его членами; он вырастает из приоритета общественных добродетелей перед индивидуальными²⁸⁷. Социальный капитал и общественное доверие, в интерпретации Фукуямы, формируются постепенно, но именно они высту-

---

²⁸⁵ Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1997; Квашис В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. США и Япония. Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь. – Владивосток, 2008.

²⁸⁶ Морозов Н.А. и др. Сравнительный анализ преступности в России и зарубежных странах // Российский криминологический взгляд, 2013. – №3; Квашис В.Е., Морозов Н.А. и др. Российская преступность в зеркале международной статистики // Научный портал МВД России, 2013. – №3.

²⁸⁷ Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. – М., 2004. – С. 52–54 (пер. с яп. яз.).

пают основой процветания и стабильности общества²⁸⁸. В описании этой концепции нет намека на японские истоки, но даже в таких географически абстрактных рассуждениях просматриваются контуры социального устройства, наиболее присущие именно этой стране.

Имен поэтому специфика криминологического феномена Японии состоит в том, что в его формировании определяющую роль играла редкая, если не сказать уникальная по своеобразию, совокупность именно позитивных факторов, противодействующих, а не способствующих, как во многих других странах, развитию криминальных процессов. Не игнорируя значимость негативных факторов, следует признать, что в Японии не они, а именно позитивные факторы явились определяющими специфические тенденции, характер и структуру преступности, именно они главным образом определяли смысл, направленность и адекватность государственной (в т.ч. криминологической и уголовно-правовой) политики и правоприменительной практики.

§1. Историко-культурные и социально-психологические факторы противодействия преступности

Основные позитивные факторы формирования и развития современной криминологической ситуации в Японии лежат, прежде всего, в плоскости своеобразия историко-политических и экономических процессов развития страны, специфических основ формирования культуры и психологии японского общества, особенностей менталитета, морали и массового правосознания, которые неразрывно связаны с многовековыми традициями, ценностями и обычаями страны. Национальные особенности поведения, межличностных отношений, жизненного уклада создают «нетипичную» картину, по мнению зарубежных исследователей, и в сфере развития преступной деятельности.

---

²⁸⁸ Пудовочкин Ю.Е. Криминологические проблемы в социально-политической и философской литературе. – М., 2011. – С. 74–76. Что же касается расходов на содержание судебной системы, тюрем и т.п., то они являются «чем-то вроде прямой пошлины, налагаемой дефицитом общественного доверия» (Фукуяма Ф. Там же. – С. 28).

Преобладание средневековых нравов до середины XIX в.: «харакири по собственному желанию» в случае нарушения общественного порядка самураями в феодальной Японии²⁸⁹; отрубание головы, сажание на бамбуковый кол – наказания для людей более низких иерархических ступеней; распятие на крестах – расправа, применяемая против носителей чуждой идеологии; внутренняя социальная принадлежность каждого японца к определенной группе, соблюдение соответствующему типу поведения (с чем связано большое количество суицидов)²⁹⁰; следование национальной этике²⁹¹ – кодексу самурайской чести даже в криминальных сообществах – являлось мощнейшим фактором, сдерживающим преступность в Стране Восходящего Солнца.

В Японии издавна была выстроена жесткая вертикаль взаимоотношений, основанная на преданности и безоговорочном послушании императору, начальнику, старшим. «Для японского общества, – отмечает известный писатель Юкия Мисима, – очень характерна возрастная субординация, поэтому в этой стране человек не может обращаться на равных с людьми разных возрастов»²⁹².

Анализируя особенности криминальной ситуации в Японии и системы противодействия преступности, большинство зарубежных и российских исследователей (О.А. Белявская, В.Н. Еремин, С.М. Иншаков, В.Е. Квашиш, В.В. Лунеев), в том числе и **автор настоящей работы**, отмечали, что в отличие от ситуации в большинстве других стран, основными компонентами причинного комплекса преступности в Японии являлись не столько экономические факторы, сколько взаимодействие исторических, политических, культурных

---

²⁸⁹ Юкия Мисима. *Несущие кони*. – М., ЭКСМО, 2010. (пер. с яп.яз.)

²⁹⁰ Finch, A. J. Homicide in Contemporary Japan. //British Journal of Criminology, 2001, Vol. 41. – P. 219–23.

²⁹¹ Синкретический характер распространенных в Японии верований и этических правил показан в известных трактатах, посвященных «пути воина, жизни и смерти самурая» («Хагакурэ» и «Будососенсю»). Каждый самурай, как указано в «Хагакурэ», обязан строго следовать четырем заповедям: «Не позволяй другим превзойти себя на Пути Самурая. Всегда будь полезен хозяину. Помни сыновний долг перед родителями. Проявляй сострадание и помощь людям» (Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ // Книга самурая. – СПб., 2001. – С. 220).

²⁹² Юкия М. Хагакурэ Нюмон // Книга самурая. – СПб., 2001. – С. 285. (пер. с яп. яз.).

и социально-психологических факторов. При этом имеются в виду не только и не столько особенности тех или иных психологических свойств и черт национального характера, сколько особенности японской национальной культуры в целом, включающие специфику менталитета²⁹³, высокоразвитое сознание групповой (общинной) солидарности (в семье, локальной группе), высокий уровень культуры, образования, трудолюбие, традиционную конформистскую, но, несомненно, антикриминальную ориентацию стереотипов поведения (другими словами, правопослушность), а также редкую способность японского общества быстро приспосабливаться к новой ситуации и новым условиям²⁹⁴.

Отличие Японии от многих других стран очевидно – это отличие порядка от хаоса. Относительно низкий уровень преступности – результат синергии множества объективных факторов, в том числе факторов исторического и политического развития страны. Вопрос о власти в Японии не табуирован, а выведен на поле общественной дискуссии (отсюда признание лидерами страны своих ошибок, их уход в отставку, смена лидеров и т.п.). Здесь нет имитации политических процессов и решения проблем, искусственного формирования и фальсификации общественного мнения. Политическая система функционально не разбалансирована и политическая ситуация в целом отличается внутренней устойчивостью; поэтому смена Кабинета министров не ведет к потере управления и управляемости страны. Массовое сознание не

---

²⁹³ В философской литературе справедливо подчеркивается, что поведение и деятельность индивидов и социальных групп определяется не только (добавим – и не столько) экономическими и политическими, но и духовными факторами.

Такие философские категории, как сознание, мировосприятие и т.п. необходимы, но недостаточны для объяснения влияния духовных детерминант на социальные процессы. Т.к. не учитывают уникальность духовного мира и личностные качества индивидуального и коллективного субъекта. Поэтому использование категории менталитета дает заметный прирост социального знания (Губанов Н.Н. Менталитет: сущность, закономерности формирования, развития и функционирования в **обществе... Автореф.** дисс. докт. филос. наук. – М., 2014; Марков Б. В. Теория цивилизованного подхода // Философские науки, 2013. – №2).

²⁹⁴ Морозов Н.А. и др. Преступность и правовая культура России и Японии // В Сб. Преступность и культура общества. – М., Криминологическая Ассоциация, 1998. – С. 37–38.

изнасиловано и не раздражено властью, как это имеет место, например, в большинстве европейских стран²⁹⁵. И потому стратегия государства имеет определенную «подушку безопасности»; она способствует развитию суверенитета, демократии, государственности и преемственности политического курса.

Суммируя позиции, выделенные названными исследователями, к числу позитивных факторов, противодействующих преступности, следует отнести: многовековую закрытость страны от внешнего влияния; мононациональность и монорелигиозность, а отсюда ярко выраженную гомогенную культуру и наличие единого языка²⁹⁶; незыблемый авторитет традиционных общинных и моральных ценностей; традиционную общинность, авторитет и влияние института семьи; особенности этики и всего стиля поведения японцев; традиционную правопослушность, готовность строго придерживаться установленных законами и обычаями правил поведения; сравнительно низкий уровень имущественного и социального расслоения в обществе, во многом сохранившуюся систему пожизненного найма, относительно высокий уровень доходов (особенно в годы экономического роста) и относительно низкий уровень безработицы и инфляции; жесткий контроль за оборотом наркотиков и огнестрельного оружия; эффективность деятельности системы уголовной юстиции в целом.

Приведенный перечень позитивных факторов, противодействующих развитию преступности, не претендует на стройную систему, строгую классификацию и, конечно же, не является исчерпывающим²⁹⁷. Возможно, пред-

---

²⁹⁵ Говоря о деформации политической сферы в России, В. А. Номоконов отмечает, что значительный криминогенный потенциал заложен в бюрократизации, закрытости и бесконтрольности властных структур, в свертывании демократических институтов, в отсутствии или пассивности элементов гражданского общества. Все это влечет рост взаимного недоверия, отчуждение государства и его граждан друг от друга и, в итоге, не может не влиять на рост преступности (Номоконов В.А. Указ. работа. – С. 67).

²⁹⁶ Кан Уэда. Преступность и криминология в современной Японии. – М., 1989; Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1999.

²⁹⁷ Номоконов В.А., например, в качестве причин низкой преступности в Японии называет в одном ряду экономическое благополучие и низкий уровень безработицы, стабильность института семьи, социально-культурной и социально-психологической спло-

лагал японский криминолог Кан Уэда, более «жесткую» классификацию таких позитивных факторов: естественные; социально-культурные; экономические; эффективности системы законодательства и деятельности правоохранительных органов²⁹⁸.

Такая классификация вполне правомерна. Но, во-первых, всякая классификация в известной мере является ограниченной и условной, а, во-вторых, представляется, что приведенный нами перечень позитивных факторов, сдерживающих преступность, является все же более развернутым и по содержанию более широким. Так или иначе, главное в том, что именно эти факторы в отмеченном плане являются системообразующими, что они неразрывно связаны и их взаимодействие определяет общий приоритет по отношению к экономическим условиям развития страны и особенностям «характера японцев», зачастую выделяемых зарубежными исследователями в качестве наиболее значимых²⁹⁹.

Рассмотрим теперь перечисленные выше факторы подробнее.

1. Абсолютная изоляция страны от влияния внешнего мира. Политика, ограничивающая приток иностранцев и их негативного влияния, существенно снижала возможные конфликты различных культур и одновременно усиливала возможности социального контроля над преступностью, способствуя тем самым ее сдерживанию³⁰⁰.

Сказанное во многом объясняет и относительно низкий (по сравнению с другими странами) удельный вес преступности иностранцев в ее общей структуре. В самом деле, за последние 25 лет из ежегодно регистрируемых статистикой почти 3 млн преступлений иностранцами совершалось в среднем лишь 35 тыс. преступлений (1,2%), причем значительную часть из них со-

---

ченности общества, четкую отлаженность сферы труда, трудолюбие, чувство солидарности и взаимной заинтересованности (Номоконов В.А. Указ. работа. – С. 66).

²⁹⁸ Кан Уэда. Указ. работа. – С. 95–100.

²⁹⁹ Lamont-Brown, R. Police of Japan//Police Journal, 1995. – №2. – Р. 133–134.

³⁰⁰ Hamaguchi E. A contextual model of the Japanese: Toward a methodological innovation in Japanese studies // Journal of Japanese studies, 1985. – № 8. – Р. 265–278; Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 2003. – С. 366–368.

ставляют нарушения правил управления автотранспортом. Другое дело, что последние 15 лет динамика преступности иностранцев носит спорадический характер. В 1996 г. зарегистрировано 31 750 преступлений, совершенных иностранцами; к 2006 г. этот показатель вырос до 43 622, а к 2012 г. он резко снизился до 20 401 преступлений. Доля преступлений, совершенных иностранцами, без учета автотранспортных, составляет около 1,5%. В основном, эти преступления совершаются приезжими из соседних азиатских стран (главным образом – китайцами, корейцами и филиппинцами)³⁰¹.

2. Приоритет традиционных общинных и моральных ценностей. Современное японское общество – это общество, высокоразвитое в социально-экономическом, техническом, культурном и других отношениях, и в то же время общество, во многих отношениях традиционное. С этой точки зрения конец XX и начало XXI вв. можно рассматривать как рубеж или определенный водораздел в оценке многих устоявшихся – и в самой Японии, и за ее пределами представлений о японском обществе и японцах. Речь идет о том, что события последних трех десятилетий привнесли в жизнь страны разнообразные и весьма заметные перемены, в связи с чем многие, казалось бы, незыблемые ценности подвергаются пересмотру.

Прошло почти полвека с тех пор, как стремительно развивавшаяся Япония, по сути дела, бросила вызов теоретическим постулатам западного обществоведения. Объективно представляя собой общество «позднего капитализма», Япония, как отмечают культурологи, функционирует по иным социальным и культурным принципам, чем другие развитые индустриальные страны. Причем, эти различия столь значительны, что некоторыми исследователями современное японское общество мыслится антиподом капитализма или вообще постмодернистским обществом.

---

³⁰¹ Синь Янь, Яблоков Н.П. Борьба с мафией в Китае. – М., 2003; Овчинский В.С. Мафия XXI в.: сделано в Китае. – М., 2006. – С. 176; Бинсун Хэ. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. – Владивосток, 2005. – С. 164–167.

Японское общество и ныне можно назвать партикуляристским, т.е. обществом, акцентирующим человеческие отношения на основе обычного права и половозрастной иерархии, где поддерживаются согласие и гармония. Многие исследователи отмечают, что секрет экономического успеха и политико-правовой стабильности в Японии в том, что ценностные ориентации нации развивались в сторону гармоничного сочетания традиционного восточного партикуляризма (социально-групповая ориентация, коллективизм, «семейные» методы управления компанией) и западного универсализма (рационализма), хотя и никак не подменялись последним. Баланс между ними был мощным импульсом наиболее гармоничного развития японской общественной системы, сочетающей высокие темпы прогресса западной культуры (особенно технологической) и сохранение традиционных ценностных ориентаций, не вызывающих всплеска противоправных проявлений как реакции на изменение социально-экономической ситуации, что связано с заимствованием из западной цивилизации универсализма, не противоречащего традиционной теории развития человеческих взаимоотношений³⁰².

Речь идет о том, что у японцев на редкость удачно сочетаются самоидентификация на генном уровне в ее подчеркнутых внешних проявлениях с заимствованными западными стандартами (особенно в технологии и управлении), гармоничны и элементы патриархального уклада и инновационных методов развития общества. Для японцев главное, чтобы всякое заимствование было адаптировано к местным условиям и традициям. Многие действующие в стране социальные институты, системы и практики были, как известно, заимствованы из зарубежного опыта. Армия, например, смоделирована по образцу французской, а затем немецкой; флот организован по британскому образцу; система образования вобрала в себя многое из французского, немецкого и американского опыта; банковская система в основном строилась на манер американской и т.д. Однако все эти и иные заимствован-

---

³⁰² Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., 2003. – С. 97.

ные структурные идеи формировались вокруг «японского духа», который бережно сохранялся.

В Японии издавна считали, что нормы морали и этики должны определяться коллективно (в группе), а не через правовые кодексы или универсальные принципы. Это убеждение до сих пор лежит в основе японского мышления и коллективистской практики.

О многих специфических принципах и факторах развития страны уже говорилось в контексте предыдущих разделов этой работы. К сказанному добавим, что география и компактность проживания, особое восприятие японцами окружающего мира в целом (особенно восприятия природы), жесткая иерархия социальной структуры общества, прочность института семьи³⁰³ и синкретизм религиозной жизни были основными факторами, оказавшими значительное влияние и на особенности морального сознания японцев, и на специфику функционирования морали в японском обществе. На прочности института семьи как мощного фактора, сдерживающего преступность, сказывался и весьма низкий уровень разводов (особенно в 1980-х – начале 1990-х гг.).

Каждый из этих факторов наполнен своим специфическим содержанием, в каждом из них истоки морального сознания, самобытной культуры, этики поведения и всего уклада жизни. В самом деле, все, что связано, например, с географией страны – фактор, издавна влиявший на формирование многих сторон жизни японского общества. Речь идет о специфике издавна закрытого от внешнего влияния островного, притом весьма компактного государства, с огромным дефицитом земли (70% его территории занимают горы); отсюда и предельно высокая плотность населения³⁰⁴. С компактностью территории и дефицитом земли, пригодной для ведения сельского хозяйства, связан издав-

---

³⁰³ Об особой значимости института семьи в японском обществе и его трансформации уже говорилось достаточно много. К сказанному можно добавить замечание У. Черчилля: «Безопасность государства зависит от семьи. но семья сама не может существовать, если не будет в безопасности» (Хьюс Д. Правила Черчилля. Идеи, наблюдения, афоризмы. – М., 2013. – С. 25).

³⁰⁴ Для сравнения – средняя плотность населения в Центральной части России (где она самая высокая) к 2013 г. составляла 46 человек на квадратный километр; в Китае – 149, а в Японии – 336 человек (в 8 раз выше, чем в России).

на высокий уровень «социальной компрессии» – люди жили предельно тесно; именно это обстоятельство выталкивало людей в разные формы коллективного сосуществования и формировало психологию единомыслия, единых коллективных ценностей.

Одна из важнейших составляющих этой специфики в том, что у японцев представлениям об автономности индивида (о значимости собственного «я») противостоит понимание сущности человека не иначе как «продукта социальной среды, обязанного своим существованием традициям, как естественной части группы, вне которой его собственная значимость несущественна»³⁰⁵. Именно из группового характера японского общества, из его «группизма» вытекают существенные отличия морали, правосознания и правовой культуры, где требования к морали имеют приоритет перед формальными правовыми нормами. В целом японцы – это образец самодисциплины и само совершенствования. Может быть, в силу этих особенностей в Японии, как, вероятно, нигде, мораль ближе не к праву, а к эстетике повседневной жизни, которая развивалась под влиянием типичного для страны переплетения буддизма и синдоизма.

Японское общество всегда жило по законам коллектива, где каждый понимает, что он не один; люди считают своим долгом помогать друг другу; малолетние дети ездят в поездах без родителей и т.п. Эти и многие другие факты повседневной жизни опираются на концепцию «инсайдер против аутсайдера», в основе которой – идея группы, в которой ее благополучие важнее благополучия отдельного лица. Так повелось издавна, когда еще страна жила, в основном, в деревнях и каждый заботился о об общем благе. Преступника-аутсайдера изгоняли из деревни и он лишался всего (отсюда преобладающее желание оставаться в группе). Это – весьма важный и сильный компонент японской культуры, устойчивая, исторически сложившаяся психологическая установка, в которой фокусируется ориентация людей на группу, а не на

---

³⁰⁵ Clammer J. Knowledge and society: The role of self, belief and social order in Japanese social thought//Transactions of the International conference of Orientalists. – Tokyo, 1991. – №36. – P. 59, 62.

высшие универсальные ценности. Отсюда и возник феномен японской культуры, ставший «культурой стыда» (принципиально отличный от европейской «культуры вины»), гасивший желание совершить неблаговидный поступок и тем самым опозориться перед своей группой. Именно поэтому уникальная, но традиционная для японцев честность и ныне, как отмечалось, не вытеснена из национального сознания.

Не случайно в основе японской модели развития экономики лежит общинный тип компании, резко отличающийся от акционерного типа компаний в других, особенно в западных странах. Особенности «группизма», как отмечалось, прослеживаются в функционировании практически всех ключевых социальных институтов – семьи, фирмы и государства, причем «семейные» черты последовательно повторяются и в государственном механизме, и в механизме функционирования компаний и фирм, облегчая идентификацию индивида со средой и своей локальной группой³⁰⁶. С ослаблением сознания своей принадлежности к локальному окружению – стереотипы традиционного поведения постепенно слабеют.

В Японии основой управления является стремление каждого работника к преуспеваю компании и уверенность, что такое желание разделяется всеми другими. Специфика японских компаний как основного структурного элемента экономики порождена особой внутренней культурой, которую формируют ориентация на группу, неограниченное доверие к руководству и беспрекословное подчинение старшим, приоритет социальных потребностей, стимулирование работников через форму социальных отношений (место работника в группе, внимание и уважение окружающих и т. п.). При этом в иерархии ценностей нации труд занимает первое место. Поэтому высокий ритм и напряженность труда в сочетании с жесткой дисциплиной – давняя традиция, которой следуют неукоснительно. Японцы, как известно, редкие «трудо-

---

³⁰⁶ Рамзес В. Япония: сумерки группизма и трудовая мотивация // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1989. – №8. – С. 46.

голики» (здесь, пожалуй, самый короткий отпуск – всего 9 дней в году, да и отправить сотрудника в отпуск для работодателя зачастую проблематично).

Японская модель управления ориентирована на «социального человека», который имеет специфическую систему стимулов и мотивов. К стимулам можно отнести оплату и условия труда, стиль руководства, межличностные отношения в коллективе и т.д. Мотивацию обеспечивают успехи в работе и их признание, продвижение по службе, творческий подход к работе и в управлении. В принципе, та же концепция «социального человека» уже давно воспринята в западных странах, но в Японии, где каждый работник душой сливается с компанией и ощущает себя ее частью, восприятие этой идеи более глубокое, «душевное», эмоционально более выраженное. Психология группы, ставящая интересы выше интересов личностных, формирует корпоративный дух предприятия, где каждый понимает, что он работает на группу, а не только на себя. Именно поэтому для японцев так важно его положение в группе, чуткое реагирование на любые изменения его места и очерченных ролевых границ. Все это еще раз подчеркивает ориентацию японской управленческой модели, всего стиля управления, влияющего на человека, живущего интересами группы и общества.

Строгая вертикальная иерархия, регламентирующая социальную жизнь японцев, носит, главным образом, не классовый, а статусный характер. Досконально разработанную иерархию японцы привыкли отождествлять с безопасностью и стабильностью. Она дает им чувство защищенности, предохраняет от разобщенности, способствует целостности общества. Осознание таких традиционных ценностей, как общность интересов в создании могущественного государства, целей и стремлений к социальной справедливости – способствует слаженному функционированию системы управления жизнью страны. Не случайно этот принцип стал фундаментом японской модели преодоления кризисов во всех их формах и проявлениях³⁰⁷. Поэтому, несмотря

---

³⁰⁷ Квашис В.Е., Морозов Н.А. Особенности причинного комплекса преступности в Японии (методологический аспект) // Общество и право, 2015. – №2.

на циклический характер кризисов, на чередование подъемов и спадов в экономической и финансовой сферах, инфляция в стране остается вполне контролируемой, а уровень безработицы значительно ниже, чем в других развитых странах.

Если для европейского общества характерна христианская система ценностей, то в Японии подобного рода идеологическая основа общественной жизни отсутствует, поэтому в 1980–1990-х гг. распространение в стране получили такие течения, как английский утилитаризм, французский индивидуализм, американский прагматизм, а также течения, основанные, с одной стороны, на абсолютизации роли экономики, с другой, – на абсолютизации роли индивидуума в жизни общества.

На анализе социально-психологических последствий экономических спадов и выборе направлений необходимых социально-экономических преобразований концентрируются усилия многочисленных социологических служб. Так было и после резкого спада в начале 1990-х гг., наступившего в результате политики «мыльных пузырей»³⁰⁸. Такой же тщательный социологический анализ социально-психологической ситуации в стране проводился и в канун нового столетия. В начале 2000 г. Центр социологических исследований «Номура» провел масштабный опрос представителей разных возрастов и слоев общества с целью определения идей и звеньев, объединяющих нацию, а также нравственных и интеллектуальных ценностей на пороге нового тысячелетия. Напомним, что исследуемый период вмещал в себя не только реалии затянувшегося экономического кризиса, но и последствия землетрясения в Кобе, и другие негативные события середины 1990-х гг.

Исследование показало, что, несмотря на серьезные потрясения, большинство респондентов подчеркнуло не столько важность собственного благополучия, сколько благополучия всего общества и комфортность жизни в

---

³⁰⁸ Речь идет об экономическом кризисе 1990-х гг., когда приток капитала в страну и необузданная кредитная экспансия породили спекулятивный «мыльный пузырь» на рынках ценных бумаг и недвижимости. В 1989 г. этот «пузырь» лопнул, повергнув Японию в затяжную депрессию, сопровождающуюся банкротствами компаний и разорением банков, невозвратными долгами и массовыми увольнениями.

сообществе с другими. Именно эти ценности назывались в качестве главного условия, объединяющего нацию и необходимого для благополучия каждого. Таким образом, что несмотря на заметные изменения в жизни японцев, моральные и этические ценности остаются прежними.

Эти результаты надо признать особенно важными в свете того, что с середины 1990-х гг. страну охватили широкомасштабные и разноплановые кампании, целью которых было стимулирование у населения (особенно в среде молодежи) новых жизненных позиций и установок, связанных с «интернализацией» (кокусайка). Смысл этих кампаний состоял в изучении истории и культуры, политики и экономических проблем других стран, чтобы успешнее интегрироваться в мировое сообщество. Другой стороной был возросший интерес японцев к тому, как воспринимают страну за рубежом, оценивают ее вклад в мировую историю и культуру. Отсюда, кстати, и очередной всплеск интереса японцев к своим ценностям, традициям и национальному своеобразию. Этот интерес и ныне остается одним из факторов, определяющих самосознание японцев.

В конце 1990-х гг. на смену «интернационализации» пришел курс на «индивидуализацию» (*кодзинка*), в основе которого лежало стремление научиться выражать «свою неповторимую индивидуальность», раскрыть себя как личность. Естественный для Европы вопрос о неповторимости индивидуальных качеств личности, стал проблемой, которую японские социологи и культурологи выделяют в качестве особой. Дело в том, что традиционное, основанное на буддистском мировоззрении ощущение себя составной частью мироздания, издавна сложившаяся установка «не выделяться», не вычленять себя из окружающей среды способствовали тому, что для японца характерным было такое отношение к себе, как «я – ничто», «я – лишь винтик большого механизма». Однако это не было выражением ложной скромности или самоуничижения, оно означало лишь отношение к себе как к равному среди равных. При этом принцип «не выделяться» имел не только мировоззренческий характер, он был именно своеобразной установкой, в соответствии с ко-

торой вырабатывались определенные правила поведения в разных сферах жизни. «В бытовом плане, – отмечает видный японский культуролог Наканиси Сусуму, – это означало уравнивать себя с окружающим миром, стремиться жить по принципу «как все» (сэму)³⁰⁹. Отсюда даже у богатых людей подчеркнутая скромность всего быта, обстановки в доме, в одежде и т.п. (выставлять свою состоятельность напоказ, «выделяться» среди окружающих в Японии считают неприличным).

Кампания, направленная на индивидуализацию, привела к тому, что японцы стали больше уделять внимания выражению собственного «я», что ныне особенно заметно в молодежной среде. И все же настойчивость, с которой проблема собственной индивидуальности ныне широко обсуждается в средствах массовой информации, скорее, свидетельствует о том, что в целом для нации это вопрос во многом новый, а никак не гармонично вызревшая потребность большинства членов общества. Более того, параллельно все шире распространяется мнение о том, что движение за индивидуализацию уже нанесло удар по сложившейся в обществе системе взаимоотношений, резко ослабило семейные узы, привело к нарочитым формам выражению этой идеи и внесло заметную дисгармонию в человеческие отношения³¹⁰, это в конечном итоге, японцам свойственен особый тип самосознания и своих связей с миром, в основе которых лежит не индивидуализм, а коллективизм.

Что же касается стремления выразить свою индивидуальность, особенно присущего молодежи и части творческой интеллигенции, то оно в основном продиктовано идеями, вошедшими в моду, и как уже отмечалось, не имеет сколь-либо прочной основы, отличается от того понимания человеческой индивидуальности, которое существует на Западе. Несмотря на некоторые мод-

---

³⁰⁹ Сусуму Наканиси. Культура Японии как культура островного народа // Материалы лекций. – Токио–Киев–Санкт-Петербург, 1993. – С. 13.

³¹⁰ Видный исследователь японской культуры Тэцуо Ямаори отмечает, что последние полвека в Японии без конца говорят о «человеческих отношениях» между людьми, между детьми и родителями, между учителями и учениками и т.д., но от этого отношения не делаются прочнее. В этом и заключается одна из причин существования ряда проблем, с которыми ныне Япония сталкивается в сфере воспитания и образования (Ямаори Т. *Нихон но кокоро, нихондзин – Душа Японии, душа японцев.* – Токио, 2004. – на яп. яз.).

ные изменения в образе жизни, нравов, отношений в семье и другие лежащие на поверхности перемены, в духовной жизни по-прежнему главенствуют неподвластные времени ценности, которые японцы хранят в глубине души, тем более, что духовно-эстетические запросы вообще менее всего подвержены изменениям. И именно о духовной сфере можно говорить как об определенной константе в менталитете японцев. Профессор Каваи Хаяо отмечает, что попытки «переделать себя по западному образцу» не дают положительных результатов³¹¹.

Наконец, среди названных выше факторов, во многом сдерживающих преступность, следует упомянуть и общий высокий уровень образования в стране, где молодежь, продолжающая образование в старшей ступени средней школы, составляет 95%, и больше 55% молодежи обучается в высших учебных заведениях.

3. Значительный вклад в сдерживание преступности вносят, как уже отмечалось, и специфические черты национальной психологии (логика и типология взаимоотношений японцев), которую характеризуют подчеркнутое чувство стыда, чести и достоинства, забота о собственной репутации, требования самоотречения и самовоспитания, ценностные ориентации, вызывающие не дух соперничества, а сочувствие к человеку и гармонию в обществе. Именно отсюда берут начало и устойчивая психологическая установка японцев и уникальный феномен японской культуры, ставшей «культурой стыда».

В свете изложенных выше соображений спорной, на наш взгляд, является позиция О.Н. Ведерниковой, которая относит Японию к «азиатско-тихоокеанскому типу криминологических систем». Этот тип отражает, по ее мнению, религиозные и философские традиции Востока, «азиатский менталитет», придающий в регуляции поведения решающее значение не праву, а традиционным нормам и обычаям, соседско-семейному коллективизму, уважению к старшим, чувству долга и чести. «Нравственные правила, личная

---

³¹¹ Хаяо Каваи. Корэ кара-но нихон (Будущая Япония). – Токио, 2000. – С. 55. (на яп. яз.).

этика, стремление избежать конфликтов, – отмечает О.Н. Ведерникова, – сильнейшие регуляторы поведения восточного человека»³¹². Наиболее отчетливо этот тип криминологической системы, по ее мнению, проявляется в Японии. Однако даже такая оговорка не снимает излишне широкой и обобщенной трактовки таких категорий, как «восточный человек» или «азиатский менталитет». В том-то и дело, что эти категории далеко не полностью отражают особенности японской ментальности, стиля поведения и всего уклада жизни в этой стране.

В самом деле, в Азии немало стран, исповедующих буддизм. К их числу относится и Япония, но вся жизненная практика этой страны серьезно противоречит учению Будды. В заимствованную ими древнекитайскую мораль японцы внесли целый ряд существенных изменений. Поэтому при всей живучести конфуцианского наследия в сознании японцев их поведение существенно отличается от культуры поведения, например, китайцев – также людей «восточных» и также носителей «азиатского менталитета».

Южнокорейский исследователь Баюнг Сан Чо в связи с этим отмечает, что, действительно, Китай, Япония и Южная Корея – это архаичные авторитарные общественные системы, опирающиеся на конфуцианство, которое подчеркивает значимость социального порядка, а буддизм характеризуется, прежде всего, уважением к человеческой жизни³¹³, поэтому другие азиатские страны, исповедующие буддизм отличаются от Японии и по своему отрицательному отношению к смертной казни³¹⁴.

В.В. Овчинников, автор ставшей бестселлером «Ветки сакуры» писал о японцах: «Преданность семье, клану, государству должна быть беспредель-

---

³¹² Ведерникова О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право, 2002. – № 10. – С. 36.

³¹³ Byung–Sun Cho. The death penalty in South Korea and Japan: "Asian values" and the debate about capital punishment // Capital Punishment Strategies for Abolition. Cambridge, 2004. – P. 270–271.

³¹⁴ Ахметшин Х.М. и др. Современное уголовное законодательство КНР. – М., 2000; Мезяев А.Б. Смертная казнь в современном мире. Смертная казнь в государствах Азии и Америки // Право и политика, 2002. – № 1. – С. 75–82; Квашис В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. США и Япония. Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь. – Владивосток: ДВГУ, 2008. – С. 136–137.

ной и безоговорочной... Устои патриархальной семьи – это устои японского образа жизни... Человек в Японии постоянно чувствует себя частью какой-то группы – то ли семьи, то ли общины, то ли фирмы. Он приучен подчиняться мнению этой группы и вести себя соответственно своему положению в ней... Есть две скрытые пружины, которые исподволь движут сложным механизмом поведения японцев. Одна из них – долг признательности. Но есть и вторая – долг чести... На протяжении всей японской истории люди рубили чужие головы и вспарывали собственные животы во имя «гири» или долга чести. И хотя самураи с их обычаем совершать харакири сохранились сейчас лишь в кинофильмах, понятие «гири» по-прежнему незримо присутствует в поступках современных японцев. Если такая первейшая для японцев добродетель, как долг признательности, уходит корнями в древнекитайскую мораль, то долг чести – это сугубо японское понятие, которое не имеет ничего общего ни с учением Конфуция, ни с учением Будды... Гирри – это долг чести, основанный не на абстрактных понятиях добра и зла, а на строгом предписанном регламенте человеческих взаимоотношений, требующем подобающих поступков в подобающих обстоятельствах»³¹⁵.

Таким образом, не только поведение, но и сам образ мысли японцев существенно отличается от образа мысли китайцев, поскольку он сохранил свою ярко выраженную оригинальность, связанную с национальным характером японцев. Не случайно сама О.Н. Ведерникова относит Китай к другому типу (социалистическому) криминологических систем, что, впрочем, не снимает вопроса о весьма условном и спорном характере такой типологии криминологических систем.

Если же сравнивать менталитет и психологию японцев, например, с европейцами или, скажем, с американцами, то надо будет признать, что это «не просто другая культура, это – разные цивилизации»³¹⁶. И потому составить единый понятийный ряд этих двух цивилизаций невозможно. Это отступле-

---

³¹⁵ Овчинников В. Ветка сакуры. – М., 1971. – С. 66–73.

³¹⁶ Dussich, John, Friday, Paul.C., Okada, Takauki, Yamagami, Akira, Knudten, R. *Different Responses to Violence in Japan and America*. – New York, 2001. – P. 19–35.

ние сделано для того, чтобы еще раз подчеркнуть уникальность многих сторон образа жизни и культуры японцев, которые веками формировали свои особые правила поведения, во многом отличные даже от соседних «азиатских» стран. Именно отсюда идут особые тенденции формирования и развития правоупослушного поведения, суть которых на протяжении многих десятилетий, так или иначе, сводится к стабильно низкому уровню преступности, контрастирующему с криминологической ситуацией в большинстве других развитых стран. Другое дело, что эти факторы, наряду с высоким уровнем социально-экономического развития и демократическими условиями общественной жизни, «работают» главным образом, на макроуровне³¹⁷.

4. Многие исследователи – и в Японии, и за рубежом – едины в том, что Япония – сама по себе система, в основе которой всегда лежало и лежит стремление нации к сплоченности. Здесь как в большой корпорации, где люди заботятся друг о друге и идентифицируют себя каждый с каждым, где поведение одного влияет на поведение всех.

Духовный портрет Японии, как и любого общества, формируют нравственные и интеллектуальные ценности, которые определяют запросы и идеалы его сограждан, а также особенности культуры межличностных отношений в обществе. Другое дело что, как и любое иное, японское общество состоит из разных социальных слоев, в которых люди отличаются по уровню культуры и нравственности; кроме того, существенную роль играют различия, характерные, как было показано выше, для разных возрастных групп. При этом определенные константы менталитета японцев, как уже отмечалось, по-разному проявляются в различные исторические периоды в зависимости от условий экономического и социального плана, а также в зависимости от тенденций, формирующихся при взаимном влиянии культуры Востока и Запада.

---

³¹⁷ Белявская О.А. О специфическом аспекте японских психологических теорий объяснения преступности и преступного поведения. // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. –М., 1985. – №86.

Японцы, в целом, ироничные пессимисты, их здоровый прагматизм сочетается с повышенной эмоциональностью и достаточным оптимизмом; их ироничное отношение к любой монистической идее или ее трактовке основано на здоровом плюрализме, на плюрализме мировоззрения и культуры, при котором можно более полно представить и осмыслить любое явление и реальный мир. В отличие от японцев русские люди, например, больше озабочены постоянно меняющейся национальной идеей, которая зачастую важнее идеи правового государства и ценностей плюрализма. Японцы в целом тоже не слишком большие поклонники плюрализма, но право и закон им, несомненно, гораздо ближе.

Система ценностей японцев ориентирована главным образом на «здесь и сейчас», прошлое особенно не волнует, а плохое вообще быстро уходит из памяти. Японские психологи называют этот распространенный в массовом сознании феномен «национальной амнезией»³¹⁸.

Несмотря на стремление соответствовать традиции «не выделяться», японцы всячески подчеркивают свою аккуратность, трудолюбие, способность оправдать возложенное на них доверие – независимо от трудности задания (из-за опасения показаться ленивыми многие японцы отказываются брать отпуск). Для японца крайне важны чистота, аккуратность, пунктуальность, вежливость, порядок везде и во всем. Организованность и собранность японцев – не просто фетиш, а решающий фактор генетической способности к выживанию перед лицом чередующихся экономических кризисов, землетрясений и других стихийных бедствий.

Фактически каждый житель страны принадлежит к среднему классу; здесь нет того расслоения, которое было и растет в других странах. С детства японцам внушается непристойность любого излишества, и они вырастают в счастливом сознании того, что находятся где-то «посередине»; ключ к тако-

---

³¹⁸ Като Сюити. Нихон сякай бунка-но кихонтэки тэкунё //Нихон бунка-но какурэта ката. (Основные черты японского общества и культуры). – Токио, 1985. – С. 20 (на яп. яз.).

му состоянию – умеренность и скромность «тю-о», о которых уже говорилось.

В любой сфере жизнедеятельности для японца важнее всего - сохранить престиж; нанесение ущерба престижу лица или, тем более, коллективу и фирме – самое опасное и тяжелое. Раньше наиболее распространенным способом сохранения лица, нарушившего кодекс чести «бусидо», считалось ритуальное самоубийство «сэппуку»³¹⁹; ныне эту крайнюю меру заменяют ритуальные, по сути дела, исключительно формальные извинения, и после этого «вопрос» считается закрытым.

При определенном разнообразии, связанном с географией и языком (диалектом), все японцы разделяют одну и ту же психологию: они привыкли и хотят, чтобы о них заботились, и в этом всегда рассчитывают на взаимопомощь. Поэтому, отмечают психологи, жизнь японца – постоянное нахождение под прессингом общения и заботы. Именно из-за усиленной заботы окружающих японцы зачастую утрачивают способность самим заботиться о себе (пока обстоятельства не вынудят). В этом смысле в японском обществе бушует океан всевозможных обязательств, где каждый кому-то чем-то обязан, и эти обязательства всегда будут выполнены. Все это вместе взятое составляет глубинный слой психологии и менталитета японцев, хотя перечисленные здесь свойства и специфические стороны их характера и жизнедеятельности, разумеется, не являются исчерпывающими.

Исследуя в конце 1990-х гг. мотивационные аспекты преступности, наиболее значимые с криминологической точки зрения, следует сделать вывод, что одна из национальных особенностей поведенческого стереотипа среднего японца состоит в устойчивости установки правомерного (законопослушного) поведения. Сами японские криминологи выделяют три типа такого поведения: а) правомерное поведение под страхом применения наказания; б) кон-

---

³¹⁹ Сэппуку – ритуальное самоубийство самурая как альтернатива поражению и позору. Во время войны тысячи японских солдат предпочли сэппуку плену. Такие случаи, хотя и редко, встречаются и ныне, когда смерть считается более предпочтительным выбором, нежели позор и бесчестие.

формистское правомерное поведение; в) сознательное правомерное поведение. Наши исследования подтвердили, что в японском обществе доминирует именно последний из названных видов правомерного поведения и именно этот тип (сознательное) является наиболее устойчивым³²⁰.

Доминирование того или иного типа мотивации поведения во многом, как известно, определяется правовой культурой и уровнем развития общественного правосознания. Очевидно, что чем выше уровень правовой культуры, тем большую роль играет сознательный выбор правомерного поведения (и, наоборот, типичность такого выбора поведения повышает уровень правовой культуры общества). Поэтому японская правовая культура по степени развитости вполне соответствует требованиям развитой демократии. Вместе с тем, в культуре страны ярко выражено, как уже отмечалось, и национальное своеобразие. Уникальность развития правовой культуры и, в том числе уголовной юстиции, состоит в ее долговременной обособленности от влияния западной правовой культуры (до конца XIX в.)³²¹. Не случайно теоретики японского уголовного права Д. Кида и Х. Нисихара отмечали, что традиционное японское право с точки зрения рецепции является «самобытно-японским»³²².

Основой правления страной японские законодатели считали конфуцианский принцип: «Народ не должен знать законов, но лишь подчиняться им». При этом, одновременно опирались на концепции древнекитайского права, в котором страх неизвестности и неизбежности наказания страшнее самого наказания³²³. Еще тогда формировалась специфика японского общественного сознания, отдающего приоритет не личности, а коллективу, видящего в преступлении нарушение правил и норм коллектива, общности, тесно связы-

---

³²⁰ Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., 2003. – С. 110.

³²¹ Морозов Н.А. и др. Уголовная политика Японии // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики. **Межвуз. сборник научных трудов. – Красноярск, 1999. – Вып. 2. – С. 98–110.**

³²² Кида Дзюнити, Нисихара Харуко. Общая часть уголовного права (Кейхо сорон). – Токио, 1977. – С. 11–12 (на яп. яз.).

³²³ Пионтковский А.А. Уголовная политика Японии. – М., 1936. – С. 7.

вающего право и мораль, ищущего себе моральной и этической поддержки³²⁴.

Помимо сказанного, следует учитывать, что юридические нормы законодательства в Японии «органически связаны с неписаными нормами законопослушного поведения, с нормами традиционной правовой практики»³²⁵, с социальными требованиями и ограничениями («гири», «нэмаваси», «ринги», «харагэй» и др.).

5. Один из известных исследователей японской практики борьбы с преступностью, У. Ламон-Браун, даже в разгар экономического кризиса 1990-х гг. отмечал, что особенности сравнительно благоприятной ситуации с преступностью в Японии следует связывать, прежде всего, с характером японцев – в подавляющем большинстве правопослушных граждан. Причин для этого у них, по мнению исследователя, много. В первую очередь, имелись ввиду причины социального и экономического плана. Характеризуя эти причины, исследователь отмечал, что японское общество – это почти целиком общество среднего класса с весьма незначительными различиями в социальном статусе. По такому статусу в среде японской молодежи, особенно чувствительной к таким различиям, практически не видно признаков расслоения и взаимного отчуждения. При такой структуре общества, где семья является ячейкой отвечающей за поведение своих членов, нет противопоставления по принципу «они или мы», как это распространено в других странах. К тому же, для Японии характерна низкая безработица, что существенно влияет на криминальную ситуацию в стране³²⁶.

В принципе, с этими суждениями нельзя не согласиться. Это особенно относится к отмеченному выше отсутствию в Японии заметного расслоения населения по социальному и имущественному статусу, уровню доходов, ко-

---

³²⁴ Морозов Н.А. Наказание в уголовном праве Японии // Юридические механизмы защиты прав и свобод гражданина: региональные проблемы. Сб. материалов научно-практ. конференции. – Хабаровск, 1998. – С. 244–247.

³²⁵ Еремин В.Н. Политическая система современного японского общества. – М.: Наука, 1992. – С. 62.

³²⁶ Lamont-Brown R. Police of Japan // Police Journal, 1995. – №2(68). – P. 133–134.

торые в других странах, в том числе и в России, в системе причин преступности приобретают первостепенное значение³²⁷. Разница в подходах состоит в том месте в той «первоочередной» роли, которую французский исследователь отводит экономическим условиям в весьма специфической системе факторов, сдерживающих преступность в Японии. Не отрицая значимости относительно низкого уровня безработицы (он в разные годы составлял 2,1% – 3,2%) и инфляции, полагаем, что в конкретных условиях исторического развития в плане сдерживающего влияния на преступность приоритетными по отношению к экономическим условиям все же является совокупность социально-культурных факторов, редкая по своеобразию, веками формировавшаяся и эффективно работающая система традиционных общинных и моральных ценностей, сложившихся устоев общественной жизни в Японии.

Анализируя изменения в характере и динамике преступности на разных этапах развития Японии, В.Н. Еремин отмечает, что в 1960-1970-х гг., например, стихийность экономического развития приводила к тому, что в ряде районов воцарялась депрессия, влекшая за собой безработицу и бедность. «Любопытно, что в подобных местах преступления против жизни и здоровья, а затем и кражи значительно сокращались. По этому поводу есть точка зрения, опровергающая устоявшийся взгляд на связь между бедностью и преступностью...»³²⁸.

Разумеется, отрицать наличие прямой связи между экономическими условиями и преступностью, как только что отмечалось, нет оснований. В то же время было бы упрощением считать, что само по себе экономическое благополучие, как показывает, например, положение вещей в современной Швеции и некоторых других развитых странах, является панацеей от роста кри-

---

³²⁷ Номоконов В.А. Особенности эволюции причин преступности в постсоветской России // Журнал Союза криминалистов и криминологов, 2013. – №1; Ларьков А.И., Раскина Т.В. Криминологический анализ основных факторов современной российской действительности, влияющих на состояние преступности и правопослушаемости // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права, 2013. – №2.

³²⁸ Еремин В.Н. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь – Япония. – М., 1998. – Вып. 21. – С. 75–76.

минальной активности. В этом аспекте универсальность западной цивилизации в Японии не противоречит системе традиционных ценностей. В других странах такого рода амортизаторов не было. Отсюда и отмеченные выше значительные различия в параметрах и характере преступности.

6. Еще одним важным фактором, сдерживающим преступность в Японии, явился установленный в ряде «специальных» уголовных законов запрет и строгий контроль за огнестрельным и холодным оружием, а также за незаконным оборотом наркотиков. Применительно к сфере насильственной преступности, особенно к динамике убийств и грабежей, запрет на огнестрельное оружие (Firearms Control Act) имеет особое значение. Достаточно сказать, что в 2012 г. с его использованием в стране было совершено лишь 153 преступления; этого числа – 40 ограблений и лишь 15 убийств. При этом на протяжении ряда лет, как показывает полицейская статистика, все указанные показатели имеют устойчивую тенденцию к снижению. Так, общее число этого рода преступлений только за 2011 г. сократилось на 15%. В 2012 г. в Японии убийства, совершенные с применением огнестрельного оружия (15 из 1 030), составили 1,6% (в 2011 г. – 1,8%); доля такого рода грабежей в их общем числе в течение 2007–2012 гг. составляет лишь 0,9% (в 2012 г. – 40 из 3 658 грабежей). В том же 2012 г. полицией изъято 373 единицы огнестрельного оружия, из них 25,5% у членов преступного сообщества борёкудан³²⁹.

Важность этого фактора подтверждают и данные глобального исследования убийств, проведенного в 2013 г. в ООН. Согласно этим данным, в 2011 г. с применением огнестрельного оружия совершалось 41% всех убийств в мире. Необходимо обратить особое внимание на кардинальное различие региональных показателей. В странах Северной Америки доля такого рода убийств варьируется – от 29% (Канада) до 60% (США); в Европе эти показатели значительно ниже: в Испании и Финляндии – 14%; в Швеции – 16%; в Англии – 7%. В странах Азии, в целом – 28% от общего числа убийств, однако в Республике Корея и Японии – 2,0–1,7%. По тем же данным, среди 23-х

---

³²⁹ Police of Japan, 2013. – Tokyo, 2014. – P. 19, 38.

самых густонаселенных городов Азии столица Японии по уровню убийств с применением огнестрельного оружия (в расчете на 100 тыс. населения) занимает последнее место (здесь единица огнестрельного оружия имеется лишь в одном из 175-ти домовладений).

В докладе ООН приводятся интересные данные о распространенности убийств с применением огнестрельного оружия в столицах ряда стран и крупнейших мегаполисах. Отмечается, например, что в 2011 г. уровень таких убийств составлял в Токио 0,2%; в столице Южной Кореи Сеуле – 0,8%; в крупнейшем мегаполисе Канады – Торонто – 1,3%; в Лондоне – 1,3%; в Берлине – 1,0%; в Париже – 1,8%; в Москве – 3,8%; в Нью-Йорке – 6,3%; в Мехико – 8,8%³³⁰. В абсолютных показателях это сравнение не менее контрастно: в том же году в Токио было совершено 32 убийства; в Берлине и Париже, соответственно 34 и 40; в Лондоне – 100; в Москве – 439; в Нью-Йорке – 515³³¹; в Мехико – 779 убийств. Как видно, показатели достаточно красноречивые. При этом примечательным является тот факт, что доля такого рода убийств во всех названных столицах в последние годы не превышает 3–4% от общего числа убийств, зарегистрированных в стране в текущем году (что, конечно, связано с максимальной концентрацией усилий полиции по профилактике преступности и более широким применением технических средств контроля за безопасностью (видеокамеры, электронное наблюдение и т.п.).

---

³³⁰ Global Study Homicide, 2013. UNODC. – Вена, 2014. –Р. 65–66, 146–150 (www.unodc.org/documents); Генрих Н.В., Квашиш В.Е. О некоторых итогах новых исследований убийств // Российский криминологический взгляд, 2014. – №1.

³³¹ В отличие от законодательства Японии, «священная» для американцев Вторая поправка к Конституции США гарантирует право граждан на приобретение и хранение оружия. В 2012 г. число убийств, совершенных с применением огнестрельного оружия, по данным ФБР, снизилось с 515 до 419. Ныне практически во всех штатах США идет активная законодательная отмена ограничений на владение огнестрельным оружием. Как отмечается в сообщении Crime Prevention Research Center, с 2007 г. число владельцев оружия выросло с 4,5 млн до 11,1 млн человек. По расчетам американских исследователей, рост числа владельцев на 0,1% позволит снизить число убийств на 1,4%. Однако практика тех стран, в которых владение огнестрельного оружия запрещено и находится под строгим контролем, как было показано выше, подобные расчеты и аргументы убедительно опровергает. Пример Японии, Республики Корея, Сингапура и др. стран служит особенно наглядным свидетельством. (www.foxnews.com/us/2014/07/09/murder-drops-as-concealed-carry-permits-rise-claims-study/).

Несомненно, позитивную роль играют и многие другие особенности функционирования японской уголовной юстиции. Среди них следует назвать, например, широкие дискреционные полномочия органов полиции и прокуратуры и весьма ограниченную судебную практику по применению наказания в виде лишения свободы, широкое применение наказаний в виде штрафа, отсрочки исполнения приговора и условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. В результате такой практики удается избежать излишней стигматизации правонарушителей. В то же время постепенно решаются, как будет показано далее, проблемы ресоциализации преступников после их изоляции в местах лишения свободы, что должно способствовать предупреждению рецидивной преступности.

Криминологическая политика в Японии построена на интеграции социальных и правовых средств борьбы с преступностью. Необходимо отметить, что основой криминологической стратегии в Японии является интеграция социальных и правовых норм, базирующаяся на «удачном включении формального контроля в традиционный неформальный»³³². В этом суть и смысл криминологической политики, направленной, в первую очередь, на предупреждение преступности (кэйдзи сэйсаку). Японские исследователи (С. Саванобори, К. Токоро, И. Маэно и др.) подчеркивают, что при совершении любого правонарушения на него, в первую очередь, реагируют неформальные системы общей превенции.

Социальные формирования имеют в своем распоряжении целый набор средств и методов профилактического воздействия на поведение своих членов – от группового бойкота нарушителя принятых норм до изгнания из общины. Такие методы существуют независимо от систем публичного контроля и используются параллельно с их средствами. Если речь идет о малозначительных правонарушениях, то реагирование на них ограничивается средствами и методами неформального контроля. Такой контроль – один из эле-

---

³³² Белявская О.А. О специфическом аспекте японских психологических теорий объяснения преступности и преступного поведения // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. – М., 1985. – № 86. – С. 19.

ментов функционирования социальной группы, от единства которой во многом зависит эффективность неформального контроля со стороны группы (в семье, в школе, на производстве, в любой локальной среде).

Опираясь на указанные позиции крайне важно выделить факт создания в стране даже не общегосударственной, а общенациональной системы, включающей в борьбу с преступностью широкую сеть активно действующих формирований граждан. В итоге, как отмечала О.А. Белявская, сложился фактический «всеяпонский консенсус» о невозможности развития без защиты традиционных ценностей с участием самих граждан. Поэтому активное участие населения с характерным для страны многообразием форм и методов этой работы следует рассматривать как одну из важных составляющих, относительно низкого уровня преступности в Японии по сравнению с другими странами. Свидетельством такого подхода являются все более широкое вовлечение населения в охрану общественного порядка, активизация этой работы в плане наступления на организованную преступность, повышения раскрываемости преступлений, предупреждения противоправного поведения несовершеннолетних, а также интенсификации работы по оказанию всемерного содействия потерпевшим от преступлений (в том числе, и оказанию помощи в возмещении ущерба).

Наконец, следует сказать и о том, что в сфере борьбы с новыми формами преступлений (компьютерная преступность, преступления в сфере экологии, в кредитной и банковской сферах и т.д.) все более важное значение придается принципу обязательной интеграции в проекты экономического развития страны стратегии предупреждения преступности. Это позволяет системе уголовной юстиции в Японии динамично изменяться в процессе социально-экономического развития общества.

Приведенный перечень позитивных факторов, снижающих напряженность криминальной ситуации в Японии, разумеется, не является исчерпывающим. В разные годы многие исследователи (Аида Юдзи, Д. Кастберг, В. Клиффорд и др.) дополняли этот перечень положениями, фрагменты кото-

рых так или иначе уже были названы в одной из групп факторов. К ним следует добавить еще несколько важных моментов, различных по своей сути, значимости и содержанию, но, главное, играющих ту же роль и имеющих такую же позитивную направленность. К их числу относится централизованный характер всей системы государственного управления (единообразный подход к управленческим установкам, планированию и выделению бюджетных средств, подготовке кадров и т.п.), уже отмеченная эффективная деятельность системы уголовной юстиции, широкомасштабное использование услуг частных охранных агентств и служб безопасности и, конечно же, технически высоко оснащенный тотальный контроль правоохранительных органов за общественной безопасностью.

Такова матрица позитивных факторов, способствующих эффективному противодействию преступности и, в итоге, снижающих возможности для распространения противоправного поведения в японском обществе. Их взаимодействие и создает тот своеобразный климат, который можно охарактеризовать как синтез традиционализма и мобильности, выбор оптимального взаимоотношения национального и интернационального, традиционного и современного, способствующий совершенствованию общественной системы. Благодаря этому и достигается та степень стабильности японского общества, которая обеспечивает высокий уровень общественной безопасности.

Заслужившее общественное признание (и в стране, и за рубежом) эффективное воздействие на преступность одновременно является и результатом, и одним из краеугольных камней социального согласия, экономического процветания и политической стабильности японского общества. Здесь, действительно, налицо уникальное сочетание социально-экономических, политических и, главное, социально-психологических факторов, в криминологическом плане способствующих ее дальнейшему развитию. Однако следует иметь в виду, что в сложном причинном комплексе явлений и факторов, поразному влияющих на формирование и характер криминальной ситуации, они не должны рассматриваться как неизменные. Значимость каждого из них

и их совокупное влияние на развитие криминальной ситуации в конкретных условиях места и времени может меняться, что, конечно, потребует принятия необходимых мер для усиления контроля за противоправным поведением.

С другой стороны, особенность влияния всех названных выше факторов и их специфика состоят в том, что они носят преимущественно долговременный характер, где кратковременные отклонения от основного тренда принципиально не меняют сложившегося положения вещей. Как отмечает Ф. Фукуяма, при наблюдении широких исторических тенденций важно не преувеличивать значение краткосрочных факторов³³³. Поэтому, в отличие от некоторых иных прогностических суждений, наше отношение к перспективам развития ситуации в сфере контроля за преступностью в этой стране можно определить как сдержанное, но, в целом, вполне оптимистичное.

Подобные прогнозы базируются не столько на многолетних собственных наблюдениях и ощущениях и даже не на экстраполяции продолжительных тенденций развития преступности, сколько на стабильном стратегическом курсе криминологической политики и его последовательной реализации. Как отмечалось, Япония первая среди развитых стран стала предпринимать шаги по интеграции стратегии предупреждения преступности в планы социально-экономического развития. Активно внедряя функционирование уголовной юстиции в социально-экономический процесс развития страны еще на стадии его разработки³³⁴, японскому законодательству удалось объединить социально-экономический и криминологический аспекты. Важной в связи с этим представляется позиция Министерства юстиции Японии, согласно которой уголовно-правовые нормы социально-экономического законодательст-

---

³³³ Фукуяма Ф. Какое общество лежит в конце истории? (<http://periodika.ru/articles/24874.html>).

³³⁴ Еще в Национальном докладе Японии на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности (Милан, 1985 г.) отмечалось, что «все усилия системы уголовной юстиции, направленные на борьбу с новыми формами преступности, но осуществляемые без учета криминогенного потенциала, содержащегося в планах социально-экономического развития и без принятия соответствующих мер по его нейтрализации, будут терпеть неудачу и, более того, перегрузка системы, которая неизбежно возникнет вследствие этого, приведет к снижению эффективности ее функционирования в отношении общеуголовной преступности».

ва «могут считаться компонентом самой программы развития», и потому должны быть инкорпорированы в нормативную основу планов социально-экономического развития.

§2. Факторы роста преступности в Японии

Среди «конгломерата» факторов, с которым японские и зарубежные криминологи связывают рост преступности в первой половине XX в., особое место в силу многих причин исторического, политического, экономического, культурного и социально-психологического характера занимает процесс «вестернизации» японского общества. Под этим понимается многоплановые изменения социально-экономических условий развития страны, негативное влияние навязанных «западных» ценностей на трансформацию различных сторон общественной жизни – от системы управления до психологии и массового сознания, что в конечном итоге, и привело к неблагоприятному развитию криминальной ситуации. Исторические и политические причины этого процесса известны – они связаны с катастрофическими последствиями поражения Японии в Второй мировой войне и развертыванием на ее территории американских оккупационных сил. В разные годы, на разных этапах восстановления страны интенсивность негативных процессов «вестернизации» менялась. По мере постепенной нормализации жизни, избавления от хаоса и разрухи послевоенных лет, развития экономики страны, становления системы управления и укрепления государственного суверенитета интенсивность такого воздействия постепенно снижалась. Тем не менее, влияние этого длительного процесса – вплоть до сегодняшних дней – оставалось весьма ощутимым, ибо оно накладывало свой отпечаток на самые разные стороны общественной жизни, в том числе на негативные изменения в характере преступности.

Особенно остро процесс «вестернизации» давал о себе знать в 1950–1970-х гг. Этот период японской истории довольно подробно освещен в

политической, экономической и юридической литературе. Поэтому в предмет и задачи настоящей работы входит анализ явлений и процессов, происходящих в более поздний период истории страны – на рубеже XX–XXI вв.

Во второй половине XX в., особенно в 1980–1990-х г., «вестернизация» культуры, быта, многих других сторон общественного жизни Японии нашла отражение в новой волне нарастающей деформации массового сознания – ослабления института семьи, традиционных ценностей и роста преступности. Негативное влияние на изменение стереотипов поведения людей, в первую очередь, молодежи, продолжали оказывать и присутствие в стране американских вооруженных сил, и связанная с ним быстро растущая распространенность наркомании, и навязчивая пропаганда западного образа жизни и западной псевдокультуры, которую вели средства массовой информации, особенно кино и телевидение. Именно они стали основным средством развращения молодежи, разрушения традиционных ценностей и японской культуры, всемерного насаждения потребительских инстинктов, которые с помощью агрессивной рекламы все более изощренно разжигал стремительно развивающийся бизнес³³⁵.

Новый всплеск усиления прозападного влияния и негативного изменения общественного сознания в этот период вовсе не был случайным, ибо именно в этот период страну охватил сильнейший экономический и финансовый кризис, последствия которого, особенно последствия социально-психологического характера, сказываются и сегодня. Это время бывший премьер-министр Ясухиро Накасонэ обозначил тремя словами: брожение, смута, деградация, – к чему, по его убеждению, привел «крах трех мыльных пузырей»³³⁶. Первый из них, как уже отмечалось, лопнул в политической сфере, когда политическая стабильность исчезла и на смену ей пришел хаос. Второй существовал в экономической и финансовой сферах и был связан с затянувшимся спадом в экономике. С конца 1980-х и в начале 1990-х гг. в

---

³³⁵ Кузнецова Н.Ф., Еремин В.Н. Предисловие к кн. К. Уэда «Преступность и криминология в современной Японии». – М., 1989. – С.11; Уэда. К Указ. соч.. – С. 121.

³³⁶ Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в XXI в. – М., 2001. – С. 90.

стране, как уже отмечалось, сверхбыстрыми темпами стали расти цены на землю и недвижимость. На их приобретение банки выдавали частным лицам, компаниям и корпорациям огромные кредиты – в миллиарды иен. Однако через 2–3 года цены на акции внезапно резко упали, земля подешевела, залог потерял первоначальный смысл и рынок недвижимости обрушился. Третьим «мыльным пузырем» было само общество. Символом краха стала коррупция, которая получила широкое распространение не только среди представителей политических и деловых кругов, но даже среди сотрудников полиции и сил самообороны.

Пресса и телевидение в эти годы были наводнены ежедневными сообщениями о тяжких преступлениях, в том числе среди молодежи и несовершеннолетних. Одним из примеров нездоровой ситуации в обществе стало широко распространенное вступление школьниц в интимную связь по меркантильным соображениям. Тревогу вызывало и растущее распространение пьянства и алкоголизма. К началу 1980-х гг. Япония стала мировым лидером по количеству алкогольных напитков, потребляемых на душу населения. Волна алкоголизма захлестнула даже женщин (они составляли половину всех пьющих), что способствовало ранее невиданному росту преступности среди женщин. Заметную негативную роль играл и кризис системы образования.

В результате, существенно изменились взаимоотношения в обществе, подходы людей к смыслу жизни, отношение к традиционным и универсальным ценностям. «Нация, – бывший премьер отмечал Я. Накасонэ, – лишилась характерной для себя системы ценностей, которая до войны определяла моральный климат в обществе. Имеются в виду основанные на конфуцианстве такие устои, как верность долгу, вежливость, мудрость, вера, чувство стыда за неблагоприятные поступки, а также иные принципы, вытекающие из кодекса самурайской чести. После войны эти понятия практически утратили свое значение и трансформировались в принцип «всемогущества индивидуума»³³⁷. Признавая японское общество больным, бывший премьер-министр

---

³³⁷ Там же. – С. 92.

страны диагнозом этой болезни называет «болезнь послевоенной цивилизации».

Как отмечали японские и зарубежные криминологи, после того как рухнула экономика «мыльных пузырей», японцы еще довольно долго не могли обрести иммунитет от острого ощущения социальной нестабильности³³⁸. Именно на таком фоне традиционные институты японского общества, его ценностные ориентации, вековые традиции и психологические установки все больше размывались и постепенно «модернизировались», способствуя росту антиобщественных проявлений. Катализаторами этого процесса объективно становились и другие, так или иначе взаимосвязанные с «вестернизацией» негативные явления (факторы), аккумулирующие и опосредующие те или иные следствия развития научно-технического прогресса «по-капиталистически».

Среди такого рода факторов следует назвать стремительную урбанизацию. С быстрым развитием этого процесса кардинально менялась и общая структура населения страны, и особенно локальная среда. Начался бурный рост старых городов, менялась и становилась разнообразнее их социальная структура. Одновременно шел процесс быстрого роста новых городов со своей промышленностью, инфраструктурой и все более высокой концентрацией населения, где бывшие сельские жители стали работать в разных, чаще всего вторичных отраслях индустрии. Интенсивность неразрывно связанных с урбанизацией миграционных процессов приводила к кардинальным изменениям в структуре населения; в конечном итоге, за последние полвека доля сельского населения страны сократилась почти в семь раз – с 45% до 7%.

Такого рода перемены сопровождались изменениями сложившихся стереотипов поведения и сознания населения, которые оказывали негативное влияние на состояние преступности. Это явление – не случайное, ибо, как известно, трансформации и мутации преступности всегда происходят в русле

---

³³⁸ Mikhailova, Yu. The Aum Supreme Truth Sect in Russia // Bulletin of the Association of Australia Japanese Studies, 1996. – Vol. 16. – N 2–3 (September-December).

изменений в обществе, а уж фундаментальное переустройство неизбежно сопровождается массовыми нарушениями закона³³⁹. Исследования, проведенные в Японии, показали, что миграция и высокая концентрация населения, вызванные стремительной урбанизацией, не только вносят хаос в социальные отношения и увеличивают конфликты между людьми, но также лишают силы один из таких важных компонентов предупреждения преступности (особенно на локальном уровне), как солидарность жителей региона³⁴⁰.

Особенность внутренних миграционных процессов, помимо всего прочего, была связана с тем, что определенные социальные и возрастные группы перемешивались. К тому же эти процессы обостряли последствия неравномерности территориального развития страны. Результатом таких процессов явился неизбежный рост преступности, который в городах стремительно и во много раз превысил распространенность преступности в сельской местности³⁴¹. Изолированность новых поселенцев от места работы и местожительства, их разобщенность и отсутствие взаимного интереса, связей и солидарности создавали благоприятную почву для правонарушений.

В городах, где концентрируются товары и деньги, жизнь идет по неизвестным выходцам из сельской местности, стереотипам и стандартам поведения. Главное место в системе ценностей стали занимать стремление к росту доходов и тяга к потреблению. Удовлетворение материальных потребностей, как неоднократно отмечал Кан Уэда, потребительская психология становится в житейском массовом сознании приоритетной, а на этом фоне законность средств достижения цели отходит на второй план, стимулируя рост имущественных преступлений. В связи с этим корреляция между процессами

---

³³⁹ Голик Ю.В. Роль уголовного права в современном мире // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен. Материалы IX Конгресса уголовного права, 29–30 мая 2014 г. – М., 2014. – С. 11–15.

³⁴⁰ Кан Уэда. Указ. работа. – С. 115–116.

³⁴¹ Ladbroke D. Why are Crime Rates Higher in Urban than in Rural Areas? – Evidence from Japan // Australian and New Zealand Journal of Criminology, 1988. – N 21. – P. 81–103.

урбанизации и динамикой преступности в эти годы становится все более очевидной³⁴².

Растущая концентрация населения в городах вела к неблагоприятным социально-психологическим последствиям – росту напряженности в агрессии и обществе и, как следствие, к росту правонарушений. Однако здесь следует сделать оговорку. Речь идет о том, что сама по себе концентрация населения и, в частности, такой показатель, как его плотность, не всегда находятся в прямой линейной зависимости с распространенностью преступности. Как показывают исследования, казалось бы, устоявшиеся аксиоматичные представления о роли тех или иных факторов в этиологии преступности, встречаясь с обратной инверсией или отсутствием значимой корреляции, требуют иной интерпретации. В рассматриваемой ситуации речь идет о еще одной, специфической для Японии, особенности географии преступности. В самом деле, в те годы средняя плотность населения в стране была в десятки раз меньше, чем в разных районах столичного Токио, а средний уровень преступности был почти такой же, как в столице. На острове Хоккайдо, например, плотность населения была самой низкой, а уровень преступности выше, чем в регионах с большей плотностью населения³⁴³.

С процессом урбанизации, как известно, неразрывно связаны не только миграционные, но и демографические процессы (факторы). Именно их взаимодействие в разные годы и с разной интенсивностью приводило к изменениям в динамике и особенно в структуре преступности, а также в ее территориальном распределении. Так, например, в 1980-х гг. были зафиксированы устойчивая концентрация и заметный рост преступности в зонах передового промышленного производства, ядро которых составляли шесть (из 47-ми) наиболее развитых в промышленном отношении префектур. В то же время в тех районах, откуда происходила миграция рабочей силы в индустриальную

---

³⁴² Кан Уэда. Указ. работа. – С. 320.

³⁴³ Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., 2003. – С. 88; Castberg D.A., Japanese Criminal Justice. – New York, 1990. – P. 19.

зону (Тохоку, Южный Кюсю и др.), наблюдалась тенденция стремительного сокращения преступности³⁴⁴.

Такого рода взаимосвязи процессов урбанизации и миграции были опосредованы все более очевидным влиянием протекающих в этот период демографических процессов по той простой причине, что основной поток мигрантов составляла молодежь. Так, в городах, куда в поисках работы перемещалась значительная масса молодежи из сельской местности, резко возросло число краж, а в силу этого рос и общий массив преступности. В то же время в сельских районах, поставлявших трудовые ресурсы в города и иные промышленные зоны, число краж и и подобных преступлений заметно сокращалось.

Урбанизация и бурная индустриализация страны, помимо всего прочего, существенно меняли весь уклад городской жизни, делали его все более динамичным и напряженным. При этом одной части городских обитателей везло больше – они получали компенсацию за свои земельные участки, предоставленные под производственное строительство и стремительно богатели, другие, а таких было значительно больше, испытывали стрессы из-за вынужденной смены рода занятий и необходимости приспособиваться к новым условиям. В атмосфере нараставшего в городах жилищного кризиса тяжелее приходилось молодежи, уходившей из семьи без перспективы найти собственное пристанище. В результате новые индустриальные центры все сильнее захлестывали криминальные волны³⁴⁵. Начался стремительный рост грабежей, ограблений финансовых учреждений, убийств и поджогов с целью получения страховых сумм, похищений людей с целью получения выкупа, а также рост ранее неизвестных «интеллектуальных» преступлений (мошенничества с кредитными карточками, переводы денег на вымышленные счета и т.п.).

К переплетению факторов, способствующих росту преступности в тот период, видный японский исследователь проф. М. Манива добавляет усили-

---

³⁴⁴ Еремин В.Н. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь – Япония, 1998. – Вып. 21.

³⁴⁵ Там же.

вающееся «ощущение давления, испытываемого людьми со стороны общества развитого контроля». В этих условиях люди ищут выход в агрессии против посторонних лиц либо против близких с требованием компенсации. При этом, признавая неполной характеристику особенностей преступности тех лет как преступности западного типа, проф. Манива, тем не менее, отмечает, что «американо-западноевропейское веяние» в те годы было одним из факторов роста преступности³⁴⁶.

С другой стороны, стихийность и неравномерность темпов индустриального развития вели к тому, что в ряде экономически неразвитых районов воцарялись депрессия и рост безработицы, влекущие за собой бедность. Поскольку большинство населения в таких районах составляли не охваченные миграцией лица среднего и пожилого возраста, часть которых пользовалась пособием, преступность (особенно в первые годы бурной индустриализации) имела определенную тенденцию к снижению. Понятно, что это снижение в первую очередь объяснялось отъездом в города сельской молодежи. Позднее все более ощутимыми сказывались одновременные демографические процессы – с одной стороны: довольно быстро росла доля бывших малолетних и подростков, на которых ложились основные тяготы сельской семейной жизни, а с другой – шел параллельный процесс старения сельского населения, значительная часть которого становилась предоставленной самой себе и зачастую была вынуждена совершать мелкие кражи и присвоения, поскольку фактически оставалась без средств существования. В обоих случаях на фоне растущей бедности такие демографические процессы влекли за собой заметный рост правонарушений.

Указанные социальные и демографические процессы в полярных возрастных группах приводили к тому, что суммарно преступность несовершеннолетних и так называемая геронтологическая преступность в разные годы

---

³⁴⁶ Манива М. Хандзай-но сякайтаку (Социология преступности). – Токио, 1982. – С. 152–154 (на яп. яз).

равнялась или даже несколько превышала половину всей общеуголовной преступности в стране³⁴⁷.

В принципе, эта тенденция сохранялась и в последующие годы, хотя на характере преступности – особенно в конце 1990-х и в 2000-х гг. все больше стали сказываться «тайминговые» изменения и иные социальные, в том числе демографические процессы. Как уже отмечалось, общая структура населения постепенно оформилась. В связи с крайне медленным приростом деторождаемости в ее рамках постепенно стабилизировалась, а в отдельные годы даже сокращалась доля несовершеннолетних и молодежи. С другой стороны, в силу старения населения и последовательного роста продолжительности жизни в стране из года в год увеличивалась доля населения старших возрастных групп. Как и большая часть других развитых стран, Япония имеет низкий уровень рождаемости. Это негативное явление – результат трансформации всего уклада и образа жизни, в том числе характера и гендерной структуры занятости населения и, как следствие, изменения мотивации деторождения³⁴⁸.

Такого рода изменения в структуре населения страны на фоне других социальных и технологических преобразований (в том числе, изменений в образовательной и кадровой политике) приводили и к качественным изменениям в динамике и структуре преступности. В 2000-х гг. по мере повышения уровня экономического развития страны у молодежи все больше становился заметным рост престижа и тяги к получению более высокого уровня образования. На этом фоне заметно сокращается распространенность наркопотребления и иных, особенно насильственных преступлений, все меньше молодежи оказывается вовлеченной в сферу организованной преступности. Здесь, конечно, большую роль играли профилактические усилия полиции, общест-

---

³⁴⁷ Коробеев А.И., Морозов Н.А. Возрастные аспекты делинквентного поведения в современной Японии // Азиатско-Тихоокеанский Регион. Экономика. Политика. Право, 2013. – №2(13); Морозов Н.А. Геронтологические аспекты преступности в Японии // Общество и право, 2014. – №1. – С. 132–136.

³⁴⁸ Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Факторы динамики рождаемости населения России в начале XXI века // Социологические исследования, 2014. – №9. – С. 19–23.

венности, эффективная деятельность «семейных» судов и всей системы уголовной юстиции³⁴⁹. В то же время на другом возрастном полюсе в силу ослабления семейных связей и отчуждения все больше сказывалось обнищание одиноких престарелых людей, оставшихся без поддержки детей и не имеющих средств существования. Поэтому, как уже отмечалось, одной из тенденций современной преступности стал последовательный рост числа краж и присвоения имущества, значительная часть которых приходилась именно на этот наименее социально защищенный контингент.

Среди социальных условий преступности Кан Уэда наряду с урбанизацией и другими социальными процессами и факторами (состоянием культуры) в качестве самостоятельного выделяет экономическое положение, через призму которого рассматриваются изменения преступности³⁵⁰. Такая классификация социальных условий представляется не совсем обоснованной, поскольку экономическое положение, особенности экономического развития на том или ином этапе истории страны является фактором системообразующим, от которого все другие социальные процессы – урбанизация, миграция, преступность – все же являются производными.

В рамках рассматриваемых экономических условий главенствующим фактором, по мнению К. Уэды, является имеющая глубокие корни «бедность в ее самых разнообразных формах». В качестве аргумента он, ссылаясь на исследования Ф. Мугисими и Е. Мацумото, указывает, что частота появления несовершеннолетних правонарушителей и взрослых преступников в бедных семьях значительно выше, чем в обеспеченных. Вероятно, для начала

---

³⁴⁹ Тесная связь между уровнем экономического развития и уровнем образования известна. В разных странах и на разных этапах она проявляется по-разному. По уровню образования Япония ныне вплотную приблизилась к первой десятке стран. В России ситуация иная. К 2013 г. по экономическим показателям она занимала 62 место, а по уровню образования – сравнительно высокое 27 место среди 142 стран. Правда, в основном этот показатель базировался на охвате образованием, доставшимся от наследия СССР, а сегодня, как отмечают социологи, в силу особой ориентации экономики, сокращения потребности в высококвалифицированных научных и инженерных кадрах и т. п. система образования все более заметно деградирует (Социологические исследования, 2014. – №9. – С. 20–21).

³⁵⁰ Кан Уэда. Указ. работа. – С. 118–119.

1980-х гг. такое положение, действительно имело место и оно зафиксировано исследователями³⁵¹. Но если положение дел рассматривать не в статике, а в динамике (а важность такого подхода подчеркивает и сам К. Уэда), то оценка «бедности» как основного фактора преступности в Японии, требует более глубокого, критического осмысления с учетом специфики менявшегося уровня благосостояния населения, разного уровня доходов, а также разных масштабов государственной помощи малоимущим семьям (в т.ч. на основании Закона 1950 г. о защите жизни и последующих актов). К тому же, примечательно, что по мере превращения преступлений в рутинное явление, «преступность постепенно проникает в более обеспеченные и уважаемые слои, растет число преступников из «среднего класса»; несовершеннолетними делинквентами становятся выходцы из материально обеспеченных семей с обоими родителями. Вот где сказываются глубинные, имманентные противоречия развития современного японского общества...»³⁵².

Помимо этого, следует считаться с тем, что само понятие бедности носит оценочный характер и, главное, является относительным. Во всяком случае, на рубеже XXI в. уровень материального благосостояния японцев по сравнению с населением других развитых стран был заметно выше. Здесь, как уже отмечалось, не было столь глубокого расслоения населения по уровню доходов, как например, в России, где становление рыночной экономики сопровождалось гигантским ростом социального неравенства и привело к громадному разрыву в уровне жизни богатых и бедных. В итоге, показатель дифференциации доходов населения, только по официальным данным, в первое десятилетие XXI в. составил 16,2 раза, а по оценкам экспертов (Глазьев С.Ю., Локосов В.В.), этот индекс различий продолжил свой рост и к 2012 г. возрос до 40 раз³⁵³. Такая поляризация общества, как известно, поро-

---

³⁵¹ Хосино К. Основы социокриминологии. – Токио, 1981. – С. 162 (на яп. яз.).

³⁵² Кузнецова Н.Ф., Еремин В.Н. Указ. работа. – С. 13.

³⁵³ Социологические исследования, 2014. – № 9. – С. 23; Номоконов В.А. Указ. работа. – С. 68; Ларьков А.И., Раскина Т.В. Криминологический анализ основных факторов современной российской действительности, влияющих на состояние преступности и пра-

дила в **России** довольно широкий маргинальный слой населения с относительно низким уровнем доходов и иными крайне негативными последствиями, многие из которых в японском обществе, где превалирует слой среднего класса, столь остро не ощущались.

Вместе с тем все сказанное вовсе не отрицает криминогенной значимости фактора бедности как одной из детерминант преступного поведения, по-разному – в разное время, с разной интенсивностью и для разного контингента – влияющего на преступность в японском обществе. Самый наглядный пример – широкая, похожая на эпидемию распространенность краж продуктов питания и предметов первой необходимости среди одиноких престарелых японцев, оставшихся без поддержки детей и без средств к существованию.

К числу других негативных факторов, стимулирующих преступность, японские криминологи относят состояние культуры в японском обществе, где такого рода взаимосвязь наиболее ощутима, по крайней мере в двух аспектах. В первом случае говорится о крайне негативном влиянии средств массовой информации, где идет смакование преступных актов и отсутствует элемент их осуждения.

Известный философ Джон Нейсбит еще в 1980-х гг. прошлого века говорил о том, что информатизация и развитие технологий привносят кардинальные изменения во все сферы жизни общества. Не учитывать их – значит оставаться в плену устаревших схем и конструкций, строить программы профилактики на основе знаний о прошлом. К числу таких изменений относится становление информационного общества, одним из негативных последствий которого является «медийное насилие». Как отмечал Нейсбит, информатизация и эволюция технологии обгоняют эволюцию культурную. Этот разрыв растет и приводит к «отравлению» технологией и информацией, одним из симптомов которого является принятие насилия как нормы жиз-

ни³⁵⁴. Криминогенные последствия такого «отравления» наиболее ощутимы при анализе взаимодействия человека (особенно подростков) с телевизионным и компьютерным экраном, где главным содержанием программ и компьютерных игр является насилие. Многочисленные исследования, опубликованные в США, подтверждают корреляцию между поведением подростков и количеством насилия в средствах массовой информации, где их учат убивать и делают нечувствительными к насилию³⁵⁵. «Наша терпимость к актам насилия на телевидении, – писал Дж. Нейсбит, – изменится после того, как мы поймем, что воображаемые события на экране имеют вполне реальные последствия, что это реальность»³⁵⁶.

Современная ситуация в Японии подтвердила обоснованность этих опасений. Как отмечает К. Хамаи, освещение в прессе фактов убийств стало носить более сенсационный характер (чем реже убийства, тем больше сенсации), оно сосредоточивается на деталях страдания жертв, на наиболее жестких элементах трагедии, а в Японии, в отличие от других развитых стран, уровень доверия к СМИ традиционно самый высокий – 80% верят телевидению и 90% доверяют газетам. Исследования К. Хамаи показывают – более 50% опрошенных полагают, что уровень преступности в стране сильно вырос, хотя лишь 4% из них ощущали, что это происходит в районе их проживания. Как видно, на самом деле между ощущениями людей и реалиями преступности есть огромный разрыв.

Практика полиции действительно знает немало примеров, когда под влиянием такой информации совершались убийства, изнасилования, похищения людей с целью выкупа, нападения на финансовые учреждения и т.п. Наиболее ощутимым при этом оказывается негативное влияние средств массовой информации на молодежь и особенно на несовершеннолетних. С причинами роста правонарушений среди учащихся средних и старших школ не

---

³⁵⁴ Пудовочкин Ю.Е. Криминологические проблемы в современной социально-политической и философской литературе. – М., 2011. – С. 118.

³⁵⁵ Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность. Технологии и наши поиски смысла. – М., 2005. – С. 115.

³⁵⁶ Там же. – С. 136; Пудовочкин Ю.Е. Указ. работа. – С. 122–123.

зря связывают влияние широко распространенных телесериалов и мультфильмов об избиениях, пытках, издевательствах и убийствах. В результате повального увлечения такой продукцией у подростков формируется ощущение вседозволенности и они переносят сюжеты телесериалов и мультфильмов в реальную жизнь. (Отсюда отмеченные выше факты жестоких избиений сверстников, участвовавших в нападениях, расправы с бездомными или ограблений престарелых людей).

Другим аспектом негативного влияния СМИ, с которым японские криминологи связывают «кризис культуры», является обрушивающийся на население огромный поток информации сексуального характера (в том числе широко распространяемая информация о сексуальных услугах, ценах и т. п.), давно превративший секс в товар и подогревающий низменные человеческие инстинкты. В этом отношении показательным является повальное увлечение японских юношей и взрослых мужчин комиксами и мультипликацией, известной под названием «манга» и «аниме», имеющими давнюю историю и огромную популярность.

Проблема в том, что значительная часть такой продукции носит откровенно эротический и даже порнографический характер. Иностранцы удивляются – почему такую продукцию не запрещают? В Канаде или в Австралии такие материалы с изображением детей, занимающихся «взрослыми» делами, давно бы сочли непристойными и незаконными. В Японии же к подобного рода фактам относятся по-другому. Все знают, что сексуальная эксплуатация детей запрещена законом, однако, – как говорят торговцы такой продукцией, – фантазии на тему секса с детьми не запрещены. Надо сказать, что подобные комиксы составляют лишь часть гигантской индустрии комиксов манга, которая приносит ежегодный доход в 3,6 млрд долл.³⁵⁷. Но именно такие эротические манги и аниме привлекают наибольшее внимание.

---

³⁵⁷ Флетчер Дж. Почему в Японии не запрещают порнокомиксы с детьми? (http://bbc.co.uk/russian/society/2015/01/150107_japan_manga_controversy).

В июне 2014 г. парламент Японии принял закон о запрете на хранение изображений реальных детей, подвергающихся сексуальному насилию. Заметим, что производство и распространение таких изображений было объявлено незаконным еще в 1999 г., хотя дельцы от индустрии комиксов разными путями старались обойти этот запрет, а полиция особого усердия в борьбе с ними не проявляла. Показательно, что Япония стала последней страной в Организации экономического сотрудничества и развития, которая лишь сейчас запретила хранение детской порнографии. При обсуждении этого закона в парламенте раздавались призывы запретить «виртуальные» изображения детей в манга, аниме и компьютерных играх, но после долгих споров эти призывы не были поддержаны, ибо законодатели не решились ставить вне закона миллионы потребителей этого жанра, тем более, что издательское лобби доказывало, что в создании такой продукции реальные дети ныне не участвуют. Между тем японские социологи обращают внимание на то, что массовое увлечение такой продукцией ведет к нормализации нездорового отношения к детям и женщинам в целом, а также повышает риски преступлений на сексуальной почве.

Многие в Японии считают, что проблема гораздо шире, они видят в комиксах манга отражение общества, которое закрывает глаза на детскую порнографию и сексуализацию детей и молодежи. Однако в стране немало тех, кто считает опасным вмешательство государства в мир фантазий, который не подлежит полицейскому контролю. Они ссылаются на то, что нельзя устанавливать контроль над мыслями и фантазиями людей, иначе можно забыть о гражданских правах и свободах. Любители манга отвергают запреты, а их противники тешат себя надеждой, что по мере приближения Олимпиады в Токио (2020 г.) внимание мировой общественности будет все больше обращаться к таким аспектам массовой культуры в Японии, которая опирается на нездоровый интерес к детской сексуальности.

Возвращаясь к негативным последствиям чрезмерного увлечения подростками видеоиграми, в основе которых в большинстве случаев сюжеты наси-

лия, отметим, что сегодня его опасность начинает все шире осознаваться в японском обществе. В префектуре Хоккайдо, например, с 2014 г. стали устраивать «дни воздержания от видеоигр». С такой инициативой выступили местный комитет по образованию и ассоциация родителей и учителей (Parent Teacher Association). Сначала это были первое и третье воскресенье февраля, а затем 2 раза в каждый месяц. В телерадиокомпании NHK это связывают с плохими результатами, который показали итоги общенационального теста 13–14 летних школьников.

В результате отмеченных выше негативных явлений в японском обществе заметно ухудшается общая нравственная атмосфера, формируется субкультура, противоречащая традиционным устоям и общепринятым нормам, слабеют критерии и идеалы традиционного для японцев правопослушного поведения. Новая система норм и ценностей среди молодого поколения открыто противостоит моральным ????? и поведенческим стереотипам японского общества. Подобный антагонизм неизбежно приводит к обострению криминогенной обстановки в современном обществе.

Взаимодействие указанных негативных факторов, в конечном итоге, отрицательно влияет на массовое правосознание, на его восприятие и оценку противоправного поведения, а также на отношение к преступнику.

В 1997 г. и 2015 г. на базе Токийского государственного университета и Университета Кейо (г. Токио) диссертантом данной работы был проведен ряд социологических исследований с целью определить особенности отношения японской общественности к преступности, а также соответствие национальной уголовной политики общественным ожиданиям.

Значительная часть японцев традиционно считает причинами делинквентного поведения бедность, отсутствие нормальных взаимоотношений в семье, отклонения от традиционного поведения в обществе, общение с преступными элементами. Однако интересна динамика изменения общественного мнения под влиянием «вестернизации» в конце XIX – начале XX вв. Все больше японцев обращают внимание не на нарушение традиционного «об-

щинного» уклада, а на несоответствие условиям западной цивилизации. Так, в 2015 г. уже больше половина респондентов (в 1970-х гг. в 2 раза меньше) обращают внимание на низкий образовательный уровень преступников, занятие непрестижной работой.

Таблица 20

Мнение общественности Японии о преступниках³⁵⁸

№ п/п	Мнение	Удельный вес мнений (в %)		
		1977 г.	1997 г.	2015 г.
1	С детства воспитывались в строгости	10	25	31
2	Были избалованы в детстве	50	33	28
3	Имеют низкий уровень образования	23	45	51
4	Мало контактируют с людьми	40	54	55
5	Общаются с делинквентными элементами	74	67	65
6	В семье существует нездоровая атмосфера	74	58	53
7	Отсутствовали один или оба родителя	38	25	19
8	Слабо реагирует на мнение общества о себе	16	10	11
9	Заняты непрестижной работой	22	47	52
10	Имеют небольшие или нестабильные доходы	57	43	39
11	Отличаются от других характером поведения	56	37	33

Даже если учитывать статистическую погрешность таких опросов, можно выделить несколько очевидных тенденции за последние 40 лет: в оценке общественности причастность к криминальному (антисоциальному) миру как и прежде резко порицается (п. 5, 6); общественность стала более либерально, толерантно относиться к воспитанию детей и их поведению, т.е. они воспитываются уже не на догматах традиционной скромности и послушания, а уже на более свободный западный манер, в том числе стало возможным толерантное отношение к отрицанию молодежью правил традиционного поведения (п. 1, 2, 11); общественность стала более требовательна к таким факторам социализации (т.е. законопослушного поведения) и «цивилизованности»

³⁵⁸ Данные 1977 г. – Исследование НИИ полиции Японии (К. Хосино, Х. Иваи, К. Токоро и др.), приводимые К. Уэда; данные 1997 г. и 2015 г. – опрос жителей Токио и района Кансай, проведенный автором по аналогичной репрезентативной выборке исследования 1977 г. (научный консультант – профессор университета Кэйо (Токио), доктор права С. Ёкотэ, профессор Токийского университета, доктор права А.Коморида).

граждан, как образование и профессиональная карьера (п. 3, 9); в основе бытующих представлений о преступлениях и преступниках лежат не только ценностные ориентации, но и явно недостаточная осведомленность о преступности, преступниках и практике применения наказания.

Последнее обстоятельство, между прочим, иллюстрирует широко распространенные в японском обществе предубеждения в отношении лиц, страдающих психозами, убежденность в существовании тесной связи между преступностью и психической ущербностью преступников. Доминирование такого понимания вещей в массовом правосознании не обошло стороной и правоприменительную практику. Поэтому к психически ущербным лицам, совершившим «чудовищные» убийства, поджоги и другие тяжкие преступления, зачастую применяются такие же меры наказания (вплоть до смертной казни), что и к психически нормальным лицам³⁵⁹.

Таким образом, основные социально-психологические и культурологические факторы развития японского общества в 1990-х гг. обусловили рост преступности в Японии и усиление указанных негативных тенденций в криминологической ситуации. Вместе с тем на эти негативные процессы определенное воздействие оказали также факторы, лежащие в плоскости системы воздействия на преступность и, в частности, факторы, связанные с недостатками в реализации основных принципов уголовной политики.

Вместе с тем все сказанное выше не меняет нашего отношения к перспективам развития ситуации в сфере контроля за преступностью, которые были определены как сдержанные, но вполне оптимистичные. Приведенные исследования еще раз доказывают, что в меняющемся японском обществе ос-

---

³⁵⁹ Проблема биологических корней преступности, соотношения прирожденных и приобретенных «программ» поведения долгие годы находилась за пределами внимания японских криминологов. Интерес к ней возник лишь в самое последнее время в связи с новейшими исследованиями английских (Э. Рейн) и немецких ученых в области биологической предрасположенности преступников и возможностей их исправления через определенные виды социально-биологического вмешательства. Сегодня последствия интенсивных поисков медикаментозных и аппаратных способов коррекции поведения человека пока еще не предсказуемы и, вероятно, многое будет зависеть от того, в какое русло эти поиски будут направлены.

тается крайне стабильным негативное отношение к преступности и делинквентному поведению. В самом деле, пожалуй, только японцы выражают уверенность, что в перспективе им удастся создать общество, свободное от преступности, что «избавление страны от преступности становится идеей, объединяющей нацию и подвигающей её на большие свершения»³⁶⁰. Во всяком случае, такова глобальная цель японской стратегии воздействия на преступность.

---

³⁶⁰ Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – С. 274.

Глава IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

§1. Особенности уголовного законодательства и практики его применения

1. Практически все зарубежные исследователи японского уголовного законодательства и правоприменительной практики отмечают, что эффективная уголовная политика является одним из краеугольных камней социального согласия, экономического благополучия и политической стабильности японского общества. Действительно, как было показано в предыдущих разделах настоящей работы, основные тенденции в динамике и структуре преступности в Японии на рубеже XXI в. носят все более позитивный характер и подтверждают обоснованность указанных заключений.

В японской правовой литературе до сих пор нет ни устоявшегося понимания и определения уголовной политики, ни разделения понятий «криминологическая политика» и «уголовная политика». Между тем выбор терминологии, как известно, вопрос крайне важный, ибо он определяет и понимание всякого явления, и реакцию на него. Помимо сколь либо однородного понимания появившегося в начале XX в. термина «уголовная политика», до сих пор в правовой литературе ведется полемика по поводу содержания, объектов и задач уголовной политики. В последнее время единым является лишь понимание этой категории как системы мер по контролю над преступностью, однако её более конкретное толкование зависит от различий в подходах тех или иных авторов, когда уголовной политике дается либо расширенная, либо, более узкая трактовка.

Так, японский исследователь Масаюки Моримото в своем курсе лекций указывает, что под уголовной политикой следует понимать «комплекс различных мер, реализуемых на государственном и муниципальном уровнях, направленных на достижение цели пресечения и предупреждения преступно-

сти»³⁶¹. При этом уголовная политика не ограничивается политикой в сфере уголовного законодательства, объектами уголовной политики – это не только преступления, но и все антисоциальные явления, наносящие ущерб охраняемым законом общественным отношениям. При таком подходе субъектами уголовной политики, по мнению автора, являются государство и муниципалитеты.

«В широком смысле слова, – отмечает Икудзо Маэно, – понятие «уголовная политика» включает в себя изучение фактов, связанных с проявлениями и причинами, а также меры против преступности». «Последние, по его мнению, являются уголовной политикой в узком смысле слова»³⁶².

В Словаре терминологии японского законодательства указывается на многозначность использования термина «уголовная политика», но обычно он означает выявление причин преступности и разработку мер по ее предупреждению. В этом смысле сюда также включают политику государства в других сферах, призванных влиять на преступность – социальную политику, политику в области образования, трудовой занятости, жилищного строительства и т.д. Это «уголовная политика» в широком смысле слова. Вместе с тем этот термин часто ограничивают лишь таким средством предупреждения преступности, каким является уголовное наказание и связанные с ним институты и нормы назначения, исполнения, освобождения от наказания и т.д. В этом случае речь идет об «уголовной политике» в узком смысле слов³⁶³. Наконец, в самом широком значении под уголовной политикой в японской литературе чаще всего понимается государственная политика в целом, непосредственно

---

³⁶¹ Моримото, Масаюки и др. Кэйзи сэйсаку ко:ги (Лекции по уголовной политике). – Токио, 1990. – С. 2. (на яп. яз.).

³⁶² Маэно, Икудзо. Кэйдзи сэйсаку рон (Учение об уголовной политике). – Киото, 1988. (на яп. яз.); Еремин В.Н. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь – Япония, Ч. 1, 1998; Морозов Н.А. и др. Уголовная политика Японии // Новый Уголовный кодекс России. Идеологическая концепция уголовного законодательства: проблемы теории, законотворчества, правоприменения и образовательного процесса высшей школы. Материалы Дальневост. науч.-практ. конф. 16–17 октября 1997 года. – Хабаровск, 1998. – С. 74–77; Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., 2003. – С. 117–119.

³⁶³ Хорицу ёго дзитэн (Словарь терминологии законодательства). – Токио, 1996. – С. 716. (на яп. яз.).

не ставящая задачи борьбы с преступностью, но объективно оказывающая влияние на ее динамику, характер и тенденции.

Суммируя точки зрения, приводимые в различных источниках японского уголовного права и криминологии, можно предложить три формулы уголовной политики, где каждая из последующих шире предыдущей:

1) уголовная политика – политика государства, предметом которой является уголовно-правовая охрана общественных отношений и связанное с ней воздействие на правонарушителей;

2) уголовная политика – это правовая политика борьбы с преступностью, включающая использование всех правовых средств;

3) уголовная политика – это социальная программа контроля за преступностью и антисоциальными проявлениями, использующая весь арсенал средств, имеющихся в распоряжении государства и общества.

Последняя точка зрения является ныне преобладающей. Специфическая ????? уголовной политики Японии – безусловный приоритет применения мер социального контроля перед государственно-правовым.³⁶⁴ Тем не менее поскольку криминологическая составляющая японской уголовной политики в значительной мере была рассмотрена в предыдущих разделах работы, представляется целесообразным исходить из более «узкого» понимания уголовной политики (уголовно-правовой политики) как политики государства в сфере борьбы с преступностью, определяющей ее основные направления, цели и средства и выражающейся в правовых нормах, в деятельности государственных органов и общественных организаций³⁶⁵. При этом в содержание уголовно-правовой политики в соответствии с задачами настоящего исследования включаются не только меры уголовного наказания, но и тенденции развития

---

³⁶⁴ Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1997. – С. 275–278; Квашиш В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. США и Япония: Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь. – Владивосток, 2008. – С. 141–142.

³⁶⁵ Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток: ДВГУ, 1982; Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987; Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. – М., 2014.

уголовного законодательства, средства его реализации, проблемы его применения и исполнения. Такой подход к анализу японской уголовной политики (её уголовно-правовой составляющей) согласуется с пониманием сути уголовной политики в российской правовой литературе и дает наибольшие возможности для сравнительного анализа.

По общему признанию зарубежных и японских исследователей (А. Мюллер, Н. Сугимото, К. Накаяма, В.Н. Еремин, С.М. Иншаков, О.А. Белявская, А.И. Коробеев и др.) успешная реализация уголовной политики в стране обусловлена целым рядом факторов – уровнем экономического развития, демократическими условиями жизни общества, высоким уровнем правосознания и культуры населения, особой ролью практической политики, основанной на следующих принципах: интеграция социальных и правовых средств борьбы с преступностью; включение формального контроля в традиционный неформальный; эффективность органов уголовной юстиции; экономное и рациональное использование наиболее суровых мер уголовной репрессии (лишения свободы); соответствие уголовной политики уровню экономического и социального развития страны; тесное сотрудничество правоохранительных органов с населением; своевременное усовершенствование законодательства; приоритет гуманистического начала в обеспечении прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; акцент на профилактику правонарушений (включение «уголовного конвейера» лишь в случаях самых необходимых и развитый контроль за лицами, выведенными из него); приоритет задачи сохранения молодежи и подростков в рамках законопослушного поведения; особое внимание к проблемам ресоциализации правонарушителей.

2. Известно, что эффективность уголовной политики напрямую зависит от того, насколько общество солидарно с применяемыми мерами, насколько считает справедливым криминализацию деяний и разделяет цели и практику применения уголовной репрессии.

В современной японской криминологии благодаря распространению теории «клеймения» (Лемерт, К. Хосино, К. Уэда) при изучении причин пре-

ступности акцент делается на то, насколько преступными в общественном сознании считаются социально отклоняющиеся деяния. Будет или не будет в обществе «наклеен ярлык» преступления на какое-либо деяние, не обязательно зависит от его пенализации от наличия уголовно-правовой нормы. В свою очередь эффективность уголовно-правовой политики напрямую зависит от степени солидарности общественного мнения и норм уголовного закона.

Автором в 1997–1998 гг. и в 2015 г. в ходе социологического исследования в Институте социальных наук Токийского университета под руководством профессора А. Коморида был составлен список из 21-го деяния (аналогичный списку, принятому в исследовании НИИ полиции Японии в 1977 г.); испытуемым было предложено, выбрать подходящее наказание по баллам: «смертная казнь» (4), «лишение свободы с принудительным трудом» (3), «уголовный штраф» (2), «достаточно разрешения дела полицией» (1), «нет необходимости уголовно-правового запрета» (0).

Полученные результаты (табл. 20) показали совпадение общей оценки общественностью и уголовно-правовыми нормами степени тяжести указанных деяний: уголовный закон стабильно отражает мнение общественности в долгосрочной ретроспективе. С другой стороны, в восприятии ряда асоциальных явлений произошли несомненные изменения. Разница заметна в случаях безбилетного проезда, разглашения секретов предприятия, шоу с обнаженными участницами; особенно в случаях проституции и уклонения от уплаты налогов - эти деяния законодатель оценил намного строже, чем общественность.

Указанные изменения в восприятии асоциальных явлений подтверждают высказанный выше тезис об изменении японского типа ментальности и традиционных стереотипов поведения, замены их прозападными образцами.

**Оценка общественностью деяний,
предусмотренных уголовным законодательством³⁶⁶**

№ п/п	Деяние	Максимальное наказание	Балл по оценке общест- венности		
			1977 г.	1997 г.	2015 г.
1	Разбой, повлекший смерть	смертная казнь	3,8	3,9	3,9
2	Взрыв, приведший к смерти	смертная казнь	3,8	4,0	3,9
3	Мошенничество с созданием фик- тивных компаний	10 лет лишения сво- боды с принудит. трудом	2,7	1,0	1,5
4	Бегство с места ДТП и неоказание помощи пострадавшему	7,5 года лишения свободы с принуд. трудом	2,9	2,2	2,3
5	Подкуп на выборах	3 года лишения сво- боды с принуд. тру- дом	2,4	3,3	3,1
6	Установление монопольных цен	- // -	2,3	1,6	1,5
7	Уклонение от уплаты налогов	- // -	2,2	0,7	0,9
8	Самовольное использование авто- машин	- // -	2,0	2,4	2,1
9	Безбилетный проезд в обществен- ном транспорте	- // -	1,8	0,6	0,5
10	Разглашение секретов предприятия	- // -	1,7	0,9	0,8
11	Вскрытие секретных документов	2 года лишения сво- боды с принуд. тру- дом	2,1	1,6	1,3
12	Шоу с обнаженными участницами	- // -	1,5	0,9	0,7
13	Неосторожный поджог	штраф 200 тыс. иен	1,9	1,1	1,5
14	Нарушение правил стоянки авто- машин	50 тыс. иен	1,7	0,6	0,6
15	Злоупотребление органическими растворителями	30 тыс. иен	1,4	1,7	1,6
16	Нарушение общественного порядка в состоянии опьянения	уголовный арест	1,4	1,0	0,9
17	Отправление естественных надоб- ностей на улице	- // -	1,3	0,9	0,8
18	Проституция	только запрет	1,8	0,7	0,8
19	Курение несовершеннолетних	только запрет	1,1	0,6	0,8
20	Адюльтер	не регулируется УК	1,3	0,2	0,4
21	Гомосексуализм	не регулируется УК	0,6	0,2	0,2

³⁶⁶ Данные 1977 г. – Исследование НИИ полиции Японии (К. Хосино, Х. Иваи, К. Токоро и др.), приводимые К. Уэда; данные 1997 г. и 2015 г. – опрос жителей Токио и района Кансай, проведенный автором по аналогичной репрезентативной выборке исследования 1977 г. (научный консультант – профессор Токийского университета, доктор пра-
ва А. Коморида).

Следует отметить, респонденты в больших городах более «либеральны» (что объясняет общее снижение балла по аморальным деяниям), в городах ослабел неформальный контроль, основанный на традиционной морали и человеческих связях. В результате в отношении малозначительных преступлений, которые в прошлом являлись объектами этого контроля, ныне действительно возлагаются надежды на строгий публичный контроль. Однако очевидна общая солидарность общественного мнения Японии, если не всегда с нормами консервативного уголовного закона, то с его правоприменительной практикой. Такая социальная солидарность, восприятие уголовного запрета как естественного и справедливого, в свою очередь имеет важное влияние на общий уровень преступности.

Аналогично изучению мнения общественности диссертантом было проведено (для сравнения с данными опроса НИИ полиции Японии 1977 г.) исследование отношения работников уголовной юстиции к преступлению и уголовному закону. Были опрошены полицейские и инспектора по делам несовершеннолетних (табл. 21). Как и в 1970-х гг. абсолютное большинство опрошенных правоохранителей продемонстрировали солидарность с действующим уголовным запретом, рассчитывая лишь на необходимость его ужесточения.

Таблица 22

**Удельный вес лиц, отрицающих необходимость
законодательного запрета в 2015 г. (в %)**

	Безбилетный проезд	Участие в проституции в качестве клиента	Проституция	Порнофильмы	Шумовое загрязнение окружающей среды
Полицейские	6,8	13,4	29,9	13,8	7,5
Студенты	23,5	66,8	38,7	62,1	10,9

В качестве контрольной группы были опрошены студенты юридических факультетов государственных и частных университетов Токио. Сравнительно небольшая часть студентов высказалась за запрет безбилетного проезда и порнофильмов. Однако большинство из них также как полицейские потребовали применения уголовного наказания за шумовое загрязнение окружающей среды и даже за безбилетный проезд.

В целом же мнения респондентов соответствуют действительному положению современной уголовно-правовой системы. Из этого можно сделать вывод, что реализация уголовно-правовой политики (криминализация и декриминализация деяний), хотя и различно воспринимается социальными группами, вполне соответствует состоянию общественного сознания японцев как общности. Следовательно, в японском обществе сложился консенсус по поводу применения уголовно-правовой репрессии, законодательство строго ему следует, что, на мой взгляд, и объясняет его успехи.

3. Отличительная особенность развития уголовной юстиции, как и всей правовой культуры страны, состоит в ее многовековой (вплоть до конца XIX в.) обособленности от внешнего, особенно западного влияния. Когда же взаимопроникновение культур стало неизбежным, японцы с успехом соединили традиции общества и современный прагматизм.

Так, еще в середине XIX в. в качестве основного источника и материального, и процессуального права японцы использовали «Сто законов 1742 года», основанных на бесспорных конфуцианских принципах морали, что непосредственно и должно было удерживать от совершения преступления³⁶⁷. Если же говорить о более широкой ретроспективе, то надо будет отметить, что китайское право господствовало в японском законодательстве еще с середины VII в. вплоть до начала эпохи Мэйдзи (1868–1911 гг.).

Начало XX в. прошло под влиянием немецкого права на реформирование уголовного законодательства Японии, что привело к принятию в 1907 г. нового Уголовного кодекса, действующего (с изменениями) до сегодняшнего дня.

---

³⁶⁷ Пионтковский А.А. Уголовная политика Японии. – М., 1936. – С. 7.

В результате уже к началу XX в. японское уголовное право представляло собой довольно редкий в мировой практике симбиоз систем континентального и общего права. В.Н. Еремин в связи с этим отмечает, что если Уголовный кодекс Японии – это порождение и модель романо-германской системы права, то действующие наряду с ним так называемые специальные уголовные законы характеризуются как носители преимущественно англо-саксонского влияния в уголовном праве³⁶⁸. Отметим, что после Второй мировой войны общая ориентация японского законодательства на «западное» право и особенно влияние идей англо-саксонской системы права заметно усилились.

В систему уголовного законодательства входят не только УК Японии и специальные законы, но также уголовно-правовые нормы неуголовного законодательства и нормативные акты местных органов власти. В стране ныне действуют более трех десятков специальных законов о подрывной деятельности; о пресечении проституции; о контроле за огнестрельным и холодным оружием; несколько законов о контроле за оборотом наркотиков и т.д.). Количество уголовно-правовых норм (не относящихся к уголовному законодательству), рассредоточенных по различным отраслям права, чрезвычайно велико. Это и нормы контроля за экологическими правонарушениями, и нормы анти-монопольного законодательства, законы о государственных служащих и т.д.

Уголовный кодекс Японии 1907 г. в настоящее время действует в редакции Закона № 91 от 12 мая 1995 года, причем внесенные в последние 15–20 лет изменения носят существенный характер³⁶⁹. В новом УК 1907 г. значительно сокращено число статей (с 430 до 264). В связи с отсутствием в Общей части нового УК целого ряда понятий и дефиниций решение таких вопросов было предоставлено судебной практике. Кроме того, резко сократилась система наказаний – их число снизилось с 19 до 7 видов, где осталось лишь одно дополнительное наказание. В новом УК изменилась, точнее уп-

---

³⁶⁸ Еремин В. Н. Характеристика источников уголовного права Японии // Уголовное право зарубежных стран. Общая часть. – М., 1990. – С. 274–292.

³⁶⁹ Коробеев А.И. Уголовный кодекс Японии. Предисловие. – Владивосток: ДВГУ, 2000; Коробеев А.И. Уголовное законодательство Японии // Российское уголовное право. Курс лекций. Том 2. Наказание. Владивосток: ДВГУ, 1999. – С. 452–455.

разднена, прежняя классификация преступных деяний (уже нет их деления на тяжкие, нетяжкие и политические деликты. Больше внимания уделено проблеме ресоциализации осужденных – предусмотрены условное осуждение и основания для досрочного освобождения от наказания.

В качестве обстоятельств, исключающих ответственность, японское уголовное законодательство называет, во-первых, недостижение возраста, необходимого для привлечения к уголовной ответственности – 14 лет (ст. 41 УК), а по Закону о несовершеннолетних – 16 лет. В соответствии со ст. 20 этого закона лица в возрасте до 20 лет могут привлекаться к уголовной ответственности лишь за преступления, наказуемые смертной казнью или лишением свободы (с принудительным трудом или без такового). Во-втором случае таким обстоятельством, согласно ст. 39 УК, является психическая ущербность, которую закон делит на два вида – помешательство и слабоумие. В первом случае, такие лица признаются невменяемыми (ч. 1 ст. 39 УК), а слабоумные признаются ограничено вменяемыми и в отношении них меры наказания смягчаются (ч. 2 ст. 39 УК).

В качестве обстоятельств, освобождающих от ответственности и наказания УК Японии называет, далее, институты необходимой обороны (ст. 36) и крайней необходимости (ст. 37), а также своеобразный институт, закрепленный в ст. 35 УК, где речь идет о лице, действовавшем «в соответствии с законодательством» или «осуществлявшим правомерное занятие» (например, в ходе профессиональной деятельности).

В общем контексте настоящего исследования наибольшее внимание привлекают те нормы уголовного законодательства, которые регламентируют систему наказаний, порядок их назначения и исполнения, а также институт досрочного освобождения от наказания.

В ст. 9 и ст. 10 УК Японии названы наказания, классифицированные по степени тяжести; их всего семь, в том числе шесть основных видов наказания и одно дополнительное (конфискация). К числу основных видов наказаний относятся: смертная казнь, лишение свободы с принудительным трудом, ли-

шение свободы без принудительного труда, штраф, уголовный арест, малый штраф (он отличается от штрафа значительно меньшей суммой). Эти меры наказания, как и уголовный арест, могут сочетаться с другими мерами наказания³⁷⁰. Продолжительность уголовного ареста – от 1 до 30 дней (ст. 16). Согласно ст. 14 УК в случае усиления наказания срок лишения свободы может быть увеличен до 20 лет, а в случае смягчения наказания – срок наказания может быть снижен до одного месяца.

Как выглядит в общих чертах практика применения этих мер наказания видно из следующих данных. В 1991 г. в Японии был казнены 3 осужденных; в 1996 г. – 1; в 2001 г. – 10; в 2005 г. – 13; в 2009 г. – 9; в 2010 г. – 4; в 2012 г. – 7; в 2013 г. – 8 осужденных. Соответственно, в 2001 г. было вынесено 80 смертных приговоров; в 2005 г. – 15; в 2009 г. – 68; в 2010 г. – 44; в 2013 г. – 5 смертных приговоров.

С 2003 по 2010 гг., например, пожизненное лишение свободы было назначено 512 осужденным. В среднем в этот период ежегодно к этой мере наказания приговаривались 65–85 осужденных.

В 2001 году к лишению свободы было осуждено 78 588 человек или 8,1% всех осужденных (из них почти 60 % – за преступления, предусмотренные УК Японии); в 2004 г. – 90 030 чел. или 10,7%; в 2008 г. – 74 198 чел. или 14,0%; в 2010 г. – 68 216 чел. или 14,4%; в 2011 г. – 63 080 чел. или 14,6% от общего числа осужденных (абсолютному большинству из этих осужденных назначено лишение свободы с принудительным трудом). К 2001 г. соотношение количества осужденных, приговоренных к лишению свободы, и сроки их наказания выглядели следующим образом: 12,5 % – до 1 года; 42,8% – от 1 до 2-х лет; 26% – от 2-х до 3-х лет; 0,5% – свыше 10-ти лет (половина из которых были осуждены за убийство).

---

³⁷⁰ Койдзуми Ёсито. Система и виды наказаний по уголовному праву Японии // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. – Владивосток, 1998. – С. 279–281.

В 2005 г. показатели заметно изменились: 20 % человек от общего количества заключенных составили первые две группы – осужденные до 2-х лет; 60 % – наказание в виде лишения свободы было назначено условно; у половины из этих 60 % срок наказания составил от 1 до 2-х лет³⁷¹.

В 2011 г. сложилась такая ситуация: 20,6% человек от общего количества заключенных были осуждены на срок до 1 года; 43,8% – от 1 до 2-х лет; 28,3% – свыше 2-3-х лет.

Таким образом, на долю этих трех групп (до 3 лет) – вместе взятых – приходится 92,7% всех осужденных к лишению свободы³⁷².

В последние 15 лет заметное ужесточение судебной практики привело к более широкому, чем ранее применению наказания в виде лишения свободы. В 2006–2012 гг. удельный вес лишения свободы в структуре наказаний постоянно рос и в среднем составлял 14% (в 1970-1990-х гг. – 7 %), что в 2,5 раза меньше, чем в России³⁷³.

Наказание в виде штрафа и его размер определены в ст. 15 УК, а размер малого штрафа (petty fine) – в ст. 17 УК; размер такого штрафа после изменений Закона о штрафах 1973 г. – от 20 йен до 4 тыс. йен, а размеры «обычных» штрафов – свыше 4-х тыс. йен. Современное законодательство и судебная практика корректируют размеры штрафов в соответствии с реальной стоимостью национальной валюты. В течение ряда десятилетий штраф является в Японии самой распространенной мерой наказания, применяемой к осужденным (особенно за автотранспортные преступления). В 1996–1998 гг. доля осужденных к штрафам составляла около 95%; в последующие 15 лет она постепенно снижалась, и к 2012 г. эта мера наказания применялась уже к 85% осужденных (за счет роста доли осужденных к лишению свободы). В среднем

---

³⁷¹ Квашис В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. США и Япония. Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь. – Владивосток, 2008. – С. 150–151.

³⁷² White Paper on Crime, 2011. – Токуо, 2012. – Р. 60–61.

³⁷³ White Paper on Crime, 2010. – Токуо, 2011. – Р. 59. В России в 2008–2011 гг. доля лишения свободы в структуре наказаний составляла 32%–31% (Преступность и правонарушения (2007–2011). Статистический сборник. – М., 2012. – С. 164).

за последние 15 лет в общей структуре наказаний, применяемых в Японии, доля штрафов составляла около 90%, что в 6 раз больше, чем в России³⁷⁴.

К началу 2012 г. из общего числа наказаний в виде штрафа, назначенных судами первой инстанции, две трети приходилось на осужденных за преступления, предусмотренные УК Японии, и одна треть – за преступления, предусмотренные специальными законами (в основном за автотранспортные преступления, причинившие серьезный физический и материальный ущерб). При этом размеры штрафа за преступления, предусмотренные специальным законом, в абсолютном большинстве случаев значительно выше – чаще всего до 1 млн йен (около 1 000 долл.) и выше. За преступления, предусмотренные УК, в 20% рассмотренных дел штрафы были назначены за причинение вреда здоровью и в 45% – за кражу; для 25% осужденных за кражи максимальные размеры штрафа не превышали 0,5 млн йен, а для 70% – менее 0,3 млн йен³⁷⁵.

Уголовное законодательство Японии (ст. 25 УК) предусматривает весьма широкие возможности для предоставления осужденным отсрочки исполнения приговора. Такая отсрочка может быть предоставлена впервые осужденным к лишению свободы на срок до трех лет (или по истечению пяти лет после отбытия такого наказания или освобождения от него), а также осужденным к штрафу на сумму не более 200 тыс. йен. Надо отметить, что суды весьма широко используют возможность такого применения отсрочки. В начале XXI в. 60% осужденным на лишение свободы была предоставлена отсрочка исполнения приговора. И эта ситуация стала лишь повторением подобной в 2002–2003 гг.³⁷⁶.

Таким образом, наряду с ограниченной практикой применения меры пресечения в виде ареста (о ней будет сказано ниже), с куда меньшими масштабами использования наказания в виде лишения свободы, чем в других развитых странах, с широким применением кратких сроков лишения свобо-

---

³⁷⁴ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 59. В России в 2008–2011 гг. доля штрафов в общей структуре наказаний составляла – 14,7% (Преступность и правонарушения (2007–2011). Статистический сборник. – М., 2012. – С. 164).

³⁷⁵ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P.62.

³⁷⁶ Summary of the White Paper on Crime, 2003. – Tokyo, 2004. – P. 9–11.

ды, широко распространенная практика отсрочки исполнения приговора служит еще одним свидетельством рационального и экономного расходования мер уголовной репрессии. Заметим, что все это – практика традиционная и стабильная. Подтверждением стал Национальный доклад Японии на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности (Гавана, 1990 г.), в котором говорилось: «В то время как во многих странах мира на тюремное заключение смотрят как на неизбежное зло, связанное с необходимостью изоляции преступников от общества, а не с их перевоспитанием, в Японии оно признано полезной мерой, способствующей реабилитации правонарушителей и их возвращением в общество»³⁷⁷.

Именно такой рациональный подход к экономному использованию суровых мер уголовной репрессии дополняет и широкая практика применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. В соответствии со ст. 28–30 УК Японии, такое освобождение применяется после отбытия не менее одной трети срока наказания (на практике он, как правило, больше) или после 10 лет – при пожизненном заключении, при условии, что осужденный явно исправился, характеризуется положительно, нет угрозы его возврата к преступному образу жизни, и, наконец, при согласии его родственников и локального окружения. Районная комиссия по реабилитации, решающая вопрос об условно-досрочном освобождении осужденного (по ходатайству тюремной администрации), может определить и другие условия и требования к поведению освобождаемого лица. В 1997–2011 гг. с ходатайствами об условно-досрочном освобождении от наказания ежегодно обращались в среднем 16–17 тыс. заключенных и в 90% случаев такие ходатайства, как и в прежние годы, удовлетворялись³⁷⁸.

К началу 2012 г. общий уровень условно-досрочного освобождения (по отношению к общему числу освобожденных из мест лишения свободы) за-

---

³⁷⁷ Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовной юстиции на пороге XXI в. Национальный доклад Японии VIII Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. – Гавана, 1990. – С. 25.

³⁷⁸ White Paper on Crime, 2011. – Tokyo, 2012. – P. 63.

метно снизился составил 49,2% (на 10% меньше) по сравнению с концом 1990-х гг.); при этом среди мужчин этот показатель равен примерно 42%, а среди женщин – 71%.

В уголовном законодательстве Японии важное место занимает также институт «защитного надзора», применение которого происходит в двух формах – пробации (или условного осуждения) и условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (по системе «пэроул»). Суть этого института и его цели – осуществление правоохранительными органами надзора, контроля и оказание помощи названным категориям осужденных в социальной адаптации в условиях свободы и предупреждение рецидива правонарушений. Уголовный закон предусматривает пять видов защитного надзора. Первые два из них касаются несовершеннолетних, к которым надзор применяется либо как профилактическая «мера защиты» – до достижения 20-летнего возраста, либо при условно-досрочном освобождении из исправительных школ (о них подробнее говорилось в главе о преступности несовершеннолетних). Третий вид надзора устанавливается за условно-досрочно освобожденными из тюрем, четвертый – за условно осужденными, а также за осужденными, которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора; пятый – за проститутками, условно-досрочно освобожденными из воспитательных домов для женщин. Для условно осужденных и тех, кому предоставлена отсрочка исполнения приговора, продолжительность защитного надзора равна сроку назначенного наказания, а для освобожденных условно-досрочно – неотбытому сроку наказания. В конечном итоге, все формы защитного надзора так или иначе преследуют главную цель – профилактику преступности³⁷⁹.

Наконец, наряду с мерами защитного надзора в Японии применяются и так называемые меры безопасности, которые в правовой литературе определяются как защитные, воспитательные, исправительные, лечебные и т.п. меры, дополняющие или заменяющие уголовные санкции с целью предотвра-

---

³⁷⁹ Ясухино К. Очерк реформы уголовного закона. – Токио, 1947. – С. 5–46 (на яп. яз.); Коробеев А.И. Уголовное законодательство Японии // Российское уголовное право. Курс лекций. Т.2. Наказание. – Владивосток: ДВГУ, 1999. – С. 460.

щения социальной опасности изолируемых правонарушителей. Такие меры безопасности чаще всего применяются к определенным категориям несовершеннолетних (с «преступными наклонностями») – по решению семейных судов; к условно осужденным и к женщинам, нарушившим Закон о предотвращении проституции и определенной категории условно-досрочно освобожденных, требующих установления специального контроля за их поведением.

Как отмечают японские исследователи, «правильно» сконструированное законодательство и его «разумное» применение имеют чрезвычайно важное значение в реализации уголовной политики³⁸⁰. Одним из примеров эффективности законодательства в деле контроля и предупреждения преступности может служить самое жесткое (по сравнению с другими развитыми странами) правовое регулирование ответственности за «обладание» огнестрельным и холодным оружием (не случайно, в Японии, как отмечалось, в течение многих лет фиксируются самые низкие показатели преступлений, совершенных с применением оружия).

Признанная в стране и за рубежом эффективность системы уголовного законодательства Японии во многом связана с таким важным качеством, как гибкость, позволяющая варьировать масштабы вмешательства уголовной юстиции и жесткость мер воздействия в рамках действующего закона. В силу такой политики формируется и другое крайне важное качество уголовного законодательства – его стабильность. В самом деле, в ходе столетнего функционирования УК 1907 г. в Японии удалось найти оптимальный баланс между необходимостью сохранения его основных черт и принципов и определенной модернизацией, вызванной потребностями экономического и общественного развития, которая, в отличие от лихорадочного и бессистемного «совершенствования» российского уголовного кодекса, «не привела к фундаментальным сдвигам» в японском уголовном законодательстве³⁸¹.

---

³⁸⁰ Нисихара Харуо. Обоснование права государства на применение уголовного наказания// Вестник Московского ун-та, «Право», 1991. – №2. – С. 74.

³⁸¹ Takayanagi Kendzo. A Century of innovation. The development of Japanese Law// Law in Japan. The legal changing society. Cambridge, 1963. – P. 18; Nakayama Kenichi. Japan // Major criminal justice systems. – London, 1981. – P. 138.

§2. Основные направления и особенности реализации уголовно-правовой политики

Одна из основных особенностей уголовно-правовой политики в Японии состоит в приоритете рационального начала – как на уровне криминализации деяний, так и в практике применения мер воздействия на правонарушителей, – где предпочтительным является максимально экономное расходование уголовной репрессии. Эта генеральная линия реализуется на всех уровнях и на всех этапах правоприменительной деятельности.

Существует определенная шкала оценок, в соответствии с которой те или иные деяния признаются преступными, а также определяется степень их тяжести. От совпадения таких оценок уголовным законом, с одной стороны, и отношения к ним в общественном мнении, их восприятием в массовом сознании – с другой стороны, во многом зависит эффективность уголовно-правовой политики. Отметим в этой связи, что далеко не все деяния рассматриваются правоохранительными органами и далеко не все из них влекут применение мер ответственности и наказания. «Отсев» таких деяний происходит, как только что отмечалось, на разных этапах и разных уровнях «уголовного конвейера». В инструментальном плане этому способствуют: дискреционный принцип возбуждения уголовного преследования; «принцип целесообразной ответственности»; дискреционные полномочия прокурора для выбора судебной процедуры по значительному кругу преступлений, что, в конечном счете, определяет вид и меру наказания; вариативность пределов наказания, в следствие широких возможностей от «судейского усмотрения». Все это не исключает обоснованной суровости санкций.

Во всех случаях подчеркивается важность индивидуального подхода к содеянному и, особенно, к личности преступника; на этом строится возможность вывода из сферы уголовной юстиции дел о правонарушениях на основании их малозначительности и конкретных обстоятельств дела (ст. 246 УПК). Полиции, например, предоставлено право не передавать прокурору

дела об определенном круге «малозначительных» преступлений, если, судя по обстоятельствам дела и личности преступника, это не вызывается необходимостью (иногда это называют «полицейским усмотрением»). Такие решения принимаются примерно по 17% дел. Данный подход позволяет избежать излишней стигматизации и экономить силы правоохранительных органов. Сюда же относятся достаточно сдержанное отношение к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу; экономное применение наказания в виде лишения свободы; преобладание кратких сроков такого наказания; широко используемая судами практика отсрочки исполнения приговора (ст. 25 УК); доминирующая практика назначения наказания в виде штрафа, а также широкое применение условно-досрочного освобождения от наказания.

И тем не менее рецидивы преступного поведения, согласно уголовному законодательству Японии, неизбежно должны повлечь и более суровое наказание, что позволяет говорить об адекватности подходов в правотворчестве Японии. По мнению авторитетных ученых, Ё. Сугияма и К. Вати: «...возмездие вносит свой вклад в решение задач специальной превенции, поэтому *не следует* соглашаться с положением в интересах общей превенции таких тяжких наказаний, которые превышали бы пределы, необходимые для совершившего деяние, для воспитания или социальных гарантий. Очевидно сущностное противоречие, однако оно гармонизируется в судебной практике»³⁸².

Анализируя особенности уголовного законодательства Японии и всей системы мер воздействия на преступность, большинство зарубежных исследователей дает ей высокую оценку; они отмечают её патерналистский характер и в целом характеризуют ее как «благожелательную», ибо в ней «почти идеально удалость совместить относительную мягкость с высокой эффективностью»³⁸³. При этом, одни исследователи обращают особое внимание на

---

³⁸² Сугияма Ёсихиса, Вати Кэнтаро. Гэндай хогаку гайрон. (Общий очерк современной науки уголовного права). – Токио, 1994. – С. 185 (на яп. яз.). Цит. по: Еремин В.Н. Уголовное право Японии // Уголовное право зарубежных государств. – М., 2003. – С. 486.

³⁸³ Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1997. – С. 272, 276–277.

многочисленные «мягкие элементы» этой системы, относят её к разряду «семейной модели» (Д. Фут, Кастберг, В. Клифорд), а другие, наоборот, усматривают в ней «чрезмерный либерализм»³⁸⁴. Последняя оценка представляется излишне категоричной и, как будет показано далее, в принципе является весьма сомнительной. Ибо, как отмечал еще И. Бентам, «...всякое наказание есть вред; всякое наказание есть само по себе зло...оно должно быть допустимо только в той степени, насколько оно обещает устранить какое-нибудь большее зло»³⁸⁵.

По сути дела, именно на этом базируется доминирующая в японском уголовном праве концепция целей и основных принципов наказания – концепция реабилитации правонарушителей на основе индивидуального обращения. Что же касается общепреventивного эффекта наказания, то он, по мнению японских ученых, должен обеспечиваться не столько суровостью применяемых мер наказания, сколько его неотвратимостью, не столько устрашением, сколько воспитательным воздействием эффективного и гуманного функционирования уголовной юстиции³⁸⁶. В практическом плане в этой концепции заложены и, на наш взгляд, достаточно успешно реализуются присущие японскому праву принципы дифференциации ответственности и максимальной индивидуализации наказания.

Посмотрим теперь, как указанные идеи и принципы уголовного законодательства Японии реализуются в правоприменительной практике. Исходя из целей и задач настоящего исследования, в системе этих органов выделим практику трех центральных звеньев – полиции, судебных органов и исправительных учреждений.

---

³⁸⁴ Ведерникова О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право, 2002. – № 10. – С. 36.

³⁸⁵ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М., 1998, – С. 221; См. также: Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. – М., 2004; Кристи Н. Пределы наказания. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. – М., 1985.

³⁸⁶ Sudzuki Y. (Судзуки, Ёсио) Crime prevention and criminal justice// UNAFEI resource. – Tokyo, 1980. – № 18. – P. 89.

1. Полиция Японии: организация, функции, эффективность. Согласно Конституции Японии, полиция является самостоятельным государственным учреждением, подчиненным правительству и не входящим в какие-либо министерства и ведомства. На вершине пирамиды полицейской системы страны стоит Национальная Комиссия общественной безопасности (в нее входят пять членов во главе с председателем в ранге министра), которая с одобрения премьер-министра назначает главу Национального Агентства полиции – Генерального комиссара НПА³⁸⁷. По такому же принципу строится организация полиции во всех 47 префектурах страны с той разницей, что в них комиссии общественной безопасности, состоящие из представителей органов местного самоуправления и общественности, подчиняются губернатору, который утверждает согласованную с НПА кандидатуру шефа полиции префектуры. Деятельность полиции префектур координируется НПА, что еще раз подчеркивает статус полиции как единой и централизованной системы (в разные годы высшее звено полицейской системы меняло свое название – от Главного полицейского управления до современного НПА).

В структурном и организационном плане «ниже» НПА находятся управления полицейских округов, в каждый из которых входит полиция нескольких префектур (за исключением самостоятельных префектур Токио и Хоккайдо, подчиненных непосредственно НПА). Полиция префектуры возглавляется начальником (штабом), которому подчинены отделения полиции – основные «рабочие» органы системы, отделения полиции руководят работой полицейских будок в городах и полицейскими постами в сельской местности.

Кроме того, в столице страны функционирует большое самостоятельное подразделение – Metropolitan Police Department – с такими же правами, как у полиции префектуры, действующее в пределах своей юрисдикции. Шеф столичной полиции, как и руководитель НПА, назначается по представлению

---

³⁸⁷ В структуру Национального Агентства полиции помимо собственно полицейских служб – общественной безопасности, следствия, дорожного движения и департамента учебно-тренировочной работы, входят также Национальная академия полиции, Научно-исследовательский институт полиции и Штаб-квартира императорской гвардии.

Национальной комиссии общественной безопасности после утверждения его кандидатуры премьер-министром страны. Таким образом, в стране выстроена строго централизованная вертикаль полицейской службы.

В столице и в префектурах юрисдикция полиции делится на округа и районы, в каждом из которых для наблюдения за порядком функционирует своеобразная система полицейских «будок» (Koban), основанная еще в эпоху Мейдзи – в 1874 г.. Ныне в них дежурят от трех до пяти сотрудников полиции, наблюдающих за порядком по многочисленным телемониторам и радиосвязи. В девятимиллионном Токио действуют около 110-ти отделений полиции, на каждое из которых «замыкаются» 10–15 Koban; к началу 2010 г. в столице функционировали 1 184 Koban. В районах с меньшей концентрацией населения функционируют такие же полицейские пункты с той разницей, что в них работает и, как правило, там же проживает лишь один сотрудник полиции (Chuzai-sho). Считается, что именно эти полицейские пункты, расположенные по всей территории страны и интегрированные в окружающие кварталы (ныне действуют 6 200 Koban и 6 600 Chuzai-sho) выполняют основную роль в поддержании общественной безопасности на локальном уровне. В них работают более 40% всего личного состава полиции. Это означает, что основная работа полиции по предупреждению и пресечению правонарушений сосредоточена именно в низовом звене.

«Кобан» всегда были символом общественной безопасности и помощи в каждом районе и в каждой общине. Они придавали и придают населению чувства уверенности, защищенности и безопасности³⁸⁸. Полицейские, работающие в Koban, нацелены не только на охрану порядка, но и на помощь гражданам при любых затруднениях. Успеху их деятельности способствует и кропотливая работа по повышению авторитета полиции в глазах населения. Японские и зарубежные исследователи высоко оценивают деятельность таких пунктов, называя их адаптивными институтами, характер которых опре-

---

³⁸⁸ Железняк О., Тебин Н. Полиция «шаговой доступности» // Независимая газета, 4 декабря 2013 года.

деляется окружением, в которые они помещены. «Они больше, чем источник помощи при чрезвычайных обстоятельствах, они – учреждения коммунальной службы»³⁸⁹.

Эффективное функционирование таких полицейских пунктов дополняется работой национальной службы срочной помощи «Dial 110» (в специально созданные во всех префектурах командные центры – ССС – в 2012 г. поступило свыше 9 млн звонков, которые тут же передавались в ближайшие Koban) и активно действующими мобильными группами вело- и автопатрулей в особо криминогенных местах. Сотрудники патрульно-постовой службы обеспечивают защиту граждан, следят за подозрительными лицами, поведением несовершеннолетних, помогают в розыске потерявшихся детей и лиц, находящихся в состоянии опьянения. Считается, что на долю сотрудников этой службы приходится 60–65% всех задержанных правонарушителей.

Основные функции полиции состоят в поддержании общественного порядка, противодействии преступности, организации и обеспечении безопасности движения дорожного транспорта, осуществлении ряда административных режимов (например, специальных мер контроля за оборотом наркотиков, хождением строго запрещенного в стране оружия, за пребыванием и поведением иностранцев и т.д.). В сфере борьбы с преступностью на полицию возложены профилактические, оперативно-розыскные и следственные функции. При этом по ряду малозначительных преступлений полиция может сама разрешать дела, не передавая их в органы прокуратуры. Существуют и «узко-профильные», специализированные службы полиции, чьи подразделения ведут, например, наблюдение за политическими организациями, «представляющими угрозу для безопасности общества». Самостоятельными являются, например, специальная служба борьбы с компьютерными преступлениями, созданная в середине 2000-х гг. служба финансовой разведки и т.д. Кроме то-

---

³⁸⁹ Nishimura K. On the Nagasaki Beat: the Art of community Policing // Look from Japan, March, 1997; Bayley,nd. H., Forces of Order. Berkeley, 1991. – P.16.

го, полиция имеет свои военизированные «маневренные отряды» для обеспечения порядка и безопасности в местах массового скопления людей.

Во всех руководящих документах, начиная с Закона о полиции 1954 г., при определении стоящих перед полицией задач преобладают слова «предупреждение», «предотвращение» и т.п., а эти требования реализовать крайне сложно без формирования тесного сотрудничества с населением и множеством общественных организаций жителей подведомственных районов, на основе которого повышается и уровень доверия полиции³⁹⁰. В инструкциях по работе «кобан» подчеркивается, что важнейшей задачей полицейских является развитие контактов с населением и общественными организациями своего района. Эта огромная по своим масштабам работа координируется создаваемым при каждом отделении полиции «советом связи с населением», куда входят представители общественных организаций, комитетов местного самоуправления, администрации больших жилых комплексов, руководители групп волонтеров и т.д. Вместе с другими специализированными общественными организациями (Ассоциацией волонтеров пробации, Женской ассоциацией помощи, Ассоциацией адвокатов, группами поддержки жертв преступлений и т.д.) такие советы принимают активное участие в многочисленных кампаниях по поддержанию порядка на местном уровне и в масштабах префектур, а также в ежегодно организуемой при поддержке Министерства юстиции Японии июльской кампании (Brighter Society Campaign – Community Power to Prevent Offences and Delinquencies and Support Rehabilitation) по предупреждению преступлений, правонарушений несовершеннолетних, поддержке лиц, находящихся в условиях пробации и реабилитации и т.д. Проведение такого рода мероприятий строится с опорой на многочисленные груп-

---

³⁹⁰ По данным специальных исследований, уровень доверия полиции к 2010 г. составлял: в Японии – 69%; в Великобритании – 72%; в ФРГ – 67%; во Франции – 65% (Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования. – СПб., 2012). По нашим данным, этот показатель в Японии ныне не уступает США и Канаде (87%). Кстати, даже 15 лет назад этот показатель был на уровне 78% (а не 69). Тогда под руководством проф. С. Ёкотэ автором был проведен опрос студентов из 13-стран АТР, Европы и Японии, итоги которого показали, что японская полиция наименее коррумпирована, а уровень доверия к ней является наиболее высоким.

пы волонтеров – добровольных помощников полиции, число которых ежегодно растет. К концу 2010 г., например, в стране насчитывалось 42 762 группы, в которые входили 2 629 278 волонтеров³⁹¹.

Среди ряда направлений деятельности полиции по предупреждению преступлений следует особо выделить принятие мер в отношении малозначительных деяний. Речь идет о мерах, принимаемых в отношении таких деяний только полицией (иногда их в японской литературе называют своеобразным отправлением правосудия). Что дают такие меры? Во-первых, декриминализируя определенную часть такого рода (малозначительных) деяний, полиция, как уже отмечалось, решает чисто практические задачи – с сокращением числа деяний, не относимых к преступным (например, в силу причинения незначительного ущерба при краже или присвоении оставленного имущества); снижаются показатели преступности, прямо влияющие на общее снижение нагрузки на полицию и систему уголовной юстиции в целом. Во-вторых, такие меры позволяют избежать неблагоприятных для виновного и членов его семьи последствий стигматизации, они призваны способствовать ресоциализации правонарушителя в условиях, когда государство (в лице уполномоченных на то органов) с учетом всех обстоятельств конкретного дела отказывается от уголовного преследования и применения наказания к виновному лицу и ограничивается тем, что выносит ему официальное предостережение. Такого рода дела разрешаются полицией, и именно полиция выносит такие официальные предостережения, как правило, заручившись поручительством семьи или (и) администрации предприятия, где работает правонарушитель. Надзор за практикой применения полицией таких мер по малозначительным делам осуществляет прокурор. Отметим, что в последние 12–15 лет, количество дел, решаемых указанным путем, имеет все более очевидную тенденцию к последовательному росту и, судя по всему, и в практическом, и в воспитательном плане себя оправдывает³⁹².

---

³⁹¹ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 99.

³⁹² Кан Уэда. Преступность и криминология в современной Японии. – М., 1989. – С. 157–158; Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1997. – С. 273–274; Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии, 2003. – С. 117.

К 2013 г. по мере укрепления правоохранительных органов общая численность полиции страны составила 293,1 тыс. человек³⁹³, в том числе непосредственно в Национальном Агентстве полиции занято 7 700 человек (2 100 – офицеры полиции, 900 – сотрудники императорской гвардии и 4 700 – вольнонаемные сотрудники). Таким образом, общая численность сотрудников полиции 47 префектур страны составляет 285,4 тыс. человек (в т.ч. 257 100 – полицейские и 28 300 – вольнонаемные сотрудники). В общем числе офицеров полиции в стране 18 700 – женщины (14%); кроме того, женщины составляют треть всех (12 100) вольнонаемных сотрудников³⁹⁴. Соответственно, бюджет полиции состоит из двух пропорциональных частей – национального и бюджета префектур. К началу 2013 г. бюджет Национального Агентства полиции составлял **312 741 млн йен**, из которых 22,6% (66,7 млн йен) приходилось на субсидии для полиции префектур; 26% (83,7 млн йен) – на зарплату сотрудников и 31% – на расходы по снаряжению, оборудованию, средства связи, транспорт (42,5 тыс. автомашин, 170 катеров, 82 вертолета) и т.п. В том же году бюджет полиции префектур (она финансируется властями префектур) составлял **3 269 058 млн. йен**, из которых 81,3% предназначались для выплаты зарплаты сотрудникам.

Эффективность деятельности всей системы правоохранительных органов в Японии достигается благодаря высокой квалификации кадров, организации кадровой работы в целом, в том числе стройной системе переподготовки и постоянного повышения профессионального уровня. Как правило, после окончания высшего учебного заведения, готовящего юристов, выпускник в течение трех лет к самостоятельной работе не допускается. Он стажировается в эти годы на вспомогательных должностях, а затем сдает квалификационный экзамен. Лишь после этого он становится полноправным юристом, а в дальнейшем проходит через постоянно действующую систему повышения квалификации. Кадровая работа и высокий уровень профессиональной подготовки

---

³⁹³ В 2005 г. общая численность полиции Японии составляла 285 тыс., а в 2010 г. 291 475 сотрудников (White Paper on Police, 2005. – P. 203; White paper on Police, 2010. – P. 166).

³⁹⁴ Police of Japan, 2014. – Tokyo, 2014. – P. 5.

сотрудников полиции в этом отношении не составляет исключения, ибо в организационном плане она строится на той же основе. Более того, здесь присвоение очередного звания наряду с другими требованиями находится в прямой зависимости от продолжительности и результативности обучения на курсах повышения квалификации. К тому же, все большая диверсификация направлений деятельности полиции в современных условиях связана с созданием новых специализированных подразделений (по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий, организации помощи и защиты населения в случае техногенных катастроф и стихийных бедствий и т.д.), предполагает высокую степень специализации сотрудников полиции, создание профилированной системы переподготовки и повышения их профессионального уровня.

В начале 1990-х гг. всплеск преступности в стране во многом был связан с самой высокой среди развитых стран загруженностью сотрудников полиции, в первую очередь, из-за наименьшего числа полицейских в расчете на 100 тыс. населения. В 1990 г. в США, например, этот показатель составлял 1:379; во Франции – 1:268, а в Японии – 1:556. Такое положение негативно сказывалось и на показателях раскрываемости преступлений, и на организации профилактики преступности как основного направления деятельности правоохранительных органов. К середине 2000-х гг. положение значительно изменилось: к 2009 г. в Японии оно составляло 1:197; в ФРГ – 1:298; во Франции – 1:375; в Великобритании – 1:307 (почти в 2 раза меньше, чем в среднем в развитых странах)³⁹⁵. При этом следует учитывать, что в последние 15 лет показатели преступности в Японии на порядок ниже, чем в указанных странах; поэтому там численность полицейских растет, а в Японии все эти годы указанный показатель практически не меняется.

В предыдущих разделах работы, а также в материалах, ранее опубликованных автором, проблемы и результаты деятельности полиции анализировались довольно подробно – применительно к тем или иным сферам и на-

---

³⁹⁵ Police of Japan, 2009. – Tokyo, 2010. – P. 8; Police of Japan, 2013. – Tokyo, 2014. – P. 11. В 2012 г. в России на 100 тыс. населения приходилось 547 полицейских.

правлениям борьбы с преступностью и к различным историческим отрезкам³⁹⁶. Самый последний из опубликованных отчетов о деятельности японской полиции (2014 г.) венчает краткий обзор результатов ее работы по итогам 2012 г., где некоторые статистические показатели из-за задержки с переводом и публикацией официальных материалов не приводились в соответствующих разделах этого исследования.

Применительно к проблематике преступности несовершеннолетних можно отметить, что показатели 2012 г. в очередной раз подтвердили продолжающуюся в течение ряда лет тенденцию ее последовательного снижения. К 2013 г., сообщается в названном Отчете полиции, общее число несовершеннолетних, совершивших преступления, предусмотренные УК Японии, составило 65 448 человек, что на 15,8% меньше, чем в 2011 г. (соответственно, доля таких правонарушителей в общем числе лиц указанной возрастной группы в расчете на 1000 человек составила 9,1)³⁹⁷. С другой стороны, в общем числе всех лиц, совершивших преступления, предусмотренные УК, несовершеннолетние составили пятую часть (22,8%); в то же время именно несовершеннолетними совершено более половины (56%) таких «уличных» преступлений, как, например, snatchings (вырывание сумок) и нападения с целью ограбления.

В 2012 г. полиция еще больше активизировала свою деятельность по противодействию таким явлениям, как детская проституция и порнография. К концу года по 695-ти зарегистрированным преступлениям было арестовано 579 человек, обвиняемых в организации детской проституции. Одновременно по 1 268 преступлениям, связанным с вовлечением детей в занятие порнографией, было арестовано 1 596 подозреваемых в организации таких престу-

---

³⁹⁶ **Квашис В.Е.**, Морозов Н.А. Организованная преступность в Японии // Научный портал МВД России, 2013. – №4; Генрих Н.В., Морозов Н.А. Противодействие киберпреступности в Японии // Российский криминологический взгляд, 2014. – № 1; Камалова А.К., Генрих Н.В., Морозов Н.А. Сравнительный анализ преступности в Японии и других странах // Научный портал МВД России, 2013. – №3; Морозов Н.А. Борьба с компьютерной преступностью в Японии // Общество и право, 2014. – №2.

³⁹⁷ Police of Japan, 2013. – Tokyo, 2014. – P. 13, 37.

плений – самые высокие показатели за все предшествующие годы. По этой категории уголовных дел зафиксировано самая широкая распространенность использования компьютерной техники – 68 % зарегистрированных фактов изготовления и распространения в сети материалов, связанных с порнографией. Учитывая, что в последние годы Интернет-среда, в которой молодежь проводит значительное время, заметно ухудшилась, специальные подразделения полиции (кибер-патруль) ведут постоянное наблюдение за запросами и обеспечивают фильтрацию информации, запрашиваемой молодыми пользователями сети. Кроме того, уже несколько лет действует созданный по инициативе полиции молодежный телефонный центр (Young Telephone Center), где полицейские своими советами и консультациями оказывают молодежи необходимую помощь в решении возникших проблем. В 2012 г. зафиксировано 66 113 таких обращений.

Заметной является и активизация усилий полиции в деле выявления и противодействия компьютерной преступности. Так, в 2012 г. зарегистрировано 7 334 различных правонарушений, что на 27,7 % больше, чем в 2011 г. Кроме того, в январе 2013 г. в целях предотвращения угроз в киберпространстве, которые могут появиться в Интернете, Национальное полицейское агентство разработало и объявило специальную программу срочных мер, которые помогут справиться с киберпреступностью («The Immediate Action Programe for the Reinforcement of the Abilities to Cope with Cyber Crimes»). Из общего числа таких преступлений абсолютное большинство составили деяния, связанные с использованием сети – 6 613; при этом их число по сравнению с 2011 г. снизилось на 22,7% (или на 1 225 преступлений). Менее благоприятная картина сложилась в динамике таких правонарушений, как несанкционированный доступ к компьютерам (Unauthorized Computer Access Act violation) – они выросли за год на 119% (593 преступления). Этот прирост в значительной степени связан с тем, что в марте 2012 г. вступила в действие поправка к названному акту, ужесточившая наказание за кражу паролей и персональных данных владельцев компьютеров.

Специализированные службы японской киберполиции – The Cybercrime Division и High-Tech Crime Technology Division – продолжили активизацию мер по борьбе с незаконным и причиняющим ущерб содержанием сети, включая правонарушения, жертвами которых могли стать дети. Напомним, что еще в 2006 г. NPA создала специальный национальный центр («Internet Hotline Center Japan») – «горячую» линию связи для сообщений о фактах появления в сети информации с противоправным или вредным содержанием. В 2012 г. число сообщений пользователей сети о таких фактах – 196 474 по сравнению с предыдущим годом выросло более чем на 20 тыс. (11,5%). А с апреля 2011 г. по инициативе полиции блокировать сайты с такой информацией, как детская порнография, стали сами интернет-провайдеры. Одновременно полиция усилила такое направление работы, как оказание консультационной и информационной помощи населению в деле защиты от компьютерных преступлений. Заметное снижение числа таких обращений за помощью и консультациями (в 2012 г. их было 77 815) свидетельствует об эффективности профилактических мер, предпринимаемых полицией.

Большое значение руководство полиции придает, как уже отмечалось, взаимодействию с общественностью и все более широкому привлечению граждан к профилактике правонарушений. При этом основной акцент в этой работе делается на расширении активности жителей префектур. Именно с этой целью еще с 2007 г. в Японии вступила в действие разработанная полицией система поощрения (в т.ч. денежного вознаграждения) граждан, информирующих о серьезных правонарушениях (Special Reward System).

Особое внимание при этом уделяется информации, касающейся активности организованных преступных сообществ. К концу 2012 г., благодаря усилиям полиции численность таких сообществ сократилась до 63 200 человек (к июню 2013 г. была зафиксирована 21 криминальная группа, подпадающая под действие антимафиозного законодательства; почти 60% ее участников – так называемые «ассоциативные члены»). Это самый низкий показатель численности организованных преступных сообществ за все послево-

енные годы. К сказанному следует добавить, что в 2012 г. полиция арестовала 24 139 участников таких преступных сообществ. Продолжая активное наступление на организованную преступность, полиция вместе с местными властями и при участии жителей префектур предпринимает все возможные меры по вытеснению полуполюгальных и легальных криминальных структур из различных проектов по совершенствованию инфраструктуры и удалению представительств этих структур от центров общественной жизни, особенно от детских и культурных учреждений.

Заметные результаты достигнуты полицией в сфере исполнения законодательства о запрете хранения и оборота огнестрельного оружия. Об этом свидетельствует и динамика инцидентов такого рода за последние годы. В 2008 г., например, было зафиксировано 275 инцидентов с применением огнестрельного оружия; в 2009 г. – 253; в 2010 г. – 205; в 2011 г. – 180, а в 2012 г. – 153 (т.е. за пять лет их число сократилось почти в 2 раза). Из 153 инцидентов огнестрельное оружие использовалось при совершении 15 убийств (1,6%) и 44 ограблений³⁹⁸. В том же 2012 г. полицией было изъято 373 единицы огнестрельного оружия, из которых 25,5 % – изъято у участников организованных преступных сообществ³⁹⁹.

Что касается практики контроля за незаконным оборотом наркотических веществ, то наибольшее количество такого рода нарушений по-прежнему приходится на долю метамфетаминов. За связанные с ними правонарушения в 2012 г. было арестовано 86% всех нарушителей законодательства о наркотиках. Метамфетамин, как и раньше, – предмет организованной контрабанды – он составляет 67,5% всей контрабанды из-за рубежа; в последние три года, благодаря усилиям полиции, число арестованных наркокурьеров растет, одновременно растут и объемы изъятых наркотиков.

---

³⁹⁸ По данным исследования Комиссии ООН, с 2005 по 2012 гг. в Японии с применением огнестрельного оружия совершено почти 1,7% от общего числа убийств. Для сравнения – в Англии – 7%; в США – 60% (Global Study on Homicide, 2013. – Vienna, 2014. – P. 142).

³⁹⁹ Police of Japan, 2013. – Tokyo, 2014. – P. 19.

Традиционными направлениями борьбы с общеуголовной преступностью деятельность японской полиции не ограничивается. В апреле 2007 г. при Национальном центре финансовой разведки (The Japan Financial Intelligence Centre) была создана полицейская служба финансовой разведки (Financial Intelligence Unit), в задачи которой входит сбор и анализ подозрительных отчетов о финансовых операциях. Поскольку число таких отчетов ежегодно росло, становилось все более очевидным, что именно их анализ является ключом к расследованию незаконных денежных операций, в которых фигурировали средства организованных преступных сообществ. На контроль за такими денежными потоками и были направлены усилия финансовой разведки полиции, которые существенно ограничили свободу финансовых операций организованных преступных формирований.

В стране с чрезвычайно высоким уровнем автомобилизации и ежедневно растущим автопарком огромный объем работы полиции идет на обеспечение безопасности дорожного движения. О серьезности проблемы говорят и показатели людских потерь. В 2013 г. число погибших в автотранспортных происшествиях составило 4 373 человек, но это лишь те, кто скончался в течение 24 часов; кроме того, число погибших в результате ДТП позднее (в Японии отдельно учитываются скончавшиеся в течение 30 дней), составило 5 151 чел. Несмотря на то, что за 2013 г. общее число ДТП (629 021) снизилось на 5,4%, проблем у дорожной полиции в избытке. Особое беспокойство доставляют многочисленные молодежные банды мотоциклистов – в 2013 г. зафиксировано 327 таких банд, насчитывающих 6 993 мотоциклистов (55 % из них моложе 20 лет)⁴⁰⁰. Полиции пришлось принимать меры по поступившим от граждан 36 000 жалоб на их «сумасшедшую» езду и грохот мотоциклов.

Отдельно следует упомянуть разноплановую работу полиции по оказанию поддержки потерпевшим от преступления и их родственникам. В принципе функции и задачи полиции здесь такие же, как и в других развитых странах – разъяснительная работа и необходимая правовая помощь, макси-

---

⁴⁰⁰ Police of Japan, 2013. – Tokyo, 2014. – P. 22.

мальное внимание к потерпевшим, психологическая поддержка и всемерная помощь в сборе документов, необходимых для решения вопроса о возмещении ущерба. Но есть и нюансы, свойственные особому статусу потерпевших и особым формам компенсации ущерба. Дело в том, что в отличие от других стран японское законодательство предусматривает выплату компенсации ущерба потерпевшим от тяжких преступлений (или их родственникам) не только из специализированных общественных фондов (они были созданы еще в 1975–1976 гг.), но и из государственного фонда, действующего с 1 января 1981 г. (Закон 1980 года о денежных выплатах жертвам преступлений)⁴⁰¹. Для получения такой компенсации правительством страны установлен особый порядок оформления документов, которым прямо предусмотрена участие и помощь полиции в их оформлении. Отметим также, что в каждом полицейском участке оборудована специальная комната для потерпевших, которая, кроме всего прочего, оформлена особым дизайном, создающим психологически комфортные условия для их отдыха и спокойной работы с полицейскими и следователями. Разумеется, также как и в других развитых странах, полиция консультирует потерпевших, сопровождает их в больницы и судебные заседания. Специфика деятельности полицейских здесь проявляется и в более активной заботе о предупреждении вторичной виктимизации. В этом плане нельзя переоценить опыт работы японской полиции по взаимодействию с населением, его правовому воспитанию и особенно тесному взаимодействию с национальными, префектурными и общественными организациями поддержки жертв преступлений; сегодня в стране действуют 48 таких организаций.

Власти и руководство полиции придают совершенствованию этой работы большое значение. Отметим, в частности, что полицией предпринимаются меры по дифференциации работы с жертвами различных преступлений; для

---

⁴⁰¹ С 1998 по 2010 гг., например, число потерпевших, получивших компенсацию ущерба из государственного фонда, выросло с 269 до 656, а число семей потерпевших – с 267 до 323 (Police of Japan, 2013. – P. 24). В конце 1980-х гг. число потерпевших, получивших такую компенсацию, было в несколько раз выше, что соответствовало более высокому в те годы уровню насильственной преступности.

каждой категории потерпевших разработаны специализированные программы помощи. Скажем, для жертв сексуального насилия установлена отдельная линия «горячей» телефонной связи (Dial 110 Sex Crime), их консультируют специально подготовленные сотрудники (как правило, женщины); действуют специальные правила сбора и хранения вещественных доказательств, оплаты проезда, срочной помощи и т.п.

Помимо названных выше специализированных подразделений полиции, профиль которых, как уже отмечалось, соответствует главным образом характеру тех или иных преступных посягательств (насильственные, финансовые, компьютерные преступления и т.д.) в стране действуют и иные спецподразделения (команды), выполняющие задачи, непосредственно не связанные с контролем за общеуголовной преступностью. Речь идет о функциях полиции по поддержанию общественной безопасности в экстремальных ситуациях. Одна из разновидностей таких подразделений – Riot Police Unit – создана для борьбы с массовыми беспорядками и террористическими актами; такие подразделения, оснащенные специальными средствами, воздушным и водным транспортом и т.п., функционируют при Департаменте полиции Токио, а также при управлении полиции каждой префектуры, где располагаются штаб-квартиры таких команд, проводятся занятия и постоянные тренировки сотрудников.

Необходимость создания и поддержания боеготовности другого вида спецподразделений связана с особыми природными условиями страны, которая постоянно находится в зоне риска стихийных бедствий (ураганов, землетрясений, цунами и т.п.). Речь идет о функции спецподразделений полиции, которые именуют Disaster Relief Operation (по охране порядка, защите и помощи населению в районах стихийных бедствий). Они были созданы после чрезвычайного по масштабам разрушений землетрясения 1995 г. в Кобе; практика их функционирования оправдала себя во многих случаях природных катастроф, в том числе в 2013 г., когда, несмотря на тяжелые последствия тайфуна

Wipha полиция смогла спасти жизнь многих людей⁴⁰². Ныне в стране действуют реорганизованные межпрефектурные отряды специального реагирования – Inter-Prefectural Emergency Rescue Unit, что значительно повышает их мобильность и эффективность управления.

В первом разделе настоящей работы анализировалась динамика и другие показатели общеуголовной преступности по состоянию на начало 2012 г.. Недавно опубликованные и приведенные выше данные полицейской статистики за 2012 и 2013 гг. позволяют говорить о том, что в целом возросшая активность полиции способствовала продолжению и развитию позитивных тенденций в деле борьбы с преступностью. Достаточно отметить, что если в 2010 г. общее число зарегистрированных преступлений, предусмотренных УК Японии, составляло 1 585 586, то в 2011 г. оно сократилось до 1 480 760; а к началу 2013 г. – до 1 382 121. Другими словами, за два года общее число преступлений снизилось на 12,8%; при этом число «системообразующих» преступлений, какими в Японии являются кражи, снизилось на 14,3%. Последовательное снижение преступности в течение последних 10-ти лет привело к тому, что к началу 2013 г. общее число зарегистрированных преступлений составило меньше половины показателя 2002 г. (оно снизилось на 52%). Снижение охватило практически всю структуру преступности; вместе с тем в динамике преступности в 2012 г. наметился некоторый рост преступлений, связанных с насилием в семье. Речь идет о росте числа побоев (с 29 237 до 31 802) и особенно заметном росте фактов причинения телесных повреждений (с 18 870 до 27 962). Возможно, этот всплеск носит эпизодический характер, поскольку все последние годы число таких преступлений снижалось. Очевидно, что этим правонарушениям было уделено недостаточное внимание и потому активизация борьбы со всплеском насилия в семье должна составить резерв для дальнейшего повышения эффективности деятельности полиции.

---

⁴⁰² Police of Japan, 2014. – Tokyo, 2014. – P. 8, 27.

2. Судебная система и судебная практика. В организационном плане судебные органы образуют самостоятельную систему, куда входят первичные, районные и «семейные» суды. На верхних ступенях судебной иерархии находятся окружные суды, чаще всего занятые апелляционным производством, и Верховный суд (сайко сайбансё), который является не только высшей судебной инстанцией, но и высшим органом управления всей судебной системы. Конституция страны допускает существование только судов общей юрисдикции и запрещает создание административных, военных и иных специальных судов.

Суды в Японии наделены исключительным правом выдачи ордера на задержание и обыск. Хотя в первичных судах (кани сайбансё) рассматриваются дела о менее серьезных правонарушениях, чем в районных судах (тихо сайбансё), их юрисдикция частично совпадает. При этом в отличие от районных судов, для первичных судов установлены определенные ограничения в части их компетенции по назначению наказаний; они лишены, например, права назначать виновным наказания в виде лишения свободы⁴⁰³.

Судебные процедуры в Японии дифференцированы в зависимости от характера и тяжести преступления, а также от факта признания обвиняемым своей вины. В первичных судах осуществляется особая ускоренная процедура (по делам о менее значительных правонарушениях, например), когда судья единолично рассматривает дело в отсутствие обвиняемого и назначает наказание в виде штрафа, либо такая же ускоренная процедура публичного слушания с участием сторон. В районных судах процедуры также дифференцированы. В случае признания обвиняемым своей вины, судья, изучив дело, сокращает процесс исследования доказательств и выносит приговор по ускоренной и упрощенной процедуре.

Следует отметить, что в целом отношение суда и населения в Японии к раскаявшимся преступникам достаточно великодушно. Роль таких традиций

---

⁴⁰³ Ito Hiroshi. *The Courts in Japan // The political role of Law and Courts in Modern Democracies.* – New York, 1988. – P. 199–215; Белявская О.А. *Уголовная политика Японии.* – С. 25–27; Морозов Н.А. *Преступность и борьба с ней в Японии.* – СПб., 2003. – С. 157.

конструктивна и оказывает основополагающее влияние на правосудие. «У японцев, – отмечает О.Н. Железняк, – тот, кто проявляет, хотя бы внешне, благородные порывы души, вызывает глубокое сочувствие и, наоборот. Поэтому японские суды при толковании закона обращаются к реальной жизни, учитывая не только логику права, но и логику традиций»⁴⁰⁴.

О принципах и сфере деятельности так называемых семейных судов уже довольно подробно говорилось в разделе работы, посвященном преступности несовершеннолетних. Напомним лишь, что их основными функциями являются, во-первых, рассмотрение отнесенных к их компетенции определенной категории гражданско-правовых дел и, во-вторых, рассмотрение дел о правонарушениях несовершеннолетних. По сути дела, семейные суды являются организационной основой отправления правосудия по делам несовершеннолетних правонарушителей; их юрисдикция по этой категории дел носит исключительный характер, включая право рассмотрения (в предварительном порядке) вопроса о возбуждении по тому или иному делу уголовного преследования. Кроме того, эти суды рассматривают дела об ответственности взрослых лиц, нарушивших законодательство о защите несовершеннолетних (в т.ч., о вовлечении их в сферу правонарушений).

В 1943 г. в связи с военным положением суды присяжных в Японии были отменены. К вопросу об их восстановлении вернулись лишь 60 лет спустя по рекомендации Совета по судебной реформе. В мае 2004 г. в связи с реализацией принятого в 2003 г. правительством антикризисного пятилетнего плана активизации мер борьбы с преступностью был принят закон об участии народных заседателей в судопроизводстве по уголовным делам («План действий по снижению преступности – APCCS 2008»). Такое решение было вызвано стремлением властей повысить доверие людей к судебной системе и сделать ее более доступной для широкой общественности. Для того, чтобы не

---

⁴⁰⁴ Железняк О.Н. Практика применения смертной казни в Японии // Право и политика, 2001. – №3. – С. 66.

вызывавший энтузиазма у японской общественности закон начал действовать, понадобилось еще пять лет.

Многие исследователи – и в Японии, и за рубежом – связывали возврат к суду присяжных с влиянием «западной» правовой мысли, с копированием широко распространенной там практики привлечения общественности к отправлению правосудия, но, говоря объективно, такого рода упреки не имели достаточных оснований – в Японии, возможно, интуитивно, методом проб и ошибок, но все же пытались найти именно свой собственный путь. Суть и специфику этого поиска точно подметили видные французские ученые Р. Давид и К. Жоффре-Спиноза, отмечая тотальное копирование западного законодательства, они акцентировали внимание на том, что очень исключительно незначительная сторона японской общественной жизни поддается правовому регулированию, даже несмотря на высокую долю европеизации модели поведения населения, особенно молодежи. Традиционные нравы, образ мышления бесспорно доминируют в общественном мировоззрении. «Критический дух развился слабо, и конфуцианская идея иерархического порядка, базирующаяся на самой природе вещей, продолжает существовать, – отмечали исследователи. – Индивидуализм никогда не имел в Японии крепких корней. Социальные структуры и либеральный дух, которые предполагаются кодексами европейского образца, лишь в незначительной степени существуют в японской действительности... Применение современного права наталкивается на мистическую сентиментальность японцев, больше любящих поэзию, чем логику, и довольно равнодушных в силу самой их истории к идеям свободы и человеческого достоинства»⁴⁰⁵.

Опрос, проведенный в апреле 2009 г. газетой «Yomiri Shimbun», показал, что 79% японцев не хотят быть присяжными, они рассматривают это как тяжелое бремя обязанностей и ответственности за судьбу подсудимых. Против этой идеи выступало и руководство многих компаний, не желавшее терять

---

⁴⁰⁵ Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 2003.

своих сотрудников на время судебных процессов. Неоднозначно воспринятая в обществе система суда присяжных была введена в порядке эксперимента сроком на 3 года Законом от 21 мая 2009 года. Планировалось, что такая практика распространится на деятельность 60 районных судов страны и даст возможность привлечь в качестве присяжных одного из 4 160 японских граждан. Закон предусматривал лишь несколько причин для отказа выбранного кандидата от выполнения обязанностей присяжного – достижение 70-летнего возраста; учеба в высшем учебном или в специализированном учебном заведении; членство или служба в муниципальных органах власти или в Комиссии по общественному надзору за расследованием в органах прокуратуры и другие объективные причины, «с неизбежностью делающие невозможным» участие в работе суда в качестве присяжного.

Создаваемая система суда присяжных (Saiban-in), предусматривала рассмотрение дел о «серьезных» преступлениях судом в составе трех профессиональных судей и шести присяжных, выбранных по принципу лотереи, при этом решение суда должно быть основано на мнении большинства членов суда (а не на единогласном решении, как, например, это установлено в законодательстве штатов в США).

3 августа 2009 г. в токийском окружном суде состоялся первый судебный процесс с участием присяжных заседателей. К концу года в заседаниях приняли участие 138 присяжных, при участии которых были вынесены приговоры 142 обвиняемым. Отметим, что на первоначальном этапе назначенные судами сроки наказания в среднем составляли 80% от сроков, о которых просило обвинение. За первый год работы суды первой инстанции рассмотрели 290 дел о грабежах, 270 – об убийствах, 101 – об изнасиловании и 98 дел о поджогах⁴⁰⁶.

Обобщение практики первых 600 заседаний судов присяжных выявило ряд возникающих у присяжных проблем: ограниченное время для обсуждения в тех случаях, когда обвиняемый не признает себя виновным; трудности с

---

⁴⁰⁶ Yomiri Shimbun, 1 февраля 2011 года.

определением вопроса о том, были ли признания обвиняемого добровольными; сложности с ориентацией в правовых терминах, пониманием и оценкой отягчающих и смягчающих обстоятельств. К тому же выяснилось, что присяжные гораздо больше заинтересованы в выяснении мотива и цели преступления, чем в исследовании и оценке представленных суду доказательств (это было особенно заметно в «противоречивых» решениях судов присяжных по делам, связанным с назначением наказания в виде смертной казни).

Не менее важными оказались итоги анализа, проведенного Верховным судом Японии, который показал, что за такие тяжкие преступления, как убийство и изнасилование, присяжные, как правило, предлагают назначать более суровые наказания, чем профессиональные судьи. Так, по делам об убийстве, присяжные чаще всего предлагали сроки наказания от 15 до 17 лет, а профессиональные судьи – от 9 до 11 лет лишения свободы. Этот вывод подтвердил и опрос 208 адвокатов, половина из которых отметили, что подход присяжных к выбору меры наказания значительно жестче, чем у профессиональных судей.

Такой подход присяжных не удивляет: он практически воспроизводит высокий ригоризм, выявленный в ходе изучения общественного мнения граждан, которым обычно предлагается выбор меры наказания за те или иные преступления⁴⁰⁷. От совпадения оценок в уголовном законе и общественном мнении во многом, как уже отмечалось, зависит эффективность уголовно-

---

⁴⁰⁷ Помимо названных выше, автором было проведено в Японии еще два исследования. Одно из них было связано с изучением общественного мнения с целью определения степени соответствия представлений о степени тяжести 20-ти отобранных деяний и их наказуемости в уголовном законе. В большинстве случаев эти оценки совпали. Вместе с тем при оценке ряда других правонарушений (безбилетный проезд, разглашение секретов предприятия, уклонение от уплаты налогов, занятие проституцией и др.) различие оценок оказалось достаточно существенным. В оценках опрошенных по сравнению с предыдущими десятилетиями произошли заметные изменения – они оказались намного мягче, чем их оценивает уголовный закон. Итоги этого исследования лежат в русле изложенных выше положений об определенных изменениях психологии и менталитета, о замене традиционных стереотипов «западными» образцами поведения. Другое исследование связано с оценкой различных деяний сотрудниками правоохранительных органов. Здесь результаты опроса указали на более строгие оценки, чем в уголовном законе. (Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии, 2003. – С. 129–132).

правовой политики. Другое дело, что отмеченные парадоксы психологии присяжных, обусловленные сменой ролей и отсутствием специальных знаний, диссонируют с давно известным «постоянным психологическим законом, по которому даже профессиональные судьи избегают присуждать к чрезмерно суровым наказаниям»⁴⁰⁸. Большинство адвокатов отметили также, что решения судов присяжных обычно имеют меньше шансов на обжалование.

Сроки экспериментальной проверки эффективности суда присяжных истекли почти два года назад, но законодательного решения о судьбе этих судов еще не принято; они функционируют де-факто, хотя их закрепление, как отмечают средства массовой информации, всемерно поддерживается Верховным судом Японии, который старается ограничить возможности апелляционных инстанций и требует от них более уважительного отношения к решениям судов присяжных⁴⁰⁹.

В уголовно-процессуальном законодательстве Японии заложен крайне важный принцип «экономии следственных действий, связанных с ограничением прав граждан», где наряду с другими ограничениями речь идет об аресте подозреваемых или обвиняемых, как одной из основных форм практической политики, играющей решающую роль в обеспечении общественного порядка и безопасности. В то же время важность указанного принципа обусловлена тем, что именно с принятием решения о мере пресечения на самом первом этапе расследования дела начинается реализация экономии репрессии – основной идеи уголовно-правовой политики Японии.

Исследуя эту практику в динамике, можно, во-первых, констатировать, что масштабы применения ареста в Японии, имеют определенную тенденцию к снижению (в начале 1990-х гг. – 23% от общего числа осужденных к лишению свободы; в 2002 г. – 15,7%; в 2012 г. – 13,9%). Это связано, с одной сторо-

---

⁴⁰⁸ Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005, С. 247; См. также: Максимов С. В. Эффективность общего предупреждения преступлений. М., 1992, С. 89; Квашис В. Е. Куда идет смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. СПб, 2011, С.422-423

⁴⁰⁹ *Yomiri Shimbun*, 15 февраля 2012 года

ны, с отмеченными выше количественным снижением преступности и изменением ее качественных характеристик, где постепенно снижался удельный вес наиболее опасных преступлений; с другой, – это связано с наметившейся с начала 2000-х гг. тенденцией общего ужесточения карательной практики. На фоне снижения общего числа осужденных идет определенный прирост доли осужденных к лишению свободы, за счет чего и снижается удельный вес лиц, которым в качестве меры пресечения был назначен арест. В итоге, ныне арест применяется практически лишь в каждом седьмом случае. Иначе говоря, удельный вес этой меры относительно общего числа осужденных к лишению свободы составляет менее 14%. Во-вторых, масштабы применения этой меры пресечения в Японии значительно меньше, чем в других странах – в 2 раза меньше, чем в Германии, и в 2,5 раза меньше, чем в России и в США⁴¹⁰.

Сравнение судебной практики Японии и России в деле избрания меры пресечения особенно ощущается при анализе ситуации в местах заключения, где содержатся подследственные. Ныне в тюрьмах Японии при лимите в 18 тыс. содержится 8 тыс. подследственных (этот показатель остается стабильным все последние 20 лет); таким образом, наполняемость учреждений для подследственных составляет 45%. Совсем иная ситуация в России, где к концу 2014 г. в СИЗО содержалось 109 тыс. арестованных, а наполняемость СИЗО составляла 93% – в 2 раза выше, чем в Японии.

Помимо прочно сложившейся в России системы, когда суды почти автоматически удовлетворяют ходатайства следствия об аресте обвиняемых, в последние годы все более ощутимым стал рост решений судов об аресте подозреваемых в преступлениях небольшой и средней тяжести. Только за 2013 г. число подследственных выросло на 6 тыс., а за 2014 год – еще на 4,8 тыс. человек. При этом каждый пятый (20%) из взятых под стражу позднее – по приговору суда освобождался либо в связи с условным осуждением, либо в связи

---

⁴¹⁰ По данным ФБР, в США в 2013 году из 4,517902 преступников, ставших известными полиции, были арестованы 33% - 1,533671 - См.: FBI Release 2013. Crime Statistics from the National Incident Based Reporting System (http://presszoom.com/story_1855499.html)

с назначением наказания, не связанного с лишением свободы. Так, в 2014 г. 16 000 человек были освобождены в связи с условным осуждением; 7 700 – в связи с изменением меры пресечения и 2 200 – в связи с прекращением дела судом или вынесением оправдательного приговора. В итоге, за год из СИЗО на свободу по указанным основаниям вышло более 26 тыс. человек или 11% всех арестованных⁴¹¹. Очевидно, что такая практика назначения меры пресечения нуждается в пристальном внимании и корректировании.

Основывая правоприменительную практику на конфуцианских постулатах, исповедующих снисхождение к преступнику, Япония «превзошла» другие азиатские страны в практике применения наказаний – в их «мягкости», ориентировании на стандарты, приближенные к более низким пределам санкций, даже за наиболее серьезные преступления⁴¹². Судебная практика в Японии действительно поражает исследователей на редкость гуманным отношением к преступникам. Так, к началу 1990-х гг., например, преступность в стране, выросла на 30%, а число лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, выросло всего на 6%. Причем все эти годы по числу осужденных, отбывающих лишение свободы, Япония занимала и занимает одно из самых низких мест в мире.

Обратимся теперь к анализу судебной практики с тем, чтобы проследить тенденции в динамике и структуре назначенных мер наказания.

В приведенных данных, прежде всего, обращает на себя внимание все более очевидная тенденция к последовательному снижению общего числа осужденных. Эта тенденция станет еще более ощутимой, если ее сопоставить с динамикой преступности, где, как отмечалось, в 1998–2002 гг. шел заметный прирост общеуголовной преступности (график 3). Тем не менее, как это видно на графике 21, даже значительный всплеск преступности на рубеже 2000-х гг. не повлиял на тенденцию последовательного снижения общего числа осужденных.

---

⁴¹¹ <http://news.mail.ru/politics/20646827/?frommail=1> (3 января 2015 года).

⁴¹² Квашис В.Е., Морозов Н.А. Основные тенденции преступности в Японии // Уголовное право, 2015. – №2.

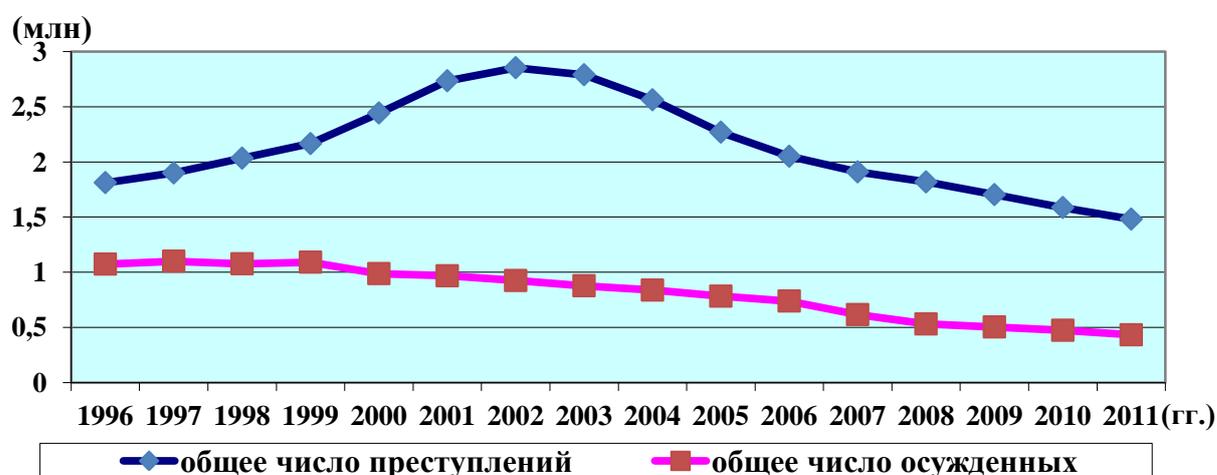
Практика применения лишения свободы и штрафов в 1996–2011 гг.⁴¹³

Годы	Всего осуждено	К лишению свободы		К штрафу	
		Число	Процент	Число	Процент
1996	1 073 227	62 219	5,8%	1 001 071	93,3%
1997	1 099 567	64 207	5,8%	1 034 589	94,1%
1998	1 076 329	65 926	6,1%	1 010 331	96,1%
1999	1 090 701	69 680	6,4%	1 020 336	93,5%
2000	986 914	76 071	7,7%	910 088	92,2%
2001	967 138	78 588	8,1%	887 801	91,8%
2002	924 374	83 711	9,0%	839 896	90,9%
2003	877 070	88 663	10,0%	787 289	89,8%
2004	837 528	90 030	10,7%	746 567	89,2%
2005	782 471	88 924	11,4%	692 840	88,5%
2006	738 240	84 498	11,4%	653 009	88,6%
2007	615 387	77 942	12,7%	536 791	87,2%
2008	530 293	74 197	14,0%	455 572	85,9%
2009	503 254	71 905	14,3%	430 686	85,6%
2010	473 226	68 216	14,4%	404 449	85,5%
2011	432 050	63 080	14,6%	368438	85,3%

Таким образом, несмотря на всплеск преступности в указанный период (на 35%) , к 2003 г. общее число осужденных за 7 лет снизилось на 18,3%. В целом же – за 15 лет общее число осужденных к 2012 году снизилось на 59,8%, значительно опережая темпы снижения преступности, которое, как видно из табл. 1, составило 18,2%.

⁴¹³ Речь здесь об осужденных за преступления, предусмотренные УК, без учета осужденных за автотранспортные правонарушения, как это принято в японской уголовной статистике. (White Paper on Crime, 2011. – Токио, 2012. – Р. 60).

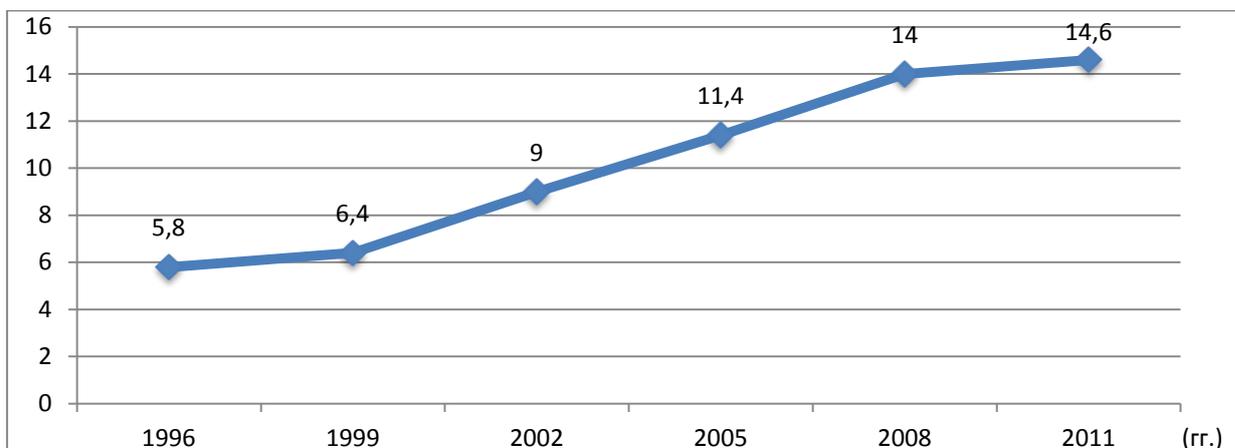
Динамика преступности и общего числа осужденных в 1996–2011 гг.

Обратимся теперь к сравнительному анализу практики применения наказаний в виде лишения свободы и штрафа.

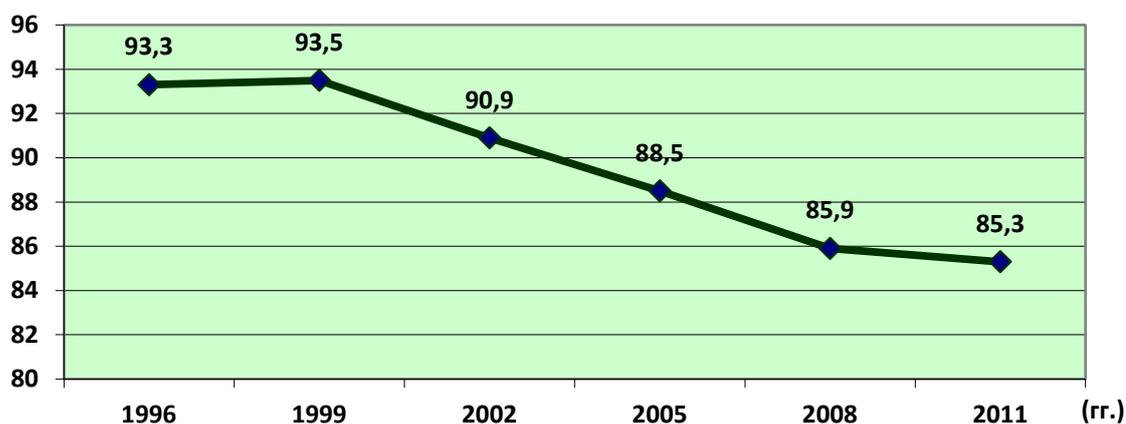
Как видно из табл. 22, с 1997 г. до 2005 г. общее число осужденных к лишению свободы ежегодно росло, отражая неблагоприятные количественные и качественные изменения преступности. Такое отражение, вероятно, можно считать вполне адекватным, поскольку в эти годы при росте преступности на 29,3% число осужденных к лишению свободы выросло на 30,8%. В последующие годы число осужденных стало последовательно снижаться, достигнув к 2012 г. показателя 1996 г. При этом в 2005–2011 гг. преступность сократилась на 37,55%, а число осужденных к лишению свободы снизилось на 29%. В то же время в общей структуре наказаний удельный вес лишения свободы, несмотря на позитивные изменения в динамике преступности (с 2004 г.), ежегодно увеличивался; за последние 15 лет он вырос в 2,5 раза (с 5,8% до 14,6%), что одновременно свидетельствует и о неблагоприятных изменениях в характере и структуре преступности (где шел рост наиболее опасных преступлений), и о постепенном общем ужесточении судебной практики – особенно по делам о наиболее серьезных преступлениях.

Динамика применения лишения свободы в 1996–2011гг. (в %)

Соответственно, в структуре назначенных мер удельный вес наказания в виде штрафа к 2012 г. снизился с 94% до 85%, а число осужденных к этой мере наказания за 15 лет сократилось почти в 3 раза.

Динамика применения наказания в виде штрафа

Из анализа приведенных данных уже сейчас можно сделать несколько выводов, касающихся принципиального направления уголовно-правовой политики Японии на рубеже XX–XXI вв.

Во-первых, отмеченный рост удельного веса лишения свободы идет на фоне заметного снижения общего числа всех осужденных. Во-вторых, такое

расширение практики применения лишения свободы проходило на фоне неблагоприятных качественных изменений в структуре преступности. В-третьих, несмотря на заметное ужесточение судебной практики, масштабы применения наказания в виде лишения свободы в Японии резко отличаются от соответствующих показателей в других развитых странах, в том числе и в России, где, как уже отмечалось, эта мера применяется в 3 раза чаще⁴¹⁴. Наконец, отметим, что одной из наиболее часто приводимых характеристик правоприменительной практики в Японии является ее стабильность, независящая от кратковременных изменений в состоянии, динамике преступности.

О последовательности и стабильности этого курса уголовно-правовой политики, о более рациональном и экономном расходовании уголовной репрессии свидетельствуют и данные о распределении осужденных к лишению свободы по срокам назначенного наказания.

Таблица 24

Сроки наказания, назначенные осужденным в 2011 г.⁴¹⁵

Сроки	Всего осуждено		За убийство	За кражу	За грабеж	За изнасилование	За мошенничество
ВСЕГО	55769		363	11907	945	1293	4022
Свыше 20 лет	47	0,1 %	4,5%	-	1,9%	0,6%	-
От 15-20	86	0,2	10,5%	-	2,3%	1,0%	-
От 10-15	221	0,4	18,2%	-	6,0%	1,8%	0,1%
От 5-10	1125	2,0	23,4%	0,6%	32,6%	11,6%	2,0%
От 3-5	2632	4,7	10,2%	7,4%	29,8%	12,3%	7,3%
От 2-3	15759	28,3	32,5%	32,6%	27,6%	51,0%	45,0%
От 1-2	24408	43,8	0,8%	46,9%	0,3%	21,6%	41,8%
От 6 м.	9672	17,3	0,3%	12,2%	-	0,7%	3,7%
Менее 6	1819	3,3	-	0,2%	-	-	0,02%

⁴¹⁴ Напомним, что в России в 2008–2011 гг. доля лишения свободы в структуре наказаний составляла 32% , а доля штрафов – 14,7% (Преступность и правонарушения (2007–2011). Статистический сборник. – М., 2012. – С. 164).

⁴¹⁵ White Paper on Crime, 2011. – Tokyo, 2012. – P. 61.

Отметим, что в 1998 г., например, наказания на срок до 1 года были назначены 24,5% осужденных; от 1 до 2-х лет – 48, 4%; от 2-х до 3-х лет – 21,7%. В итоге, 94,6% осужденных было назначено наказание сроком не более 3-х лет (средний срок наказания в 1996–1999 гг. составлял 1 год и 9 месяцев). В 2005 г. эти показатели практически не изменилось; в 2011 г. наказания сроком до 3-х лет были назначены 92,7% осужденных.

Обратимся теперь к анализу с показателями практики назначения наказаний за наиболее распространенные преступления.

Как видно из таблицы, на долю осужденных на срок до 3-х лет приходится 92,7% всех осужденных к лишению свободы (из них 64,4 % – до 2-х лет), а доля осужденных на срок свыше 5-ти лет составляет всего 2,7% (средний срок назначенного лишения свободы – 2 года). Предоставлялась же отсрочка исполнения приговора 55% осужденных на срок до 3-х лет. Для сравнения – в России в тот же период средние сроки наказания в виде лишения свободы составляли: для мужчин – 6,4 года; у женщин – 5,4 года. В итоге, 76% осужденных назначены наказания на срок свыше 3-х лет (напомним, в Японии – лишь 8 % таких осужденных)⁴¹⁶.

Содержательную картину дает информация о сроках наказания за убийства, грабежи, кражи и другие преступления. За убийство, например, более половины (56,2%) осужденных были приговорены к лишению свободы на срок свыше 5 лет; 33,6% – на срок не выше 3-х лет. В последние годы сроки наказания за убийство в Японии постепенно растут. В 2005 г., например, доля осужденных на срок свыше 5 лет составляла около 48%; в 2009 г. – 51,6%, а в 2011 г. – 56,2 %.

Среди осужденных за грабеж около 60% были осуждены на срок до 5 лет (половина из них – на срок до 3-х лет). Что же касается осужденных за кражи (отметим, что они составили пятую часть всех осужденных к лишению свободы), то 60% из них было назначено наказание до 2-х лет, а каждый тре-

---

⁴¹⁶ Осужденные, содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г.) / под научной ред. В.И. Селиверстова. – М., 2012. – С. 410.

тий был осужден на срок от 2-х до 3-х лет (в сумме они составили 92% всех осужденных за кражи).

Уголовное законодательство Японии предусматривает, как уже отмечалось, различные виды и основания освобождения от наказания, в том числе отсрочку исполнения наказания (условное осуждение) и условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, широкая практика применения которых анализируются в последующем изложении. Укажем лишь, что в общем числе освобожденных из тюрем доля освобожденных условно-досрочно к 2012 г. составила 51,2% (14 200) осужденных⁴¹⁷. Здесь важно отметить, что при всех позитивных чертах, характерных для реализации уголовно-правовой политики, в Японии пока не удалось переломить ситуацию в сфере рецидивной преступности, причем именно в той сфере криминального поведения, которую отличает не столько высокая общественная опасность, сколько его распространенность. В первую очередь, речь, разумеется, идет о кражах, составляющих две трети всей преступности (в том числе, о кражах, наказуемых малыми штрафами или краткими сроками лишения свободы). Особое внимание привлекает не только высокий уровень рецидивной преступности, но и ее высокая интенсивность, когда до 40% преступлений совершается в первый же год после освобождения от отбывания наказания (среди несовершеннолетних этот показатель, как отмечалось, еще выше). Кстати, высокая распространенность и интенсивность рецидива характерны не только для преступлений, наказуемых по УК, но и преступлений, наказуемых так называемыми специальными законами, где более важная роль принадлежит мерам социальным, в том числе, мерам специального предупреждения. И именно это направление реализации уголовной политики представляется ныне наиболее актуальным, оно составляет существенный резерв для ещё большей активизации профилактических мер.

3. Пенитенциарные аспекты уголовно-правовой политики. Качественные и особенно количественные изменения преступности, а также связан-

---

⁴¹⁷ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 85, 301–302.

ные с ними новые тенденции в судебной практике последних 15-ти лет – более широкое применение отсрочки исполнения приговора, условно-досрочного освобождения и применение альтернативных лишению свободы мер наказания – повлекли и соответствующие изменения численности контингента, содержащихся в исправительных учреждениях Японии. Ныне в условиях затянувшегося экономического кризиса такого рода меры, направленные на разгрузку исправительных учреждений и во многом являются вынужденными. Достаточно сказать, что еще в 2006 г. численность осужденных составляла 70 тыс. человек – пиковый показатель за все последние 50 лет современной истории страны.

По данным Министерства юстиции Японии, к началу 2012 г. в 74-х тюрьмах страны содержалось 61 102 осужденных. Следует иметь в виду, что приведенные выше данные отражают именно число содержащихся в тюрьмах осужденных и не учитывают число подследственных, ожидающих в тюрьмах окончания судебного процесса и вынесения приговора (о них будет сказано отдельно). Тюремная статистика Японии ведет отдельный учет этих лиц, содержащихся в местах лишения свободы. В 1996 г. в тюрьмах страны содержались 48,3 тысяч человек (в т.ч. 8,6 тыс. подследственных); в 2001 г. – 63,4 тыс. (11,3 тыс.); в 2006 г. – 80,3 тыс. (9,9 тыс.); к 2012 г. – 72 тыс. (7,7 тыс.) человек.

Как показывает статистика, за последние 15 лет идет последовательный рост тюремного населения, в первую очередь, за счет прироста числа осужденных, и лишь в последние 5 лет все три показателя формируют тенденцию к их снижению, причем снижение числа подследственных идет более быстрыми темпами, чем снижение числа осужденных. Последняя тенденция (снижение числа подследственных) представляет интерес и в силу их относительно небольшого количества (в среднем за последние 25 лет – 8 тыс. человек). Это объясняется давней традицией японской судебной практики, где мера пресечения в виде взятия под стражу применяется довольно редко – лишь в каждом седьмом случае – и в среднем составляет около 13%, что зна-

чительно меньше, чем в России, в 1,5 раза меньше, чем в США и в 2 раза меньше, чем в Германии⁴¹⁸.

К сказанному добавим, что с начала 2000-х годов в Японии в местах лишения свободы лимит наполнения для подозреваемых и обвиняемых увеличен до 18 тыс. человек, а фактическая наполняемость в течение последних 20–30 лет, как только что отмечалось, в среднем ежегодно не превышает 8-ми тыс. человек и составляет 45% от лимита. В самом деле, согласно последним данным, опубликованным руководством ФСИН, к концу 2014 г. в России функционируют 213 СИЗО, в которых содержатся 109 200 подследственных (в 14 раз больше, чем в Японии). При этом фактическое наполнение следственных изоляторов, как отмечалось, составляет 93% от лимита, что в 2 раза больше, чем в Японии. Таковы цена и последствия отечественной судебной практики по избранию меры пресечения.

В последние 15 лет заметное ужесточение судебной практики привело, как отмечалось, к более широкому, чем ранее, применению наказания в виде лишения свободы и, соответственно, к росту тюремного контингента. В 2006–2012 гг. удельный вес этой меры в структуре наказаний постоянно рос и в среднем составлял 14% (в 1970-1990-х гг. – 7 %), что как уже отмечалось, в 2,5 раза меньше, чем в России, а 86% всех наказаний приходится на долю штрафов, что, как было показано ранее, почти в 6 раз больше, чем в России. Таким образом, количество заключенных в тюрьмах Японии было меньше, чем в: Германии и Великобритании – в 2 раза; России и США – в 13–15 раз.

К 2012 г. в Японии на 100 тыс. населения было 64 заключенных, в Германии – 87; в Великобритании – 138; во Франции – 101; в России – 609 и в США – 779 заключенных. К началу 2014 г. эти показатели заметно изменились и, соответственно, составили: в Японии – 51; в соседней Республике Корея – 99; в Германии – 79; во Франции – 98; в Великобритании – 147; в России – 615; в США – 710 заключенных. (Если же учитывать долю заклю-

---

⁴¹⁸ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 65.

ченных относительно взрослого населения, то в США к 2014 г. на 100 тыс. населения приходится почти 1000 заключенных).

По данным газеты «New York Times», еще в 2010 году расходы на тюремную систему в США составляли около 80 млрд долл. (или 260 долл. на каждого жителя страны), что в среднем в 5 раз выше, чем в других индустриально развитых странах Организации экономического сотрудничества и развития⁴¹⁹. В Японии такого рода данные бюджетных расходов не публикуются, но определенное представление о них можно получить из того, что общая численность заключенных здесь в 30 раз меньше, чем в США.

О загруженности тюремных учреждений и разноплановых проблемах исполнения наказания в виде лишения свободы речь впереди, а пока заметим лишь, что общее число заключенных в Японии в 33 раз ниже, чем в США (в 2012 г. там насчитывалось 2,2 млн человек, в 10–12 раз больше, чем в России; в то же время в 2–3 раза меньше, чем в Великобритании, несмотря на то, что численность населения в Японии выше почти в 2 раза).

В начале 2000-х гг. в силу ряда причин – роста некоторых категорий преступлений и назначаемых судами более длительных сроков наказаний – превышение установленного лимита или «перенаполнение» тюрем (этот термин давно устоялся в пенитенциарной практике) становилось все более острой проблемой. Тюремная система страны изначально была рассчитана максимум на 64 тыс. заключенных; в 2006–2007 гг. в связи с строительством новых тюрем возможности тюремной системы возросли – она смогла вместить 90 тыс. заключенных, в том числе, 72,3 тыс. осужденных и до 18 тыс. подследственных. Еще 5–6 лет назад наполняемость тюрем составляла в среднем 108%, а в 20 из 77 тюрем – 126%; это приводило к увеличению числа в камерах с 6 до 7 человек, а в некоторых тюрьмах вынудило переоборудовать под камеры складские помещения или «конференц-залы», в которых проводились встречи с заключенными, консультации и лекции администрации и волонтеров.

---

⁴¹⁹ Porter E. In the U.S., Punishment Comes Before the Crimes // New York Times, April 29, 2014 (www.nytimes.com/2014/30/business/economy.html).

Среднесписочное число заключенных в 1991–2011 гг.

Годы	Всего	Осужденные	Подследственные
1991	45 749	38 657	6 949
1992	44 876	37 522	7 198
1993	45 057	37 209	7 664
1994	45 573	37 318	8 037
1995	46 535	38 013	8 283
1996	48 393	39 521	8 636
1997	50 091	40 977	8 859
1998	51 986	42 611	9 060
1999	53 947	44 110	9 469
2000	58 747	47 683	10 637
2001	63 415	51 668	11 323
2002	67 354	55 132	11 694
2003	71 889	59 069	12 052
2004	75 289	62 641	11 686
2005	77 932	65 780	11 131
2006	80 335	69 301	9 992
2007	80 684	70 625	8 937
2008	78 533	69 020	8 336
2009	76 019	66 776	7 960
2010	74 232	66 354	7 878
2011	71 378	63 675	7 683

Сегодня (или в настоящее время) с сокращением общей численности заключенных положение дел с наполнением тюрем, как уже отмечалось, постепенно нормализуется за счет более широкого применения мер наказания, альтернативных лишению свободы, и более широкой практики досрочного освобождения (к 2011 г. досрочно освобождалось 49% заключенных). В итоге, общая наполняемость тюрем в последние годы составляет в среднем 83–87% (от расчетной нормы), причем, для осужденных – 92,8%, а для подследственных – 45,3%⁴²⁰.

В связи с определенным ужесточением карательной практики меняется и характер тюремного контингента – по сравнению с 1980–1990 гг. снижается доля осужденных за тяжкие преступления и растет доля лиц, совершив-

⁴²⁰ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 66, 82–83.

ших менее опасные деяния, хотя при этом существенно увеличивается число рецидивистов. Так, среди лиц, поступивших в тюрьмы в 2011 г., каждый третий – осужден за кражу (32,8%); 8,9% – за мошенничество; 3,8% – за грабеж; 1,5% – за убийство; 41,4% – за растрату и присвоение чужого имущества; 1,4% – за изнасилование. Остальные 27% – осужденные на основании «специальных» законов, в том числе 21,5% – за нарушения законодательства о наркотиках и 5,5% – за автотранспортные преступления. Соответственно снижаются и средние сроки назначенного этим лицам лишения свободы. В 2009 г., например, 92,2 % осужденных назначено наказание на срок до 3-х лет (в том числе, до 1 года – 21,4%; от 1 до 2-х лет – 36,7%; от 2-х до 3-х лет – 22,7%); 12,9% – от 3 до 5 лет и только 2,6 % – более 5 лет, причем 0,3% из их числа наказание было назначено на срок, превышающий 10 лет. К 2012 г. доля осужденных на срок до 3-х лет увеличилась до 93,1%, а на срок свыше 10 лет выросла в 2,5 раза и составила 0,7%.

Эти данные существенно отличаются от распределения осужденных по срокам назначенного наказания в России. Так, в том же 2009 г. в России 75% осужденных было назначено наказание на срок свыше 3-х лет; в том числе на срок свыше 10 лет – 6% среди женщин и 15,3% – мужчин. В итоге, средний срок назначенного судом наказания в виде лишения свободы составил 5,4 лет у женщин и 7,4 лет – у мужчин⁴²¹.

Поддержание установленного режима исполнения наказания и строгое соблюдение мер безопасности в тюрьмах (в Японии насилие в среде заключенных – явление редкое) обеспечиваются не только достаточным количеством охраны, надзирателей⁴²² и, тщательно организованным и строго соблю-

---

⁴²¹ Осужденные, содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей. 12–18 ноября 2009 года) / под научной ред. В.И. Селиверстова. – М., 2012. – С. 249, 410.

⁴²² В тюрьме Fuchu (Токио), например, на 2 300 заключенных приходится 500 охранников. Здесь содержатся около 500 иностранцев из 39 стран; они, как и некоторые другие категории заключенных (престарелые и больные, мусульмане и др.), обеспечиваются лучшими условиями, питанием и лечением, содержатся в отдельных камерах с телевизором, получают иностранную прессу и имеют другие специальные привилегии.

даемым распорядком всей тюремной жизни⁴²³, но и специфической системой классификации осужденных, основанной на принципе дифференциации и разных критериях, применяемых как для распределения заключенных по тюрьмам различного режима, так и для выбора соответствующих мер обращения с различными категориями заключенных, активным участием общественности в воспитании заключенных и профилактике рецидивной преступности, а также достаточно жесткой дисциплинарной практикой⁴²⁴.

Ранее условия и порядок отбывания наказания в виде лишения свободы, в том числе основные режимные требования, были определены Законом о тюрьмах 1908 г. и в Правилах применения этого закона, разъяснения к которым содержались в многочисленных ведомственных актах и «уведомлениях». Послевоенная практика тюремных учреждений потребовала существенного реформирования всей правовой базы их деятельности. Ныне все указанные меры и условия их соблюдения детально регламентированы в трех специальных актах, утвержденных Министерством юстиции Японии – Inmates Treatment Act (№ 50, 2005), The Penal Detention Facilities Act и The Offenders Rehabilitation Act (первый из них регламентирует порядок отбывания наказания осужденными; второй – принцип содержания подсудимых; третий – работу тюрем и служб пробации по подготовке и адаптации осужденных к жизни после освобождения). Кроме того, этими актами установлены порядок и организация труда, питания и медицинского обслуживания заключенных⁴²⁵.

---

⁴²³ В камере содержатся 6 человек, они вместе питаются, работают и отдыхают. Подъем в 6.45; рабочий день – максимум до 8 часов (кроме субботы, воскресенья, национальных и религиозных праздников и новогодних каникул) с 40 минутным перерывом на обед; купание – 3 раза в неделю летом и два раза в зимнее время; вечером можно смотреть телевизор в течение 2 часов; особое внимание уделяется соблюдению чистоты.

⁴²⁴ За нарушение установленных правил наряду с другими дисциплинарными наказаниями может быть назначено одиночное заключение в более суровых условиях карцера на срок до двух месяцев. В 2010 г., например, дисциплинарные взыскания были наложены на 65 864 заключенных, в т.ч., в 27% случаев за уклонение от работы, в 14% – поровну – за хранение запрещенных предметов и драку (White Paper on Crime, 2010. – P. 70, 252–253).

⁴²⁵ В связи с поправками, внесенными 24 мая 2006 года и 1 июня 2007 года, эти акты объединены в единый закон, ныне именуемый как Act on Penal Detention Facilities and Treatment of Inmates and Detainees.

В 2010 г. норма ежедневных расходов на питание взрослого осужденного составляла около 5 долл. (422 йены); она может быть превышена для тех, кто занят особо тяжелым трудом, для престарелых и беременных женщин, а также для тех, кто не может пользоваться обычным питанием «в силу религиозных причин». Что касается медицинского обслуживания заключенных, то эта работа ведется почти во всех тюрьмах; кроме того, действуют четыре тюремные больницы (Nachioji, Okazaki, Osaka, Kitakyushu), а также еще шесть тюрем, ориентированных на применение специализированной медицинской помощи и лечения (Sapporo, Miyagi, Fuchu, Nagoya, Hiroshima, Fukuoka).

Принятая в Японии классификация заключенных основана на 17-ти критериях, которые разделены на две группы. Первая группа содержит критерии для распределения заключенных по различным тюрьмам, а вторая – критерии для определения и выбора вида обращения с заключенными. Одна – охватывает следующие разные категории заключенных: лиц с «неразвитой склонностью к совершению преступлений»; заключенных, у которых такая склонность достаточно развита; иностранцев, к которым применяется особые правила обращения; осужденных без обязательного привлечения к труду; несовершеннолетних и лиц молодежного возраста (до 26 лет); осужденных на срок свыше 8 лет; лиц с психическими отклонениями; женщин, а также лиц с различными заболеваниями и физическими недостатками. Другая – критериев распространяется на тех, кто явно нуждается в профессиональной подготовке или (и) в получении школьного образования; нуждающихся в наставлениях относительно образа жизни; в медицинском лечении; специальном воспитательном воздействии; на лиц, к которым может быть применено «открытое обращение» (т.е. без применения предупредительных мер) и которые могут быть использованы в финансовой и хозяйственной работе администрации тюрьмы.

В каждом пенитенциарном округе имеется классификационный центр для определения соответствия заключенных названным критериям.

Уголовное законодательство Японии предусматривает два вида лишения свободы – с обязательным трудом заключенных или без такового (его в среднем назначают около 5% осужденных). При этом условия безопасности труда и здоровья заключенных соответствуют общепринятым нормам, установленным Industrial Safety Act. Как правило, осужденные заняты трудом на небольших предприятиях; они изготавливают игровые автоматы, игрушки, различные изделия из пластика и другую продукцию, которая реализуется в специальных торговых точках. Доходы от производственной деятельности заключенных поступают в государственную казну. В 2009 г., например, они составили 4,7 млрд йен (в последующие годы финансового кризиса доходы заметно снизились). Отметим, что труд заключенных оплачивается в зависимости от прибыли той или иной тюрьмы. В среднем месячный заработок осужденных в стране составлял 4 351 иен (около 50 долл.), но у 25,5% заключенных – до 100 долл., а у 21,8% заключенных, в основном работавших в «частных» тюрьмах, месячный заработок доходил даже до 500 долл.⁴²⁶. Однако экономический кризис и в целом низкая эффективность тюремного труда привели к тому, что в 2010–2012 гг. доходы от труда заключенных резко упали и все большее число подрядчиков стали отказываться или значительно сокращать свое участие в такого рода трудовых проектах. В конечном итоге организация труда заключенных и повышение её эффективности ныне становится все более серьезной проблемой.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания всегда была в Японии широко применяемой мерой воспитательного воздействия, причем, в отличие от ситуации в России, утилитарные цели и задачи, связанные с разгрузкой тюрем, имели второстепенное значение, тогда как на первое место выдвигались задачи, связанные с эффективностью воспитательного воздействия, успешной реабилитацией осужденных и оказанием им всемерной помощи в адаптации к условиям жизни на свободе. По сути дела, традиционно широкая практика условно-досрочного освобождения – одна из форм реали-

---

⁴²⁶ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 75.

зации принципов уголовно-правовой политики (минимум лишения свободы, краткие сроки наказания, широкое применение условного осуждения и т. д.), где наряду с необходимостью возмездия за содеянное, все большее значение придавалось воспитательным элементам наказания. Этот принцип уголовной политики базируется на конфуцианском постулате, согласно которому главное – осудить преступление, проявляя при этом снисхождение к преступнику.

Понятно, что по мере роста численности заключенных увеличивалось и число ходатайств о досрочном освобождении. В 1991–1999 гг. в среднем в администрацию тюрем поступало 13 тыс. таких обращений; в 2000–2010 гг. оно выросло до 17–18 тыс. Соответственно, растет и число удовлетворенных ходатайств: в 2010–2012 гг. – с 12 до 15 тыс. К началу 2012 г. из общего числа отбывающих наказание в тюрьмах условно-досрочно были освобождены 14 620 осужденных и 13 938 – по отбытии срока наказания. Таким образом, уровень условно-досрочного освобождения относительно общего числа освобожденных из заключения составил 51,2%. По сравнению с предшествующим десятилетием этот показатель (61%) заметно снизился, что, очевидно, связано с определенным ужесточением или, во всяком случае, более строгим подходом к удовлетворению ходатайств об условно-досрочном освобождении. Об этом говорит тот факт, что число отказов в таких ходатайствах по сравнению с предшествующим десятилетием выросло в 2,2 раза. Это прежде всего коснулось лиц, совершивших наиболее опасные преступления. К 2011 году, например, среди осужденных за изнасилование уровень условно-досрочного освобождения составил 50%; среди осужденных за грабеж – 39,4%, за убийство – 27,6%⁴²⁷.

Понятно, что практика широкого применения условно-досрочного освобождения, помимо всего прочего, сказалась на средних сроках фактического отбывания лишения свободы осужденными за различные преступления. По данным Министерства юстиции Японии, в 2010 г. они составили: для осужденных за убийство – 6,1 года; за грабеж – 4,6 года; за нападения и причине-

---

⁴²⁷ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 85, 231, 319.

ние вреда здоровью потерпевшего – 3,2 года; за изнасилование – 3,1 года; за поджог – 3,7 года.

Кроме того, в статистике Бюро тюрем и Бюро реабилитации принято отдельно анализировать, во-первых, контингент заключенных, отбывающих лишение свободы свыше 8 лет, и, во-вторых, тех, кто совершил наиболее «серьезные» преступления. В этой связи отметим, что на тот же период среди лиц, отбывающих лишение свободы в тюрьмах более восьми лет, 25,6% составляли осужденные за убийство; 8,0% – за грабеж; 2,5% – за изнасилование; 5,2% – за поджог.

К сказанному добавим, что за последние 10–15 лет заметно увеличивалось и число осужденных к пожизненному лишению свободы. В 1999 г., например, содержалось 48 таких осужденных; в 2000 г. – 59; в 2001 г. – 68; в 2002 г. – 82; в 2003 г. – 117; в 2005–2006 гг. – 135; в 2007 г. – 91; к 2010 г. – 89 осужденных. Кроме того, в связи с весьма редким исполнением смертных приговоров в тюрьмах Японии в последние 20 лет постоянно нарастало число осужденных-«смертников», ожидающих казни. Их последовательное увеличение связано, во-первых, с длительными процедурами апелляций и проверки обоснованности вынесения смертного приговора, а в последние годы – со все более заметным ужесточением судебной практики по делам об убийствах и грабежах с тяжкими последствиями. Так, если в 1980–1990-х гг. в тюрьмах содержалось в среднем 35 осужденных-«смертников», то в 1991–2000 гг. – 55; в 2000–2009 гг. – 72; к 2010 г. – 100, а к концу 2013 г. – более 130 человек.

Проведенные в Министерстве юстиции Японии обследования лиц, отбывающих наказание за «серьезные» преступления, дают довольно содержательную информацию об особенностях личности таких преступников. Применительно к возрастным особенностям материалы этого обследования указывают на то, что среди лиц, поступивших в тюрьмы в 2009 г., на долю заключенных в возрастной группе 20–29 лет приходится 17,7%; 30–39 лет – 27,5%; 40–49 лет – 23,6%; ровно столько же приходится на лиц, возраст которых 50–64 года, и 7,4% – лица старше 65 лет. Как видно, основную часть

таких преступников (82,1%) составляют люди старше 30 лет, причем треть из них (31%) – старше 50 лет, что ещё раз подтверждает тенденцию старения тюремного контингента. Понятно при этом, что возраст преступников существенно варьируется, если речь идет о преступлениях, по своему характеру весьма разных. Так, если в общей массе обследованных заключенных на долю лиц из возрастной группы 20–29 лет приходится, как только что отмечалось, 17,7%, то среди тех, кто отбывает наказание за грабеж и изнасилование, такие заключенные составляют наибольшую часть – соответственно 35,3% и 38,7%. И наоборот, среди осужденных за поджог наибольшую часть (37%) составляют осужденные старше 50 лет.

Обращают на себя внимание и данные о сфере распространенности «серьезных» преступлений среди женщин. Несмотря на то, что среди всех поступивших в том же году в тюрьмы доля женщин относительно невысока – 7,7% (в России, например, она почти в 2 раза выше)⁴²⁸, тем не менее, на их долю приходится 19,3% осужденных за убийства; 11,1% – за нападения и причинение вреда здоровью потерпевших; 14,1% – за поджоги.

Показательно и то, что в общем числе обследованных заключенных две трети к моменту совершения преступления были безработными (67,6%); многие из них не имели специальности. С учетом этого следует отметить – во время отбывания наказания профессиональную подготовку и обучение проходили 10,5 % осужденных за убийство; 18,4% – за нападения; 22,6% – за грабеж; 28% – за изнасилование; 17,2% – за поджог. Отметим также, что среди указанной категории заключенных больше всех подвергались дисципли-

---

⁴²⁸ Тенденция роста криминальной активности женщин характерна и для России, но, в отличие от Японии, она особенно ощутима именно в сфере тяжких насильственных преступлений, где доля осужденных женщин с каждым годом растет. При этом следственная и судебная практика фиксируют рост наиболее дерзких и циничных преступлений, зачастую отличающихся особой жестокостью. Кроме того, среди женщин, совершивших преступления, растет доля ранее судимых (в 2012 г. – 32,7%), причем, уровень рецидива среди них превышает общий показатель рецидивной преступности в стране. Такая же картина наблюдается и в Великобритании (Crime in England and Wales // Home Office Statistical Bulletin, Vol.1, 2008; Радочина Т. Осужденные женщины в тюрьмах Англии // Уголовное право, 2013. – №6. – С. 103–108).

нарным взысканиям за нарушения режима и установленных правил те, кто были осуждены за грабеж.

Но, может быть, наиболее важной среди личностных особенностей осужденных за «серьезные» преступления является более высокий уровень рецидивной преступности – 54,8%; заметим, что для всех преступников, поступивших в тюрьмы в том же году, этот показатель составляет 42%⁴²⁹. При этом следует отметить, что уровень рецидива среди осужденных, например, за убийства (16,1%) является самым низким среди всех осужденных за тяжкие преступления (у осужденных за грабежи – 25,2%, а за поджоги – 23,7%). Исследование рецидива «серьезных» преступлений показывает, что среди лиц, освобожденных из тюрем в 2000 г. (т.е., за 10-летний период) и вновь поступивших в места лишения свободы, уровень рецидива среди досрочно освобожденных (44%) заметно ниже, чем среди тех, кто отбывал наказание полностью (около 60%); при этом заметно, что чем более длительным является срок отбытого наказания, тем выше вероятность повторного преступления. Возможно, поэтому, как показало исследование практики досрочного освобождения за 15-летний период (1996–2010 гг.), условно-досрочное освобождение применялось гораздо шире именно к осужденным за тяжкие преступления, хотя интенсивность рецидива у этих лиц была значительно выше. К сказанному можно добавить, что в целом за последние 20 лет общий уровень рецидивной преступности в Японии вырос более чем в 2 раза⁴³⁰. Поэтому в последнее время в практику применения досрочного освобождения к лицам, совершившим серьезные преступления, вносятся необходимые коррективы.

Указанное исследование рецидивной преступности среди 1 021-го лица, вновь поступившего в тюрьмы, свидетельствует и о других нюансах этой проблемы, характерных, скорее всего, именно для японской пенитенциарной

---

⁴²⁹ В США из 404 тыс. заключенных, освобожденных в 30 штатах в 2005 г., в течение первых трех лет вновь были осуждены 68%; уровень рецидива здесь в 1,5 раза выше, чем в Японии (www.forbes.ru/svoi-business/startpapy/266255).

⁴³⁰ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 233–236.

практики. Оно показало, что жертвами рецидивистов-убийц чаще всего являлись их жены или родственники; более 40% убийц действовали по заранее продуманному плану, тогда как при грабежах – лишь 20% (они в основном совершались спонтанно). Для обследованных рецидивистов – вопреки сложившимся представлениям о катализирующем характере алкогольного опьянения – обнаружилась обратная инверсия: этот фактор сказался лишь в случаях поджогов и причинения телесных повреждений. Незанятость трудом или отсутствие постоянного местожительства, как факторы, стимулирующие преступление, также проявляются по-разному для разных категорий преступлений. Скажем, для убийц незанятость трудом к моменту повторного преступления была зафиксирована у 44%, а для грабежей – у 60% рецидивистов; отсутствие постоянного местожительства – у каждого третьего грабителя и лишь у 10% убийц и насильников.

В общем числе рецидивистов, совершивших убийства, грабежи, поджоги и другие «серьезные» преступления, 20% – имели три или более судимостей, а 10% – были ранее судимы шесть и более раз. Уровень специального рецидива за такие же «серьезные» преступления составлял в среднем 10%, однако среди осужденных за убийства и грабежи он в два раза ниже (6,6%), чем у осужденных за поджоги и изнасилования. Остается добавить, что уровень специального рецидива среди совершивших насильственные преступления ниже, чем у совершивших преступления против собственности (33,1%)⁴³¹.

Как отмечает японская пресса, «головной болью» для администрации тюрем является быстрое старение тюремного контингента и особенно рост числа престарелых заключенных. В целом контингент японских тюрем стареет вместе с населением страны. Таким образом, все более ощутимый процесс старения тюремного населения сам по себе становится самостоятельной и достаточно серьезной проблемой. ООН и другие международные учреждения, а также национальные и международные правозащитные организации

---

⁴³¹ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 249–250.

давно и весьма остро критикуют довольно суровые условия отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях Японии. Вынужденные считаться с такой критикой и изменившимися социальными условиями, в том числе с процессом быстрого старения населения тюрем, власти страны предприняли ряд мер по строительству новых тюрем, рассчитанных не только на заметный приток осужденных, но и на создание более цивилизованных условий отбывания наказания – и для тюремного контингента в целом, и для быстро растущего числа престарелых осужденных (меняются условия их размещения, оборудуются пандусы, поручни в столовых, ванных комнатах и туалетах, повышается качество питания, принимаются, несмотря на экономический кризис, меры по улучшению медицинского обслуживания и т. д.). В некоторых тюрьмах Японии, например, в Onomichi организуются специальные отделения для содержания престарелых осужденных; для них вводится заметное облегчение режимных требований, обеспечивается более низкое содержание натрия в продуктах питания, повышаются норма риса, предусматриваются праздничные угощения тортом, налаживается работа по оказанию медицинской помощи.

Медицинское обслуживание, как уже отмечалось, вообще является одной из основных проблем и тяжелым бременем для системы пенитенциарных учреждений Японии. Тем не менее, в некоторых тюрьмах (например, в Хиросиме и Кобе) для поддержания физического состояния престарелых осужденных специально нанимают физиотерапевтов, а приглашенные терапевты занимаются с ними облегченной трудотерапией.

Тюремная статистика последнего десятилетия весьма красноречиво указывает на изменение возрастной структуры контингента, вызванное ранее невиданным ростом числа осужденных пожилого возраста. Так, только за первые пять лет нового века (с 2000 по 2006 гг.) число осужденных старше 60 лет выросло с 17 942 почти на 20% и в итоге в 2006 г. составило 59,3% общей численности осужденных (46 637 человек). Если общая численность заключенных в стране, как отмечалось, заметно сократилась, то число пре-

старелых осужденных, наоборот, продолжает расти. Так, число осужденных в возрастной группе – старше 70 лет – за период с 2001 по 2011 гг. выросло в 3 раза и к началу 2012 г. составило более 2 500 человек⁴³². В тюрьмах ныне содержится 765 тяжело больных осужденных; 37% из них – лица старше 65 лет. (В тюрьме Fuchu, например, из 2000 заключенных 172 или 9%, – лица 70 лет и старше; почти все они неоднократно судимые).

Как показывают исследования, проведенные в системе Министерства юстиции, большинство престарелых осужденных после освобождения очень быстро возвращаются в места лишения свободы после совершения новых краж, поскольку у них нет ни работы, ни жилья, ни родственников или гарантов-поручителей⁴³³.

Заметный вклад в воспитательную работу в тюрьмах вносит институт «добровольных посетителей» тюрем; такого рода постоянные визиты волонтеров являются одной из широко используемых форм участия общественности в предупреждении рецидивной преступности. Добровольцы оказывают консультативную помощь заключенным по вопросам права, образования, культуры, религии, бизнеса, социального обеспечения, адаптации к жизни на свободе и т.п. Волонтеры должны получить допуск у руководства пенитенциарного округа, который дается по рекомендации начальника тюрьмы и действителен в течение двух лет. Существует и специальный Комитет добровольных посетителей тюрем (Visiting Committee) из 10 гражданских лиц, назначаемых Министерством юстиции, который дает администрации тюрем рекомендации, связанные с организацией их работы и методами воспитания заключенных. В 2010 г. члены Комитета совершили почти 200 выездов в тюрьмы, провели консультации с 756 заключенными и организовали почти 450 лекций и конференций. За тот же год в тюрьмах страны было 1 184 визита волонтеров-специалистов (из них 444 были специалистами в области обра-

---

⁴³²Yomiuri Shimbun, 24 сентября 2012 года. (В этом сообщении приводится мнение профессора Коичи Хамаи из университета Рюоку, который отмечает, что из развитых стран только Япония имеет такой высокий процент престарелых заключенных).

⁴³³ Морозов Н.А. Геронтологический аспект преступности в Японии // Общество и право, 2014. – №1.

зования, литературы и искусства, 135 – по проблемам реабилитации, 84 – юриспруденции и 239 – в области религии). А всего за год в тюрьмах побывали 13 784 «добровольных посетителей»⁴³⁴.

Надо сказать, что эффективность японской исправительной системы в целом и эффективность исполнения наказания в виде лишения свободы – в особенности – издавна являются проблематичными. Почти полвека назад, главным образом в 1970-1980-х гг. в пенитенциарной практике Японии довольно широкое применение имела так называемая система «Найкан» (Naikan-ho). По сути дела, это был специфический метод исправления заключенных (коррекции), основанный на медитации, самоуглублении, призванный и, как считалось, способный восстановить их эмоциональное равновесие, понять и обрести духовные ценности, переосмыслить свое прошлое и найти смысл жизни. Однако с начала 90-х годов от этой практики пенитенциарные учреждения отказались в силу отсутствия ее эффективности, о чем прежде всего говорил высокий уровень рецидивной преступности. Так, по данным видного японского криминолога К. Миядзавы, к началу 1990-х г. уровень рецидива среди заключенных в течение 3-х лет после их освобождения из тюрем составлял 57%⁴³⁵.

Все эти годы и последующие 20 лет политика применения наказания в виде лишения свободы оставалась в рамках старой доктрины, суть которой состояла в использовании тюремных учреждений главным образом как способа изоляции «больных элементов общества от здоровых». После отказа от практики использования системы «найкан» в тюремной политике довольно долго существовал определенный методический вакуум, обусловленный отсутствием того, с чем в других развитых странах (особенно в Западной Европе) в то время было принято связывать так называемые «программы обращения», а также программы психотерапевтической реабилитации осужденных к

---

⁴³⁴ White Paper on Crime, 2010. – Токуо, 2011. – Р. 69.

⁴³⁵ Миядзава Коичи. Загадочная Япония – испытательный полигон для сравнительных криминологических исследований//Криминологические исследования в мире. – М., 1995. – С. 184.

лишению свободы. К тому же в силу уже привычной доктрины не было и стремления к более глубокой дифференциации осужденных; одним из средств решения этой проблемы могли бы стать, например, тюремные учреждения полуоткрытого типа, довольно широко распространенные к тому времени во многих странах, в том числе и в России (условное осуждение с обязательным привлечением к труду, колонии-поселения и т.п.). Консерватизм центрального аппарата и приверженность региональных властей давним традициям сдерживали любые новации такого плана. И лишь с конца 1990-х гг. в пенитенциарной практике Японии началось заметное оживление, где объективные потребности классификации и необходимой дифференциации заключенных получили свое правовое оформление и, как уже было показано выше, развитие, и в разной мере содержательную интерпретацию.

Сегодня в специальных наставлениях и практических руководствах Бюро тюрем, разработанных на основе *The Penal Detention Facilities Act* и *The Offenders Rehabilitation Act*, содержатся весьма подробные рекомендации по «особому» и в то же время дифференцированному обращению с лицами, совершившими, например, «серьезные» преступления – с учетом специфики такого рода преступлений и личности преступников. При этом обращается внимание на отсутствие у таких лиц достаточных знаний о характере последствий содеянного, в том числе об отсутствии «уважения» к жизни, здоровью и интересам потерпевших. Кроме того, подчеркивается, что длительная изоляция таких лиц от общества никак не способствует ни объективным представлениям о последствиях содеянного ими, ни росту их образования и культуры, что также необходимо учитывать при организации специализированного обращения с этой категорией заключенных.

Применительно, например, к осужденным за убийство и причинение вреда здоровью потерпевших рекомендуется привитие им уважения к достоинству человеческой жизни и здоровью других людей, значимость последствий и ущерба для потерпевших, их близких и для общества в целом. Воспитание в этом направлении, повышение уровня их информированности и

культуры рассматривается как начало процесса реабилитации осужденных. При этом отмечается, что речь идет не просто о росте информированности таких лиц, а о необходимости привития им способности оценивать содеянное ими «с точки зрения потерпевших»; такая работа опирается и на другие программы исправления и реабилитации, в частности, на программу компенсации ущерба.

Для рецидивистов, например, считается крайне важным «искоренение» стремления к совершению насильственных деяний – на это «работают» специальные программы предупреждения повторных насильственных преступлений. Специализированные программы разработаны и для «долгожителей» тюрем, поскольку они надолго изолированы от общества и у них особые трудности при возвращении к жизни в условиях свободы, для реабилитации и реинтеграции в общество.

В последние 20 лет программы «Предупреждение насилия» «Violence prevention program», «Глазами потерпевших» «From the victims point of view» и «Компенсации ущерба» «Atonement guidance program» прочно вошли в арсенал воспитательных средств японских исправительных учреждений как составная часть специализированного руководства по воспитанию и реабилитации указанных категорий осужденных.

По сути дела, на тех же принципах и программах воспитания строится и деятельность служб пробации, где использование названных комплексных мероприятий является обязательным условием работы персонала.

Подготовка к постпенитенциарному («защитному») надзору фактически начинается уже тогда, когда осужденный еще находится в тюрьме. С 2005 г. действует установленный Министерством юстиции порядок, согласно которому тюремная администрация за месяц до освобождения заключенного сообщает службе пробации и полиции о его предполагаемом месте жительства и работы. Сотрудники пробации начинают работу по месту жительства осужденного, изучают его ближайшее окружение и определяют принципиальную возможность его возвращения на прежнее место жительства после осво-

бождения. Такого рода обследование включает в себя изучение семьи, соседей, связей с друзьями и знакомыми, отношений и установок, принятых в семье заключенного, стиля его жизни, отношения семьи к совершенному им преступлению, выплаты возмещения за ущерб, причиненный жертве преступления, условий жизни и работы в будущем, словом, определение принципиальной возможности его возвращения к прежнему месту жительства. При этом, если будут обнаружены негативные факторы, препятствующие такому возвращению, сотрудники службы пробации обязаны принять все меры, необходимые для устранения таких факторов. Сотрудники службы пробации должны встречаться с поднадзорными не менее двух раз в месяц и оказывать им необходимую помощь в адаптации и реабилитации.

В ходе применения названных мер реабилитации различных категорий осужденных в деятельности служб пробации нередко возникает проблема внесения корректив в планы пробации (Environmental adjustment); речь идет о коррективах оценки личности поднадзорного, планов его трудоустройства, урегулирования отношений с семьей и т. п., которые реализуются совместно с местными властями и органами социальной помощи. Скажем, применительно к «долгожителям» тюрем рекомендовано учитывать, что жизненные планы таких лиц в ходе длительного срока отбывания наказания меняются, что, с одной стороны, создает трудности для прогнозирования их поведения в будущем, а с другой – определенные проблемы для семьи осужденного, зачастую не желающую принять «старика», тем более что с годами меняется и ситуация в самой его семье. Именно в силу такого рода трудностей многие из досрочно освобожденных «долгожителей» тюрем совершают новые преступления в течение первого же года после освобождения. Для таких лиц недостаточно одной встречи в две недели с офицером службы пробации, необходим постоянный, возможно, ежедневный контроль за работой освободившегося из мест заключения человека, его поведением и психологическим состоянием. Все это особенно важно учитывать в быстро меняющихся условиях экономического кризиса. Поэтому для таких поднадзорных рекомендуется

«временное» (промежуточное) обращение (Interim treatment), чтобы сделать что-то по их желанию, помочь специальными для конкретного случая советами и наставлениями, особенно важными в первые месяцы после освобождения. Их учат азам межличностного поведения, стиля жизни, управления своими финансами, пользования транспортом, процедурам доступа к службам социальной помощи и обслуживания населения и т. п.

Еще одной давней и традиционной формой участия общественности в профилактике преступности является институт добровольных сотрудников службы пробации, осуществляющих постепенитенциарный «защитный надзор» (Hogo Kansatsu), которые, по сути дела, и ведут всю работу по контролю за поведением условно осужденных и условно-досрочно освобожденных. Их деятельность регламентирована законодательным актом – The Volunteer Probation Officer Act, No 204, принятом еще в 1950 г.

Срок службы волонтеров – два года, но они могут быть назначены на эту работу вновь – после истечения указанного срока. Названным актом определена максимальная численность волонтеров службы пробации – 52 500 человек. Между тем в условиях экономического кризиса и быстрого старения населения страны набор добровольных сотрудников на работу в этой службе становится все более сложным – они не получают зарплаты и не сертифицированы как государственные служащие; их численность в последние годы имеет очевидную тенденцию к снижению, противоречащую все более широкому применению условного осуждения и условно-досрочного освобождения для «разгрузки» тюрем. Так, уже к 2010 г. на учете службы пробации состояло более 18 тыс. поднадзорных, в том числе, 12 тыс. условно осужденных и более 6 тыс. условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы.

Ныне средний возраст сотрудников-волонтеров составляет 63,6 года (сотрудников моложе 50 лет – всего 5,1%); но среди них все больше растет число волонтеров-женщин. К началу 2010 г. в общем числе волонтеров службы пробации (48 851 человек) женщины составляли 25,8%; в основном это были

домохозяйки и 23% – те, кто работал в учреждениях⁴³⁶. К середине 2012 г. число волонтеров снизилось до 47 968 человек; их нехватка особенно остро ощущается в крупных городах. Столкнувшись с этой проблемой, Министерство юстиции даже открыло призывные пункты, укомплектованные наиболее опытными сотрудниками службы пробации.

В соответствии с действующим законодательством «защитный надзор» (его называют последним этапом уголовно-правового «конвейера») устанавливается судом на определенный срок и распространяется не только на условно-досрочно освобожденных из тюрем и условно осужденных, но и на несовершеннолетних, досрочно освобожденных из воспитательных учреждений. Применяя надзор, суд, помимо прочего, может обязать осужденного выполнять «особые» условия (отказаться от употребления алкоголя и наркотических средств, не появляться в определенных судом местах, урегулировать вопрос о возмещении ущерба с потерпевшими и т.д.). Как и факт совершения нового преступления, нарушение указанных условий поведения в период испытательного срока влечет за собой отмену «защитного надзора» (судом – по представлению прокурора) и возвращение таких поднадзорных в места лишения свободы.

Гуманность и либерализм, особая ментальность, психология конфуцианства с великодушным снисхождением к раскаявшимся преступникам – далеко не все основополагающие уголовно-правовой политики Японии. Стабильная динамика преступности, качественное изменение ее структуры, адекватность политики ее сдерживания и профилактики, кардинально отличающейся от положения дел в других странах мира – вот ключ к разгадке японского преступного феномена.

Поэтому трудно признать обоснованным мнение О.Н. Ведерниковой, считающей правоприменительную практику (особенно судебную практику) в Японии «чрезмерно либеральной». Во-первых, подобная оценка не соответствует истинной картине, т.е. последовательному снижению и без того низ-

---

⁴³⁶ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2011. – P. 97.

кого уровня преступности, а во-вторых, противоречит собственным заключениям О.Н. Ведерниковой, которая отмечает, что «либерализм карательной политики Японии имеет реальные фактические основания»⁴³⁷.

В отличие от других стран, в японской системе воздействия на преступность, как уже отмечалось, «почти идеально» (С.М. Иншаков)⁴³⁸ удалось совместить относительную мягкость уголовно-правовых мер с их достаточно высокой эффективностью.

Правоприменительная практика в Японии значительно снижает риски стигматизации, укрепляет правовые основы общества, повышает уровень доверия людей к органам правосудия.

---

⁴³⁷ Ведерникова О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право, 2002. – № 10. – С. 36.

⁴³⁸ Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1997.

Глава V. ПРОБЛЕМЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В ЯПОНИИ

§1. Особенности законодательства и практика назначения смертной казни

Исследование проблемы смертной казни в рамках самостоятельного раздела настоящей работы обусловлено рядом субъективных и объективных причин. Во-первых, речь идет о проблематике, которая в течение почти 20 лет представляет для автора самостоятельный научный интерес. Во-вторых, Япония вместе с США – лишь два высокоразвитых государства, в которых, хотя и в разных масштабах, но до сих пор сохраняется применение и исполнение наказания в виде смертной казни, вызывающие острую критику со стороны ООН, других международных организаций и мирового аболиционистского движения. В-третьих, в этой ультрасамобытной, технологически сверхмодернизированной стране сохранение такой архаичной и варварской меры, какой представляется смертная казнь, само по себе кажется нонсенсом, тем более, что криминальная ситуация здесь по сравнению с другими странами намного благополучнее, а практика применения наказаний, как было показано выше, в силу рационального и экономного расходования уголовной репрессии отличается редким либерализмом.

Парадоксально, но факт – страна, где применение высшей меры наказания носит, как будет показано далее, единичный и во многом символический характер, смертная казнь наряду с феноменом якудза стала одним из тех атрибутов, тех символов, с которыми за рубежом все больше ассоциируются представления о Японии.

Необходимо обратить внимание на очевидную связь между особенностью института смертной казни, практикой его применения с историей формирования и развития материального и процессуального права и ролью права в общественной жизни страны.

В результате копирования западного законодательства, вызванного потребностями экономических реформ, сложился симбиоз систем континентального и общего права, который, однако, не имел целью изменения образа жизни людей. Наоборот, новое право сосуществовало с желанием сохранить традиционные японские ценности и нравы. Более того, «вестернизация» правовой системы уравнивалась живучестью традиционных принципов правоприменения. Это и в современной Японии подтверждается и широким судебным усмотрением по применению различных видов наказания и практикой применения и исполнения смертной казни.

В ст. 31 Конституции Японии, принятой 3 ноября 1946 года, говорится, что «никто не может быть лишен жизни... иначе как в соответствии с процедурой, установленной законом». Влияние Основного Закона США на подготовку и содержание японской Конституции известно и обусловлено сложившейся политической ситуацией после капитуляции Японии в 1945 г.. Это, однако, не мешает политической и судебной элите страны иметь свое собственное понимание и интерпретацию смысла ст. 36 Конституции, согласно которой «абсолютно воспрещены применение должностными лицами пытки и жестокие наказания».

Суть такого своеобразного понимания ст. 36 Конституции судебными органами сводится к тому, что лишение жизни преступника предусмотрено ст. 31 Конституции и, следовательно, если все установленные законом процедуры соблюдены, то противоречия Конституции нет⁴³⁹. Во всяком случае, в практике Верховного Суда Японии (в отличие, например, от известных решений Верховного Суда США по целому ряду уголовных дел) не было ни

---

⁴³⁹ Вместе с тем в ст.13 Конституции, закрепляющей право на жизнь, говорится: «Все люди должны уважаться как личности. Их право на жизнь, свободу и стремление к счастью является предметом высшей заботы в области законодательства и другой государственной деятельности, поскольку это не нарушает общественного благосостояния». Своеобразие этой формулировки, вероятно, связано с нюансами перевода с японского языка, хотя слово «поскольку» вполне очевидно отражает границы правомерного поведения.

одного решения, в котором бы смертная казнь рассматривалась как наказание, противоречащее Конституции.

Смертная казнь – *shikei* – согласно уголовному кодексу Японии назначается за совершение 12 преступлений: организацию вооруженного мятежа (ст. 77 УК); сговор с иностранным государством с целью побуждения этого государства к военной агрессии против Японии (ст. 82); умышленного поджога, разрушения взрывом или затопления жилого помещения (ст. 108, 117, 119 УК); действие, вызвавшее железнодорожную катастрофу или потопление судна, а также за разрушение или повреждение транспортных средств и путей сообщений, повлекшие гибель людей (ст. 126, 127); отравление водопровода (ст. 146); убийство (ст. 199); ограбление, повлекшее гибель потерпевшего или сопряженное с изнасилованием (ст. 240, 241). И только в ст. 81 УК Японии (сговор с иностранным государством...) – смертная казнь выступает в качестве безальтернативной мерой наказания. В других же статьях уголовного кодекса – является альтернативной, с учетом срочного или пожизненного лишения свободы.

Наряду с УК в систему японского уголовного законодательства входят, как уже отмечалось, и так называемые «специальные» законы (ныне их более тридцати), в которых смертная казнь назначается всего за 5 составов преступлений: нарушение правил контроля за взрывчатыми веществами; насильственный захват воздушного судна; действия, создающие опасность для воздушного транспорта; убийство на дуэли, за убийство заложника⁴⁴⁰. В практическом плане можно говорить, однако, о возможности применения смертной казни за 14 преступлений, к числу которых более поздние законодательные акты отнесли, например, террористическую деятельность, повлекшую гибель людей.

---

⁴⁴⁰ Белявская О.А. Уголовная политика в Японии. – М., 1992. – С. 18; Койдзуми Ё. Система и виды наказания по уголовному праву Японии. Смертная казнь в Японии // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков, Ч. 1. – Владивосток, 1998. – С. 280.

В соответствии с Законом 1948 года об ответственности несовершеннолетних, смертная казнь не может быть назначена лицам, совершившим преступления до достижения 18 лет (ст. 51). Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает отсрочку исполнения смертного приговора в отношении беременных женщин, а также душевнобольных лиц (ст. 476, 479 УПК).

Согласно ст. 11 Уголовного кодекса Японии смертная казнь приводится в исполнение через повешение. В этой же статье говорится о том, что до исполнения приговора осужденный содержится в тюрьме.

Процессуальная сторона данной проблемы – порядок рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусматривающих высшую меру наказания, – не испытывал на себе следы вестернизации. Отсюда и ряд особенностей рассмотрения такого рода уголовных дел.

Во-первых, и это принципиально важно, такого рода дела, как уже отмечалось, до 2009 г. не рассматривались судами присяжных, которые были упразднены еще 60 лет назад. По мнению японской аболиционистской организации «Форум 90», представившей доклад о положении дел в этой сфере Первому международному конгрессу против смертной казни в 2001 г., отсутствие суда присяжных делает систему правосудия слишком жесткой и закрытой.

Во-вторых, процедура автоматической проверки обоснованности смертной казни, так распространенная в США, в Японии отсутствует. Длительный период проверки обоснованности смертных приговоров (на основании апелляций) и, соответственно, многолетнего пребывания осужденных в «очереди смертников» вовсе не исключает возможности необоснованного обвинения и судебной ошибки. При чрезвычайной закрытости информации, касающейся практики вынесения и исполнения смертных приговоров, достоверно известно лишь о пяти случаях, когда в 1983–1990 гг. власти освободили необоснованно осужденных, которые долгие годы содержались в «очереди смертников».

В-третьих, обвиняемый, в ходе рассмотрения подобного уголовного дела, не имеет ни права самостоятельного выбора адвоката, ни права отказа от адвоката, назначенного обвинением. На стадии же апелляции права осужденного еще больше уменьшаются. Он даже не имеет права ходатайствовать о пересмотре дела (власти рассматривают такое ходатайство как способ уклониться от исполнения приговора).

Но в то же время права обвинения – безграничны. И в случае замены смертной казни пожизненным лишением свободы прокурор обладает правом отменить данное решение. В 1998 г., например, прокуратура настояла на отмене таких решений апелляционного суда по пяти уголовным делам⁴⁴¹.

Что касается возможности помилования осужденных к смертной казни, то порядок применения этого института не составляет каких-либо исключений и регламентируется общими для всех осужденных нормами уголовно-процессуального кодекса, а также ведомственными инструкциями Министерства юстиции. Эта довольно сложная процедура отличается строгой централизацией и особым контролем со стороны Министерства юстиции. На первоначальном этапе обращения осужденных с просьбой о помиловании такие ходатайства рассматриваются тюремной администрацией, а затем на основании ее рекомендаций и ходатайства прокурора направляются в Центральный совет по помилованию; в случае одобрения этих материалов в совете, они направляются министру юстиции, а затем – на рассмотрение Кабинета министров. Окончательное решение о помиловании утверждается и объявляется от имени императора. Хотя формально каждый осужденный к смертной казни имеет право на обращение с ходатайством о помиловании, фактически этот институт долгие годы «не работает». За последние 60 лет акты о помиловании таких осужденных издавались всего 3 раза, последний раз – более 30-ти лет назад.

---

⁴⁴¹ The Hidden Death Penalty in Japan: The Legal Process and the Legal Challenge in Japan. Special Report. – <http://www.ncadp.org/html/intlreport1.html>.

Законодательная регламентация наказания в виде смертной казни в Японии указанными уголовно-правовыми и процессуальными нормами, собственно говоря, исчерпывается. Поэтому наибольший интерес представляет сама практика применения этой меры наказания, выработанные этой практикой правила и принципы и, наконец, сложившиеся на этой основе тенденции. Между тем проследить динамику формирования такого рода общих принципов, правил или типологических решений (в отличие, скажем, от широко комментируемой в правовой литературе практики применения смертной казни в США) ни по официальным документам Министерства юстиции или Верховного суда Японии, ни по публикациям японских или зарубежных исследователей практически нельзя.

Единственным и потому широко цитируемым источником является приговор Верховного Суда Японии от 8 июля 1983 года по делу Нагаямы, в котором были впервые сформулированы общие критерии назначения наказания в виде смертной казни: «Следует сказать, что при действующей системе законодательства, сохраняющей смертную казнь, допустим выбор и этой кары – когда сделан вывод о поистине тяжкой ответственности обвиняемого и о неизбежности крайней меры, с точки зрения как равновесия между преступлением и наказанием, так и общей превенции, после совокупного анализа характера преступного акта, его мотивов и обстоятельств (особенно упорства и жестокости в способе убийства), тяжести итогов (особенно числа потерпевших в результате убийства), степени ущерба у оставшихся родных, социального воздействия, возраста преступника, криминальной биографии, обстановки после преступного акта и других элементов ситуации»⁴⁴². В других источниках указывается, что среди десяти критериев отнесения обстоятельств убийства к разряду отягчающих судебная практика на основе сложившегося консенсуса относит такие, как тяжесть восприятия (переживаний) родственниками убитого и факт вызванного конкретным убийством общественного резонанса. Назвать перечисленные здесь факторы критериями для принятия

---

⁴⁴² Уголовное право зарубежных государств. – М., 2003. – С. 493.

решения по такого рода делам, строго говоря, трудно, хотя приведенная формулировка дает определенное направление мысли.

Несмотря на довольно широкое представительство смертной казни в санкциях Уголовного кодекса Японии, на практике она по сравнению с другими странами применялась весьма редко, а в последние 20 лет ее применение вообще носит единичный характер. В абсолютном большинстве случаев такие приговоры выносились лишь за убийства с особой жестокостью или убийство нескольких лиц, а также за грабежи, связанные с изнасилованием и гибелью потерпевших.

По данным японского исследователя Кимико Оцука, с 1847 по 1991 гг., т.е. за полтора века, к смертной казни были приговорены 872 осужденных, в том числе, 235 – за убийства (27%) и 603 (69 %) –за разбойные нападения и изнасилования. В довоенные годы ежегодное число смертных приговоров колебалось в пределах 12–16; в 1939–1942 гг., и до 30 – в 1943–1944 гг., но уже в первые годы после войны оно заметно возросло. В 1948 г. таких приговоров было вынесено 116; в 1949–1955 гг.; в 1950–1962 гг.; в 1951–1944 гг. К середине 1960-х гг. выносилось уже от 12 до 37 , а с 1970-х гг. – до 10 смертных приговоров в год⁴⁴³.

По данным судебной статистики, с 1946 г. по 1993 г. в Японии было вынесено 766 смертных приговоров⁴⁴⁴. По другим источникам, в качестве окончательной меры наказания смертная казнь была назначена 341 осужденному (причем 135 из них эта мера была назначена только за первые пять лет – в 1957–1962 гг.)⁴⁴⁵. Во второй половине 1980-х гг. районные суды начали выносить все большее число смертных приговоров. Этот рост последовал после решения Высокого суда Токио в марте 1987 г., повторно вынесшего смертный приговор Н. Нагояме. В решении по этому уголовному делу суд определил несколько критериев, важных для вынесения такого рода приговоров.

---

⁴⁴³ Российское уголовное право. Курс лекций. Том II. – Владивосток, 1999. – С. 459.

⁴⁴⁴ White Paper on Crime, 2005. – Tokyo, 2006. – P. 199.

⁴⁴⁵ Shikita M., Tsuchiya S. Crime and Criminal Policy in Japan from 1926 to 1988. Analysis and Evaluation of the Showa Era. – Tokyo, 1992. – P. 148–149.

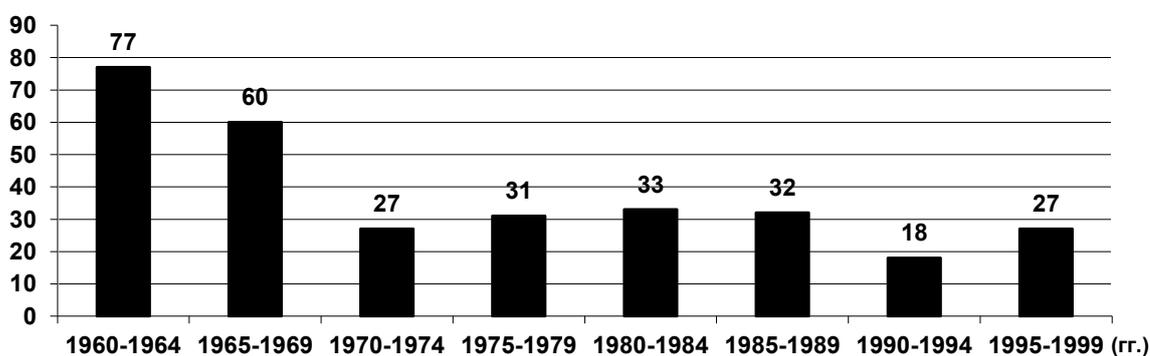
Смертная казнь применяется, если: было убито более одного человека; убийство было особенно жестоким и убийца не проявил раскаяния и не был прощен семьей потерпевшего.

К середине 1988 г. ожидали исполнения смертных приговоров 85 осужденных, причем в отношении 35 из них Верховный суд отклонил все апелляции. В последующие годы масштабы применения смертной казни стали все более заметно снижаться. В 1992–1996 гг. эта мера наказания, по данным судебной статистики, была применена к 25, а в 1997–2001 гг. – к 15 осужденным. В 1997 г. такие приговоры были вынесены 3 осужденным; в 1998 г. – 7; в 1999 г. – 5; в 2000 г. в связи с отмечаемым по призыву ООН 50-летним юбилеем со дня принятия Декларации прав человека смертные приговоры в стране вообще не выносились, хотя моратория на их применение в Японии не объявлялось. Но начиная с 2001 г. было уже вынесено 10 смертных приговоров, и 18 – в 2002 году.

Если статистические данные о применении смертной казни в Японии за 40 лет (1960–2000 гг.) разбить на временные интервалы в 5 лет, то получим такую картину:

Диаграмма 3

Динамика смертных приговоров в 1960–2000 гг.

Сравнивая эти показатели, можно отметить, что, несмотря на отмеченный выше рост числа убийств и грабежей с тяжкими последствиями, практика вынесения смертных приговоров во второй половине XX в., хотя и носила

спорадический характер, но все же имела очевидную тенденцию к снижению. Во-вторых, такой ретроспективный анализ позволяет детализировать рассматриваемую практику с целью определения вероятности вынесения смертного приговора за убийство и грабеж на разных временных отрезках.

Анализ показывает, что в 1983–1995 гг., например, смертные приговоры были вынесены лишь в отношении 0,6 % от общего числа всех осужденных за убийство и грабеж. Причем доля убийц здесь была в 3 раза меньше и, следовательно, вероятность вынесения смертного приговора за убийство в эти годы была (по сравнению с грабежом) значительно ниже. По сути дела, ту же ситуацию показывает и статистика 1950–1970 гг., когда 69,2 % всех смертных приговоров было вынесено за совершение грабежей, повлекших тяжкие последствия, и лишь 25,8% – за убийства. Это соотношение в разные годы сохранялось и в судебной практике последующих лет, хотя пропорции менялись в зависимости от продолжительности периода наблюдений⁴⁴⁶. В 1960–2000 гг., как видно из данных статистики, только 110 из 305 смертных приговоров, т.е. лишь 36 %, было вынесено за убийства, а остальные – за грабежи и другие тяжкие преступления.

Однако с начала 2000-х гг. (особенно в 2001–2006 гг.) ситуация стала существенно меняться – число таких приговоров значительно увеличилось и по сравнению с двумя последними десятилетиями (1980–1990 гг.) судебная практика по делам о рассматриваемых тяжких преступлениях заметно ужесточилась. Динамика высшей меры наказания за последние три десятилетия показана в табл. 25, составленной с учетом определенной коррекции данных, ранее опубликованных автором и другими исследователями.

Для полноты анализа ситуации 2000–2010 гг. эти суммарные данные требуют необходимой дифференциации. На приводимой ниже диаграмме показаны весьма заметные изменения в структуре смертных приговоров за убийства и грабежи.

---

⁴⁴⁶ Квашис В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. США и Япония. Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь. – Владивосток, 2008. – С. 163–165.

Динамика смертных приговоров в Японии в 1981–2010 гг.

Годы	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Всего смертных приговоров	2	11	5	6	9	5	6	10	2	2
Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Всего смертных приговоров	3	1	4	8	11	1	3	7	5	0
Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего смертных приговоров	10	18	13	14	13	13	14	5	9	4

Диаграмма 4

Смертные приговоры за убийство и грабеж в 2001–2010 гг.

Здесь следует отметить, что и у различных исследователей, и в официальных статистических материалах, публикуемых в разные годы, показатели вынесенных в Японии смертных приговоров имеют бросающиеся в глаза расхождения и потому не всегда сопоставимы.

Так, по данным судебной статистики, в 1989–1996 гг., например, зафиксировано 32 смертных приговора; по данным австралийского исследователя П. Шмидт – 45, а по данным японского ученого Коичи Хамаи, – 37. За 1992–1997 гг., по данным судебной статистики, было вынесено 28 смертных приговоров; по данным П. Шмидт – 33, а по данным К. Хамаи, который ссылается на статистический отчет прокуратуры, – 24 приговора⁴⁴⁷. Если же использовать данные национальных или международных правозащитных организаций, то получим несколько иные, в любом случае, более высокие показатели.

Дело в том, что ежегодно публикуемые статистические отчеты судебных органов, прокуратуры, а также суммарные отчеты Министерства юстиции не учитывают и в силу определенного временного лага не могут (поскольку речь идет о ретроспективе) учитывать фактического изменения того или иного числа приговоров в ходе продолжающихся апелляционных процедур, когда смертный приговор заменяется длительным или пожизненным лишением свободы. Между тем, в публикуемых в последующем статистических обзорах воспроизводятся данные предшествующего года или даже нескольких лет, не учитывающие таких изменений. Причем зачастую механическое воспроизведение годовых данных сохраняется даже тогда, когда в статистических отчетах, например, прямо указано, что имеются ввиду лишь смертные приговоры, вынесенные судами первой инстанции. Другими словами, такие приговоры попадают в статистику как «окончательные», хотя, на самом деле мера наказания в последующем была изменена.

С другой стороны, некоторые расхождения в рассматриваемых данных связаны и с субъективным фактором, вытекающим из завесы секретности, традиционно окружающей практику применения смертной казни в Японии⁴⁴⁸.

---

⁴⁴⁷ Schmidt, P. Capital Punishment in Japan, 2002. – P. 37–39; Hamai Koichi. Prison Population in Japan. Paper presented at the 12th International Congress on Criminology. August 24–29, 1998, Seoul, Korea.

⁴⁴⁸ В отчете Министерства юстиции Японии за 2000 г., например, указано, что смертных приговоров не выносилось, а по данным «Международной амнистии», было

Итак, если обратиться к статистике трех последних десятилетий, то в практике применения смертной казни можно отметить несколько разноплановых тенденций.

Таблица 27

Практика вынесения смертных приговоров в 1981–2010 гг.

Годы	Общее число смертных приговоров	За убийство	За грабеж
1981–1990	58	34	24
1991–2000	43	33	10
2001–2010	113	69	44

Первая из них и наиболее очевидная связана с тем, что на фоне стабильных показателей убийств в течение трех последних десятилетий идет заметное ужесточение судебной практики по применению смертной казни за такие преступления. Если в 1980-х гг. в общем числе смертных приговоров их доля за убийство составляла лишь 42,6%, то в 1990-х и в 2000-х гг. – 76,7% и 61,2%.

Одновременно, в отличие от практики 1960–1980 гг., идет заметное снижение числа смертных приговоров за грабежи, повлекшие тяжкие последствия. Если в предыдущие десятилетия в общем числе смертных приговоров на долю высшей меры наказаний за грабеж (речь о грабежах, повлекших тяжкие последствия) приходилось две трети таких приговоров, то к 2011–2012 гг. ситуация изменилась и их доля в общем числе вынесенных смертных приговоров снизилась с 57,4% до 38,9%⁴⁴⁹.

Следует, однако, подчеркнуть, что такого рода структурные изменения внутри совокупности вынесенных смертных приговоров за последние десяти-

---

вынесено 3 таких приговора, хотя «на самом деле, число казней может быть выше» (AI Index:ASA 20/010/2002, 29 November, 2002, Cease All Executions).

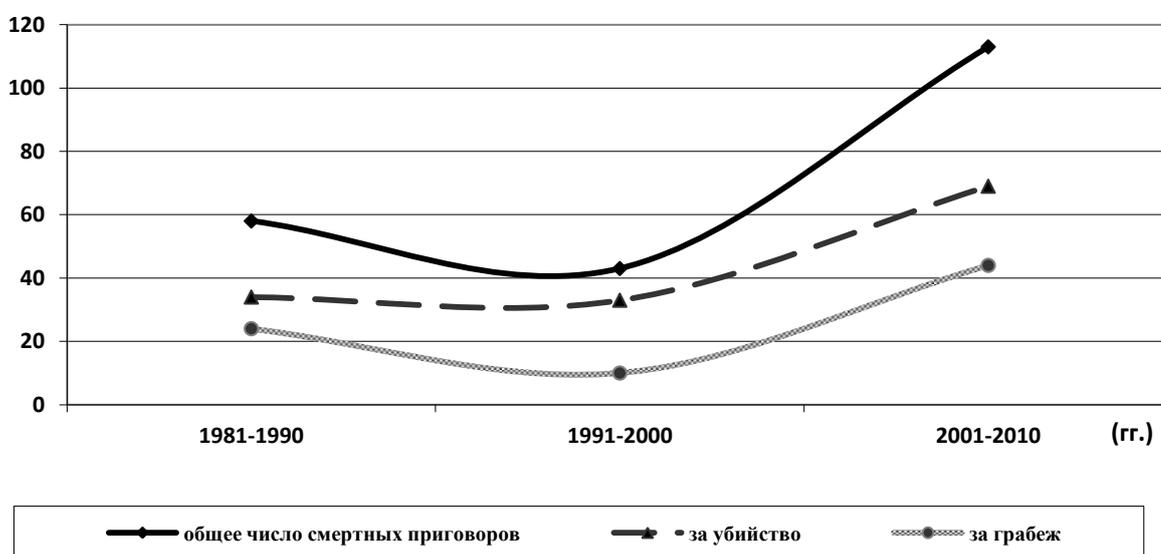
⁴⁴⁹ Похоже, давняя практика, действительно, меняется. Так, за полтора века – с 1847 по 1991 гг. к смертной казни были приговорены 872 осужденных. Из них за убийства – 235 (27%), а 603 (69%) – за грабежи с тяжкими последствиями и изнасилования (Ооцука Кимико. Смертная казнь – Сикей. – Токио, 1998).

тилетия не повлияли на основную тенденцию в практике применения этой меры, которая, судя по данным статистики, заметно ужесточилась. В самом деле, на фоне стабильного числа убийств общее число смертных приговоров возросло с 58 в 1980-х гг. до 113 приговоров к концу 2010 г. (или на 95%).

Все эти тенденции в практике применения смертной казни выглядят еще более наглядно, если их представить графически.

График 24

Динамика смертных приговоров в 1980–2010 гг.

Последняя из отмеченных тенденций связана с «зеркальной» динамикой числа осужденных за грабежи, повлекшие тяжкие последствия, с ее маятниковым характером – в 2000–2005 гг. происходил последовательный рост числа осужденных за эти преступления, а с 2006 г. маятник изменил направление хода, причем снижение числа осужденных за такие грабежи пошло ровно теми же темпами, как и их рост в первом десятилетии XXI в. (Не случайно общее число осужденных за грабеж и число смертных приговоров в каждом из этих отрезков разделилось на две равные части).

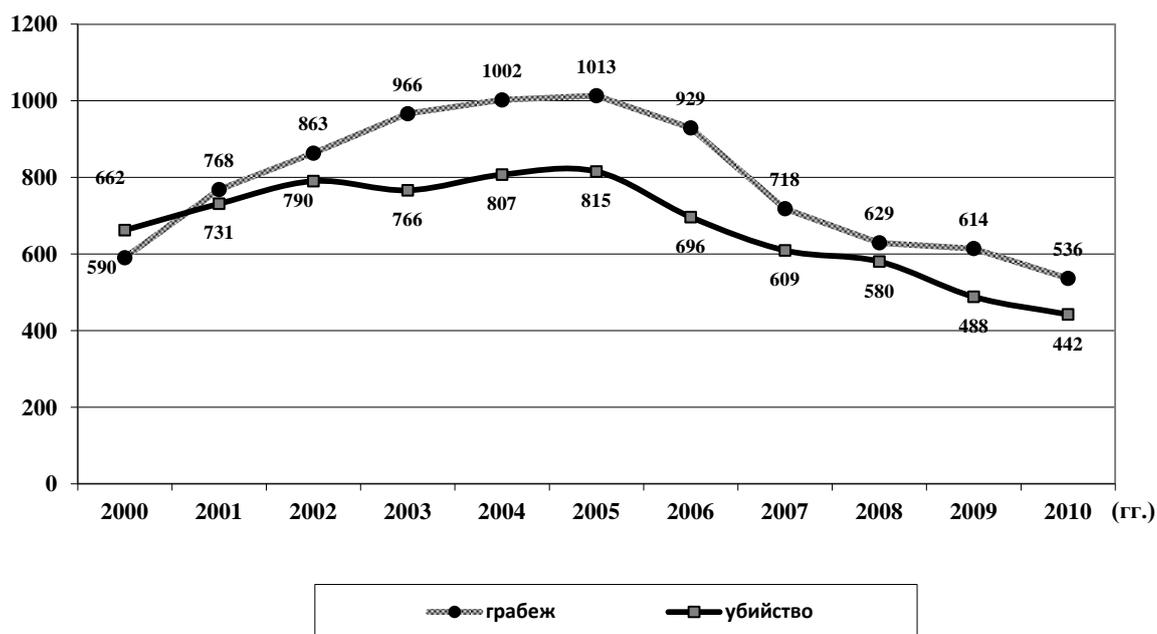
Дальнейший анализ позволяет рассчитать вероятность (риск) смертного приговора за совершение каждого из двух названных преступлений. Понятно, что в разные годы – в зависимости от числа осужденных за указанные

преступления и числа вынесенных смертных приговоров – вероятность именно такого исхода судебного процесса имеет различную статистическую значимость. Кроме того, учитывая, что судебная статистика фиксирует лишь приговоры судов первой инстанции, а апелляционные процедуры по такого рода делам длятся в среднем не менее 6–8 лет, вполне допустима перспектива снижения риска смертного приговора в ходе его обжалования.

Для расчетов дифференцированного риска смертного приговора приведем данные об общем числе осужденных за убийства и грабежи, повлекшие тяжкие последствия, за последние десять лет.

График 25

Динамика осужденных за убийства и грабежи в 2001–2010 гг.

Обратившись к приведенным статистическим данным, можно указать, что вероятность смертного приговора за убийство за 2001–2010 гг. по сравнению с предыдущими периодами выросла и составила 1,0% (69 осужденных к смертной казни из 6 723 всех осужденных за убийство); это еще раз свидетельствует о значительном ужесточении судебной практики, в том числе связанной с вынесением смертных приговоров за убийство. Вместе с тем следует иметь в виду, что здесь расчеты вероятности вынесения смертного приго-

вора строились на суммарных данных за все последние 10 лет. Если же такие расчеты проводить раздельно по каждому году (сопоставляя показатели диаграммы 2 и графика 2), то окажется, что вероятность смертного приговора за убийство в разные годы варьируется в весьма широких пределах – от 0,3% до 1,4%. Так, в 2001 г. риск смертного приговора составил 0,73%; в 2003 г. – 0,9%; в 2005 г. – 1,3 %; в 2006 г. – 0,3%; в 2007 г. – 1,4%; в 2008 г. – 0,48%; в 2010 г. – 0,7%⁴⁵⁰. Отсюда следует, что показатели вероятности смертного приговора в том или ином году никак не коррелируют с общим числом осужденных за убийства и в статистическом плане от него не зависят; они определяются единичными фактами вынесения смертных приговоров и конкретными обстоятельствами дела.

Что же касается вероятности смертного приговора за грабеж, повлекший тяжкие последствия, то в 2001–2010 гг., то эта вероятность, по нашим расчетам, составляет 0,6% (44 из 7 738 осужденных), и в статистическом плане, в отличие от предшествующих десятилетий, она стала значительно меньше, чем вероятность смертного приговора за убийство. В самом деле, если в 1970-1990-х гг. смертные приговоры за грабежи выносились в два раза чаще, чем за убийства, то ныне за счет ужесточения карательной практики такой разрыв весьма существенно сократился. Вместе с тем, как и при расчетах вероятности смертного приговора за убийство, следует иметь в виду, что рассчитанный показатель для грабежей с тяжкими последствиями также основан на суммарных данных за 2001–2010 г. Соответственно, рассчитанные годовые показатели риска смертных приговоров за такие преступления существенно разнятся. В 2001–2002 гг. вероятность смертного приговора составляла 0,8%; в 2003, 2004 и 2005 гг. – 0,5%; в 2006 г. – 1,2%; в 2007 г. – 0,6%; в 2008 и 2009 гг. – 0,3%; в 2010 г. – 0,2%.

Все сказанное еще раз подтверждает вывод о том, что корреляции между динамикой преступлений, наказуемых смертной казнью, и изменениями в

---

⁴⁵⁰ Квашис В.Е, Морозов Н.А. О тенденциях в практике назначения и исполнения смертных приговоров в Японии //Общество и право, 2015. – №2.

карательной практике (в общем числе осужденных за указанные преступления) не существует. На уровне конкретного преступления назначение высшей меры не отражает тех изменений в карательной практике, о которых говорилось выше, и становится не столько вопросом уголовной политики, сколько вопросом факта.

Отмеченное положение вовсе не отменяет общего вывода о тенденции ужесточения практики вынесения смертных приговоров в Японии. Этот вывод подтверждается и сравнением тенденций в современной судебной практике Японии и США. В первом случае она, как отмечалось, значительно ужесточается – на фоне сохранения стабильного числа преступлений, наказуемых смертной казнью, число смертных приговоров за последние 15 лет выросло почти в 2 раза. Во втором случае – в США – в последние 10–13 лет на фоне стабильного числа убийств (их уровень постепенно снижается с 5,5 до 4,9 главным образом за счет роста численности населения) идет последовательное и весьма значительное снижение числа вынесенных смертных приговоров – за последние 15 лет оно сократилось более, чем в 2 раза (с 98 до 43)⁴⁵¹. Заметим, наконец, что эти противоположные тенденции развиваются автономно, независимо от того, что число убийств в США превышает число убийств в Японии в 15 раз, а численность населения превышает в 2,5 раза.

Как видно, такого рода сравнения дают достаточную пищу для размышлений о современных тенденциях и перспективах развития уголовной политики и судебной практики по применению наказания за тяжкие преступления. Во всяком случае, такое сравнение не позволяет поставить под сомнение вывод о том, что применение смертной казни в современной Японии носит хотя и спорадический, но все же единичный и во многом символический характер.

---

⁴⁵¹ Квашис В.Е. Куда идет смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. – СПб., 2011. – С. 362–369.

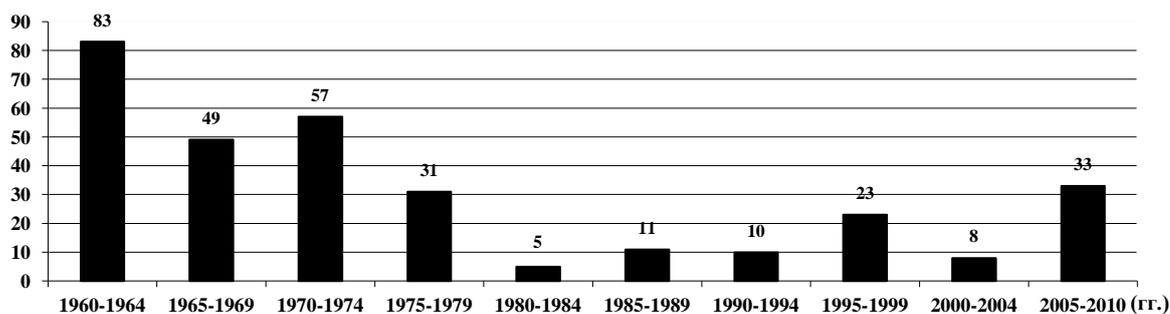
§2. Особенности практики исполнения смертной казни

1. Обратившись к истории, можно убедиться, что количество казненных в середине XIX в. – 550–800 человек в год. В «эпоху перемен» 1868–1872 гг. эта цифра выросла до 3 975 человек, начиная 1878 г., ежегодно казнили около 120 человек. К началу XX в. количество ежегодных казней составило уже 58 человек, что в 3 раза меньше, чем ранее⁴⁵². В 1960-х гг. XX в. снова произошло резкое снижение – в 3 раза – количества казненных, и в начале 1970-х гг. казни стали единичными.

Итак, динамику казней в Японии в 1960–2010 гг. можно представить следующим образом: 1960–1974 гг. – 189 осужденных; 1975–1990 гг. – 47; 1990–1992 гг. – в эти годы в стране фактически действовал мораторий; 1993 г. – возобновление казней и 1993–2000 гг. – 13 человек были повешены.

Диаграмма № 5

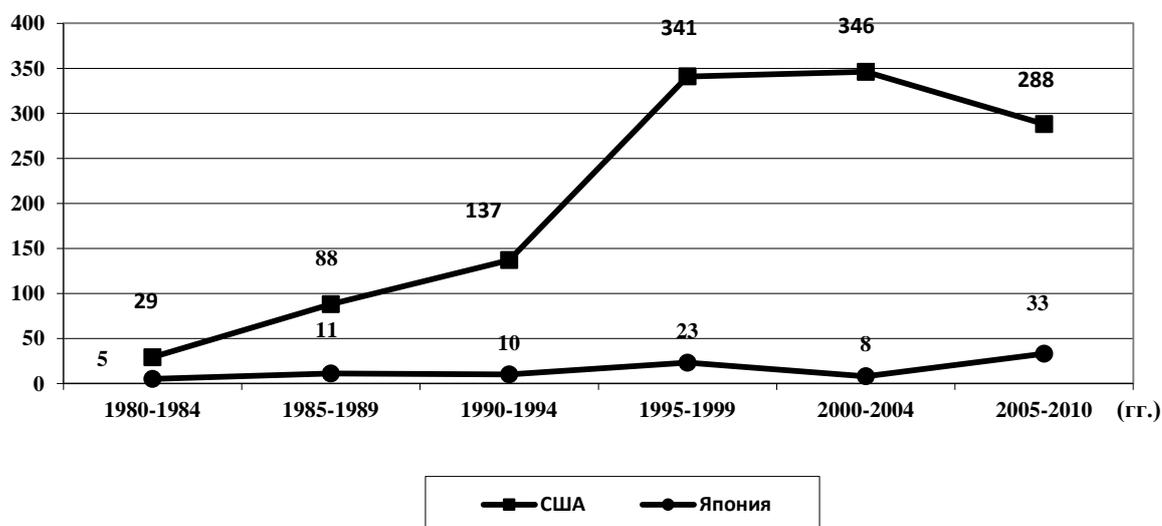
Динамика казней в Японии в 1960–2010 гг.

Проследить и сравнить динамику и практику исполнения казней в Японии и США в течение 30 лет можно на нижеприведенном графике.

⁴⁵² Schmidt P. Capital Punishment in Japan. – London, 2002. – P. 37.

Число казней в Японии и США в 1980–2010 гг.⁴⁵³

Анализируя представленный график, необходимо отметить, что в 1980–1998 гг. количество казней в Японии было в 7 раз ниже, чем в США, но в 2000–2010 гг. произошло резкое увеличение этой разницы. В США за эти годы казнили 634 осужденных, а в Японии – 41; таким образом, в эти годы США уже опережали Японию по числу казней в 15,5 раз. Если же вспомнить, что в США смертная казнь назначается только за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, то разрыв в числе казней будет еще большим, ибо в Японии к этой мере наказания осуждаются, как уже отмечалось, еще и виновные в грабежах, повлекших тяжкие последствия.

Сравнительный анализ показателей числа смертных приговоров в США и Японии в начале XXI в. чрезвычайно важен, т.к. характеризует период активного аболиционистского движения во всем мире, что, в свою очередь, постепенно привело к полной победе моратория – исключения смертной казни как правовой меры наказания в борьбе против преступности. Что же касается Японии, то надо учесть, что активизация террористической деятельности «Аум сенрикё», а затем и судебный процесс по делу участников зариновой

⁴⁵³ По данным «Международной амнистии», в 2000–2009 гг. в Японии казнили не 39, а 46 из 112 осужденных.

атаки в токийском метро в 1995 г. никак не могли способствовать расширению пацифистских настроений в обществе. Но в то же время ряд этих событий утвердили правительственную позицию японских властей в сохранении смертных приговоров и дальнейшем их исполнении.

Показательна в этом отношении хронология казней: 2005 г. – один смертный приговор; 16 сентября 2005 г. – 25 декабря 2006 гг. (время пребывания на посту министра юстиции Сугиуры Сейкена) – ни одного смертного приговора; 25 декабря 2006 г. (с приходом нового министра-юстиции – Нагасе Дзинэна) были казнены четверо осужденных, двум из которых было 75 и 77 лет⁴⁵⁴.

В феврале 2008 г. правительство Японии в очередной раз заявило свои возражения по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/149, призывающей к мораторию на казни. Отказавшись поддержать международную инициативу, власти продолжили практику казней – за 3 года (2008–2010 гг.) были приведены в исполнение еще 12 смертных приговоров. С 28 июля 2010 г. и в течение 2011 г. в Японии впервые за 19 лет не было ни одной казни⁴⁵⁵, однако уже в 2012 г. было казнено 7 человек⁴⁵⁶.

Практика расчета количества казней в любой стране мира основывается на общей численности населения, что представляет возможность проводить сравнительный анализ относительной распространенности практики применения смертных приговоров во всех странах мира. Так, например, по данным соседних с Японией стран, за 1996–2000 гг. в Японии индекс казней, представляющий 0,04, гораздо ниже, чем в этих странах⁴⁵⁷ – к примеру, в 2 раза меньше, чем в Таиланде (0,08) и Республике Корея. Если же говорить о сравнении с индексами казней в Сингапуре и Китае, то эти различия выглядят вообще астрономическими.

---

⁴⁵⁴ AI Index: ASA 22/006/2006 «Will this day be my last?» .Заметим, что ст. 71 УПК Японии запрещает проведение казней в субботу и в воскресенье, в национальные праздники, а также 1 и 2 января.

⁴⁵⁵ За это время сменилось три министра юстиции – Е. Сингоку, С. Эда и Х. Хираоке, которые не подписали ни одного приказа о приведении смертного приговора в исполнение (Yomiuri Shimbun, 29 декабря 2011 года).

⁴⁵⁶ Yomiuri Shimbun, 31 декабря 2012 года.

⁴⁵⁷ Hood, R. The Death Penalty. A World-wide Perspective. – London, 2002. – P. 92.

Но практика вынесения смертных приговоров соотносится еще и с количеством осужденных, пребывающих в тюрьмах и ожидающих смертных приговоров. Так, в послевоенные годы число вынесенных приговоров всегда на порядок больше приговоров, приведенных в исполнение⁴⁵⁸. Подобное несоответствие можно объяснить условиями, присущими любому цивилизованному обществу (исключение, конечно же, составит ситуация военного времени, тоталитарного режима, проявления диктатуры военной хунты) – широкие возможности апелляционных и надзорных процедур дают большие гарантии вынесения обоснованного приговора, особенно в практике рассмотрения уголовных дел о преступлениях, карающихся необратимым наказанием – смертной казнью.

Таким образом, установление уголовно-процессуальным законодательством определенных процедур, регламентирующих утверждение смертных приговоров, а также порядок приведения их в исполнение предполагает большие временные затраты, достигающие иногда более чем 20-летнего периода времени⁴⁵⁹. И на протяжении всего этого времени осуществляется проверка законности приговора, а осужденный ожидает от высших судебных инстанций или замену наказания на более мягкое, или помилование, что случается в Японии крайне редко.

Итак, уголовно-процессуальное законодательство Японии, в отличие, например, от США, не предусматривает автоматический порядок проверки

---

⁴⁵⁸ К концу 1990-х гг. в США, было вынесено в 50 раз больше смертных приговоров, казнено осужденных в 11,5 раз больше, а «очередь смертников», ожидающих казни, была в 70 раз больше, чем в Японии

⁴⁵⁹ В отличие от США, в Японии проблема судебной ошибки в случаях вынесения и особенно исполнения смертного приговора в качестве аргумента против применения этой меры наказания практически не обсуждается, поскольку сведения о такого рода ошибках никогда не публикуются (за последние два десятилетия достоверно известно лишь об одном таком случае, когда приговоренный около 20 лет находился в камере смертников. В США сообщения о судебных ошибках при вынесении смертных приговоров давно стали достоянием СМИ и широкой общественности, они тщательно фиксируются, обобщаются и являются предметом специальных исследований. Одно из них, недавно проведенное учеными Мичиганского университета, показало, что среди ожидающих казни уровень судебных ошибок составляет как минимум 4,1%; это означает, что один из каждых 25 осужден необоснованно. ([Reardon S. Death-penalty analysis reveals extent of wrongful convictions//Nature, Feb. 28, 2014](#)).

назначения высшей меры наказания. И все-таки основанием для приведения в исполнение смертного приговора является не судебное решение, а приказ министра юстиции, который предваряют длительные процедуры бюрократической системы страны.

Министр юстиции направляет дело в Департамент уголовных дел – орган, отслеживающий все вопросы исполнения наказаний (*keiji-kyoku*) и изучающий материалы уголовного дела. Следующей ступенью становится Секретариат министра юстиции и анализ возможности пересмотра данного вопроса, отсрочки приговора или вовсе помилования преступника. В случае отсутствия вышеуказанных решений начинается подготовка проекта приказа об исполнении приговора, осуществляется его визирование всеми департаментами министерства (*kian-sho*), и дело снова возвращается для рассмотрения в аппарат министра юстиции. Последним шагом перед изданием приказа является проверка физического и психического состояния здоровья осужденного.

После подписания приказа, в течение шести месяцев, в соответствии с п. 2 ст. 475 УПК Японии, приговор должен быть приведен в исполнение, но, как правило, этот временной промежуток крайне затягивается и достигает нескольких лет. В результате, в ожидании исполнения приговора образовывается «очередь смертников», растущая в соответствии с увеличением временного разрыва. Так, в 2000 г. в тюрьмах США находилось 3 527 приговоренных, ожидающих своей казни около 12 лет⁴⁶⁰. В течение 7 лет, т.е. к 2007 г., соотношение срока ожидания количества «смертников» стало таким: 11 лет в ожидании приговора провели 3 440 осужденных.

Возвращаясь к данной ситуации в Японии, необходимо отметить, что если в 1982–1989 гг. средний срок ожидания составлял 7 лет и 7 месяцев, а с начала 1990-х и до середины 2000 гг. – даже больше, то ближе к концу 2000-х этот временной отрезок не превышал 6 лет. Разумеется, продолжительность ожидания казни в конкретных случаях и в разные годы (особенно в силу от-

---

⁴⁶⁰ *Capital Punishment 1999. – Bureau of Justice Statistics Bulletin, December, 2000, NCJ 184795. – P. 8–9; Capital Punishment 2003. – Bureau of Justice Statistics Bulletin, November 2004, NCJ 206627. – P. 1.*

меченных выше субъективных факторов) разной. В практике исполнения смертных приговоров в Японии зафиксировано много фактов, когда ожидание казни составляло 15–20 и более лет⁴⁶¹.

Таким образом, в течение последних 30 лет ожидание приведения в исполнение смертного приговора растянулось от 3-х до 30-ти лет. В середине 1990-х гг. в тюремной больнице умер 95-летний художник Садамичи Хирава, который провел в ожидании казни 32 года, так и не добившись пересмотра приговора. И хотя в справедливости вынесенного смертного приговора были серьезные сомнения, отменить его власти не смогли. По словам японского исследователя смертной казни Каору Мурано, этот случай «стал символом укора системе смертной казни в Японии»⁴⁶². Впрочем, позднее и этот «рекорд» был не раз побит.

В сентябре 2003 г. 86-летний осужденный Ш. Томияма умер в тюремной больнице, так и не дождавшись казни в течение 36 лет. По данным «Международной амнистии», в том же 2003 г. старейшему осужденному, долгие годы ожидавшему казни, исполнилось 81 год; 77-летний осужденный провел в тюремном заключении 41 год, 33 года из которых он ожидал исполнения смертного приговора. По данным правозащитников в начале 2000-х гг., по крайней мере, 12 осужденных содержались в «очереди смертников» свыше 20 лет⁴⁶³.

В то же время в 2007 г. в Японии казнили трех осужденных, чьи смертные приговоры были утверждены Верховным судом в 2004 г. Поэтому сведения о сроках ожидания казни нельзя абсолютизировать, не увязывая их с конкретным периодом в истории страны или с обстоятельствами того или иного дела (как, например, это было с делом «Аум сенрикё»).

---

⁴⁶¹ Ambler, L The People Decide: the Effect of the Introduction of the Quasi-Jury System (Saiban-in Seido) on the Death Penalty in Japan // Northwestern Journal of international Human Rights, Vol. 6, 2007; White Paper on Crime, 2005. – P. 200.

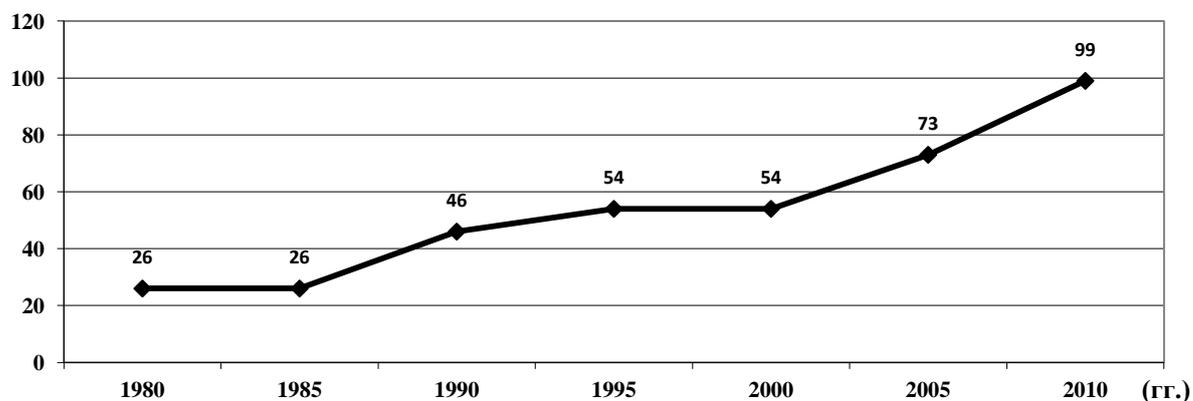
⁴⁶² Мурано, Каору. Серия биографий приговоренных к смертной казни после Второй мировой войны. (Сэнго сикейсю рецудэн). – Токио, 1995. – С. 198 (на яп. яз).

⁴⁶³ AI Index:22/09/2003 «Japan: Resumption on Executions and Treatment of Prisoners on Death Row»; AI Index: ASA 22/005/2009, September 2009 «Hanging by Thread Mental Health and the Death Penalty in Japan».

До середины 1970-х гг. прошлого столетия 60–70 осужденных, в зависимости от количества вынесенных приговоров, ожидали казни в японских тюрьмах. Со временем наметилась тенденция к снижению: 1975 г. – 41; 1980 г. – 26; 1985 г. – 26; 1990 г. – 46. К середине 1990-х гг. ежегодное число снова возросло, но стабилизировалось: 1995 г. – 54; 1996 г. – 53; 1997 г. – 52; 1998 г. – 59; 2000 г. – 54; 2001 г. – 53. Такая динамика наблюдалась до 2005 г.: 2003 г. – 57 осужденных; 2004 г. – 59. Но с 2005 г. число «очередь смертников», резко возросла: 2005 г. – до 73 осужденных; 2006 г. – до 94⁴⁶⁴. В 2008 г. число таких лиц снизилось до 74 (в том числе, по итогам рассмотрения апелляций); к началу 2010 года оно вновь увеличилось до 99, к началу 2012 г. – до 117, а к 2013 году до 130 осужденных.

График 27

Число осужденных-«смертников» в 1980–2010 гг.

Итак, «очередь смертников» в Японии намного меньше, чем в США. Но если продолжительность пребывания осужденных в США, как уже говорилось, составляла около 11 лет, то в Японии время ожидания исполнения приговора, во-первых, занимает гораздо более длительный период, а во-вторых,

⁴⁶⁴ Таковы официальные данные. Между тем по данным «Международной амнистии», в тюрьмах Японии в 2001–2002 гг. содержалось 110–118 таких осужденных; к началу 2003 г. в ожидании казней в тюрьмах содержалось более ста осужденных, причем, по делам 57 смертный приговор был окончательно утвержден и, следовательно, они могли быть казнены в любой момент. (AI Index: POL 10/003/2003; AI Index: IOR 30/008/2003 Council of Europe: «Japan: Death Penalty : Putting an end to heinous practice»).

особо тяжелый в психологическом отношении, что на протяжении многих лет является камнем преткновения для критически настроенных международных национальных правозащитных организаций. Назначение же даты и времени казни не подчиняется никакому особому регламенту, происходит произвольно, но для самого осужденного, безусловно, может стать как совпадением, так и фатальностью, или, как заметил Джуди Вакабаячи, это может быть «вопрос судьбы или вообще вопрос удачи»⁴⁶⁵.

Не менее шокирующим аспектом исследователи считают секретность исполнения смертного приговора⁴⁶⁶. Особое внимание национальных и международных организаций привлекают условия содержания «смертников». Согласно ст. 9 Закона об исполнении наказания осужденные, которым вынесен смертный приговор, должны содержаться в тех же условиях, что и остальные лица. Но практика показывает обратное: согласно специальным ведомственным правилам Министерства юстиции осужденные, приговоренные к смерти, содержатся в одиночных камерах специальных тюрем с очень суровыми условиями, абсолютно ограничивающими доступ к заключенным адвокатым, родственникам и даже членам парламента.

В Японии известно о существовании семи подобных тюрем, местоположение которых содержится в строгом секрете. В одиночных камерах, площадь которых составляет 2x5 м, осуществляется круглосуточное теленаблюдение, полностью отсутствует возможность связаться с родственниками и внешним миром. Им запрещено смотреть телепередачи, слушать радио и пользоваться компьютером; разрешено лишь иметь при себе не более трех книг – на выбор и играть в настольные игры (в «го» и шахматы). Предусмотрены 30-минутные прогулки (3 раза летом и 2 раза зимой); питание также ограничено (не более 1500 калорий в день). Администрация тюрьмы поощряет желание осужденных работать (сборка простых деталей, клейка коробок и

---

⁴⁶⁵ Wakabayashi J. The Death Penalty in Japan. – Tokyo, 1994. P. 199.

⁴⁶⁶ Byung-Sun Cho. The death penalty in South Korea and Japan: «Asian values» and the debate about capital punishment // Hodkinson, Peter, Schabas, William A. Capital Punishment. Strategies for Abolition. – Cambridge, 2004. – P. 264.

т.п.), на заработанные 4–5 тыс. йен (50 долл.) осужденные могут покупать себе продукты. Длительные сроки ожидания казни, большое количество ограничений и постоянное электроосвещение, соответствующим образом влияют на психику приговоренных к смерти.

Осужденные узнают о казни за несколько часов. Родственники и адвокаты узнают о казни от тюремной администрации только по факту, когда их приглашают забрать тело казненного. Министерство юстиции утверждает, что юридически оно не обязано информировать родственников и адвокатов осужденного о дате исполнения приговора. Фамилии казненных – по официальной версии – не называются и не публикуются, в связи с ограждением членов семей казненных от компромата⁴⁶⁷.

Также официально не сообщается информация ни о дате, ни об имени казненных. Министерство юстиции объявляет лишь о том, что смертный приговор был приведен в исполнение. Во избежание упреков в излишней секретности представители власти ссылаются на ежегодно публикуемые Министерством юстиции статистические отчеты, где указано точное число казненных за предшествующий период.

Произвольный характер выбора момента казни не противоречит отлаженной процедуре исполнения приговора – казни совершаются пачно утром в пятницу, что гарантирует остальным осужденным как минимум неделю жизни⁴⁶⁸.

---

⁴⁶⁷ См.: AI Index : ASA 22/014/1998, Japan Complacent over Human Rights: «Government Must Implement Human Rights Committee Recommendations»; AI Index: ASA 22/013/98 Japan's Human Rights: «Record must be Challenged».

⁴⁶⁸ Сама процедура казни носит ритуальный характер. Осужденного под усиленной охраной приводят в специальное помещение, где находится буддистский алтарь, предлагают последнюю трапезу и дают некоторое время, чтобы побеседовать со священником и подготовиться к казни. Затем в надетом на голову капюшоне и связанными за спиной руками его подводят к люку у виселицы. В это время в соседней комнате трое охранников одновременно нажимают кнопки и открывается люк, в который падает тело повешенного; срабатывает только одна из кнопок, чтобы никто из охранников не знал, кто именно привел приговор в исполнение. После того, как врач констатирует смерть, родственники казненного могут забрать тело и похоронить его по своему усмотрению. После казни каждый из трех исполнителей получает денежное вознаграждение в размере 20 тыс. йен или примерно по 230 долл.

Власти Японии выбирают особые моменты для казней. Как правило, смертные приговоры приводятся в исполнение во время парламентских каникул. Отсутствие возможности у парламентов-аболиционистов обратиться в Министерство юстиции с соответствующим запросом, лишение адвокатов и родственников приговоренного ходатайствовать о последнем свидании, а тем более об отсрочке приговора или помиловании – все эти уловки, по мнению правозащитных организаций, совершаются во избежание дебатов в парламенте и общественного резонанса⁴⁶⁹.

В заключение необходимо отметить, что своеобразный подход к осуществлению смертной казни в Японии складывается из весьма противоречивых реалий. С одной стороны, в стране не действует мораторий на приведение смертных приговоров, с другой, – смертная казнь не отменена, а значит применение высшей меры наказания к преступникам объективно существует. Но в то же время исполнение этой меры наказания в реальной жизни практически сведено к минимуму. Ее применение, как и ее значение, носят, скорее, символический характер, поскольку в консервативном общественном сознании абсолютного большинства японцев (86%) издавна сформировалась поддерживаемая властями потребность в сохранении высшей меры наказания.

Наряду с вышеуказанными обстоятельствами применение высшей меры наказания в Японии связано с рядом жесточайших, ничем не оправданных факторов: длительными сроками ожидания казни, практически полным отсутствием практики помилования, произвольностью выбора осужденного и времени казни, а так же чрезмерно жестким, антигуманным, противоречащим здравому смыслу условиям содержания «смертников» в одиночных камерах, и конечно же плотной завесой секретности вокруг исполнения смертного приговора.

К сказанному остается добавить, что 28 марта 2012 года казнили 3 осужденных. Один из них в нетрезвом состоянии въехал на автомобиле в здание

---

⁴⁶⁹ AI:ASA 22/005/2001, 19 June 2001 «Japan: Executions- continuing the secret and cruel practice».

железнодорожной станции, в результате чего 5 человек погибли и более 10 получили тяжкие ранения⁴⁷⁰; второй обвинялся в убийстве двух женщин с целью ограбления; третий – убил жену, подавшую заявление о разводе, ее родителей и ребенка.

В 2013 г. в Японии казнено 8 осужденных и 5 осужденным вынесены смертные приговоры⁴⁷¹.

§3. Смертная казнь и общественное мнение

Соотношение понятий «массовое сознание» и «смертная казнь» в каждой стране сугубо индивидуально с учетом социальных, политических, нравственных, религиозных и, наконец, криминологических особенностей.

Согласно опросам населения разных стран, можно сделать вывод о том, что в массовом сознании смертная казнь воспринимается стереотипно. При этом доминирующим фактором является не только эмоциональное проявление чувств или мотивация возмездия, но и мифологический аспект массового сознания. Самые разнообразные доводы против высшей меры наказания «как волны ультразвука, практически не касаются слуха населения, особенно если оно ожесточено, погружено в свои заблуждения, как в российские болота, и никоим образом не хочет из них выбираться»⁴⁷².

Как показывают исследования, приверженцы смертной казни основывают свои умозаключения не на фактическом материале по данному вопросу, а, в основном, на эмоциональных мотивах⁴⁷³.

Широкие слои населения не знакомы с практикой применения смертной казни, тем более с драматизмом принятия решения, процедурой исполнения

---

⁴⁷⁰ В настоящее время в судебной практике наказание в виде смертной казни, как правило, назначается за убийство двух и более человек.

⁴⁷¹ Amnesty International. Annual Report, 2013. – P. 25.

⁴⁷² Приставкин А.И. Долина смертной тени. Роман-исследование на криминальные темы // Дружба народов, 1999. – №12. – С. 118.

⁴⁷³ Квашис В.Е. Смертная казнь и общественное мнение // государство и право, 1996. – №4; Его же – Смертная казнь: мифы и реалии // Журнал российского права, 1998. – №12.

вынесенного приговора, что не позволяет выстроить полную реальную картину процесса вынесения, ожидания и исполнения смертного приговора. Сложность и противоречивость этой проблемы заключается в излишней эмоциональной насыщенности в социуме. Общественное мнение – это незнание сути, главным образом эмоции и фобии⁴⁷⁴.

Следует помнить и о том, что общественное мнение, за исключением экстремальных ситуаций, как правило, инертно, но при этом крайне консервативно. В то же время – такова диалектика – общественное мнение есть категория динамичная: в разное время и в разных странах, в зависимости от психологического состояния общества (результаты опросов разные, когда общество находится в состоянии глубокой депрессии или, наоборот, в состоянии экономического, морального и культурного подъема), от криминальной ситуации, роста информации и т.д., характер и социологические параметры общественного мнения меняются. В США, например, по мере роста информации о «цене» смертной казни и предлагаемых альтернативных решений опросы населения все больше и все чаще указывают на снижение числа сторонников этой меры наказания. Так происходило и во многих развитых странах, отказавшихся в итоге от смертной казни. В Японии же социологические опросы указывают на отсутствие динамики общественного мнения, на его стабильность и куда большую консервативность. И в этом состоит одна из его отличительных особенностей. Здесь методика опросов крайне примитивна; итоги опросов отражают не состояние общественного мнения японцев, а главным образом лишь то, что им показывает телевидение, и власти, как будет показано далее, это прекрасно понимают.

Превентивная роль смертной казни не более чем миф, формирующий ложное общественное сознание японцев, что, впрочем, не является исключением, т.к. смертная казнь, по итогам многих научных исследований, в действительности вовсе не способна удержать преступника от совершения престу-

---

⁴⁷⁴ Резник Г.М. Социально-интегрирующая роль уголовного права и стереотипы общественного сознания // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М., 1981. – С. 51; Веллер М. Кассандра. – М., 2002. – С. 195.

пления. В массовом сознании японцев давно сложилась убежденность в том, что за «ужасные» преступления надо платить жизнью; именно этот тезис при опросах общественного мнения называется чаще других причин, по которым следует сохранять смертную казнь⁴⁷⁵. Здесь надо заметить, что репрессивность общественного сознания (разумеется, не только у японцев) – это следствие страха перед преступностью, который чаще всего ведет к репрессивности правоприменительной практики.

Смертная казнь в Японии – это элемент национальной культуры, формирующийся веками, прочно вошедший в общественное сознание и жизнь японцев. Но в начале 1990-х гг. проблема смертной казни стала вызывать огромное количество дискуссионных споров, меняющих свое направление в зависимости от политической и криминальной ситуации в стране.

Рассматривая данный вопрос с научной точки зрения, сторонники отмены смертной казни акцентируют внимание на гуманности и неэффективности общей превенции, в то время как противники опираются на концепции справедливости. Среди них наиболее ортодоксальными взглядами отличается позиция известных японских правоведов Е. Сугиямы и К. Вати, отмечающих, что «смертная казнь – это такое уголовное наказание, которое лишает преступника жизни и навечно запрещает его социальное существование. Оно стимулирует человеческий инстинкт сохранения жизни, обладает мощным потенциалом устрашения против преступных деяний, а вместе с тем позволяет рассчитывать на силу сдерживания и высокую эффективность в качестве общей превенции»⁴⁷⁶.

Преобладание такой позиции в научной полемике отражает ориентированность уголовно-правовой доктрины Японии на европейские концепции XVIII–XIX вв. И здесь очевидна степень тождественности с «азиатскими ценностями» в связи с основными идеями конфуцианства как основного

---

⁴⁷⁵ Тебин Н. Харакири и смертная казнь // *Независимая газета*, 2008, 24 янв.

⁴⁷⁶ Сугияма Ехисико, Вати Кэнтаро. Общий очерк современной науки права (на яп.яз.). – Токио, 1994. – С. 169–170 (Цит. по: Еремин Н.В. Уголовное право Японии // Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. – М., 2003. – С. 492); Ооцука Кимико. Сикей (Смертная казнь). – Токио, 1998. – С. 218–230 (на яп.яз.).

компонента японского менталитета и культуры, а значит идеи справедливости и возмездия. Но отсутствие в японском обществе объективной информации о практике применения и исполнения смертной казни не позволяет вывести дискуссию по данному вопросу из замкнутого круга.

Ученые, являющиеся сторонниками отмены высшей меры наказания, ссылаются на исследования американских коллег-криминологов и предполагают, что смертная казнь вовсе не является сдерживающим элементом преступности в Японии⁴⁷⁷.

Сторонники смертной казни критически настроены по отношению к противоположной точке зрения, усматривая явную связь между применением высшей меры наказания и динамикой убийств. Угроза смертной казни удерживает потенциального преступника от совершения преступления, тем более что, по их мнению, криминологическая ситуация в Японии, по их мнению, разительно отличается от условий США, Германии, Италии, где смертная казнь отменялась.

Результаты опросов, проводившихся в Японии с 1953 г., а их более 30, абсолютно разные, с учетом самых различных респондентов, участвовавших в этих опросах. Но преобладание мнений о необходимости сохранения этой меры наказания – очевидно⁴⁷⁸. В 1980 г. опрос населения показал, что за отмену смертной казни высказались лишь 14,3% опрошенных, а против ее отмены – 62,3%. Максимальное количество противников смертной казни (45,8%) было зафиксировано при опросе Ассоциации адвокатов в 1991 г. И уже в 1999 г. при одном из последних опросов Канцелярии правительства против отмены смертной казни высказалось 76,3% респондентов. Наконец, последний опрос, проведенный в 2010 г. Канцелярией правительства, показал, что эту меру поддерживают 86% населения (только 5,7% опрошенных заявили, что смертная казнь должна быть отменена). 28 марта 2012 г., объявляя о казни трех осужденных, министр юстиции Тосио Огава сообщил, что

---

⁴⁷⁷ Shigemitsu, Dando. *The Criminal Law of Japan: The General Part*, 1997. – P. 290; Schmidt, Petra. *Capital Punishment in Japan*, 2002. – P. 110–111.

⁴⁷⁸ Daily Yomiuri, 1999, October 1; The Japan Times, 2010, June 15.

по опросам Канцелярии Кабинета, смертную казнь в стране поддерживают 85% населения. Как видно, все изменения в итогах опросов японцев указывают лишь на рост поддержки смертной казни.

При сравнительном анализе опросов, проведенных Канцелярией правительства и университетами, правозащитными организациями, средствами массовой информации, очевиден большой разрыв, причем не в пользу последних. Это не удивляет, ибо правительство, Министерство юстиции и Верховный суд страны традиционно поддерживают сохранение смертной казни. Такие результаты обеспечиваются, как уже отмечалось, тривиальной постановкой вопросов и ответов, ущербной с точки зрения методики опросов («за» или «против»). Такая ситуация характерна и показательна в любой стране⁴⁷⁹.

Неправительственные организации, проводя подобные, но альтернативные опросы, имеют возможность детально проработать суть вопроса и выдвинуть предположения различных вариантов ответов, что представляет совершенно иную картину общественного мнения. Так, вопрос о предпочтительности альтернативных мер наказания, по данным различных опросов, составил 15–35% опрошенных, выступающих за пожизненное лишение свободы без права на досрочное освобождение. От 30 % до 65% высказались за пожизненное лишение свободы – с правом на досрочное освобождение. Интересен тот факт, что противники смертной казни не приемлют в качестве альтернативы второй вариант развития событий, в то время как сторонники смертной казни допускают пожизненное лишение свободы без права на досрочное освобождение.

Кстати говоря, отсутствие в тексте Конституции Японии прямого указания на то, что следует понимать под «жестоким наказанием», приводило к толкованию, по которому к таким наказаниям относятся смертная казнь и пожизненное лишение свободы и, следовательно, смертная казнь подпадает

---

⁴⁷⁹ Bowers W., Steiner B., *Death by Default: An Empirical Demonstration of False and Forced Choices in Capital Sentencing* // *Texas Law Review*, 1999, Vol. 77; Hood R., *The Death Penalty: A Worldwide Perspective*, 2002. – P. 237; Соколов М. Методика изготовления сенсаций // www.Global Rus.ru, 11 октября 2004 года.

под конституционный запрет. Противники такого подхода, в свою очередь, указывали, что поскольку ст. 31 Конституции допускает лишение преступника жизни при условии соблюдения установленной законом процедуры, то во все нет оснований усматривать нарушения Конституции. Верховный Суд эту дискуссию фактически проигнорировал и на практике вынесения смертных приговоров она никак не сказалась.

В результате основного опроса населения выявилось нежелание радикальных изменений и поспешных решений ни одним из «противоборствующих лагерей». Японцы – «народ суперконсервативный», как отметил Петр Шмидт, исследователь этой проблемы, и поэтому высказываются за постепенную отмену смертной казни⁴⁸⁰. Власти страны, хорошо понимая ситуацию, не спешат реагировать на призывы мирового аболиционистского движения, призывающего покончить со смертной казнью.

Опираясь на комментарии прессы и аналитиков, а также собственные наблюдения, возникшие за время работы и пребывания в этой стране, следует предположение о том, что в ближайшее время не произойдет перемена отношения населения к данной проблеме, даже принимая во внимание «типичный японский консенсус». Скорее всего, констатация желаний японцев сохранит «пока» статус-кво⁴⁸¹. И несмотря на временами вспыхивающие чудовищные преступления, вынуждающие японцев требовать высшую меру наказания для таких преступников, приводимое в печати мнение общественности о сохранении смертной казни является безосновательным.

Ученые, правозащитники и политики Японии связывают возможность отмены смертной казни в Японии с позицией США: в случае отказа США от смертной казни японские власти незамедлительно примут такое решение. В данный период времени говорить об этом пока не приходится.

В заключение еще раз следует подчеркнуть активность сторонников сохранения смертной казни, противостоящих жесткой позиции международно-

---

⁴⁸⁰ Schmidt, Petra. Capital Punishment in Japan, 2002. – P. 113.

⁴⁸¹ Железняк О.Н. О практике применения смертной казни в Японии // Право и политика, 2001. – №3. – С. 63–64.

го сообщества в том, что на данном этапе развития японское общество еще не готово к отмене этого вида наказания. По мнению властей, и вовсе нет необходимости менять привычную ситуацию по двум причинам: во-первых, смертная казнь применяется крайне редко, а во-вторых, большая часть японского общества выступает за сохранения высшей меры наказания.

§4. Практика применения пожизненного лишения свободы

Рассмотрим теперь некоторые аспекты практики применения наказания в виде пожизненного лишения свободы. В плане структуры настоящей работы анализ этого института в разделе, посвященном проблематике смертной казни, решение, на наш взгляд, обоснованное, причем не формальными, а логическими соображениями.

В последние 15 лет в связи с расширением географии стран, отказавшихся от смертной казни, пожизненное лишение свободы появилось в уголовном законодательстве таких стран в качестве меры наказания, альтернативной смертной казни. Сегодня в качестве таковой эта мера предусмотрена в законодательстве почти 80 стран (именно по такому пути шло, в частности, становление пожизненного лишения свободы в российском законодательстве). Более того, учитывая крайнюю суровость этой меры наказания, целый ряд стран отказался от нее по принципиальным соображениям и даже закрепил этот отказ в конституциях (это особенно распространено в странах Латинской Америки). Именно исходя из крайней суровости этой меры законодательство большинства других стран установило целый ряд ограничений для ее применения (она не может применяться к несовершеннолетним; в ряде стран – к женщинам и лицам пожилого возраста; предусмотрена возможность условно-досрочного освобождения; в России эта мера наказания не может применяться при вердикте присяжных, о том, что виновный заслуживает снисхождения).

В Японии рассматриваемый институт мерой наказания, альтернативной смертной казни, де-юре не является, он изначально имеет самостоятельный характер. В статье 12 УК Японии указывается, что лишение свободы с принудительным трудом назначается пожизненно или на срок от 1 месяца до 15 лет. Однако мы рассматриваем смертную казнь и пожизненное заключение в одном ряду в силу того, что, во-первых, оба института являются максимально суровыми; во-вторых, потому, что пожизненное лишение свободы в Японии назначается практически за те же преступления, которые караются смертной казнью (ранее такие приговоры, хотя и крайне редко, выносились также за изнасилование с тяжкими последствиями и поджоги). В обоих случаях речь идет об особо тяжких преступлениях против жизни и общественной безопасности; в-третьих, в силу того, что применение той и другой меры наказания носит крайне ограниченный характер и эта тенденция сохраняется на протяжении многих лет.

С 1985 по 1994 гг., например, к пожизненному лишению свободы были осуждены 385 человек, в том числе, 115 – за убийство и 252 – за грабежи, повлекшие тяжкие последствия⁴⁸². На протяжении последних 20-ти лет в Японии доля осужденных к пожизненному лишению свободы от общего числа всех осужденных к различным мерам наказания составляла ежегодно 0,20–0,14%. С начала 2000-х гг. число осуждаемых к этой мере наказания колеблется в пределах 65–85 человек в год, к 2005 г. оно достигает пиковых значений, а затем последовательно снижается. В 1999 г., например, к этой мере наказания были осуждены 48 человек; в 2000 г. – 59; в 2001 г. – 68; в 2002 г. – 82; в 2003 г. – 117; в 2005 г. – 115; в 2007 г. – 65; в 2008 г. – 58; в 2009 г. – 68; в 2010 г. – 44.

В последние два десятилетия эта мера наказания в 96–97% рассмотренных судами уголовных дел применяется в отношении виновных в совершении убийств и грабежей, повлекших тяжкие последствия. При этом особый интерес представляет анализ судебной практики вынесения такого рода при-

---

⁴⁸² Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии, 2003. – С. 147.

говоров применительно к каждой из названных категорий преступлений. Обратимся сначала к положению дел в 1990-х гг.

Таблица 28

**Практика применения пожизненного лишения свободы
за убийства и грабежи в 1989–1998 гг.**

Годы	всего осуждено	за убийство	за грабеж
1989	46	8	38
1990	17	8	9
1991	32	13	19
1992	34	14	20
1993	27	9	18
1994	45	13	32
1995	37	8	29
1996	34	13	21
1997	33	5	28
1998	47	13	34

Как видно из приведенных данных, за эти 10 лет судами первой инстанции к пожизненному лишению свободы были приговорены 352 осужденных. Это число может быть меньшим – в зависимости от решений кассационных инстанций, смягчивших такой приговор; с другой стороны, оно может дополняться в зависимости от того, какому числу осужденных при пересмотре дела смертную казнь заменили пожизненным лишением свободы. По тем же соображениям приводимые в отчетах Министерства юстиции ретроспективные данные о числе осужденных к пожизненному лишению свободы в последующие годы также меняются и потому по отдельным годам не совпадают. К тому же, в опубликованных в разные годы данных, как правило, не указывается число лиц, осужденных к этой мере наказания на основании специальных законов, а лишь указывается число осужденных по соответствующим статьям УК.

Итак, из приведенных данных следует, что из 352 осужденных к пожизненному лишению свободы 29,5 % эта мера наказания была назначена за со-

вершение убийства и 70,5 % осужденных – за грабежи, повлекшие тяжкие последствия. Этот сам по себе весьма примечательный статистический факт указывает на то, что, как и смертная казнь, пожизненное лишение свободы за убийство применялось в 2,3–2,6 раза реже, чем за совершение грабежей.

Такой подход к практике назначения пожизненного лишения свободы, на первый взгляд, можно было бы объяснить тем, что при прочих равных условиях за совершение убийства наказание в виде смертной казни должно назначаться чаще, чем за совершение других тяжких преступлений. Однако, как было показано выше, статистика смертных приговоров опровергает это объяснение. Ибо судебная практика, как уже отмечалось, складывается таким образом, что факт совершения убийства вовсе не влечет за собой автоматического применения наказания в виде смертной казни. Более того, за убийства эта мера наказания, как отмечалось, назначалась значительно реже, чем за совершение грабежей, повлекших тяжкие последствия.

Поскольку пожизненное лишение свободы за убийство назначается в 2,5 раза реже, чем за совершение грабежей, можно говорить лишь о том, что в структуре наказаний, назначенных за убийство, в большей мере преобладают наказания в виде различных сроков лишения свободы и, следовательно, еще раз подтверждается вывод о приоритетном значении принципов индивидуализации наказания и дифференциации ответственности в судебной практике.

В самом деле, в середине и во второй половине 1990-х гг. среди всех осужденных в Японии за убийство наказание в виде пожизненного лишения свободы ежегодно назначалось лишь 2,2% осужденных. Так, в 1996 г. из 588 осужденных за убийство наказание в виде смертной казни не было назначено ни одному из них, а 13 – были осуждены к пожизненному лишению свободы⁴⁸³. В то же время среди всех осужденных за совершение грабежей, повлекших гибель людей и другие тяжкие преступления, пожизненное лишение свободы назначалось 4,5% осужденных или в два раза чаще, чем за убийство.

---

⁴⁸³ Summary of the White Paper on Crime, 1998. – P. 12.

В последующие годы судебная практика по применению рассматриваемой меры наказания оставалась приверженной тем же принципам. Так, в 2001 г. пожизненное лишение свободы было назначено 84 осужденным: 20 из которых были признаны виновными в убийствах; 62 – в грабежах, повлекших гибель потерпевших; 1 – осужден за изнасилование; 1 – за умышленный поджог⁴⁸⁴. Поскольку криминальная ситуация в стране в эти годы не улучшилась, параллельно росло и общее число осужденных к лишению свободы (в 1996 г. – 62, 2 тыс.; в 2002 г. – 83,7 тыс.). Но если доля осужденных к лишению свободы в общем числе всех осужденных (ко всем мерам наказания) в начале 2000-х гг. составляла около 9%, то к 2003 г., например, среди осужденных к лишению свободы доля приговоренных к пожизненному лишению свободы составляла лишь 0,09% (другое дело, что здесь имеет место «накопительный» эффект – в 2007 г., например, суммарное число отбывающих эту меру наказание составило 1 670 осужденных).

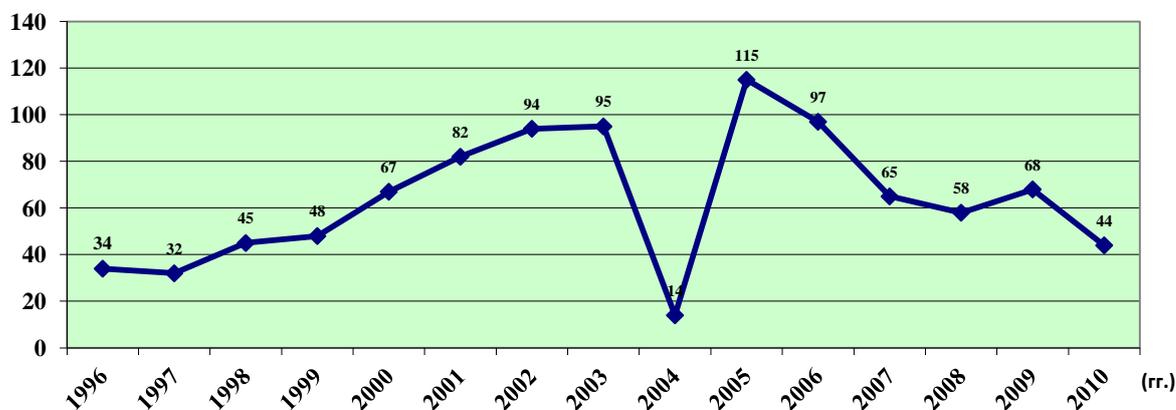
О стабильности судебной практики говорит и тот факт, что соотношение осужденных за рассматриваемые преступления к пожизненному лишению свободы спустя шесть лет сохранилось. К 2002 г. доля убийц, осужденных к пожизненному лишению свободы, среди всех осужденных за убийство (747) составила 2,75%, а доля осужденных за грабежи, повлекшие тяжкие среди всех осужденных за эти преступления (1 480) составила 4,2%. Вот как графически выглядит динамика общего числа таких приговоров в судебной практике Японии за 1996–2010 гг.

Общую тенденцию и ее перелом в середине 2000-х гг. мы уже констатировали. Однако здесь важно иметь в виду, что, во-первых, в этот период параллельно росло число тяжких преступлений и, во-вторых, рост таких приговоров происходил на фоне отмеченного выше значительного снижения в этот период числа смертных приговоров.

---

⁴⁸⁴ См.: Summary of the White Paper on Crime, 2002, pp. 9-10

**Динамика приговоров к пожизненному лишению свободы
за 1996–2010 гг.⁴⁸⁵**

В последующий период, особенно в 2009-м, 2011-м и 2012-м гг., рост числа приговоров к пожизненному лишению свободы, как и рост смертных приговоров, судя по оценкам Верховного Суда и японской прессы⁴⁸⁶, следует связывать с более жесткой в целом практикой судов присяжных, экспериментальная проверка которой приходится именно на этот период (практика показала, что заседатели, как правило, требуют более суровых наказаний, чем профессиональные судьи).

Дальнейшее изложение требует отдельного анализа практики пожизненного лишения свободы за различные преступления.

Таблица 29

Число осужденных к смертной казни в 2000–2010 гг.

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
За убийства	22	20	22	15	9	38	26	21	16	18	14
За грабеж	45	62	72	80	5	77	71	44	42	50	30

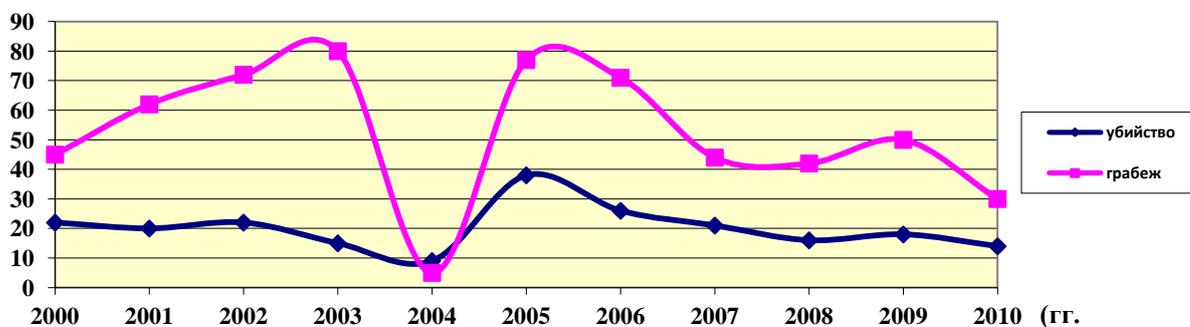
⁴⁸⁵ White Paper on Crime, 2010. – Tokyo, 2012. – P. 316.

⁴⁸⁶ Yomiuri Shimbun, February 15, 2012.

Графически указанные различия выглядят еще более наглядно

График 29

Число приговоров за убийства и грабежи в 2000–2010 гг.

Проведенные на основе этих данных расчеты показывают, что, во-первых, в указанный период вероятность назначения пожизненного лишения свободы за убийство составляет 3% (таких приговоров было 221 на 6973 осужденных)⁴⁸⁷, а вероятность назначения такого наказания за грабеж равна 7% (578 из всех 7 738 осужденных) или в 2,3 раза выше, чем при осуждении за убийство. Во-вторых, вероятность осуждения к пожизненному лишению свободы за убийство в Японии (1,0%) в 3 раза выше, чем вероятность вынесения смертного приговора, а вероятность такого приговора за грабеж с тяжкими последствиями (0,6%) выше вероятности смертного приговора почти в 12 раз.

Сравнивая масштабы и особенности применения пожизненного лишения свободы в Японии и других странах, следует остановиться в первую очередь на ситуации в России. Исходя из огромной разницы в числе тяжких насильственных преступлений и числе лиц, содержащихся в местах лишения свободы (в России эти показатели, как известно, намного выше – соответственно, в 20 и примерно в 12 раз), можно было бы считать, что и приговоров (осужденных) к пожизненному лишению свободы в России во много раз больше.

⁴⁸⁷ По нашим расчетам, в 2001–2007 гг. в России вероятность назначения пожизненного лишения свободы за убийство (561 осужденных) составляла 1,5% от всех осужденных за убийства при отягчающих обстоятельствах.

Однако здесь не все так просто и к тому есть ряд причин, прежде всего относящихся к истории появления этой меры наказания в современной России.

Как вид наказания пожизненное лишение свободы появилось в правовой системе России в 1992 г., когда в соответствии со ст. 24 УК РСФСР было установлено, что смертная казнь, в порядке помилования, может быть заменена лишением свободы сроком не более 20 лет или пожизненным лишением свободы. В 1997 г. ч. 3 ст. 59 нового УК РФ предусматривалось, что по тем же основаниям смертная казнь может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок в 25 лет. Одновременно рассматриваемая мера стала применяться как самостоятельный вид наказания, сначала как альтернатива смертной казни в тех составах, где она предусматривалась за посягательство на жизнь человека (ч. 2 ст. 105, ст. 277, ст. 295, ст. 317). А затем – в 2004-м, 2008-м и 2010-м гг. оно было предусмотрено в санкциях статей УК, где не было исключительной меры наказания (ст. 205, ст. 206 и ст. 210); таким образом, пожизненное лишение свободы перестало быть только мерой наказания, альтернативной смертной казни. Это в конечном счете обусловило развитие института пожизненного лишения свободы и предопределило дальнейший рост числа осужденных, отбывающих такое наказание.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, начиная с 2003 г. к пожизненному лишению свободы осуждалось от 65 до 93 осужденных (в большинстве случаев за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах)⁴⁸⁸. С 2003 по 2010 г. к этой мере наказания в России были приговорены 488 осужденных, в среднем по 70 человек в год. В Японии, как было показано выше, в те же годы к той же мере наказания были приговорены 512 осужденных (что обусловил ранее невиданный рост числа таких приговоров в 2003–2006 годах). Судя по данным **табл. 3**, в 1993–1998 гг. к этой мере наказания в Японии были приговорены 223 осужденных; итого,

---

⁴⁸⁸ См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2009 гг. // Преступность и правонарушения. Статистический сборник, М., 2010, С. 9-11

за 13 лет – 835+243 за 2000–2002 гг. = 1 078 осужденных за 17 лет. Как видно, речь идет о статистических данных, вполне сопоставимых (и во многом сходных) с практикой применения этого института в России.

В силу того, что освобождение таких осужденных в России возможно только по истечении 25 лет (при условии их примерного поведения), общая численность таких осужденных в местах лишения свободы к 2015 г. может составить около 2 000 человек⁴⁸⁹. Учитывая особенность законодательства (минимальный срок для досрочного освобождения) и практику отбывания этой меры наказания в Японии (особенно в 1990-х гг.), можно говорить о том, что число таких лиц в японских тюрьмах к 2015 г. будет хотя и сопоставимым, но все же определенно меньшим.

Если же сравнивать практику применения этого наказания в Японии и США, то количественные различия и в доле осужденных к пожизненному лишению свободы среди всех осужденных к лишению свободы, и, тем более, в абсолютных показателях применения этой меры окажутся вообще астрономическими. В США доля таких осужденных в общем числе лиц, содержащихся в местах лишения свободы, составляет 9%, что, как уже было отмечено, превышает показатели Японии ровно в 100 раз! Практически те же различия касаются и абсолютных показателей – ныне в США отбывают пожизненное лишение свободы около 130 тыс. осужденных.

Здесь мы подходим к особенности уголовного законодательства Японии, которое допускает возможность досрочного освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы по истечении не менее 10 лет. Помимо всего прочего, это положение представляет интерес еще и потому, что речь идет о самом коротком сроке обязательного отбывания пожизненного лишения свободы, о еще одном уникальном элементе либерализма уголовной политики, которого нет в уголовном законодательстве и пенитенциарной практике

---

⁴⁸⁹ Кокурин А.В., Селиверстов В.И. Осужденные к пожизненному лишению свободы // Осужденные, содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей. 12–18 ноября 2009 г.) / под научной ред. В.И. Селиверстова. – М., 2012. – С. 279, 316.

большинства стран, в том числе, ни в одной развитой стране. В самом деле, в Австралии и Новой Зеландии, например, эти сроки соответственно составляют не менее 20 и 25 лет; в Федеративной Республике Германии – 15 лет; в Канаде – от 15 до 25 лет (в зависимости от того, идет ли речь об убийстве первой или же второй степени). В Великобритании такой минимальный срок в законодательстве вообще не установлен, а на практике он составляет в среднем около 15 лет⁴⁹⁰.

Особая ситуация в этом отношении сложилась в законодательстве Соединенных Штатов Америки. Федеральное законодательство (параграф 3 559 Свода законов США) устанавливает, что в зависимости от характера совершенного преступления пожизненное лишение свободы может назначаться либо как самостоятельная мера наказания, либо как мера наказания, альтернативная смертной казни. В первом случае федеральное законодательство США и законы большинства штатов страны в соответствии с установленной классификацией наказаний предусматривают: пожизненное тюремное заключение или заключение на срок не менее 20 лет; пожизненное тюремное заключение или заключение на срок не менее 30 лет; пожизненное тюремное заключение с неопределенными сроками; пожизненное тюремное заключение без права на освобождение.

Во втором случае, когда речь идет о наказании альтернативном смертной казни, круг преступлений, за совершение которых может быть назначено пожизненное заключение, значительно уже. Чаще всего такая мера наказания назначается за преступления, повлекшие гибель потерпевшего. Кроме того, федеральное законодательство еще называет такие преступления, как убийство члена Конгресса; убийство в период отбывания пожизненного заключения или при побеге; убийство сотрудника правоохранительных органов; похищение людей или захват заложника, повлекшие смерть потерпевших, а также ограбление банка, повлекшее гибель людей.

---

⁴⁹⁰ Начиная с 2004 г., средний срок для первого слушания дела в суде о возможности досрочного освобождения для таких осужденных составлял не менее 14 лет (The Oxford Handbook of Criminology, 4 Ed., 2007. – P. 119).

По законодательству большинства штатов пожизненное лишение свободы может назначаться как на определенный срок, так и на срок, не определенный приговором суда. В последнем случае срок наказания может превышать физическую продолжительность человеческой жизни (суд может определить наказание на срок 200 лет или приговорить к трем пожизненным заключениям). С другой стороны, зачастую суды, назначая пожизненное заключение, указывают в приговоре, что право на ходатайство о досрочном освобождении у осужденного наступит после отбытия 20, 25 или 50 лет.

При неопределенных сроках пожизненного лишения свободы службам пробации дается возможность решать вопрос о досрочном освобождении того или иного осужденного в зависимости от эффективности воздействия реабилитационных программ (лечение от наркомании, участие в работе самодеятельных организаций осужденных, учеба в колледже и т.п.).

В последние 15 лет, особенно после принятия федерального закона 1994 г. об усилении мер борьбы с преступностью, отмечается все более острая тенденция к росту сроков, после которых наступает возможность обращения с ходатайством о досрочном освобождении и, соответственно, тенденция к росту продолжительности фактического отбывания этой меры наказания. Так, по данным Бюро уголовной статистики США, средние сроки реального отбывания этого наказания выросли с 21,2 лет в 1991 г. до 30 лет в 2007 г.

Что касается уголовного законодательства России, то согласно ч. 5 ст. 79 УК РФ возможность условно-досрочного освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы наступает по отбытии не менее 25 лет и с учетом появления этого института в системе современного законодательства РФ первые осужденные, у которых возникнет такая возможность, появятся лишь в 2014–2017 гг. Между тем, как отмечают исследователи пенитенциарной практики (А.П. Детков, В.Ф. Пирожков, В.А. Уткин, В.П. Попов, В.И. Селиверстов), отбывая столь длительные сроки лишения свободы, осужденные не

столько исправляются, сколько деградируют⁴⁹¹; они фактически теряют все родственные связи и социальные контакты. «В случае если осужденному все же удастся к указанному периоду каким-то образом сохранить свое физическое и психическое здоровье, на свободе его ожидают совершенно иные, совсем незнакомые ему условия существования. Привыкнув к строго регламентированному распорядку жизни, когда его активность становится полностью подавленной извне, а вопросы его жизнеобеспечения решаются администрацией, он, скорее всего, утратит большинство навыков к самостоятельному существованию за стенами исправительного учреждения»⁴⁹². Кроме того, следует учиняя; такое условно-досрочное освобождение может коснуться главным образом осужденных шестидесяти лет и старше.

В связи с этим представляется заслуживающим внимания предложение реформировать институт замены неотбытой части наказания другим, более мягким (ст. 80 УК РФ), предусмотрев возможность замены пожизненного лишения свободы наказанием в виде лишения свободы на определенный срок с последующим освобождением по отбытии срока наказания. Другим, и возможно более удачным, представляется предложение В.И. Селиверстова расширить виды исправительных учреждений, в которых осужденные могли бы отбывать пожизненное лишение свободы (создав, например, колонии-поселения усиленного режима), как это предусмотрено в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в отношении других категорий осужденных⁴⁹³.

Как видно, по сравнению с законодательством других стран, уголовное законодательство Японии в отношении досрочного освобождения от пожизненного заключения выглядит значительно либеральнее. Однако на практике с середины 1990-х гг. продолжительность фактического отбывания этого наказания заметно увеличилась. Так, в начале 1990-х гг. после отбывания два-

---

⁴⁹¹ Детков А.П. Сверхдлительные сроки лишения свободы: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты // Уголовное право, 2004. – №2; Соколов-Митрич Д. Поза «Ку» // Известия, 28 июня 2002 года.

⁴⁹² Кокурин А.В., Селиверстов В.И. Указ. работа. – С. 299.

⁴⁹³ Там же. – С. 299–300.

дцатилетнего срока наказания половина таких заключенных освобождалась досрочно, а в 1998–2000 гг. около 90 % таких осужденных к моменту освобождения из мест заключения отбыли значительно больше 20 лет, причем, ни один из них не был помилован⁴⁹⁴. Другими словами, практика исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы в Японии к началу XXI в. складывается таким образом, что фактический период отбывания этой меры наказания почти в 2,5 раза превышает установленный в уголовном законодательстве минимальный срок для возможного досрочного освобождения.

Таким образом, при общей стабильности судебной практики, есть основания признать, что в последние годы складывается все более ощутимая тенденция к ужесточению практики назначения и исполнения пожизненного лишения свободы по отношению к лицам, совершившим тяжкие преступления. Такая тенденция особенно заметна на фоне практики исполнения срочного лишения свободы, где как уже отмечалось, различные формы досрочного освобождения от наказания применяются весьма широко.

---

⁴⁹⁴ Summary of the White Paper on Crime 1998, p.12

Заключение

1. Преступность в Японии, представляя уникальный криминологический феномен, кардинально отличающаяся от формирования и развития преступности в других странах мира, настолько самобытна, что в процессах ее развития неизменно прослеживаются и многолетняя стабильность уклада жизни японского общества; и сочетание традиционных ценностей и ориентаций с новациями «западной» цивилизации; стабильность законодательных норм; сбалансированность демократических форм развития общества со всем комплексом мер социального контроля за преступностью. Но доминирующей ролью остаются историко-культурные, социально-психологические факторы, определяющие эффективность японской системы противодействия преступности, а также совершенствующиеся в условиях политико-экономической стабильности основные тенденции развития страны.

2. Хронология пиковых показателей преступности указывает на определенную цикличность ее неблагоприятных изменений на разных этапах экономического и социального развития японского общества, что подтверждается обоснованностью ранее высказанных суждений о синхронных всплесках преступности, точных повторениях крутых поворотов на социально-экономическом пути развития японского общества.

3. Преступность в Японии последовательно снижается 12-й год подряд, что особенно заметно в сфере насильственной преступности. Причины позитивных изменений криминальной ситуации и заметного спада насилия носят комплексный, мультифакторный характер. Среди них все более заметное место занимают возросшая эффективность деятельности полиции, а также активизация усилий государства и общества по реализации всего комплекса профилактических мер. Кроме того, на снижение насильственной виктимизации и рост имущественных преступлений существенное влияние оказывают заметные изменения демографической ситуации, которые на фоне нарастающей тенденции старения населения приводят к снижению криминальной

активности в более молодых когортах и росту преступности в наименее защищенных старших возрастных группах.

4. Несмотря на очевидные позитивные тенденции в динамике и структуре преступности, в массовом сознании по-прежнему сохраняется значительный разрыв между реалиями преступности и ощущениями недостаточной защищенности и безопасности, во многом обусловленный негативным влиянием средств массовой информации на психологию людей и их оценки ситуации. Отсюда истоки роста ригоризма в общественном сознании, требования ужесточения мер наказания, что особенно заметно проявляется в стабильно высоком уровне поддержки смертной казни.

5. Эффективная реализация комплекса мер по снижению преступности не означает решения всех проблем и отсутствия новых угроз со стороны криминального мира. Исследование показывает, что перспективы развития криминальной ситуации в Японии следует связывать не столько с количественными, сколько с её качественными изменениями. Ибо при доминирующей тенденции общего снижению преступности её качественные трансформации в ряде отношений еще развиваются в неблагоприятном направлении. К числу таких вызовов следует отнести: турбулентные изменения в характере и интенсивности молодежной преступности; увеличение количества геронтологических преступлений; изменения в характере и структуре наркопреступности; качественные трансформации преступности в сфере высоких технологий; изменения в тактике и характере криминальной активности организованной преступности.

6. Тем не менее, сравнительный анализ преступности в современной Японии подтвердил обоснованность выводов о долговременных и более благоприятных тенденциях развития по сравнению с положением дел в других развитых странах. Он показал, что даже в неблагоприятные периоды развития преступности все ее основные индикаторы и характеристики в Японии всегда выгодно отличались (и отличаются) от соответствующих показателей в других развитых странах (по уровню, динамике и структуре преступности,

по ее раскрываемости, уровню латентности⁴⁹⁵, масштабам применения лишения свободы, числу заключенных и т.д.). Вследствие распространения в криминологической литературе суждений о непосредственном воздействии экономических, социальных и политических процессов на выравнивание уровня преступности в странах мира, сближении количественных и качественных показателей, неблагоприятной динамике преступлений можно сделать вывод о том, что реальное положение дел в целом ряде развитых стран мира, в том числе и в Японии, кардинально отличается от «нарисованной» картины, а значит представляется упрощенным и необоснованным.

7. Специфика криминологического феномена Японии состоит также и в том, что в его формировании определяющую роль играла редкая по своеобразию совокупность позитивных факторов, противодействующих, а не способствующих, как в ряде других стран, развитию криминальных процессов. Не игнорируя значимости негативных факторов, следует признать, что в Японии именно позитивные факторы явились определяющими специфические тенденции, характер и структуру преступности, именно они определяли смысл, направленность и эффективность государственной (в т.ч. криминологической и уголовно-правовой) политики и правоприменительной практики. Что же касается негативных факторов, то следует признать, что под их влиянием в японском обществе в разные годы заметно ухудшалась нравственная атмосфера, сформировалась субкультура, противоречащая традиционным устоям и общепринятым нормам, слабели критерии и идеалы традиционного для японцев правопослушного поведения. Все это, наряду с формированием новой молодежной субкультуры с иной системой ценностных ориентаций, игнорирующей традиционные поведенческие стереотипы и правовые запреты, приводило и приводит к новым криминогенным противоречиям, стоящим на пути развития общества.

---

⁴⁹⁵ Исследование подтвердило особую актуальность проблематики латентности для анализа преступности в России, где оценка эффективности деятельности полиции по раскрываемости преступлений, соотносимая лишь с данными о зарегистрированной преступности, будет соответствовать удобной фикции, но не будет отражать реального положения вещей.

Взаимодействие негативных факторов и явлений в итоге отрицательно влияет на массовое правосознание, его восприятие и оценку противоправного поведения, а также на отношение к преступнику. В этом плане исследование меняющегося в последние десятилетия отношения к преступлению и преступнику позволило сделать выводы о том, что, хотя преступления и причастность к криминальному миру в общественном сознании, как и прежде, порицаются, японское общество стало более толерантно, чем раньше, относиться к негативным поступкам подростков и молодежи, которые все больше воспитываются не на догматах традиционной семьи, уважения к старшим, послушания и скромности, а на более свободный «западный» манер; в основе бытующих представлений о преступлениях и преступниках лежат не только ценностные ориентации, но и явно недостаточная осведомленность о преступности, преступниках и практике применения мер наказания. Вместе с тем общество стало более требовательным к таким факторам социализации и цивилизованности, как образование, отношения с окружающими, профессиональные навыки, служебная карьера и т. п.

8. Исследование феномена организованной преступности показало многоплановую специфику его формирования и функционирования, редкое по интенсивности влияние на японское общество, массовую психологию, на экономику, власть и бизнес, характерные трансформации на разных этапах развития, место в системе транснациональной организованной преступности, перспективы этого явления в современной Японии.

Решительное наступление на организованную преступность, все сильнее тормозившую экономическое и политическое развитие страны, резкое ужесточение законодательства, невиданная ранее жесткость предпринятых в 2000-х гг. мер по защите людей и бизнеса – застало врасплох верхушку криминальных кланов. Не сумев своевременно приспособиться к новым экономическим и политическим реалиям, и по сути впервые встретив столь мощное противодействие, организованная преступность стала все заметнее терять свою былую мощь. Она еще сохраняет доходы от традиционного криминаль-

ного промысла (наркоторговля, контроль за азартными играми и проституцией), но прежнее господство в обществе утрачивает, становясь лишь одним из многих участников в борьбе за доходы и влияние. Усилиями властей и полиции, все шире вовлекающих в это противостояние население, она последовательно вытесняется на обочину общественной жизни. По мере роста защищенности людей и бизнеса психологическая атмосфера вокруг нее, основанная на страхе и вынужденном сотрудничестве, постепенно меняется; положение не спасают разные формы мимикрии и легализации бизнеса, ибо социальная почва для развития и былого процветания организованной преступности все больше утрачивается; она вытесняется из социальных проектов и даже из вековой монополии в строительстве и портовых работах. Эффективное противодействие организованной преступности ведет к тому, что ее роль в жизни японского общества будет и дальше минимизироваться, а привычные представления об этом явлении, еще сохраняющиеся в общественном сознании, постепенно будут уходить в разряд атрибутов прежнего уклада жизни – наряду с другими ритуальными институтами и артефактами.

9. Эффективное воздействие на преступность, заслужившее широкое признание в стране и за рубежом, одновременно является и результатом, и одним из краеугольных камней социального согласия, экономического процветания и политической стабильности японского общества. Подтверждением тому служат данные национальной и международной уголовной статистики, а также результаты сравнительных исследований виктимизации населения, позволяющие точно зафиксировать разный уровень криминогенной обстановки в японском обществе. Особо следует подчеркнуть профилактические меры, соответствующие системе мер правового, социального контроля, уровню социально-экономического развития страны, что, в свою очередь, определяет общественное правосознание, психологические установки, ценностные ориентиры, качество жизни японского общества.

10. Практика применения мер уголовной ответственности и наказания, соответствующая больше нижним пределам санкций – либеральной (гуман-

ной) практике противодействия преступности – является ярким свидетельством комплементарности, взаимодополняемости, но никак не «излишне либеральной». Такая оценка представляется упрощенной и необоснованной, ибо эта практика основана на рациональном и экономном расходовании мер уголовной репрессии, что выражается в сдержанном отношении к назначению меры пресечения виде ареста, доминирующей роли штрафов, отсрочки исполнения приговоров, условно-досрочного освобождения и в других действиях.

Поскольку по ходу всего исследования ситуация в Японии сравнивается с соответствующими показателями в России, укажем, что: к 2013 г. доля ареста среди других мер пресечения в Японии – 14%, в России – свыше 30% (выбор этой меры имеет явную тенденцию к росту); в структуре наказаний доля штрафа в Японии – 89%, а в России – 14%; доля наказаний в виде лишения свободы в Японии – 14%, в России – 32%; число заключенных на 100 тыс. населения в Японии – 51, в России – 615.

11. Проведенный анализ подтвердил универсальность принципов уголовно-правовой политики, доказал ограничение применения мер репрессивного характера, бесперспективность излишней криминализации санкций, выявил эффективность системы профилактики правонарушений, показал результаты активизации воспитательно-предупредительных работ среди населения.

Таким образом, эффективность криминологической и уголовно-правовой политики Японии связана с рациональным использованием уголовной репрессии за счет применения всего комплекса профилактических мер.

В отличие от ситуации в других развитых странах, правоприменительная практика в Японии позволяет концентрировать усилия на наиболее серьезных правонарушениях, снижает риски излишней стигматизации, способствует укреплению правовой основы общества, повышает доверие людей к органам правосудия.

12. Ощутимого всплеска преступности в Японии, по крайней мере в ближайшие годы ожидать не следует. Этот сдержанный, но в целом оптимистический прогноз базируется не столько на многолетних собственных наблюдениях и ощущениях и даже не на экстраполяции продолжительных позитивных тенденций развития преступности, сколько на стабильности стратегического курса криминологической политики и на его последовательной реализации. Не случайно только японцы выражают уверенность, что в перспективе им удастся создать общество, свободное от преступности, и именно в этой стране избавление от преступности становится идеей, объединяющей нацию. Во всяком случае, такова глобальная цель японской стратегии воздействия на преступность.

Все сказанное об эффективности и позитивных результатах японской системы противодействия преступности не означает их идеализации, ибо даже в такой благополучной стране процесс противостояния общества и преступности продолжается. Однако это не снижает целесообразности использования зарубежного опыта в целом и, в частности, изучения и осмысления опыта, накопленного японской правоприменительной практикой.

13. Проведенное исследование и многолетние наблюдения подтвердили обоснованность ранее сделанных выводов о мифологическом характере эффективности смертной казни, что позволяет рассматривать общую превенцию института смертной казни как прием, не имеющий криминологической значимости, то есть никак не влияющий на состояние и динамику тяжких преступлений. В течение последних 20 лет тенденция к снижению числа смертных приговоров и казней привела к единичным случаям применения этой меры наказания в Японии.

Особенность Японии в этом отношении состоит в том что, несмотря на завесу секретности, окружающую все, что связано с приведением смертных приговоров в исполнение, уровень поддержки этой меры общественным мнением на протяжении многих лет остается стабильно высоким, и сторонники, и противники смертной казни не хотят радикальных, а главное, по-

спешных перемен; абсолютное большинство в обеих группах говорит о желании сохранить статус-кво, а будущее этой меры наказания связывает главным образом с постепенным решением.

14. Критический анализ практики применения и исполнения смертной казни как в Японии, так и в других странах, говорит о верно принятом в России моратории на исполнение смертных приговоров как с криминологической, так и с политической точки зрения. Годы моратория позволили обществу привыкнуть к отсутствию казней; осознать варварский характер этой меры наказания; увидеть конъюнктурное, спекулятивное проявление политических призывов об отмене моратория, эксплуатацию всплесков возбуждения общественного мнения с целью отвлечь общество от решения более насущных проблем. Следующим шагом непременно должно стать внесение изменений в Конституцию и уголовное законодательство РФ об исключении смертной казни из уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, замене этой меры наказания пожизненным лишением свободы, в том числе, и без права на условно-досрочное освобождение.

Список литературы

1. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. – М., 1980.
2. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М., 2001.
3. Алексеев А.И., Побегайло Э.Ф., Овчинский В.С. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006.
4. Антонов-Романовский Г.В. Экономические потрясения и динамика убийств // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование / под ред. А.И. Долговой. – М., 2009.
5. Антонян Ю.М. Концепция причин преступности и причины преступности в современной России // Преступность и общество. – М., 2001.
6. Антонян Ю.М., Волкова Т.Н. Преступность стариков. – Рязань, 2005.
7. Антонян Ю.М., Верещагин В.А. Убийцы, отбывающие пожизненное лишение свободы // Государство и право. 1999. – № 11.
8. Ахметшин Х.М. и др. Современное уголовное законодательство КНР. – М., 2000.
9. Аргунова Ю.Н. О латентности убийств и иных насильственных преступлений // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / под ред. А.И. Долговой. – М., Российская криминологическая ассоциация, 2001.
10. Аргунова Ю.Н. Преступность в Японии, ее причины и профилактика. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984.
11. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. – М., 2000.
12. Бабаев М.М. Социальные последствия преступности. – М., 1982.
13. Бабаев М.М. Смертная казнь – последняя надежда общества? // Юридический мир. 2002. – № 10.
14. Бабаев М.М., Квашиш В.Е. Цена преступности: теория и практика // Российский криминологический взгляд. 2009. – № 2.
15. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. – М., 2006.

16. Бабаев М.М., Крутер М.С. Современная криминологическая ситуация в России и проблемы ее изучения и оценки // Уголовное право. 2000. – № 2.
17. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. – М.: Проспект, 2014.
18. Бабаев М.М. О соотношении уголовной и криминологической политики // Проблемы социологии уголовного права. –М., 1982.
19. Бабаев М.М. Криминологические основы российской уголовной политики // Современная уголовная политикаб поиск оптимальной модели. Материалы VII российского конгресса уголовного права. – М., 2012.
20. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю. Е. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право, 2010. – №4.
21. Балугев Д.Г., Булкина Л.В., Новоселов А.А. Прикладной анализ транснациональной организованной преступности // Вестник Нижегородского ун-та им. И.И. Лобачевского, 2011. – №3.
22. Барсукова О.В. Старческая преступность и преступность против лиц пожилого возраста. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Владивосток, 2003.
23. Беккариа Ч.О преступлениях и наказаниях. – М.: Стелс, 1995.
24. Белявская О.А. Наркопреступность и борьба с ней в Японии // Государство и право, 1994. – №3.
25. Белявская О.А. О специфическом аспекте японских психологических теорий объяснения преступности и преступного поведения // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. – М., 1985. – № 86.
26. Белявская О.А. Отсрочка в возбуждении уголовного преследования в Японии // Социалистическая законность, 1988. – № 11.
27. Белявская О.А. Организованная преступность в Японии // Соц. законность, 198. – №11.
28. Белявская О.А. Организованная преступность в Японии. – М., 1990.

29. Белявская О.А. Преступность и борьба с ней в Японии как объект сравнительной криминологии // Политические системы, государство и право в буржуазных и развивающихся странах: тенденции и проблемы. – М., 1988.
30. Белявская О.А. Преступность в Японии. Статистический анализ. – М., 1992.
31. Белявская О.А. Преступность несовершеннолетних в Японии. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1986.
32. Белявская О.А. Статистика преступности в Японии // Соц. законность, 1989. – № 1.
33. Белявская О.А. Уголовное законодательство и практика его применения в Японии // Уголовное законодательство и практика его применения в зарубежных странах. – М., 1988.
34. Белявская О.А. Уголовная политика в Японии. – М., 1992.
35. Белявская О.А., Еремин В. Японский опыт для российских реформ // В сб. статей «Уголовная политика японского государства». – М., 1995. – №3.
36. Бенди А., Алмер К. Киберзащита – многосторонний политический вызов // [http://www. pluriversum.org/news/cyberspace/kiberzashche](http://www.pluriversum.org/news/cyberspace/kiberzashche)
37. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М., 1998.
38. Бинсун Хэ. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. – Владивосток, 2005.
39. Благовещенский Ю.Н., Сатаров Г.А. Статистическое сравнение России и других стран. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2012.
40. Богданова Л. Снижение уровня убийств: реальные тенденции или укрытие? // Уголовное право, 2010. – №4.
41. Богданов С.В., Репецкая А.Л. Убийства в России и США: сравнительный анализ криминальной статистики // Криминологический журнал Байкальского ун-та экономики и права, 2009. – №4.
42. Бойко А.И. Уголовная политика: учеб. пособие. – Ростов-на-Дону, 2008.

43. **Бородин С.** Еще раз о смертной казни // Государство и право, 2001. – № 4.
44. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. – М., 1999.
45. Варыгин А.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы возраста преступника // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, 30–31 мая 2013 года. – М., 2013.
46. Ведерникова О.Н. Основные криминологической системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право, 2002. – № 10.
47. Ведерникова О.Н. Сравнительная криминология: от прошлого к будущему. Материалы всероссийской конференции. – М., 2001.
48. Ведерникова О.Н. Криминальная ситуация: мировые тенденции // новая криминальная ситуация: оценка и реагирование / под ред. А.И. Долговой. – М., 2009. – С. 21–32.
49. Веллер М. Срок для президента. – М., 2012.
50. Всемирный Доклад о наркотиках, 2014. UNODC. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. [www/unodc.org/documents/wdr-2014/V1403602_russian.pdf](http://www.unodc.org/documents/wdr-2014/V1403602_russian.pdf)
51. Еремин В.Н. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь – Япония. Вып. 21. – М., 1998.
52. Еремин В.Н. Политическая система современного японского общества. – М., Наука, 1992.
53. Галеоти М. Мифологизация «мафии», Московские новости, 1 августа 2011 года.
54. Генрих Н.В., Камалова А.К., Морозов Н.А. Сравнительный анализ преступности в России и зарубежных странах // Российский криминологический взгляд, 2013. – №3.

55. Генрих Н.В., Морозов Н.А. Законодательство и практика противодействия киберпреступности в Японии // Российский криминологический взгляд, 2014. – № 1.
56. Генрих Н.В., Квашиш В.Е. К итогам зарубежных исследований убийств // Российский криминологический взгляд, 2014. – №1.
57. Герке М. Понимание киберпреступности: явление, задачи и законодательный ответ. (Исследовательский отчет) [http: www.itu.int/INU-D/cyb/cybersecurity/legislation.html](http://www.itu.int/INU-D/cyb/cybersecurity/legislation.html)
58. Гернет М.Н. *Смертная казнь. Избр. Соч.* – М., 1974.
59. Гернет М.Н. Смертная казнь и общественное мнение // Смертная казнь: за и против. – М., 1989.
60. Герцензон А.А. Уголовное право и социология (проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). – М., 1970.
61. Гишинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: курс лекций. –СПб.: Питер, 2002.
62. Гишинский Я.И. Социальное насилие. – СПб., 2013.
63. Гишинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российские реалии, перспективы // Российский ежегодник уголовного права, 2013. – №7.
64. Голик Ю.В. Роль уголовного права в современном мире // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен (Материалы IX Российского конгресса уголовного права 29–30 мая 2014 г. – М., 2014.
65. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Наука уголовного права //Российское уголовное право: курс лекций. Том I. Преступление. – Владивосток, 1999.
66. Голик Ю.В. Философия уголовного права: постановка проблемы // Философия уголовного права. – СПб., 2004.
67. Губанов Н.Н. Менталитет: сущность, закономерности формирования, развития и функционирования в обществе. – Автореф. дисс. ... доктора философских наук. – М., 2014.

68. Гузеева О.С. Деформация некоторых институтов Общей части УК РФ в условиях развития информационно-правового пространства // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен (Материалы IX Российского конгресса уголовного права 29–30 мая 2014 г. – М., 2014.
69. **Гуриев С., Цивинский О.** Racio economica: Школа лучше полиции // Ведомости, 26 октября 2010 года.
70. Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 2003.
71. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток: ДВГУ, 1982.
72. Дашков Г.В. А как там у них? // Юридическая газета, 1991. – №4.
73. Денисов Н.Л. Влияние криминальной субкультуры на преступное поведение подростков // Преступность и культура. – М., 1999.
74. Дети, молодежь и преступность. XII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. – Сальвадор, Бразилия, 12–19 апреля 2010 года (A/Conf.213/4, p.15).
75. **Детков А.** Сверхдлительные сроки лишения свободы: уголовный и уголовно-исполнительный аспекты // Уголовное право, 2004. – № 2.
76. Долгова А.И. Взаимодействие и причинность в криминологии// Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 14. – М., 1981.
77. Долгова А.И. Уголовное право и преступность //Российское уголовное право; курс лекций. Том I. Преступление. – Владивосток, 1999.
78. Долгова А.И. Криминальная ситуация в России: оценка изменений // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование / под ред. А.И. Долговой. – М., Российская криминологическая ассоциация, 2009.
79. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М., 2003.
80. Долгова А.И. Проблемы оценки криминологической ситуации и криминологическая обусловленность закона // Криминологическая ситуация

и реагирование на нее / под ред. А.И. Долговой. Российская криминологическая ассоциация. – М., 2014.

81. Долгова А.И. Пути развития криминологии как науки и учебной дисциплины // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. Материалы VIII Российского Конгресса уголовного права, 30–31 мая 2013 г. – М., 2013.

82. Долгова А.И. Экономика, преступность, организованная преступность – диалектика развития // Криминальная экономика и организованная преступность. – М., 2007.

83. Дремлюга Р.И. Интернет-преступность. – Владивосток, 2008.

84. Еремин В.Н., Кузнецова Н.Ф. Вступительная статья к книге Кана Уэды «Преступность и криминология в современной Японии». – М., 1989.

85. Еремин В.Н. Характеристика источников уголовного права Японии // Уголовное право зарубежных стран. Общая часть. – М., 1990.

86. Еремин В.Н. Политические системы современного японского общества. – М., 1992.

87. Еремин В.Н. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь – Япония. Вып. 21. – М., 1998.

88. Еремин В.Н. Уголовное право Японии // Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права. – М., 1991.

89. Еремин В.Н. Уголовное право Японии // Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. – М., 2003.

90. Ешек, Х.-Х. Основы уголовной политики // Российский криминологический взгляд, 2010. – №3.

91. Жалинский А.Э. Избранные труды. Том 1. Криминология. – М.: Изд-во ВШЭ, 2014.

92. Жалинский А.Э. Уголовная политология и уголовная политика: необходимость нового подхода // Уголовная политика и право в эпоху перемен.

Материалы международной научно-практической конференции памяти профессора П.С. Дагеля. – Владивосток, 2010.

93. Железняк О.Н. Практика применения смертной казни в Японии // Право и политика, 2001. – № 3.

94. Железняк О.Н. Японская практика применения уголовных наказаний // Право и политика, 2001. – № 10.

95. Железняк О.Н., Тебин Н.П. Полиция «шаговой доступности» // Независимая газета. 4 декабря 2013 года.

96. **Журов Р.** Организующая преступность // Мир и политика, 7 марта 2014г. [http:// www.mir-politika.ru/10343-organizuyuchaya-prestup](http://www.mir-politika.ru/10343-organizuyuchaya-prestup)

97. Змеевский А.В. О международном сотрудничестве в борьбе с криминальными вызовами и угрозами // Международная жизнь, 2013. – №6.

98. Иванов А.М. Организованная преступность в сфере экономики в Японии. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Владивосток, 2000.

99. Иванов А.М., Корчагин А.Г. Преступление и наказание в странах Тихоокеанского региона. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999.

100. Иванов А.М., Корчагин А.Г. Преступление и наказание в странах Юго-Восточной Азии (Общая часть) // Правоведение, 2000. – № 2.

101. Иванов А.М. Организованная преступность и борьба с ней в Японии. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000.

102. Иванов В.П. Необходимости новой антинаркотической парадигмы в целях преодоления представленных во Всемирном докладе о наркотиках 2013 года негативных тенденций глобальной наркоситуации // <http://www.fskn.gov.ru>).

103. Иванов В.П. Афганский наркоузел. – М., 2010.

104. Иванов В.П. Планетарные наркопотоки как ведущий фактор нарастающего глобального финансово-экономического кризиса. Тезисы доклада 18 ноября 2011 года в Вашингтоне (Сайт ФСКН России).

105. Иващенко А.В., Ревягин А.В. Нераскрытая насильственная преступность. – М., 2013 и участия граждан в отправлении правосудия в Японии // Сов. Государство и право, 1990, № 12.

106. Ивата К. Институт комиссии по рассмотрению деятельности прокуратуры и участия граждан в отправлении правосудия в Японии // Сов. Государство и право, 1990. – № 12.

107. Инако Цуэно. Современное право Японии. – М.: Прогресс, 1981.

108. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М., 1997.

109. Итоги Всестороннего исследования Группы экспертов ООН, обсужденные в Вене 25–28 февраля 2013 года (UNOD/CCPCJ/EG4/2013/2).

110. Камю А. Размышления о гильотине // Изнанка и лицо. – М., 1998.

111. Каплан Д., Дубро А. Якудза: Тайный мир японской преступности. – Беркли, 2003.

112. Карафано Дж. Понимание социальных сетей и национальная безопасность // <http://www.pluriversum/147>

113. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. – М., 1992.

114. Кафка, Франц. Процесс. – СПб., 2014.

115. Квашиш В.Е. Высшая мера наказания и проблемы уголовной политики // Российский ежегодник уголовного права, 2006. – № 1 / под ред. Б.В. Волженкина. – СПб., 2007.

116. Квашиш В.Е. Основы виктимологии. – М.: Nota Bene, 1999.

117. Квашиш В.Е. Преступность как глобальная угроза. X Конгресс по предупреждению преступности и уголовному правосудию Юридический мир, 2005. – № 10 (106).

118. Квашиш В.Е. Преступность в США: реальность позитивных изменений или «временное исключение»? // Уголовное право, 2005. – №5.

119. Квашиш В.Е. Смертная казнь и общественное мнение // Государство и право, 1997. – № 4.

120. Квашиш В.Е. Смертная казнь: мифы и реалии // Журнал российского права, 1998. – № 12.

121. Квашис В.Е. Цена преступности как криминологическая проблема // Уголовное право, 2008. – № 6.
122. Квашис В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. –М.: Юрайт, 2008.
123. Квашис В.Е. Куда идет смертная казнь? Мировые тенденции, проблемы и перспективы. – СПб., 2011.
124. Квашис В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. Смертная казнь: США и Япония: Монография / под ред. ВЕ. Квашиса. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007.
125. Квашис В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. США и Япония: Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь: Монография / под ред. В.Е. Квашиса. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008.
126. Квашис В.Е., **Овчинский В.** Сесть негде (XII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию) // Огонек, 2010. – № 16.
127. Квашис В.Е., Морозов Н.А. Основные тенденции преступности в Японии // Уголовное право, 2015, – №2.
128. Келина С.Г. Смертная казнь в системе советской уголовной политики // Смертная казнь: за и против / под ред. С.Г. Келиной. – М., 1989.
129. Келина С.Г. Предисловие к книге «Когда убивает государство». – М.: Прогресс, 1989.
130. Кестлер А. Размышления о виселице // Кестлер А., Камю А. Размышления о смертной казни. –М.: Праксис, 2003.
131. Кистяковский А.Ф. Исследование смертной казни (1867). – Тула, 2000.
132. Клейменов М.П. Нераскрытая преступность // Криминологическая ситуация и реагирование на нее / под ред. А.И. Долговой. Российская криминологическая ассоциация. – М., 2014.
133. Клейменов И.М. Преступность в США и России: попытка сравнительного анализа // Вестник Омского университета. Право, 2012. – № 1.

134. Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, развитие уголовной политики в условиях глобализации. – М.: Юрлитинформ, 2014.
135. Князев В.В., Верещагин В.А., Жмыхов А. А. Преступность за рубежом (1990–2002 гг.). – М.: ВНИИ МВД России, 2004.
136. Когда убивает государство. Смертная казнь против прав человека / под ред. С.Г. Келиной. – М.: Прогресс, 1989.
137. Койдзуми Ё. Системы и виды наказания по уголовному праву Японии. Смертная казнь в Японии // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Ч. 1. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998.
138. Кокурин А.В., Селиверстов В.И. Осужденные к пожизненному лишению свободы // Осужденные, содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей. 12–18 ноября 2009 года) / под научной ред. В.И. Селиверстова. – М.. 2012.
139. Конев А.А. Преступность в России и ее реальное состояние. – Н. Новгород, 1993.
140. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. – М., 2008.
141. Конституция Японии // Конституции зарубежных государств. – М., 1997. Конвенция Совета Европы по борьбе с киберпреступностью (23 ноября 2001 года).
142. Коробеев А.И. Предисловие к Уголовному кодексу Японии. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000.
143. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987.
144. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991.
145. Коробеев А.И., Михеев Р И. Предисловие к монографии Н.А. Морозова «Преступность и борьба с ней в Японии». – СПб., 2003.

146. Коробеев А.И. Система и виды наказаний // Российское уголовное право: Курс лекций. Том II. Наказание. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999.
147. Коробеев А.И. Уголовное законодательство Японии // Российское уголовное право: Курс лекций. Том II. Наказание. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999.
148. Коробеев А.И., Морозов Н.А. Возрастные аспекты делинквентного поведения в современной Японии // Азиатско-Тихоокеанский Регион. Экономика. Политика. Право, 2013. – № 2 (13).
149. Коробеев А.И. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. Предисловие. – СПб.: Юридический центр, 2014.
150. Корчагин А.Г., Номоконов В.А., Шульга В.И. Организованная преступность и борьба с ней. – Владивосток, 1995.
151. Корчагин А.Г., Иванов А.М. Организованная преступность в сфере экономики в Японии. Правовые меры борьбы // Журнал российского права, 2000. – №4.
152. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели. – **СПб.: ПИТЕР**, 2003.
153. Криминология: Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М., 2010.
154. Кристи Н. Пределы наказания. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. – М., 1985.
155. Кроник А.А., Головаха Г.И. Психологический возраст личности//Психология в трудах отечественных психологов. – СПб., 2002.
156. Кремер В. Вооружены и киберопасны // РБК Daily, 18 июля 2013.
157. Кудрявцев И.А. Противна природе человека // Смертная казнь: за и против. – М., 1989.
158. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. – М., 2002.
159. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. – М., 1968.
160. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. – М.: ИНФРА-М, 1998.

161. Кузнецова Н.Ф., Еремин В.Н. Вступительная статья к книге Кана Уэда «Преступность и криминология в современной Японии». – М., 1989.
162. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминогенной детерминации. – М.: Изд-во МГУ, 1984.
163. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М.: Изд-во МГУ, 1969.
164. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. – М.: Юридическая литература, 1985.
165. Курс советской криминологии. Предупреждение преступности. – М., Юридическая литература, 1986.
166. Кури Хельмут. Имеет ли наказание превентивный эффект? // Правоведение, 2001. – № 3.
167. Ларина Е., Овчинский В. Криминология Биткойна // <http://www.zavtra.ru/content/view/bitkojn/>, 16.12.2013.
168. Ларьков А.Н., Раскина Т.В. Криминологический анализ основных факторов современной российской действительности, влияющих на состояние преступности и правонарушаемости // Криминологический журнал Байкальского гос. университета экономики и права, 2013. – №2.
169. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001– 2006 гг. / под ред. С.М. Иншакова. – М., 2007.
170. Лепешкина О. Смертная казнь. Опыт комплексного исследования. – СПб., 2009.
171. Лесников Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы теории и практики. – М., 2004.
172. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. – М., 2004.
173. Ложь и статистика: почему МВД скрывает правду о преступности в России // Финмаркет, 26 февраля 2014 года – [www. finmarket.ru/life/article/3640144](http://www.finmarket.ru/life/article/3640144).

174. Лопатина Т.М. Компьютерная преступность и противодействие ей: Монография. – Смоленск: Универсум, 2006.
175. Лопашенко Н.А. Убийства: Монография. – М., 2014.
176. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009.
177. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии, учебник. В 2 т. – М.: Юрайт, 2011.
178. Лунеев В.В. Наука криминального цикла и криминологические реалии // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права, 2007. – №1.
179. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М., 1997.
180. Лунеев В.В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог: журнал о праве. Т. 2, 2014. – № 2.
181. Лунеев В.В. Правовой путь России. – М., 2014.
182. Лунеев В.В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. – М., 2014.
183. Максимов С.В. Эффективность общего предупреждения преступлений. – М.: Норма, 1997.
184. Марков Б.В. Теория цивилизованного подхода // Философские науки, 2013. – № 2.
185. Маркс К. Смертная казнь. Памфлет г-на Кобдена. Мероприятия английского банка // Маркс К., Энгельс Ф. **Соч. Т. 8.** – М., 1982.
186. Мацкевич И.М. Современная криминология: преодоление кризиса // Российский криминологический взгляд, 2011. – № 2.
187. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI веке. Рабочий документ X Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Вена, 10-17 апреля 2000 года. (**A/Conf.187/3**).
188. Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовной юстиции на пороге XXI века. Национальный доклад

Японии VIII Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. – Гавана, 1990.

189. Мезяев А.Б. Смертная казнь в современном мире и уголовное право государств Африки // Право и политика. 2001. – № 6.

190. Мезяев А. Б. Смертная казнь в современном мире. Смертная казнь в государствах Азии и Америки// Право и политика, 2002. – № 1.

191. Меры уголовного правосудия по борьбе с незаконным ввозом мигрантов и торговлей людьми: связи с транснациональной организованной преступностью. XII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. – Сальвадор, Бразилия, 12–19 апреля 2010 года. (A/ CONF.213/7).

192. Милинчук В.В. Негосударственные субъекты в контексте международных и национальных стратегий противодействия транснациональной преступности // Вестник Военного ун-та, 2011. – №4 (27).

193. Мировое положение в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Доклад Генерального секретаря // XII Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. –Сальвадор, Бразилия, 12–19 апреля 2010 года.

194. Мировые тенденции в области преступности и новые проблемы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия и способы их решения. Доклад Генерального секретаря. – Вена, 12–16 мая 2014 года. (E/CN.15/2014/10).

195. Мисима Юкия. Несущие кони. – М.: ЭКСМО, 2010 (Пер. с яп.).

196. Мисима Юкия. Хагакурэ Ньюмон // Книга самурая. – СПб., 2001.

197. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности. Теория и практика. Автореф. дисс. ... докт. юр. наук. – М., 1995.

198. Михеев Р.И. Преступность и правовая культура России и Японии. – Владивосток, 1997.

199. Михеев Р.И., Морозов Н.А. Международное сотрудничество России и стран АТР в сфере уголовной политики, борьбы с преступностью и ее пре-

дупреждения // Материалы научно-практической конференции. – Владивосток, 1997.

200. Михлин А.С. Смертная казнь: Вчера. Сегодня. Завтра. – М., 1997.

201. Миядзава Коичи. Загадочная Япония – испытательный полигон для сравнительных криминологических исследований // Криминологические исследования в мире. – М., 1995.

202. Миядзава Сэцуо. Кэйдзи сэйдо о судзи дэ мирумэ (Статистический подход к уголовно-правовым институтам). Хогаку сэмина. – Токио, 1997. – №7.

203. Молодяков В.Э. Моральное воспитание в японской школе// Японский опыт для российских реформ. Вып. 4. – М., 1999.

204. Молодяков В.Э. Японская молодежь накануне третьего тысячелетия // Япония: с чем в третье тысячелетие? – М., 1999.

205. Морозов Н.А. Борьба с компьютерной преступностью в Японии // Общество и право, 2014. – №2(48).

206. Морозов Н.А. Геронтологический аспект преступности в Японии // Общество и право, 2014. – №1(47).

207. Морозов Н.А., Квашиш В.Е. Особенности причинного комплекса преступности в Японии (методологический аспект) // Общество и право, 2015. – № 1.

208. Морозов Н.А., Квашиш В.Е. К итогам исследования преступности и уголовной политики в современной Японии // Материалы XXVIII Балтийской криминологической конференции Санкт-Петербург, 28–29 мая 2015 г. – СПб., 2015.

209. Морозов Н.А. Наказание в уголовном праве Японии // Юридические механизмы защиты прав и свобод гражданина: региональные проблемы. Сб. материалов научно-практической конференции. – Хабаровск, 1998.

210. Морозов Н.А. Наркобизнес в Японии – анализ и стратегия борьбы // Наркоконтроль, 2011. – № 3.

211. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии: Монография. – СПб., 2003.
212. Морозов Н.А. и др. Преступность и правовая культура России и Японии // в сб. Преступность и культура общества. – М.: Криминологическая ассоциация, 1998.
213. Морозов Н.А. Сравнительно-правовой анализ преступности в современной Японии. – Владивосток, 1997.
214. Морозов Н.А. Организованная преступность современной Японии в контексте криминальной глобализации// «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона». Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2013.
215. Морозов Н.А. и др. Уголовная политика Японии // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Межвуз. сборник научных трудов. Вып. 2. – Красноярск, 1999.
216. Морозов Н.А. Япония – новое поколение без наркотиков // Пробелы в российском законодательстве, 2011. – №2.
217. Морозов Н.А., Квашиш В.Е. Организованная преступность в Японии.// Научный портал МВД России, 2013. – №4.
218. Морозов Н.А. Тенденции компьютерной преступности в Японии в XXI веке // Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики на основе использования опыта стран АТР. Материалы межд. научно-практической конференции. – Владивосток, 1–2 октября 2013 года. – Владивосток, 2013.
219. Морозов Н.А., Коробеев А.И. Особенности организованной преступности в Японии // Криминологический журнал Байкальского ун-та экономики и права, 2013. – № 3.
220. Морозов Н.А., Квашиш В.Е. Полиция Японии: организация, функции, эффективность // Научный портал МВД России, 2015. – №1.
221. Мураками Харуки. Край обетованный / пер. с яп. яз. – М., 2013.

222. Мураками Харуки. Страна чудес без тормозов и Конец Света / пер. с яп. – М., 2012.
223. Мураками Харуки. Слушай песню ветра / пер. с яп. яз. – М., 2.
224. Натаров В. Канэмару – «серый кардинал» правящей партии // Литературная газета, 1996. – № 14.
225. Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в XXI веке / пер. с яп. яз. – М., 2001.
226. Накаяма, Кеничи. Проблема проституции в послевоенной Японии // Правоведение, 1994. – № 2.
227. Наумов А.В. Существуют ли пределы роста преступности? // Уголовное право, 2005. – № 3.
228. Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность. Технологии и наши поиски смысла. – М., 2005.
229. Нечевин Д.К. Социально-правовой регулятор насильственного девиантного поведения молодежи // Насилие, личность, общество. – М., 2000.
230. Нисихара Харуо. Обоснование права государства на применение уголовного наказания // Вестник Московского университета. Серия 11, «Право», 1991. – № 2.
231. Номоконов В.А. Особенности противоправного проникновения организованной преступности в экономику Дальнего Востока // Социально-экономические и политические процессы в странах АТР. Ч. 1. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997.
232. Номоконов В.А. Организованная преступность // Российский криминологический взгляд, 2011. – № 2.
233. Номоконов В.А. Особенности эволюции причин преступности в постсоветской России // Союз криминалистов и криминологов, 2013. – № 1.
234. Нужна новая философия образования // «Огонек», № 33, 26 августа 2013 года.
235. Овчинников В.С. Ветка сакуры. – М., 1971.

236. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М., 2001.
237. Овчинский В.С. Криминология Нового мирового беспорядка // Журнал российского права, 2005. – № 8.
238. Овчинский В.С. Криминология кризиса. – М., 2009.
239. Овчинский В.С. Мафия XXI: сделано в Китае. – М., 2006.
240. Ода Хироси. Японское право (Japanese Law). – Лондон, 1992.
241. Определение факторов, влияющих на эффективность услуг по безопасности от преступных посягательств. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2007.
242. Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты / под ред. В.А. Номоконова. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998.
243. Организованная преступность в Японии// Борьба с преступностью за рубежом. Вып. 7. – М., 1993.
244. Осужденные, содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей. 12–18 ноября 2009 года. – М., 2012.
245. Ооцука Кимико. Смертная казнь (Сикей). – Токио, 1998. (на яп. яз.)
246. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования, 2000. – № 12.
247. Пионтковский А.А. Уголовная политика Японии. – М., 1936.
248. Побегайло Э.Ф. Проблема смертной казни в свете криминологической ситуации в России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба, 2002. – № 3.
249. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право, 2004. – №3.
250. Побегайло Э.Ф. Проблема гуманизации российского уголовного законодательства в современных условиях // Уголовное право: истоки, реалии,

переход к устойчивому развитию. Материалы VI Российского конгресса уголовного права. – М., 2011.

251. Побегайло Э.Ф. Современная криминологическая ситуация и кризис российской уголовной политики // Российский криминологический взгляд, 2005. – №1.

252. Попов В.В. Психологические характеристики осужденных, отбывающих наказание пожизненно // Проблемы острова помилованных убийц. – Вологда, 1996.

253. Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, реформирование. Ч. 2. – СПб, 2012.

254. Превенция преступности и контроль – проблемы последней четверти XX века. (Материалы, подготовленные Японией к VII Конгрессу ООН) / пер. с англ. яз. – Токио, 1986.

255. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., 2003.

256. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права. – М., 1991.

257. Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность / под ред. А.И. Долговой. – М., 2004.

258. Преступность и правонарушения (2000–2004 гг.). Статистический сборник. – М.: ГИЦ МВД РФ, 2006.

259. Преступность и правонарушения (2002–2006 гг.). Статистический сборник. – М.: ГИЦ МВД РФ, 2007.

260. Преступность и правонарушения (2004–2008 гг.). Статистический сборник. – М.: ГИЦ МВД РФ, 2009.

261. Преступность и правонарушения (2007–2011 гг.). Статистический сборник. – М.: ГИЦ МВД РФ, 2012.

262. Пудовочкин Ю.Е. Криминологические проблемы в современной социально-политической и философской литературе. – М., 2011.

263. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: Лекции. – М., 2012.

264. Путова Н.В. Проблемы борьбы с организованной преступностью: Курс лекций. Ч. 1. – Витебск, 2013.
265. V Международный конгресс ООН по вопросам преступности и обращения с правонарушителями. «Предупреждение преступности и контроль – проблемы последней четверти века» // Материалы, подготовленные Японией, 1975 г., 1–12 сентября. – Торонто, 1976.
266. Рагимов И.М. Преступность и наказание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012.
267. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Издательский Дом Р. Асланова «Юридический центр», 2013.
268. Радочина Т. Осужденные женщины в тюрьмах Англии // Уголовное право, 2013. – № 6.
269. Разумов П.В. Значение пожилого возраста в механизме реализации уголовной ответственности. – Ставрополь, 2005.
270. Райер Ф., Викс Б., Винклер Т. Кибербезопасность: дорога, которую предстоит пройти. – Женева, 2013 (русская версия доклада).
271. Рамзес В. Япония: сумерки группизма и трудовая мотивация // мировая экономика и международные отношения. – № 8.– М., 1989.
272. Ранкин А. Последние тенденции в организованной преступности в Японии. Якудза против полиции и иностранных преступных группировок. Ч. 2. Азиатско-Тихоокеанский журнал. Т. 10. Вып. 7. 20 февраля 2012 г.
273. Резник Г.М. Социально-интегрирующая роль уголовного права и стереотипы общественного сознания // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М., 1981.
274. Репецкая А.Л. Внешнеэкономическая деятельность китайских ОПГ в Восточной Сибири // Пролог. Журнал о праве, 2013. – № 2.
275. Репецкая А.Л. Организованная преступность. Теневая экономика. Криминальный рынок России. – М., 2010.
276. Решетников Ф.М. Смертная казнь в современном мире // Журнал российского права, 1997. – № 6.

277. Российская преступность в зеркале международной статистики // Научный портал МВД России, 2013. – №3.
278. Российское уголовное право. Т. II. – Владивосток, 1999.
279. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования, 1998. – № 5.
280. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Факторы динамики рождаемости населения России в начале XXI века // Социологические исследования, 2014. – № 9.
281. Сайто Кинсаку. Японское уголовное право // Современное зарубежное уголовное право. Т. 1. – М.: ИЛ, 1958.
282. Сакамото Руми. «Корейцы, Go Home!». Интернет-национализм в современной Японии как явление, опосредованное цифровой субкультурой // Азиатско-Тихоокеанский журнал, 2011. Вып. 9. – №2.
283. Сакамото Тосио. Записки палача (Сикэй сикодзин-но кироку). – Токио, 1998 (на яп. яз.).
284. Салтыкова И.В. Преступность в Японии // Проблемы Дальнего Востока, 1984. – № 2.
285. Салтыкова Н.В. Уголовно-судебные и исправительные меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в Японии. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1972.
286. Сато Х., Одзава К. Кэймусе (Тюрьма). – Токио, 1983 (на яп. яз).
287. Сато Х. Бокутати-но хандзайрон (Наша теория преступности). – Токио, 1993.
288. СерEDA К.А. Наркобизнес в странах АТР. Анализ ситуации и стратегий борьбы. Дисс. .. канд. юрид. наук. – Владивосток, 2008.
289. Сессар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Правоведение, 1998. – № 4.
290. Синь Янь, Яблоков Н.П. Борьба с мафией в Китае // Овчинский В.С. Мафия XXI века: сделано в Китае. – М.: Норма, 2006.

291. Смерть автора // Интервью Роберто Савиано журналу Esquire, 29 июня 2014 г. (<http://esquire.ru/roberto-saviano>).

292. Смертная казнь и применение мер, гарантирующих защиту тех, кто приговорен к смертной казни. VI Пятилетний доклад Генерального секретаря. Экономический и Социальный совет ООН, 31 марта 2000.

293. Смертная казнь и применение мер, гарантирующих защиту тех, кому грозит смертная казнь. Доклад Генерального секретаря. Экономический и Социальный совет ООН. Осенняя сессия 2010 года.

294. Современные вызовы преступности и противодействие им (в условиях Сибири и Дальнего Востока). – Владивосток, 2012.

295. Состояние преступности в Японии. Обзорная информация ГИЦ МВД РФ. Зарубежный опыт. Вып. 9. – М., 1998.

296. Сравнительный анализ преступности в США и Японии // Проблемы преступности в капиталистических странах. Вып. 10. – М., 1983

297. Статистический ежегодник юстиции Японии (Сихо токэй нэнкан), 1994–1997 гг. – Токио, 1998 (на яп. яз.).

298. Стокер С. Японская организованная преступность: содействие торговле людьми в крупных масштабах // Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права, 2008. – № 2.

299. Строкань С. Щит и меч якудза. // Совершенно секретно, 2002. – № 5.

300. Сусуму Наканиси. Культура Японии как культура островного народа // Материалы лекций. – Токио–Киев–Санкт-Петербург, 1993.

301. Сухаренко А.Н. Место Российской Федерации в системе мировой организованной преступности // Право и безопасность, 2012. – № 6.

302. Сьюй Кай. Организованная преступность и борьба с ней в КНР: Автореф. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2010.

303. Танибучи А. Связи с якудза – не помеха для японских премьеров и топ-менеджеров // Мир и политика, Март, 2014, С.8-11. [http://www.intelros.ru/pdf/mir I politika/2014 3/3pdf](http://www.intelros.ru/pdf/mir%20I%20politika/2014%203/3pdf)

304. Гард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность и толпа. – М.: ИНФРА-М, 2004.
305. Тасбулатова Д. Шаг вправо, шаг влево – харакири // Итоги 11 ноября 2003 г.
306. Тахакаси Махито. История принятия современной конституции Японии // Право и политика, 2000. – № 5.
307. Тебин Н.П. Харакири и смертная казнь // Независимая газета, 24 января 2008 г.
308. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. – М., 2011.
309. Тё И.Б. Проблемы назначения и исполнения смертной казни и других видов наказаний по уголовному праву Японии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2005.
310. Топильская Е.В. Криминология организованной преступности: системный анализ. – М.: РАП, 2014.
311. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальности / отв. ред. В.А. Номоконов. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001.
312. XIII Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. – Доха, 12–19 апреля 2015 года. **Руководство для дискуссии. A/CONF.222/PM.1.**
313. Тэнго Сёку. Дочь якудза / пер. с яп. яз. – М., 2004.
314. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия, Япония). – М., 1998.
315. Уголовный кодекс Японии / под ред. А.И. Коробеева. / пер. с яп. яз. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000.
316. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисловием А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр, 2014.
317. Уголовное право зарубежных государств. – М., 2003.
318. Уголовная политика эры Сёва (1926–1988 гг.) – Сёва по кэйдзи сэйсаку. – Хандзай хакусё. – Токио, 1989 (на яп. яз.).

319. Укрепление законности и упрочнения системы уголовного правосудия. Рабочий документ X Конгресса по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. – Вена, 10– 17 апреля 2000 г.
320. Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии / пер. с яп. яз. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и В.Н. Еремина. – М.: Прогресс, 1989.
321. Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль, 2013. – № 1.
322. Федотов Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика: Монография. – М.: Юридический Мир, 2007.
323. Ферри Э. Уголовная социология. – М.: ИНФРА-М, 2005.
324. Флетчер Д. Почему в Японии не запрещают порнографию с детьми? (www.bbc.co.uk/russian/society/2015/01/150107)
325. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
326. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции /пер. с яп. яз. – М., 2004.
327. Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер. с яп. яз. – М., 2004.
328. Фукуяма Ф. Какое общество лежит в конце истории? <http://periodika.ru/articles/24874.html>
329. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с яп. яз. – М., 2004.
330. Хальберг Т. Япония – страна исчезнувших наркоманов// Инф. «Нет наркотикам», СПб., 2005 (www.narkotiki.ru/mir_5726)
331. Хорицу ёго дзитжн (Словарь терминологии законодательства). – Токио, 1996 (на яп. яз.).
332. Цветов В.Я. Мафия по-японски. – М., 1985.
333. Цена преступности (методология ее определения) / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2014.
334. Цудзимото Е., Цудзимото И. Смертная казнь в Азии. – Токио, 1993.

335. Чекунов И. Современные киберугрозы. Уголовно-правовая и криминологическая классификация и квалификация киберпреступлений – (<http://x5443x.ru/publ/1-1-0-36>).

336. Черных Е. Третья Индустриальная Революция преобразит весь мир! // Комсомольская правда, 24 декабря 2013 года.

337. Шестаков Д.А. Криминология: Учебник. – СПб., 2006.

338. Шнайдер Г.Й. Криминология / пер. с нем. яз. – М.: Прогресс, 1994.

339. Шпунт Я. Борьба с киберпреступностью // Intelligent enterprise, 21.06. 2013.

340. Шрайер Ф., Виск Б., Винклер Х. Кибербезопасность: дорога, которую предстоит пройти (Доклад DCAF). – Женева, 2013.

341. Шульга В.И. Криминальная ситуация в Японии и ее влияние на Россию.// Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России / под ред. А.И. Долговой. – М., 2006.

342. Эминов В.Е. Причины преступности в России. Криминологический и социально-психологический анализ. – М.: Норма, 2011.

343. Юцкова Е.М. Средства массовой информации в России глазами криминолога. – М., 2000.

344. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. – М.: Наука, 1985.

345. Ямамото Ц. Хагакурэ // Книга самурая. – СПб., 2001 (Пер. с яп.).

Литература на иностранных языках

346. AI Index:22/09/2003 «Japan: Resumption on Executions and Treatment of Prisoners on Death Row».

347. AI Index: АСТ 50/001/2010, March 20, 2010 «Death Sentences and Executions in 2009».

348. AI Index: АСТ 50/001/2009, March 24, 2009 «Death Sentences and Executions in 2008».

349. AI Index: ASA, 22/005/2009, September 2009 «Hanging by Thread Mental Health. Health and the Death Penalty in Jap.
350. AI Index: ACT 50/001/2008, April 15, 2008 «Death Sentences and Executions in 2004».
351. AI Index: POL 10/003/2003, Amnesty International Report. 2003.
352. AI Index: ACT 50/005/2005, April 2005 «Death Sentences and Executions in 2007».
353. AI Index: ASA, 22/003/2004, June, 2004 «Japan: Fear of imminent execution».
354. AI Index: IOR 30/008/2003, 30 September, 2003. Council of Europe / US / «Japan: Death Penalty: Putting an end to a heinous practice».
355. AI Index: ASA, 22/003/2003, 30 September, 2003. «Japan: Secret execution of a 43 year – old mentally ill man – perpetuating a harsh, and arbitrary practice».
356. AI Index: ASA, 20/010/2002, 29 November, 2002. «Japan: Cease All Executions».
357. AI Index: ASA, 20/005/2001, 19 June, 2001 «Japan: Executions – continuing the secret and cruel practice».
358. Ambler L. The People Decide: the effect of the Introduction of the Quasi-Jury System (Saiban- in Seido) on the Death Penalty in Japan // Northwestern Journal of International Human Rights. 2007. Vol.
359. Bayley, D. Forces of Order. – Berkeley, 1991.
360. Bohm, Robert. Death quest. An Introduction to the Theory and Practice Capital Punishment in the United States. 2nd ed. Anderson Publ., 2003.
361. Butts, Jeffrey. Violent Youth Crime in U.S. Falls to New 32-Year Low // Research and Evaluation, 2013, № 4, October 4.
362. Byung-Sun Cho. The death penalty in South Korea and Japan: «Asian values» and the debate about capital punishment // Hodgkinson P., Schabas W. Capital Punishment. Strategies for Abolition. Cambridge, 2004.

363. Cao L., Stack S. and Sun Y. Public Attitude Toward the Police: A Comparative Study between Japan and America. //Journal of Criminal Justice, 1998, Vol. 26. – № 4. – P. 278–289.

364. Capital Punishment 2003. Bureau of Justice Statistics Bulletin, November 2004, NCJ 206627.

365. Castberg D., Japanese Criminal Justice. – New York, 1990.

366. Clarke Steve. Trends in crime and criminal justice // Eurostat. Statistics in focus,18/2013.

367. Coyne R., Entzeroth L. Capital Punishment and the Judicial Process. – Durham, 1994.

368. Crime in England and Wales // Home Office Stat. Bulletin, Vol.1, 2008.

369. Crime in the United States, 2000–2005. Uniform Crime Reports. Federal Bureau of Investigation, Washington D.C., 2008.

370. Criminal Justice in Japan. Asia and Far East Institute for the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (UNAFEI), 2000.

371. Criminal Victimization, 2009. Bureau of Justice Statistics. Bulletin, Oct. 2010, NCJ 1231327.

372. Death Penalty Information Center. The Death Penalty in 2009: Year End Report. «As costs Rose in Time of Economy Crisis, Eleven States Considered Abolishing Death Penalty». 2009. December.

373. Death Penalty Information Center. Facts about the Death Penalty, 2007. December 6.

374. Domicova-Yashimoto, Dana. Japan and Capital Punishment // Jornal «Human Affairs», 1996. – № 6 (1). – P. 77–93.

375. Dussich John P.J., Friday Paul C., Okada T., Yamagami A., Knudten R. Different Responses to Violence in Japan and America. Monsey. – New York: Criminal Justice Press, 2001.

376. European Sourcebook of Crime and Criminal Justice Statistics, 2014. (www.heuni.fi/materials/attachments/heuni/reports)

377. Finch A. Homicide in contemporary Japan // British Journal of Criminology, 2001, Vol. 41.
378. Finch, A. The Japanese Police's Claim to Efficiency. A Critical View // Modern Asian Studies, 1999, Vol. 33.
379. FBI Release 2013. Crime Statistics from the National Incident Based Reporting System (http://presszoom.com/story_1855499.html)
380. Fukushima, Itaru. Capital Punishment in Japan // Paper presented at the 12th International Congress on Criminology. August 24-29, 1998. Seoul.
381. Gercke, M. The Slow Wake of Global Approach Against Cybercrime // Computer Law Review International, 2006.
382. Glammer, J. Knowledge and society: The role of self, belief and social order in Japanese social thought//Transactions of the International conference of Orientalists. – № 36. – Tokyo, 1991. – P. 59, 62.
383. Global Organized Crime. Trends and Development. Siegel D., etc. Amsterdam, 2003.
384. Global Study on Homicide, 2013. Trends, Contexts, Data. UNDOC, Vienna, 2014. (www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/)
385. Globalization of Crime. A Transnational Organized Crime Threat Assessment. UNDOC, 2010 (Report at the UN, New York, June 17, 2010).
386. Gordon/Ford. On the Definition and Classification of Cybercrime // journal in Computer Virology, Vol. 2, N1, 2006.
387. Government of Japan. Ministry of Justice. White Paper on Police, 1982.
388. Haken J. Transnational Crime in the Developing World. Washington, 2011.
389. Hamai, Koichi. Prison Population in Japan // Paper presented at the 12th International Congress on Criminology. August 24. 1998. Seoul, Korea.
390. Hamaguchi, E. A contextual model of the Japanese: Toward a methodological innovation in Japanese studies // Journal of Japanese studies, 1985. – № 8. – P. 265–278.

391. Hattori Takaaki. The Role of the Supreme Court in the field of Juridical Administration // Washington Law Review. 1980, Vol. 60.
392. Home Office Statistical Bulletin. Crime in England and Wales 2008/2009, July 2009, Vol.1.
393. Hood, R. The Death Penalty. A World-Wide Perspective. 3 ed. Oxford, Univ. Press, 2002.
394. International Statistics on Crime and Justice. YEUNI, 2010.
395. Ishizuka, Shuin-ichi. The Contemporary Situation of Prisons and Human Rights in Japan: Not the Rule of Silence, but much more freedom, and the Rule of Law // Journal of Law and Political Science. 1998. Vol. XXV. N 4.
396. Ito, H. Research of the Fear of Crime: Perceptions and Realities of Crime in Japan // Crime and Delinquency. 1993, Vol. 39, N. 3.
397. Ito, H. The Courts in Japan // The political role of Law Courts in Modern Democracies. – New York, 1988.
398. Japan 2010. National Statement. The Twelfth United National Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. – Salvador, Brazil, 2010.
399. Kamaruddin, K., Abdullah, A. Juvenile Crime in Japan. Challenges for Japan Future. ([www.academia.edu/1717641/Juvenile Crime in Japan](http://www.academia.edu/1717641/Juvenile_Crime_in_Japan))
400. Kan U. People's Participation in Criminal Justice: Japanese Variant // Ritsumeikan Law Review, 1994. N 9. – P. 11–16.
401. Kanayama T., Eguchi A. Japan's Challenge on the Increase in Crime in the New Century//National Police Agency of Japan. – Tokyo, 2010.
402. Kaplan David, Dubro Alex. Yakuza: Underworld of Crime in Japan. – London, 1987.
403. Kawai K. The Implementation of the Action Plan for the Realization of Society Resistant to Crime// Security Science Review, Vol.11, 2009.
404. Kawai M. Paradox of the Myth of collapsing safe society, Iwanami Publ., 2004.
405. Kawai Kiyoshi. The Implementation of the «Action Plan for Realization of Society Resistant to Crime 2008»// Security Science Review. – Tokyo, 2009.

406. Kellens G., Lemaitre A. Victimization and Fear of Crime//global Perspectives in Victimology. Ed. by S.Makkar, P. Friday, 1995.
407. Kikuta, Koichi. The End of Execution Rate Zero – The Meaning of Executions under Minister of Justice Gotoda, 1993.
408. Komiya, N. A Cultural Study of the Low crime rate in Japan//British Journal of Criminology, 1999, N 39.
409. Kumagae, F. Final Violence in Japan // Victimology, 1983. – № 8.
410. Kumagai, Fumie. Final Violence in Japan // Victimology, 1983. – № 8.
411. Kury H., Ferdinand T. Public Opinion and Punitivity // International Journal of Law and Psychiatry, 1999. Vol. 22. N 3-4. – P. 373–392.
412. Kury H., Obergfell-Fuchs J., Ferdinand T. Social Development and the Evaluation of Crime: An International Comparison // Comparative Law Review, Vol. 34, 2000.
413. Kvashis V. The Death Penalty and Public Opinion // Russian Politics and Law / Ed. By M.E. Sharpe. 1998. Mae-June.
414. Kvashis V. Y. Die Todesstrafe in Russland // Zur Aktualitat der Todesstrafe: Interdisziplinare und globale Perspektiven / Ed. By Boulanger Ch., Heyes V., Hanfling P. Berlin: Verlag, 2002.
415. Kristoff M., Death Penalty Popular in Japan, but Rare Recently// The New York Times, May 29, 1995.
416. Ladbroke D. Why are Crime Rates Higher in Urban than in Rural Areas? – Evidence from Japan // Australian and New Zealand Journal of Criminology, 1988, N21.
417. Lamont-Brown R. Police in Japan // Police Journal, 1995. N 2 (68).
418. Leongardsen D. Crime in Japan: Paradise Lost? Palgrave Macmillan, 2010.
419. Mandel Robert. Dark Logic: Transnational Crime. Tactics and Global Security. Stanford Univ. Press, 2011.
420. Mihara Kenzo. Genealogy of the Discussion on Capital Punishment. Yokyo, 1991.

421. Mikhailova Yu. The Aum Supreme Truth Sect in Russia // Japanese Studies. Bulletin of the Japanese Studies association in Australia? 1996, Vol. 16, N 2, 3, September-December.

422. Nakayama Kenichi. JAPAN // Major criminal justice systems. – London, 1981.

423. Narcotics Control Strategy Report. 2006. Japan // Released by the Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs, <http://www.state.gov/g/inl/rls/mxrpt/2Q06/>

424. National Statement Japan 2000. – International cooperation in combating transnational crime: new challenges in twenty-first century. Tenth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, 10–17 April, – Vienna, 2000.

425. Nishimura, K., On the Nagasaki Beat : the Art of Community Policing // Look Japan, 1997.

426. Park, W.K. Trends in crime rates in postwar Japan : a structural perspective, 2006.

427. Peterson R.D., Bailey W.C. Is Capital Punishment an Effective Deterrent for Murder? An Examination of Social Science Research.

428. Police of Japan, 2009. – Tokyo, 2010.

429. Police of Japan, 2013. – Tokyo. 2013.

430. Police of Japan, 2014. Ministry of Justice. Tokyo, 2014. <http://www.npa.go.jp/english/kokusai/2014POJcontents.htm>.

431. Porter E. In the U.S., Punishment Comes Before the Crimes // New York Times, April 29, 2014 (www.nytimes.com/2014/30/business/economy.html).

432. Radelet, Michael, L., Alkers, Ronald, L. Deterrence and the Death Penalty. Views of Experts // Journal of Criminal Law and Criminology, 1996. N 87 (1). – P. 1–11.

433. Ramseyer, Mark, Nakazato, Minoru. Japanese Law: An Economic Approach. Chicago; London, 1999.

434. Rankin Andrew. 21st Century Yakuza: Recent Trends in Organized Crime in Japan. Part 1 // The Asia-Pacific Journal, Vol.10, Issue 7, N 2, 2012.
435. Richenson Scott. Juvenile Deviance in Japan: Result of Culture, Institution, or Community? // Univ. of Illinois at Chicago, 1.
436. Rodger W. Nations to fight computer crime//www.zdnet.ru/News/19971218/two/01.asp.
437. Schabas W. Public Opinion and the Death Penalty // Hodgkinson P., Schabas W. Capital Punishment. Strategies for Abolition. Cambridge, 2004.
438. Schmidt, Petra. Capital Punishment in Japan. – Brill; Boston, 2002.
439. Schmidt, P. Capital Punishment in Japan. – London, 2002.
440. Sellin T. The Death Penalty Retribution or Deterrence? // UNAFEI Research Material Series. N 13. – Tokyo, 1977.
441. Shigemitsy D. The Criminal Law of Japan. The General Part. – Tokyo, 1997.
442. Shikita, M., Tshiya, S. Crime and Criminal Policy in Japan from 1926 to 1988. Analysis and Evaluation of the Showa Era. – Tokyo, 1992.
443. Spencer C.P. and Navaratnam V. Drug Abuse in East Asia. – Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1981.
444. Spencer C.P. and Navaratnam V. Ibid; Тэнго С. Дочь якудза. – Токио, 2004 (пер. с яп. яз.).
445. Sudzuki Y. Crime prevention and criminal justice// UNAFEI resource, – Tokyo, 1980, N 18.
446. Summary of the White Paper on Crime, 1998.
447. Summary of the White Paper on Crime, 2002.
448. Suvendrini Kakuchi: Japan hangs on to death penalty // Asia Times. 2002. January 30.
449. Suwaki H. Methamphetamine Abuse in Japan // Methamphetamine Abuse: Epidemiological Issues and Implications. NIDA Research, 1991. – P. 115.
450. Suwaki H. Ibid; U.S. Department of Health and Human Services. 1991. – P. 84–98

451. Takayanagi, Kendzo. A Century of innovation. The development of Japanese Law // Law in Japan. The legal changing society. Cambridge, 1963.
452. Tamura M. Japan: stimulant epidemics past and present// Bulletin on Narcotics, 1989. XL1. – P. 83–93.
453. The Community-Based Treatment of Offenders System in Japan. Rehabilitation Bureau Ministry of Justice. – Japan, Tokyo. 1.
454. The Hidden Death Penalty in Japan. The Legal Process and the Legal Challenge in Japan. US National Coalition to Abolish the Death Penalty. Special Report. URL: [http:// www.ncadp.org/html/intlreport 1/html](http://www.ncadp.org/html/intlreport1/html).
455. The Eleventh United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. 18–25 April 2005, Bangkok, Thailand. «Synergies and responses: Strategic alliances in crime prevention and criminal justice». Japan 2005. National Statement.
456. The Oxford Handbook of Criminology, 4 Ed., 2007. – P. 119.
457. The Wall Street Journal, July 23, 2013.
458. Transnational Organized Crime in East Asia and Pacific. A Threat Assessment. Vienna: UNODC, 2013, April.
459. United Nations on Drug and Crime (UNODC). The Globalization of Crime. A Transnational Organized Crime Threat Assessment. – Vienna, 2010.
460. VII United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. The National Statement of Japan. – Tokyo, 1985.
461. Vaughn S., Huang F. and Ramirez C. Drug abuse and anti-drug policy in Japan// The British Journal of Criminology, 1995. – № 35 (4). – P. 491–524.
462. XI United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. The National Statement of Japan. – Tokyo, 2005.
463. Wakabayashi, Judi. The Death Penalty in Japan // 6–2 Forum, 1994.
464. White Paper on Police 1995–2002. National Police Agency, Government of Japan. – Tokyo, 2004.
465. White Paper on Crime 1995, Government of Japan, Ministry of justice. – Tokyo, 1997.

466. White Paper on Crime 1996, Ministry of justice. – Tokyo, 1998.
467. White Paper on Crime 1997, Ministry of justice. – Tokyo, 1999.
468. White Paper on Crime 2005, Ministry of justice. – Tokyo, 2006.
469. White Paper on Crime 2007, Ministry of justice. – Tokyo, 2009.
470. White Paper on Crime 2009, Ministry of justice. – Tokyo, 2010.
<http://hakusyo1.moj.go.jp/en/59/nfm/mokuji.html>
471. White Paper on Crime 2010, Ministry of justice. – Tokyo, 2011.
<http://hakusyo1.moj.go.jp/en/60/nfm/mokuji.html>
472. White Paper on Crime 2011, Ministry of justice. – Tokyo, 2012.
<http://hakusyo1.moj.go.jp/en/61/nfm/mokuji.html>
473. White Paper on Police 2008. National Police Agency. – Tokyo, 2009.
474. White Paper on Police. Nation Police Agency (Japan), 2013.
http://www.npa.go.jp/hakusyo/h25/english/Contents_White_Paper_on_Police_2013.htm
475. Wilson Botnets. Cybercrime and Cyberterrorism: Vulnerabilities and Policy Issues for Congress, 2007. (www.fas.org/sgp/crs/terror/RL32114.pdf).
476. World Drug Report. – Vienna: UNDOC, 2013.
477. Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community. Statement for the Record. January, 29, 2014. [http:// www.ddni.gov/files/documents/intelligence%20](http://www.ddni.gov/files/documents/intelligence%20)
478. Yakuza membership shrinks to record low. <http://www.dw.de/yakuza-membership-shrinks-to-record-low/a-17489381>

Источники на японском языке

479. Аида Юидзи. Нихондзин-но исики ко: дзо (Структура сознания японца). –Токио, 1971.
480. Итакура Х. Гэндайкэй хандзай то кэйхо-но ронтэн (Современные формы преступности и дискуссионные моменты уголовного права). – Токио, 1990.

481. Като Сюити. Нихон сякай бунка-но кихонтэки тёкунё // Нихон бунка-но какурэта ката. (Основные черты японского общества и культуры). – Токио, 1985.
482. Кида, Дзюнити, Нисихара, Харуо. Общая часть уголовного права (Кейхо сорон). – Токио, 1977.
483. Кикута С., Цудзимото Ё., Хандзайгаку (Криминология). – Токио, 1990.
484. Кларк Грегори. Сякай-но барансу га уму сэйтё: ёрёку. (Рожденные социальным балансом резервы роста). Токио, Нихон кейдзай кэнкюю сэнта кахоо, 1979. – №355.
485. Компота хандзай то гэндай кэйхо (Компьютерные преступления и современное уголовное право). – Токио, 1990.
486. Манива М. Хандзай-но сякайгаку (Социология преступности). – Токио, 1982.
487. Маэно Икудзо. Кэйдзи сэйсаку сорон (Учение об уголовной политике). – Киото, 1988
488. Маэно Икудзо. Кэйдзи сэйсаку сорон (Учение об уголовной политике). – Токио, 1991
489. Моримото М., и др. Кэйдзи сейсаку ко:ги (Лекции по уголовной политике). – Токио, 1990.
490. Мурано Каору. Серия биографий смертников (Сэнго сикейсю рецудэн). – Токио, 1995.
491. Оока С. Уголовное дело. – Токио, 1987.
492. Ооцука Кимико. Смертная казнь (Сикей). – Токио, 1998.
493. Сато Х., Одзава, К.. Кэймусё (Тюрьма). – Токио, 1983.
494. Сато Н. Бокутати-но хандзайрон (Наша теория преступности). – Токио, 1993.
495. Сугивара С. Кёсэй сисэцу-кара-но сякай фуки (Возвращение в общество из пенитенциарного учреждения) // Кэйдзи сэйсаку ттэ моно дэс (Такова уголовная политика). – Токио, 1991.

496. Хаяо Каваи. Корэ кара-но нихон (Будущая Япония). – Токио, 2000.
497. Сугияма Ёсихиса., Вати Кэнтаро. Гэндай хогаку гайрон. (Общий очерк современной науки уголовного права). – Токио, 1994.
498. Умэдзава М., Компюта хандзай-но гэндзё то тэмбо (Современное состояние и перспективы компьютерной преступности) // Кэйсацу кэнкю, 1986. – № 4.
499. Хорицу ёго дзитэн (Словарь законодательных терминов) – Токио, 1996.
500. Хосино К., Основы социокриминологии. – Токио, 1981.
501. Ямамото К. Сэйдзика, комуин-но хандзай то дзикэн (Преступления политиков и чиновников и связанные с этим уголовные дела). – Токио, 1992.
499. Ямаори Т. Нихон но кокоро, нихондзин (Душа Японии, душа японцев). – Токио, 2004.
500. Ямамуро Х. Манэ хандзай (Преступления ради денег). – Токио, 1982.
501. Ясухиро К. Очерк реформы уголовного закона. – Токио, 1947.